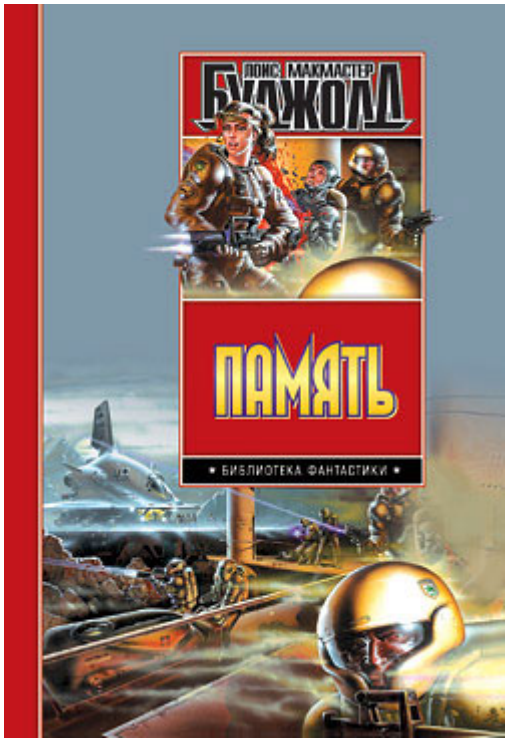
Лоис Макмастер Буджолд
Память

Вселенная Майлза Форкосигана – 10



Текст предоставлен издательством «АСТ» http://www.litres.ru
«Память»: АСТ, Люкс; Москва; 2005
ISBN 5-17-028920-0, 5-9660-1216-4

Аннотация

Криогенное оживление Майлза Форкосигана, живой легенды космоса, знаменитого героя межгалактических войн, привело к неожиданному и трагическому результату. Теперь Майлз страдает припадками, в ходе одного из которых случайно калечит заложника, на чье спасение были брошены лучшие силы дендарийских наемников. Майлза признают непригодным к военной службе, однако когда над Баррайяром нависает чудовищная опасность, бесстрашный адмирал Нейсмит вновь вступает в игру. Трудно даже вообразить, к чему может привести разрушение чипа памяти, вживленного в мозг Саймона Иллиана, шефа Имперской безопасности. Форкосиган обязан сражаться и победить…

Глава 1

Майлз очнулся. Сознание, казалось, растворилось в каком-то бессвязном сне, непонятном и медленно таявшем. От мысли, что он снова убит, его бросило в дрожь, и он дрожал до тех пор, пока память и разум не вернулись к нему.

Тем временем прочие его органы чувств пытались провести инвентаризацию. Так, он в невесомости, его короткое тело лежит, привязанное к какой-то поверхности и завернутое во что-то вроде тонкой медицинской фольги. «Ранен?» Вроде бы все на месте. На нем по-прежнему мягкий комбинезон, который он надел под боевую броню. А вот брони уже нет. Привязан не крепко. Многократно профильтрованный воздух, сухой и прохладный, щекочет ноздри.

Майлз осторожно высвободил руку, стараясь не повредить фольгу, и коснулся лица. Ни датчиков, ни проводов. Крови тоже нет. «Где моя броня, оружие и командирский шлем?»

Спасательная операция шла гладко и без эксцессов, как любая нормальная спасательная операция. Они с капитаном Куин и дендарийцами проникли на пиратский корабль, легко обнаружили гауптвахту. Там нашли пленного курьера барраярской Службы безопасности, лейтенанта Форберга, оглушенного наркотиками, но живого. Медтехник после беглого осмотра сообщил, что у заложника нет ни химических, ни механических ограничителей, и они все дружно и весело двинулись по темным коридорам к боевому катеру дендарийцев. Пираты, сильно занятые другими делами, даже не попытались на них напасть. Так что же пошло не так?

Доносившиеся звуки были привычными и мирными: попискивание медицинского оборудования, шелест воздушных фильтров, работающих в обычном режиме, приглушенный гул голосов. Послышался чей-то низкий животный стон. Майлз облизал губы – убедиться, что этот звук издает не он. Он сам, может, и не ранен, но кому-то явно не повезло. Слабый запах антисептика. Майлз распахнул глаза, готовый мгновенно изобразить беспамятство, если вдруг окажется, что он на вражеском корабле.

Но он – в целости и сохранности, хотелось бы думать – находился на дендарийском боевом катере, привязанный к носилкам в кормовом отсеке. Зрелище переносной станции медпомощи было вполне привычным, хоть с позиции раненого он видел ее впервые. Медтехник Синего отряда стоял спиной, склонившись над носилками, закрепленными у противоположной стены. На них кто-то лежал. «Всего лишь еще один раненый». Можно бы добавить «Прекрасно», только вот фокус в том, что раненых не должно было быть вообще.

«Лишь один раненый», – мысленно поправил себя Майлз. Голова в основании черепа раскалывалась от боли. Но ведь он не ощущает ни ожогов от плазмотрона, ни последствий удара нейробластера. Нет ни инжекторов, ни капельниц, вливающих в вены кровь или синергин. Не чувствуется одурманивающего воздействия болеутоляющих препаратов. Ничто не сковывает движений. Головная боль такая, как бывает после парализатора. Но как мог парализатор пробить боевую броню?

Медтехник, все еще в броне, только без шлема и перчаток, обернулся и увидел, что Майлз открыл глаза.

– Очнулись, сэр? Сейчас позову капитана Куин.

Он быстро склонился к Майлзу и посветил в глаза, проверяя реакцию зрачков.

– Сколько… я был в отключке? Что произошло?

– У вас было что-то вроде эпилептического припадка или конвульсий. Безо всякой видимой причины. Срочный тест на токсины ничего не выявил, но он очень поверхностный. Мы самым тщательным образом осмотрим вас, как только окажемся на корабле.

«Нет, это не смерть. Это хуже. Это последствия той смерти. Дьявольщина! Что же я натворил? И что они видели?»

Уж лучше бы… Черт, нет! Попасть под удар нейробластера, конечно, хуже, но не намного.

– Так сколько? – повторил Майлз.

– Приступ продолжался минуты четыре – пять.

Отлично, только вот для того, чтобы попасть с пиратского корабля на катер, требуется гораздо больше пяти минут.

– А потом?

– Боюсь, адмирал Нейсмит, вы были без сознания около получаса, сэр.

Никогда еще он не отключался так надолго. Похоже, этот припадок оказался намного хуже предыдущих. В прошлый раз он молился, чтобы тот приступ действительно оказался последним. Прошло уже почти два месяца после того, никем не замеченного, короткого припадка. Черт побери, он же был совершенно уверен, что новый препарат сработает!

Майлз начал выпутываться из теплозащитной фольги и ремней.

– Пожалуйста, не пытайтесь встать, адмирал.

– Мне надо выслушать рапорты.

Медик осторожно положил руку ему на грудь и уложил обратно на носилки.

– Капитан Куин приказала дать вам снотворное, если вы попытаетесь подняться, сэр.

«А я этот приказ отменяю!» – чуть было не рявкнул Майлз. Однако в данный момент никаких боевых действий вроде бы не велось, а в глазах медтехника читалось специфическое выражение человека, твердо намеренного выполнить приказ любой ценой. «Боже, храни меня от людской добродетели».

– Поэтому я и пробыл без сознания так долго? Меня накачали снотворным?

– Нет, сэр. Я всего лишь ввел вам синергин. Ваши показатели жизнедеятельности были в норме, и я побоялся давать вам что-то другое, пока мы не разберемся, что произошло.

– А что с людьми? Все выбрались? Барраярский заложник освобожден?

– Все выбрались. А барраярец, э-э-э… будет жить. Я ампутировал ему ноги, но шансы, что хирург пришьет их, достаточно велики.

Медик оглянулся, как бы в поисках поддержки.

– Что?! Как он получил ранение?

– Э-э-э… Я лучше позову капитана Куин, сэр.

– И побыстрее, – прорычал Майлз.

Медтехник оттолкнулся, проплыл к дальней стене и что-то пробормотал в интерком. Затем вернулся к своему пациенту. Лейтенанту Форбергу? В лежащего на соседних носилках человека аппаратура закачивала плазму и различные препараты через трубки, введенные в обе руки и шею. Туловище завернуто в теплозащитную фольгу. Зажегся индикатор, и медик быстро сел в амортизирующее кресло. Последовала серия ускорений и торможений. Катер готовился к стыковке с кораблем.

Как и положено, сразу после стыковки первым выгрузили раненого заложника. В двух частях. Майлз от злости зубами заскрежетал, наблюдая, как солдат с охлаждающим контейнером проследовал за медтехником и носилками. Впрочем, особо много крови Майлз тоже не заметил.

Он только-только начал освобождаться от ремней, устав дожидаться Куин, как она возникла в шлюзе.

Элли уже сняла шлем и перчатки и откинула назад капюшон, высвободив свои темные кудри. Ее точеное лицо было бледным от напряжения, в темных глазах стоял испуг. Но его маленькой флотилии из трех кораблей вряд ли грозила опасность, иначе бы Куин сейчас тут не было.

– Ты в порядке? – хрипло спросила она.

– Куин, что… Впрочем, нет, давай сначала общий рапорт.

– Зеленый отряд отключил команду пиратского корабля. Всех до единого. Повредили кое-какое оборудование, так что страховая компания будет не в таком восторге, как в прошлый раз, но личный состав в целости и сохранности.

– Благодарение Богу и сержанту Тауре. А пираты?

– Мы захватили самый большой корабль и взяли девятнадцать пленных. Трое убитых. Все пленные на нашей гауптвахте. Трофейная команда сейчас работает на захваченном корабле. Шесть или восемь ублюдков успели уйти на спасательной капсуле. Вооружение у капсулы слабенькое, а до ближайшего п-в-туннеля далеко. «Ариэль» догонит их в любой момент. Тебе решать, уничтожить их сразу или постараться захватить.

Майлз потер лицо ладонями.

– Допроси пленных. Если это те самые кровожадные ублюдки, что захватили в прошлом году «Солер» и перебили всех пассажиров и экипаж, то Станция Вега назначила за них награду, так что мы сможем получить тройное вознаграждение за одну операцию. Поскольку веганцы дают равноценную награду и за доказательство их смерти, то все тщательно записывай. Мы предложим пиратам сдаться, но лишь один раз. – Он вздохнул. – Насколько я понимаю, дела пошли не совсем так, как планировалось. В очередной раз.

– Эй, послушай, любая операция по спасению заложников, прошедшая без потерь,

является безусловным успехом с любой разумной точки зрения. Если нашему хирургу удастся не перепутать местами правую и левую ногу твоего несчастного барраярца, то наша операция удачна на все сто.

– Э-э-э… да, конечно. А что произошло, когда… когда я отрубился? Что случилось с Форбергом?

– Попал под дружеский огонь. Хотя в тот момент так не казалось. Ты вдруг рухнул на пол, изумив нас всех несказанно. Твой шлем выдал кучу всякого дерьма по телеметрии, а потом включился твой плазмотрон.

Она взъерошила волосы.

Майлз глянул на плазмотрон, встроенный в правый рукав боевой брони Куин – такой же, как у него, и сердце его ушло в пятки.

– О, нет! Ох ты, черт! Только не это!

– Боюсь, именно это. Ты ударил из плазмотрона по спасенному заложнику. Очень чисто и аккуратно, прямо по ногам. К счастью – как мне думается, – луч прижег культи, поэтому парень не истек кровью. К тому же он так накачан наркотиками, что вряд ли вообще что-либо почувствовал. На мгновение я было подумала, что кто-то захватил дистанционное управление твоей броней, но инженеры клянутся, что это невозможно. Ты еще разнес приличный кусок переборки, пока мы вчетвером держали тебя, пытаясь вскрыть твою броню, залезть внутрь и все отключить. А ты в это время поливал все вокруг плазменным лучом и едва не задел нас, черт побери! От полного отчаяния я парализовала тебя, и ты отключился. Я перепугалась, уж не убила ли тебя.

Голос Куин чуть дрожал. Ведь, в конце концов, ее нынешнее лицо – не настоящее, а восстановленное после плазменного ожога, полученного почти десять лет назад.

– Майлз, что с тобой, к черту, творится?

– Полагаю, у меня было… что-то вроде припадка. Типа эпилептического, с той лишь разницей, что это никак не связано с неврологией. Боюсь, это последствия моего прошлогоднего криооживления.

«Тебе отлично известно, что так оно и есть».

Майлз коснулся уже едва заметных шрамов на шее. Самое безобидное последствие происшедшего. Вынужденный выстрел из парализатора, сделанный Куин, объяснял длительное беспамятство и головную боль. Значит, приступ не был хуже предыдущих…

– Боже, – ахнула Куин. – Но это ведь в первый… – Она замолчала и пристально поглядела на него. Затем продолжила уже более спокойно: – Это с тобой не впервые, не так ли?

Повисло тяжелое молчание. Майлз заставил себя заговорить, пока не последовал взрыв.

– Было раза три или четыре. – «Или пять». – Началось вскоре после того, как я вышел из криостаза. Криохирург сказала, что приступы могут пройти сами по себе, как посткриогенная амнезия и трудности с дыханием. И они вроде бы действительно прекратились.

– И Имперская служба безопасности отправила тебя на боевое задание с этакой бомбой замедленного действия в голове?

– Служба безопасности… э-э-э… об этом ничего не знает.

– Майлз…

– Элли! – отчаянно возразил он. – Они сняли бы меня с оперативной работы, ты же понимаешь! Непременно сняли бы! В лучшем случае прибили бы подошвы моих башмаков к полу за каким-нибудь столом. А в худшем – уволили по здоровью. И конец адмиралу Нейсмиту. Навсегда.

Она замерла.

– Я рассчитывал, если приступы возобновятся, попытаться справиться с ними самому. И думал, что мне это удалось.

– Кому-нибудь об этом известно?

– Немногим… Я не мог допустить, чтобы информация дошла до Имперской

безопасности. Сообщил лишь нашему дендарийскому хирургу. И взял с нее клятву хранить секрет. Мы с ней пытаемся найти причину этих припадков. И пока что не очень далеко продвинулись. В конце концов, ее специализация – раны и травмы.

«Ага, вроде плазменных ожогов и приживления отрезанных конечностей. Так что лейтенант Форберг вряд ли попал бы в более надежные и умелые руки, даже если его вдруг чудом удалось мгновенно перенести в Императорский госпиталь на Барраяре».

Куин сжала губы.

– Но мне ты ничего не сказал. Не говоря о наших личных отношениях, я, в конце концов, являюсь твоим заместителем в этой операции!

– Мне следовало сказать тебе. Но все мы крепки задним умом. – «Слепцы».

Куин бросила взгляд в дальний конец катера, где медтех «Перегрина» протискивал в шлюз воздушные носилки.

– У меня дела. А ты останешься в медицинском отсеке до тех пор, пока я за тобой не приду. Договорились?

– Со мной все в порядке! До следующего приступа могут пройти месяцы! Если он вообще будет.

– Договорились? – сквозь зубы процедила Куин, сверля его взглядом.

Вспомнив о Форберге, Майлз сдался.

– Договорились, – нехотя кивнул он.

– Очень признательна, – прошипела Куин.

Майлз не пожелал лечь на носилки, заявив, что прекрасно доберется сам. Под бдительным присмотром медтеха он направился в медицинский отсек, чувствуя себя чрезвычайно подавленно. «Я теряю над этим контроль…»

Как только Майлз дошел до медотсека, обеспокоенный медтех немедленно подверг его сканированию, взял анализ крови и вообще все мыслимые и немыслимые анализы, а также заново проверил функции организма. Потом оставалось только ждать прибытия хирурга. Майлз потихоньку проскользнул в маленькую смотровую, куда ординарец принес ему форму. Поскольку ординарец явно норовил изображать заботливую наседку, Майлз раздраженно отослал его прочь.

Таким образом он остался один в тихом спокойном месте, где решительно нечем было заняться – только размышлять. Что оказалось тактической ошибкой. Конечно, Куин надежна как скала и будет держать язык за зубами, иначе чего ради он сделал бы ее своим заместителем? В последний раз, когда на Архипелаге Джексона его грубо оторвали от командования, разворотив грудную клетку иглогранатой, Элли вполне достойно справилась с возникшей проблемой.

Майлз натянул серые брюки и внимательно оглядел свой торс, пробежав пальцами по сети украшавших грудь шрамов. Джексонианский криохирург проделала великолепную работу. Новое сердце, легкие и прочие внутренние органы уже почти достигли нужного размера и прекрасно функционировали. Вдобавок хрупкие кости, отравлявшие существование с самого рождения, почти все были заменены синтетическими. Криохирург даже выпрямила ему позвоночник, так что теперь на месте горба, который вкупе с его карликовым ростом позволял соплеменникам-барраярцам называть его за глаза мутантом, осталась лишь практически незаметная выпуклость. И добавилась пара-тройка сантиметров роста. Правда, плата за них оказалась несколько высоковата, но эти дополнительные сантиметры для него весьма важны. И никаких признаков усталости. Для посторонних глаз он сейчас находится в лучшей физической форме, чем был когда-либо за свои почти тридцать лет.

Не считая одного маленького «но»…

Из всех возможных угроз, нависавших когда-либо над его многострадальной карьерой, эта оказалась совершенно неожиданной. И самой опасной. Много лет он напряженно работал, невзирая на возникавшие у многих из-за его физических дефектов сомнения. Работал, чтобы завоевать статус лучшего галактического оперативника Имперской службы

безопасности Барраяра. Там, где официальные военные силы Барраяра не могли вмешиваться по политическим соображениям или из-за отдаленности цели, наемник – якобы независимый – мог запросто взяться за дело. Майлз потратил целое десятилетие, оттачивая образ адмирала Нейсмита, весьма своеобразного предводителя дендарийских наемников.

«Наша специализация – безнадежные спасательные мероприятия».

Вроде последнего задания. Команде пиратов напрочь изменила удача в тот день, когда они захватили безоружный торговый корабль Сумерек Зоава и обнаружили, что тот, кого они полагали самой ценной добычей, оказался вовсе не торговцем, а барраярским имперским курьером, перевозившим кредитки и важную дипломатическую информацию. Будь у них хоть капля здравого смысла и толика инстинкта самосохранения, они немедленно отпустили бы лейтенанта Форберга на ближайшей станции со всеми документами и чипами в целости и сохранности, рассыпаясь в извинениях.

Но вместо этого они попытались продать курьера тому, кто больше даст. «Уничтожь их всех, – приказал тогда глава Имперской безопасности Саймон Иллиан. – Дьявол разберется, где свои». Иллиан предоставил Майлзу самому разрабатывать операцию. Император весьма неодобрительно относился к тем, кто осмеливался покуситься на его личных курьеров. Или пытать их. Или пробовал выставить на продажу, как напичканные информацией куски мяса. Это оказалась единственная операция, где, несмотря на то что официальным нанимателем дендарийцев выступала страховая компания с Сумерек Зоава, можно было без особого ущерба дать понять всем, что за их спиной стоит Барраярская империя. Неплохая реклама на тот случай, если еще какому-нибудь имперскому курьеру не повезет.

Если, конечно, допустить, что Форбергу просто не повезло.

Майлз изнывал от желания присутствовать на допросе пленных. Помимо освобождения Форберга, Иллиан велел еще выяснить, было ли похищение лейтенанта случайным или спланированным. Если спланированным… кому-то придется заняться внутренним расследованием. И Майлза несказанно радовало, что такого рода расследования не входят в его обязанности.

Наконец появилась хирург, еще не снявшая стерильного комбинезона. Подбоченившись, женщина со вздохом посмотрела на Майлза. Выглядела она усталой.

– Как там барраярец? – рискнул поинтересоваться Майлз. – Он… гм-м… Он поправится?

– Не так уж плохо. Рана чистая и, к счастью, ноги отрезало чуть ниже коленных суставов. В конечном итоге он лишь станет сантиметра на три короче, только и всего.

Майлз скривился.

– Он уже встанет на ноги к тому времени, как окажется дома, – добавила она, – учитывая, что путешествие займет недель шесть.

– А! Прекрасно.

Но предположим, плазменный луч прошелся бы прямо по коленям Форберга. Или на метр выше, разрезав его пополам. Даже чудесам, творимым дендарийскими хирургами, есть предел. Вряд ли бы на пользу его, Майлза, карьере послужило то, если бы он привез лейтенанта упакованным в мешок для трупов. Точнее, в два мешка.

Майлз ощутил внезапную слабость от смеси ужаса и облегчения.

«О Господи, и как я все это объясню Иллиану?»

Хирург просмотрела результаты сканирования, бормоча то, что обычно бормочут врачи.

– Мы все еще в самом начале исследований. Никаких явных нарушений не видно. Единственный способ прояснить что-либо – это подвергнуть вас сканированию во время приступа.

– Дьявольщина! Я полагал, мы уже испробовали все известные науке виды стрессов, электрошоков и стимуляторов. Я думал, те таблетки, которые вы мне дали, решили проблему.

– Это обычный-то антиконвульсант? А вы его правильно принимали?

– Да. – Он еле удержался от глупых возражений. – А вы не думали о каких-нибудь еще средствах?

– Нет. Потому-то и дала вам этот монитор для постоянного ношения. – Она оглядела комнату в поисках прибора. – Кстати, где он?

– В моей каюте.

Она раздраженно поджала губы.

– Позвольте мне самой догадаться. Во время припадка его на вас не было.

– Он не помещался под боевую броню.

Хирург стиснула зубы:

– А вы не могли хотя бы позаботиться о том, чтобы отключить свое вооружение?

– Вряд ли от меня в таком случае был бы прок, случись что-то непредвиденное. Тогда я с тем же успехом мог остаться на борту «Перегрина».

– Вы сами и есть непредвиденное. И вам, безусловно, следовало остаться на «Перегрине».

«Или на Барраяре». Но обеспечение безопасности Форберга – самая сложная часть задания, а Майлз – единственный дендариец, которому Имперская безопасность могла доверить барраярские опознавательные коды.

– Я… – начал было он, но тут же оборвал бесполезные оправдания. – Вы совершенно правы. И больше такое не повторится до тех пор, пока… пока мы не решим эту проблему. Что мы предпримем теперь?

Хирург развела руками:

– Я провела все известные мне исследования. Совершенно очевидно, что антиконвульсанты проблемы не решают. Похоже, мы имеем дело с каким-то посткриогенным повреждением на клеточном или молекулярном уровне. Вам следует показаться самому лучшему крионеврологу, которого вы сможете отыскать.

Майлз вздохнул. Натянул черную футболку и серую форменную куртку.

– На данный момент все? Мне нужно срочно проследить за допросом пленных.

– Догадываюсь, – скривилась она. – Только сделайте нам всем одолжение. Идите безоружным.

– Есть, мэм! – смиренно поклонился Майлз и удрал.

Глава 2

Майлз сидел перед комм-пультом в своей каюте на борту «Перегрина» – флагманского корабля – и составлял свой тысячный рапорт начальнику Имперской безопасности Барраяра Саймону Иллиану.

Ну, не тысячный, конечно. В среднем он выполнял три-четыре задания в год и занимался этим лет десять, после верванской операции, когда дендарийцы получили на Барраяре официальный статус. Получается меньше сорока рапортов. Но он уже не мог навскидку сказать номер последнего. И это вовсе не следствие криоамнезии.

«Веди отчетность, мальчик». Его персональные записи – не просто краткий перечень необработанных данных, имеющихся в файлах Дендарийского флота. Конечно, аналитики Иллиана прямо-таки обожают необработанные данные, чтобы было над чем поразмышлять в крошечных кабинетиках здания Имперской безопасности в Форбарр-Султане. Видимо, записи Майлза тоже немало их развлекают.

«Перегрин», «Ариэль» и остальные корабли боевой группы адмирала Нейсмита висели на орбите у Сумерек Зоава. Главный бухгалтер флота провела два тяжелых дня, решая вопросы со страховой компанией, получившей наконец свой грузовик вместе с командой, а также договариваясь о деньгах за пиратские корабли, и заполняя в посольстве Станции Вега официальные бланки на получение премиальных. Майлз ввел в свой рапорт финансовый расклад в виде «Приложения А».

Пленных отправили вниз, чтобы веганские и зоавские власти сами их разделили.

Желательно в том же аспекте, как беднягу Форберга. Пираты оказались большими мерзавцами. Жаль, что их спасательная капсула сдалась. В «Приложении Б» содержались записи допроса пленных. Власти Зоава получат отредактированную версию, откуда изъяты сведения, касающиеся барраярского курьера. Зато им достанется огромное количество преступных признаний, которые не представляют большого интереса для Имперской безопасности, но зато приведут в восторг веганцев.

Для Иллиана главное то, что похищение барраярского курьера всего лишь случайность. Разве что – Майлз специально отметил это в рапорте – нужными сведениями располагали только пираты, убитые во время операции. Поскольку в число погибших входили и так называемый капитан и два старших офицера, то тут аналитикам Иллиана есть над чем поработать. Но теперь к задаче следовало подходить с другого конца, поскольку курьера пытались выкупить у пиратов представители дома Харгрейв. Майлз очень надеялся, что Имперская безопасность сосредоточит на джексонианском полупреступном синдикате свои лучшие силы. Хотя агенты дома Харгрейв, сами того не желая, оказали дендарийцам весьма неплохую помощь при разработке операции.

Иллиану захочется взглянуть и на финансовый отчет. На сей раз дендарийцам не только удалось удержаться в рамках отпущенного бюджета, но и – для разнообразия – получить поистине грандиозную прибыль. Иллиан, который терпеть не мог понапрасну тратить имперские марки, вернул похищенного курьера совершенно бесплатно. «Ну, разве мы не молодцы?»

Так когда же столь способный лейтенант Имперской безопасности лорд Майлз Форкосиган получит наконец столь долгожданное повышение и станет капитаном? Просто удивительно, насколько барраярское звание для него весомее, чем дендарийское. Конечно, сперва он сам себя провозгласил адмиралом, а заработал сей чин гораздо позже, так что это трудно назвать нормальным ростом карьеры. Но на сегодняшний день едва ли кто может сказать, что он действительно не стал тем, кем когда-то себя называл. Для всей Галактики адмирал Нейсмит – личность реальная. А его барраярская личность – лишь еще одна личина. Может, приложение?

«Нет ничего роднее дома».

«Я не сказал, что нет ничего лучше. Я лишь сказал, что нет ничего роднее».

Эта мысль привела его к «Приложению В», в котором содержались записи, снятые с боевых скафандров дендарийцев в ходе последней операции. Вся информация о том, как Зеленый отряд сержанта Тауры освободил экипаж торговца. А еще – о его Синем отряде и… всех последующих событиях. С полным звуковым и цветовым изображением, телеметрией – медицинской и коммуникационной. Майлз с отвращением просмотрел запись своего припадка и его неприятных последствий.

Видеозапись скафандра № 060, обладатель которого оказался в непосредственной близости от лейтенанта Форберга. Крупным планом – лицо барраярца, выведенного плазменным ожогом из наркотического состояния. Крик нестерпимой боли. Форберг падает, лишившись сознания. Тело – в одну сторону, отрезанные ноги – в другую.

Майлз поймал себя на том, что, наклонившись к экрану, прижимает руки к груди.

Да, похоже, сейчас не самое подходящее время просить Иллиана о повышении.

Выздоравливающего Форберга вчера передали представителям барраярского консульства на Зоаве. Оттуда его отправят на родную планету уже официально. Майлз втайне радовался, что его нынешний статус избавил его от необходимости приносить Форбергу персональные извинения. До эпизода с плазмотроном Форберг не видел лица Майлза, скрытого за боевым шлемом. Да и потом, разумеется, тоже был лишен такой возможности. Хирург дендарийцев сообщила, что у лейтенанта сохранились лишь смутные воспоминания о своем спасении.

Майлз пожалел, что не может изъять из рапорта все записи Синего отряда. Увы – это бессмысленно. Отсутствие самых интересных файлов привлечет внимание Иллиана не меньше, чем яркий костер, разожженный темной ночью на вершине горы.

Конечно, если он выкинет все «Приложение» целиком, выкинет записи всех отрядов…

Майлз задумался. Чем можно заменить «Приложение В»? В прошлом он писал немало кратких и расплывчатых сводок – из-за нехватки времени, из-за усталости.

«В связи с неисправностью правый плазмотрон боевой брони № 032 заклинило в положении „включен“. За несколько минут последовавшей неразберихи, связанной с исправлением поломки, объект, к сожалению, оказался под ударом плазменного луча…» И не его, Майлза, вина, если читатель посчитает, что поломался скафандр, а не тот, на ком он надет.

Нет. Иллиану он лгать не может. Даже в пассивной форме.

«Но это не ложь. Я всего лишь немного сокращу рапорт».

Нет, нельзя. Майлз был полностью уверен: стоит ему опустить хоть незначительную подробность в записи, аналитики Иллиана немедленно это вычислят. И тогда его положение будет во сто крат хуже, чем сейчас.

Не то чтобы в других записях много упоминалось о злополучном эпизоде. Нет, совсем несложно перечитать весь рапорт и внести нужные коррективы.

«Очень скверная мысль».

И все же… это может оказаться весьма любопытным экспериментом. Не исключено, что в один прекрасный день – Боже упаси – ему придется самому читать такие рапорты. Так что весьма полезно выяснить, может ли быть подделан такого рода документ. Чтобы удовлетворить свое любопытство, Майлз записал полный рапорт, снял с него копию и принялся играть с ней. Какие минимальные исправления и умолчания могут скрыть промах полевого агента?

На это ушло минут двадцать.

Майлз уставился на плоды своих трудов. Великолепная работа. Ему стало нехорошо. «Эта бумажка может стоить мне карьеры».

«Но только если меня застукают». Похоже, вся его жизнь строилась именно по этому принципу. Он счастливо избежал наемных убийц, врачей, устава, ограничений, налагаемых форским титулом… Избежал самой смерти. «Я могу обмануть и тебя, Иллиан».

Он поразмыслил о внедренных к дендарийцам независимых наблюдателях Иллиана. Один остался с основными силами флота, второй служил офицером связи на «Ариэле». На борту «Перегрина» и в штурмовых отрядах не было ни одного. Ergo,[1] никто не может опровергнуть его версии.

«Над этим, пожалуй, стоит подумать». Поставив на отредактированной версии гриф «совершенно секретно», Майлз присоединил ее к оригиналу. Покончив с этим, он потянулся, разминая затекшую спину. Работа за письменным столом не слишком полезна для позвоночника.

В дверь каюты постучали.

– Да?

– Это Баз и Элен, – раздался из интеркома женский голос.

Майлз очистил комм-пульт, накинул китель и отпер дверь.

– Заходите.

Баз, то есть командор Дендарийского флота Баз Джезек, главный инженер флота и номинальный заместитель Майлза. Элен – капитан Ботари-Джезек, жена База, командир «Перегрина». Оба – из числа немногих барраярцев Дендарийского флота, которые знали Майлза в двух его ипостасях: адмирала Нейсмита – немного продажного бетанского наемника, и лейтенанта лорда Майлза Форкосигана – верного тайного агента Имперской службы безопасности Барраяра. Они знали его еще до создания Дендарийского флота. Тощий, уже начинающий лысеть Баз был с ним с самого начала дендарийской эпопеи. Дезертир-беглец, которого Майлз подобрал и (как считал Майлз) возродил. Элен… Элен –

---

[1] Следовательно (*лат* .).

совсем другое дело.

Дочь барраярца – телохранителя Майлза, выросшая в доме графа Форкосигана, практически сводная сестра Майлза. Будучи женщиной, Элен была лишена возможности пойти на военную службу на Барраяре и лишь мечтала о военной карьере. На Барраяре все помешаны на армии. И Майлз нашел способ помочь ей. Теперь она выглядела как настоящий солдат: стройная, высокая, одного роста с мужем, облаченная в дендарийский серый мундир. Короткие темные чуть вьющиеся волосы обрамляли волевое лицо и подчеркивали глубину внимательных карих глаз.

Интересно, как бы повернулась их жизнь, если бы она ответила согласием на страстное и застенчивое предложение руки и сердца, сделанное Майлзом, когда им было по восемнадцать лет? Что бы с ними теперь стало? Вели бы они в столице респектабельную жизнь форов? Были бы они счастливы? Или со временем надоели бы друг другу и теперь сожалели бы об утраченных возможностях? Нет, тогда бы они и знать не знали о том, что потеряли. Возможно, у них были бы дети… Майлз оборвал мысль. Пустое занятие.

И все же где-то в самой глубине его души до сих пор жило ожидание… Элен, казалось, вполне счастлива со своим мужем. Но жизнь наемника – а Майлз теперь знал это на собственной шкуре – полна смертельного риска. Малейшая ошибка в проведении операции – и Элен стала бы скорбящей вдовой, жаждущей утешения. Только вот дело в том, что она за свою жизнь видела больше рукопашных, чем Баз. Гнусный замысел, будоражащий неугомонный мозг Майлза в ночные часы, имел существенный недостаток. Что ж, нельзя повлиять на чужие мысли. Однако можно открыть рот и высказать какую-нибудь очередную глупость.

– Привет, ребята. Садитесь. Чем могу быть полезен? – радостно промурлыкал Майлз.

Элен улыбнулась, и они с Базом расположились на стульях напротив Майлза. В их поведении было что-то непривычно официальное. Баз жестом попросил Элен говорить первой. Верный признак какой-то хитрости. Майлз весь подобрался.

Начало оказалось банальным.

– Ты хорошо себя чувствуешь, Майлз?

– О, со мной все в порядке.

– Отлично. – Глубоко вздохнув, Элен продолжила: – Милорд…

А вот и еще один признак чего-то необычного. Когда Элен обращается к нему, как вассал…

– …Мы хотим подать в отставку. – Она застенчиво улыбнулась, будто преподнесла исключительно радостную весть.

Майлз чуть со стула не упал.

– Что? Почему?

Элен посмотрела на База, и тот немедленно перехватил инициативу:

– Мне предложили работу. Инженером на одной из орбитальных ферм Эскобара. Платят вполне достаточно, чтобы мы могли спокойно уйти в отставку.

– Я… я и понятия не имел, что вас не устраивает оплата. Если проблема только в этом, то она вполне разрешима.

– Никакого отношения к деньгам это не имеет, – отрезал Баз.

Этого-то он и боялся. Нет, было бы слишком просто…

Почему их просьба об отставке вызвала у него в памяти то мгновение, когда выпущенная снайпером иглограната разворотила ему грудь?

– Хм…

– Как офицеры-дендарийцы, мы, конечно, можем просто подать соответствующий рапорт и уйти в отставку. Но как ваши вассалы, мы обязаны просить оказать нам Особую Милость и отпустить нас.

– Э-э-э… Я… я не уверен, что флот может сейчас позволить себе потерю сразу двух старших офицеров. Особенно База. Я полностью полагаюсь на него, когда вынужден отсутствовать. И не только в сфере ремонта и обеспечения. Он держит под контролем все.

Следит, чтобы частные контракты не мешали выполнению возложенных на нас Барраяром задач. Знает… все секреты. И я не вижу, кем его можно заменить.

– Мы думали, что ты можешь разделить нынешние обязанности База, – подсказала Элен.

– Да. Мой заместитель по инженерной части вполне готов к повышению, – заверил Баз. – С практической точки зрения он даже лучше меня. Моложе, знаете ли.

– И всем известно, что ты вот уже много лет готовишь Элли занять командный пост, – наступала Элен. – Она жаждет повышения. И вполне для этого созрела. Думаю, за последний год она это неоднократно доказала.

– Она… не барраярка. Иллиан может встретить это в штыки, – тянул время Майлз. – В такой пикантной ситуации…

– До сих пор он этого не делал. Он достаточно долго с ней знаком, чтобы составить о Куин определенное мнение. К тому же Имперская безопасность использует немало инопланетных агентов, – заявила Элен.

– Вы уверены, что хотите именно официальной отставки? Я хочу сказать, есть ли в этом необходимость? Может, вас устроит дополнительный или годичный отпуск?

Элен покачала головой:

– Когда люди становятся родителями, они меняются… Я не знаю, захочу ли потом вернуться.

– А я думал, ты хотела стать солдатом. Хотела всей душой, больше всего на свете. Как я. – «Имеешь ли ты хоть малейшее представление о том, насколько все это затевалось ради тебя, только ради тебя и для тебя?»

– Да, так оно и было. Но я… выдохлась. Я знаю, что «достаточно» – не твое кредо. И не уверена, что даже самый выдающийся успех удовлетворит тебя. – «Это потому, что я совершенно опустошен…» – Но… все детство, всю юность Барраяр вбивал мне в голову, что воевать – единственное стоящее занятие. Самое важное, что есть и может быть в жизни. И что я никогда не смогу приносить пользу, потому что никогда не стану солдатом. Что ж, я доказала, что барраярские взгляды ложны. Я стала солдатом, и чертовски хорошим к тому же.

– Верно…

– И вот теперь я задумалась – а в чем еще барраярские предпосылки ложны? Например, что в жизни действительно важно и кто важен? Когда ты в прошлом году лежал в криостасисе, я много времени провела с твоей матерью.

– О! – «Ну да, во время пребывания на родной планете, куда когда-то поклялась больше никогда ногой не ступать».

– Мы с ней тогда о многом говорили. Я всю жизнь считала, что восхищаюсь ею потому, что она в молодости была солдатом. Сражалась за Колонию Бета во время эскобарской войны, еще до того как бежала на Барраяр и вышла замуж за твоего отца. Но однажды она предалась воспоминаниям о том, кем ей за свою жизнь пришлось побывать. Астрокартографом, исследователем, капитаном корабля, женой, матерью и политиком… Список продолжался и продолжался. И она тогда сказала, что невозможно предсказать, кем ей придется стать еще. И я подумала тогда… Я тоже так хочу. Хочу быть, как она. Не кем-то одним. Я хочу выяснить, кем еще я могу стать.

Майлз украдкой взглянул на База, который гордо улыбался, глядя на жену. Совершенно очевидно, что все это затеяла она. Но Баз – и справедливо – всю жизнь преданный раб своей жены. И что бы она ни затеяла – он заранее согласен. Дьявольщина.

– А ты не думаешь… что тебе может захотеться вернуться… потом?

– Через десять, пятнадцать, двадцать лет? – воскликнула Элен. – И ты полагаешь, что к тому времени Дендарийский флот все еще будет существовать? Нет. Не думаю, что захочу вернуться. Я захочу идти дальше. В этом я абсолютно уверена.

– Тебе наверняка захочется работать, применить свои навыки и знания.

– Я подумывала пойти капитаном торгового флота. Там требуются практически все мои

навыки, кроме умения убивать. Я устала от смерти. И хочу послужить жизни.

– Я… я абсолютно уверен, что ты блестяще справишься со всем, за что ни возьмешься. – На какое-то сумасшедшее мгновение Майлз подумал отказать им в просьбе. «Нет, вы не можете уйти, вы должны остаться со мной…» – Как вы понимаете, формально я могу лишь отпустить вас с нынешней службы. Но освободить от вассальной клятвы могу не больше, чем император Грегор – освободить меня от обязанностей фора. Однако это не мешает нам… забыть о существовании друг друга на неопределенный срок.

Элен одарила его ласковой улыбкой, на какой-то жуткий момент напомнив ему мать. Будто она считала всю систему форов в целом обыкновенной иллюзией. Да, Элен вполне самодостаточна, она не ищет ничего вне себя самой…

Это несправедливо! Люди уходят. Люди меняются по отношению к нему. Меняются, не спросив, без всякого предупреждения. Майлз готов был взвыть от чувства потери, только… «Ты потерял ее много лет назад. И эти изменения начались еще тогда. Ты просто-напросто патологически не способен признать поражение». Весьма ценное качество для военного лидера. И сущее наказание для возлюбленного. Или несостоявшегося возлюбленного.

Однако, сам удивляясь, зачем он это делает, Майлз тем не менее провел положенную церемонию. Элен с Базом по очереди встали перед ним на колени, вложив руки ему в ладони. Вытянув руки ладонями вверх, Майлз отрешенно смотрел, как узкие длиннопалые руки Элен порхнули, как выпущенные из клетки птички. «Я и не знал, что посадил тебя в клетку, моя первая любовь. Прости…»

– Что же, желаю вам всяческого счастья, – сказал Майлз, когда Элен поднялась и взяла мужа за руку. Он даже исхитрился подмигнуть. – Назовите первенца в мою честь. Идет?

Элен ухмыльнулась:

– Не уверена, что она это оценит. Майлзанна? Майлзия?

Майлзия смахивает на название болезни, – признал ошарашенный Майлз. – Ладно, тогда не стоит. Мне бы не хотелось, чтобы она, вырастая, возненавидела меня in absentia.[2]

– Когда мы можем уехать? – спросила Элен. – Сейчас у нас перерыв между контрактами. Да и в любом случае по графику у флота перерыв.

– С мат– и инженерным обеспечением полный порядок, – добавил Баз. – И разнообразия ради, в этой операции обошлись без повреждений.

«Отсрочка? Нет. Чем быстрее с этим покончим, тем лучше».

– Довольно скоро, полагаю. Конечно, мне нужно уведомить капитана Куин.

– Командора Куин, – кивнула Элен. – Не сомневаюсь, ей понравится новое звание.

Она совсем не по уставу обняла Майлза. Тот замер, стараясь напоследок запомнить ее аромат, затем дверь за ними с тихим шелестом закрылась.

Куин находилась внизу, на Сумерках Зоава. Майлз приказал, чтобы она немедленно явилась к нему, как только вернется на «Перегрин». Ожидая ее прибытия, он затребовал досье всех дендарийцев и внимательно изучил предложенные Базом кандидатуры. Кажется, все может получиться. Повысить вот этого, переместить этих двоих, чтобы заткнуть возникшую брешь… Майлз старательно заверял себя, что вовсе не пребывает в состоянии шока. В конце концов, даже его способность все драматизировать имеет предел. Конечно, он, возможно, несколько выведен из равновесия. Ну, как человек, привыкший опираться на трость и внезапно лишившийся ее. Или на шпагу-трость – как старина Куделка. Если бы не его, Майлза, личная проблемка со здоровьем, то можно сказать, что с точки зрения интересов флота супруги выбрали самый подходящий момент. Наконец появилась Куин – свежая и сияющая в чистом камуфляже, с кубом данных в руке. Поскольку они были одни, Куин поприветствовала его весьма неформальным поцелуем, на который Майлз охотно ответил.

– Барраярское посольство прислало тебе вот это, любовь моя. Может, это подарок к

---

[2] Здесь: за глаза *(лат.)*.

Зимнепразднику от дядюшки Саймона?

– Возможно.

Майлз раскодировал куб.

– Ха! Так и есть! Платежный чип. Промежуточная оплата. На Барраяре еще не знают, что мы уже все сделали. Должно быть, Иллиан захотел подстраховаться на тот случай, если мы в ходе операции выйдем за рамки бюджета. Я рад, что он так серьезно относится к сохранности личного состава Службы безопасности. Возможно, и мне когда-нибудь может понадобиться такого рода внимание.

– А тебе и понадобилось, в прошлом году. И – да, он действительно беспокоится. Уж в этом ты Имперской безопасности отказать не можешь. По крайней мере о своих они заботятся. Очень по-барраярски для организации, старающейся быть как можно современнее.

– А это что, м-м-м? – Майлз выудил еще что-то. Зашифрованные инструкции. Только для него.

Куин вежливо отошла в сторону, и Майлз быстренько просмотрел дискету на комме. Разумеется, врожденное любопытство не позволило Элли промолчать.

– И что это? Очередной приказ? Поздравления? Порицание?

– Ну… Хм. – Майлз озадаченно откинулся на спинку стула. – Коротко и неясно. Зачем это вообще нужно было шифровать? Мне приказано немедленно прибыть домой и лично явиться в штаб-квартиру Имперской безопасности. В приложении – расписание барраярского курьерского корабля, проходящего через Тау Кита, который задержится там до моего прибытия. А прибыть туда я должен как можно быстрее любым способом, включая, в случае необходимости, коммерческий рейс. Уж не пронюхали ли они там что-нибудь о недоразумении с Форбергом? Здесь не сказано «завершить операцию и…», сказано просто «прибыть». Похоже, я должен все бросить и мчаться. Но если это настолько срочно, то, должно быть, речь идет о каком-то очередном срочном задании. Тогда почему в таком случае они требуют, чтобы я потратил недели на поездку домой, откуда мне придется потратить еще больше времени, чтобы добраться до флота? – И вдруг его охватил леденящий ужас. «Если это не что-то личное. Отец… Мать…» Нет. Случись что-нибудь с графом Форкосиганом, ныне служащим Империи на посту вице-короля и губернатора Зергияра, галактические службы новостей донесли бы эти сведения даже до такой дыры, как Сумерки Зоава.

– А что будет, если во время поездки у тебя опять случится припадок? – Куин, прислонившись к комм-пульту, с интересом изучала собственные ногти.

– Да ничего особенного, – пожал плечами Майлз.

– Откуда ты знаешь?

– Хм…

Взгляд Элли стал пристальным.

– А я и не знала, что психологическое неприятие так сильно отражается на интеллекте. Черт тебя побери, ты должен что-то делать с этими приступами! Ты не можешь… просто игнорировать их, хотя, похоже, именно этим ты и занимаешься.

– Я пытался что-то сделать. И думал, что дендарийский хирург с этим справится. Я хотел побыстрее вернуться на флот, к врачу, которому полностью доверяю. Ну, доверять-то ей можно, только вот она сказала, что ничем не может мне помочь. Так что теперь мне нужно придумать что-нибудь еще.

– Ей ты доверился. А мне почему нет?

Майлз изобразил неловкое пожатие плечами. Однако явная недостаточность такого рода ответа заставила его добавить:

– Она подчиняется приказам. А я боялся, что ты можешь попытаться сделать что-нибудь – для моего же блага, разумеется – вне зависимости от того, хочу я этого или нет.

Куин некоторое время переваривала услышанное, затем продолжила уже чуть менее терпеливо:

– А как насчет твоей планеты? Сейчас Императорский госпиталь в Форбарр-Султане уже почти соответствует галактическим стандартам.

Майлз немного помолчал.

– Мне следовало это сделать прошлой зимой. А теперь… теперь я вынужден искать другие возможности.

– Иными словами, ты солгал начальству. И теперь попался.

«Еще не попался».

– Ты знаешь, что я рискую потерять.

Поднявшись, он обошел комм-пульт и взял Элли за руку, не дожидаясь, когда она начнет грызть ногти. Они обнялись. Майлз откинул голову и притянул к себе Элли. По ее участившемуся дыханию и потемневшим глазам он почувствовал: ее охватил страх, который она тщательно скрывает.

– Ох, Майлз! Скажи им… Скажи им, что тогда твой мозг еще не полностью восстановился. Что ты не отвечал за свои слова. Сдайся на милость Иллиана, и побыстрее, пока не стало хуже.

Майлз покачал головой:

– Возможно, еще неделю назад это сработало бы. Но после того, что я натворил с Форбергом? Не думаю, что может быть хуже. Я не был бы милостив к подчиненному, отколовшему такой номер. Так с какой стати Иллиан отреагирует иначе? Разве что Иллиан… пока еще не в курсе.

– Боги великие и малые! Ты что, думаешь, тебе и дальше удастся это скрывать, да?

– Из рапорта о последней операции эти сведения изымаются очень легко.

Элли ошарашенно отшатнулась.

– Твой мозг и вправду пострадал от криозаморозки!

Выведенный из себя, Майлз рявкнул:

– Иллиан постоянно культивирует свою репутацию всезнайки, но его «всезнание» сильно преувеличено! Не позволяй Глазу Гора, – он изобразил пальцами круглые значки Службы безопасности, приложил сложенные в колечко пальцы к глазам и поморгал, как сова, – пудрить тебе мозги! Мы лишь пытаемся изобразить, будто всегда знаем, что делаем. А я видел засекреченные файлы и знаю, насколько все может идти наперекосяк. Этот чип в голове Иллиана не делает его гением, а всего лишь дает ему эйдетическую память.

– Все равно есть много свидетелей.

– Все операции дендарийцев засекречены. Люди не станут болтать.

– Но не между собой. Слухи прошли по всему кораблю, причем сильно преувеличенные. Люди спрашивали меня, что произошло!

– Хм… А что ты им отвечала?

Элли сердито дернула плечом.

– Неполадки с боевой броней, разумеется.

– Ага! Хорошо. Тем не менее… они все здесь, а Иллиан – там. Далеко. Как он может узнать, если я сам ему не скажу?

– Не так уж далеко. – Губы Куин растянулись в подобии улыбки.

– Да ладно тебе. Ну, сама подумай! Если бы Служба безопасности могла узнать об этом, то узнала бы уже много месяцев назад. Совершенно очевидно, что все джексонианские перипетии ускользнули от их взгляда.

У Элли на шее запульсировала жилка.

– Ничего разумного в этом нет! Ты что, потерял хватку, утратил свой острый ум? Ей-богу, с тобой становится так же невозможно иметь дело, как с твоим братцем-клоном Марком!

– А Марк-то тут при чем? – Плохой признак. Сейчас они непременно поссорятся. Все три самые жаркие ссоры, возникавшие у них с Элли, были из-за Марка, и все – совсем недавно. О Господи! Он избегал – насколько мог – привычной близости с Куин во время нынешней операции. Боялся, что она увидит припадок. Майлз сильно сомневался, что

сможет выдать приступ за некий новый вид оргазма. Уж не подумала ли она, что его холодность вызвана их разногласиями по поводу его брата? – Марк тут абсолютно ни при чем!

– Еще как при чем! Если бы ты не полез ему на выручку, тебя бы не убили! И у тебя не случилось бы короткое замыкание в мозгах! Может, ты и считаешь, что Марк – лучшее, что есть в мире, после двигателя Неклина, а я эту маленькую толстую жабу ненавижу!

– Ну а я люблю маленькую толстую жабу! Кто-то же должен его любить. Готов поклясться, ты просто ревнуешь! Ну, не будь такой стервой!

Теперь они уже стояли друг напротив друга, сжав кулаки и тяжело дыша. Если дойдет до драки, он проиграет. И Майлз решительно ринулся в атаку.

– Баз с Элен уходят в отставку, ты об этом знаешь? Так что я произвожу тебя в командоры и назначаю своим заместителем вместо База. Пирсон займет место главного инженера. Ты также становишься капитаном «Перегрина» до воссоединения с оставшейся частью флота. Выбор нового капитана «Перегрина» станет твоим первым приказом по личному составу. Выбери кого-нибудь, кому можешь до… с кем сможешь сработаться. Свободна!

Черт побери, совсем не так хотел он предоставить Куин столь долгожданное повышение. Он намеревался положить новое назначение к ее ногам, как ценный трофей, чтобы порадовать ее душу. Чтобы вознаградить ее за все. А не швырять, как сковородку в разгар семейной ссоры, когда слов уже не хватает.

У Элли отвисла челюсть. Она открыла рот, потом закрыла. Потом опять открыла.

– И ты думаешь куда-нибудь ехать без меня, твоего телохранителя? – возмутилась она. – Если мне не изменяет память, Иллиан однозначно приказал, чтобы ты не передвигался без охраны. Или тебе мало того, что ты уже натворил, чтобы разрушить свою карьеру?

– В этом секторе телохранитель – всего лишь формальность, пустая трата средств. – Он набрал побольше воздуха. – И я возьму с собой… сержанта Тауру. Такой телохранитель удовлетворит самого параноидального шефа Безопасности. А Таура уж наверняка заслужила отпуск.

– Ах, ты… – Большая редкость: Куин, утратившая дар речи. Развернувшись, она направилась к двери, где снова повернулась к нему лицом и резко отсалютовала, вынудив его ответить тем же. Увы, автоматической дверью хлопнуть нельзя, однако шелест, с которым она задвинулась за спиной Куин, сильно походил на змеиное шипение.

Майлз плюхнулся на стул и оперся на комм. Поколебавшись, он вызвал сокращенный отчет о задании и зашифровал его на дискету. Затем вызвал полную версию – и нажал кнопку «Стереть».

«Сделано».

Сунув зашифрованный доклад в сумку с кодированным замком, он швырнул ее на койку, медленно поднялся и начал собираться домой.

Глава 3

Единственные свободные смежные каюты на борту таукитянского скачкового корабля, уходившего с Сумерек Зоава, оказались каютами-люкс. Майлз улыбнулся такой «неудаче», сделав себе мысленную пометку объяснить эти расходы необходимостью секретности, причем объяснить желательно после того, как он расскажет о сногсшибательной выручке, полученной за последнюю операцию. Он поиграл с этой мыслью, размещая багаж и ожидая, когда сержант Таура покончит с тщательным обследованием корабля.

Каюты были светлыми, койки – широкие и мягкие, ванные комнаты – комфортабельные. Им даже не придется выходить, чтобы поесть, – все обслуживание входило в стоимость билета. Как только корабль окажется в открытом космосе, все семь дней полета они смогут жить в собственном замкнутом мирке.

Вот следующая часть путешествия домой будет не столь удобной. На пересадочной

станции Тау Кита он сменит мундир, а вместе с мундиром – и личность. На борт барраярского корабля взойдет лейтенант Майлз Форкосиган, лорд-фор, имперский курьер. Скромный молодой офицер в том же звании и с теми же полномочиями, что и несчастный лейтенант Форберг.

Майлз встряхнул зеленый барраярский мундир и повесил в стенной шкаф, где уже стояли аккуратно упакованные форменные сапоги. Личина имперского курьера всегда служила отличным прикрытием во время многочисленных перелетов к дендарийцам и обратно. Курьер никому ничего не обязан объяснять. Ни при каких обстоятельствах. Отрицательной же стороной путешествия будет то, что общество там исключительно мужское – одни военные и, увы, все – барраярцы. Сержант Таура сможет отбыть к дендарийцам, а Майлз останется со своими соотечественниками – подданными барраярского императора.

Майлз заранее предвидел их реакцию на его явное физическое несоответствие военной службе. Открыто, конечно, никто ничего не скажет – для них совершенно очевидно, что Майлз получил эту синекуру благодаря могучей протекции со стороны отца – вице-короля адмирала Фор-такого-то. Именно такая реакция ему и была нужна, чтобы сохранять прикрытие. Лейтенант Форкосиган Унылый не предпримет ровным счетом ничего, чтобы убедить их в ошибочности суждений. А может, в команде будет кто-то, с кем ему уже доводилось летать и кто привык к его необычной внешности.

Майлз запер шкаф. Пусть лейтенант Форкосиган с его заботами пока неделькy отдохнет. У адмирала Нейсмита найдутся заботы и поприятнее.

Сержант Таура наконец вернулась. Просунув голову в дверь, она сообщила:

– Все чисто. «Жучков» нигде не обнаружено. Вообще-то с момента нашего появления на борту не появилось ни новых пассажиров, ни груза. Мы только что ушли с орбиты.

Майлз улыбнулся, подняв голову. Его самый уникальный дендариец, и один из лучших. Впрочем, не мудрено, что Таура отлично справляется со своими обязанностями. Для этого ее и создали.

Ведь Таура – единственный оставшийся в живых результат одного весьма сомнительного генетического проекта, разработанного, конечно же, на Архипелаге Джексона. Дом Бхарапутра надумал получить суперсолдата. Для чего была создана целая лаборатория, в которой работали одни биоинженеры и ни одного опытного военного. На выходе требовалось нечто впечатляющее, что могло произвести на клиента незабываемое впечатление. И тут они, безусловно, преуспели.

Когда Майлз впервые повстречался с Таурой, ей было всего шестнадцать, но она уже достигла восьмифутового роста и состояла из сплошных мышц. Пальцы на руках и ногах заканчивались острыми когтями, а в уголках рта торчали клыки. Тело ее источало жар, вызванный бешеным метаболизмом, которому она была обязана необыкновенной силой и скоростью реакции. Все это, вкупе с золотисто-янтарными глазами, придавало ей несколько волчий облик. Когда Таура полностью отдавалась работе, ее злобный взгляд мог вынудить вооруженных до зубов мужчин побросать оружие и грохнуться наземь. Эдакий психологический эффект, свидетелем которого Майлзу как-то раз довелось быть к его великому удовольствию.

Майлз довольно долго считал, что Таура – одна из самых красивых женщин, которых ему доводилось встречать. В своем роде, конечно. Нужно только уметь увидеть. Он мог припомнить каждый из немногих случаев, когда им довелось заниматься любовью, начиная с первой встречи семь лет назад. Вообще-то, если честно, это было еще до того, как у них все началось с Куин. В каком-то смысле Таура была первой для него, а он – для нее, и эта тайна по-прежнему сближала их.

О, они очень старались быть хорошими! Дендарийский устав, запрещавший связи между начальниками и подчиненными, был придуман ради общего блага – чтобы защитить рядовых от эксплуатации, а офицеров – от дисциплинарных проблем. И Майлз, тогда еще совсем молодой и очень серьезный адмирал Нейсмит, был весьма решительно настроен

подавать положительный пример своим подчиненным. Достойное решение, которое испарилось… когда-то. Возможно, после какого-то бессчетного раза, когда его чуть не убили.

Ну, раз уж не можешь быть хорошим, будь по крайней мере скрытным.

– Отлично, сержант. – Он протянул ей руку. – Можешь расслабиться… на следующие дней семь, а?

Лицо Тауры засияло, и губы растянулись в улыбке, обнажив внушительного вида клыки.

– Правда? – Ее звучный голос задрожал.

– Правда.

Таура мгновенно подскочила к нему – при этом пол каюты слегка содрогнулся – и одарила многообещающим поцелуем. Ее губы, как всегда, оказались горячими и возбуждающими. Огромные клыки придавали еще больше пикантности. Но главное – ее уникальный рост. Таура спешила жить, торопясь испробовать все, жила одним днем. И имела на это все основания… Майлз заставил себя не думать о будущем и запустил руку в ее густые черные волосы.

– Пойду освежусь, – ухмыльнулась Таура, оторвавшись от него и указывая на свою измятую форму.

– И постарайся получить максимум удовольствия, – сердечно напутствовал ее Майлз. – Таких сказочных условий, как здесь, я не встречал с Посольских бань Станции Дина.

Он удалился к себе, чтобы снять форму с адмиральскими нашивками и предаться упоительной процедуре подготовки к приятному времяпрепровождению. То есть побриться, помыться и сбрызнуться одеколоном. Таура заслуживает самого лучшего. Она так редко имеет возможность сбросить личину сурового сержанта, под которой скрывается очаровательная, слегка застенчивая женщина. Застенчивая и ранимая. Майлз всегда думал о ней как о Сказочной Принцессе. «Похоже, все мы имеем скрытую сущность».

Завернувшись, как в саронг, в махровое полотенце, он устроился на койке, с нетерпением ожидая появления Тауры. Интересно, предвидела ли она такую возможность, и если да, то какой наряд на этот раз прихватила с собой? Она наверняка захочет испытать на нем воздействие этих якобы сексуальных вещичек. Таура совершенно не осознавала, насколько она похожа на золотистую богиню, когда единственным украшением ей служат роскошные струящиеся черные локоны. Ну, ладно, положим, не струящиеся, а торчащие в разные стороны и щекочущие ему нос, но Тауре такая прическа очень идет. Майлз понадеялся, что на сей раз она не взяла с собой ту кошмарную розовую штуку с красными перьями. Потребовалась вся его тактичность, чтобы исподволь внушить Тауре, что такой цвет и фасон ей совсем не к лицу, и при этом ни разу не упомянуть о ее вкусе или внешности. Таура способна одной рукой свернуть ему шею, но он может убить ее одним только словом.

Таура появилась, и лицо Майлза засияло нескрываемым восторгом. На ней было что-то кремовое, нежное и шелковистое. Метры тонкой и прозрачной ткани. Такой тонкой, что ее запросто можно продеть сквозь колечко. В этом одеянии Таура еще больше походила на богиню.

– Просто великолепно! – с энтузиазмом выдохнул Майлз.

– Ты и вправду так считаешь?

Она покрутилась перед ним. Легкий шелк взлетел волнами, распространяя пряный аромат, который приятно щекотал ноздри и, казалось, проникал прямо в мозжечок. Огромные когти Тауры были аккуратно подстрижены и покрыты золотистым лаком. «Отлично, значит, на сей раз обойдемся без царапин».

Таура легла рядом, и разница в росте вдруг стала совсем незначительной. Теперь они наконец могли удовлетворить свое желание человеческой – или почти человеческой – близости, не боясь внезапного вторжения и не опасаясь грубых комментариев… Майлз мысленно ощетинился, представив, что кто-то застал их вот так и расхохотался или отпустил

скабрезную шутку. Интересно, его столь обостренная реакция вызвана тем, что он нарушает им же придуманный устав, или чем-то иным? Он ведь вовсе не рассчитывал на то, что кто-то способен понять их с Таурой отношения.

Да и понимает ли их он сам? Раньше он пробормотал бы что-нибудь насчет одержимости скалолазанием – самой сокровенной сексуальной фантазии любого мужчины-недомерка. Потом, став постарше, возможно, изрек бы что-нибудь относительно торжества жизни над смертью. А может, на самом деле все гораздо проще.

Может, это просто любовь?

Проснувшись, Майлз долго смотрел на спящую Тауру. Она не проснулась, едва он пошевелился. А ведь того требовала заложенная в ней генетическая программа. Значит, она действительно ему доверяет?

Майлз изучал игру света и тени на ее длинном-длинном теле цвета слоновой кости, полускрытом изрядно помятой простыней. Он провел ладонью над женственными изгибами, не касаясь тела и ощущая жар, исходящий от золотистой кожи. От ее легкого дыхания тени колыхались в танце. Дыхание ее было, как всегда, чуть ускоренным и глубоким. Майлзу так хотелось замедлить его. Ведь дни ее сочтены. Эти вдохи и выдохи… Когда она исчерпает весь запас…

Таура единственная выжила из всех своих собратьев. Все они были генетически запрограммированы на короткую жизнь. Отчасти, возможно, для большей прочности, отчасти в попытке сделать их бесстрашными воинами. Видимо, генетики руководствовались некоей глупой теорией, что короткой жизнью легче жертвовать в бою, чем длинной. Майлз считал, что эти генетики мало что понимали в храбрости, да и в жизни вообще. Суперсолдаты умирали быстро, когда приходил срок, не страдая годами от старческих болезней. Они страдали лишь несколько недель, от силы месяцев, сгорая столь же быстро, как и жили. Будто им было суждено сгореть в пламени, а не медленно умирать в бессилии. Майлз поглядел на тоненькие серебряные нити в черной шевелюре Тауры. В прошлом году их еще не было.

«Господи, ей ведь всего двадцать два года!»

Главный врач дендарийцев тщательно обследовал ее и выдал медикаменты, замедляющие метаболизм. Теперь Таура ела только за двоих, а не за четверых. Год за годом врачи тянули жизнь Тауры наподобие тонкой золотой нити. И все же когда-нибудь нить оборвется.

Сколько ей осталось? Год? Два? Когда он в следующий раз вернется к дендарийцам, будет ли она жива? Поприветствует ли его официальным «здравствуйте, адмирал Нейсмит» на людях и весьма неформальным, чтобы не сказать грубым «привет, любовничек!» наедине?

«Хорошо, что она любит адмирала Нейсмита. Лорду Форкосигану такое не по плечу».

С некоторой долей вины он подумал о другой любовнице адмирала Нейсмита. Всем известной и признанной Элли Куин. Нет необходимости объяснять свою влюбленность в прекрасную Куин, настолько всем очевидно, что она ему подходит по всем статьям.

Если уж быть точным, то неверно говорить о том, что он неверен Элли Куин. Таура появилась раньше. И они с Куин не давали друг другу клятв и обещаний. Хотя он неоднократно и безуспешно делал ей предложение. Но она тоже любила адмирала Нейсмита. А не лорда Форкосигана. Одна мысль стать леди Форкосиган и оказаться навечно прикованной к планете, которую сама Элли иначе как «комком грязи» не называла, заставляла ее, рожденную на космической станции, с воплем бежать куда подальше или как минимум неловко просить позволения удалиться.

Любовная жизнь адмирала Нейсмита – в некотором роде мечта подростка: безграничный, иногда совершенно невероятный секс и никаких обязательств. Так почему же это вдруг перестало его удовлетворять?

Он любит Куин. Любит ее ум, ее напористость, ее кипучую энергию. Элли – лучший

друг, какой у него когда-либо был. Но в конечном итоге она может предложить ему лишь… пустоту. У них не больше совместного будущего, чем было у него с Элен, привязанной к Базу, или у него с Таурой. Которая умирает.

«Боже, как мне больно». Перестать быть адмиралом Нейсмитом и стать снова лордом Форкосиганом – чуть ли не облегчение. У лорда Форкосигана сексуальной жизни нет совсем.

Майлз задумался. Так… когда же это началось, этот… пробел в его жизни? «Довольно-таки давно, по правде говоря». Странно. Он этого прежде не замечал.

Медово-золотистые глаза Тауры приоткрылись, и она одарила его сонной улыбкой.

– Проголодалась? – поинтересовался Майлз, заранее зная ответ.

– Угу.

Следующие несколько минут они посвятили приятному изучению длинного и разнообразного меню. Затем сделали большой заказ. Имея рядом Тауру, радостно сообразил Майлз, он может перепробовать практически все блюда, не рискуя оставить кучу недоеденной пищи.

В ожидании заказа Таура взбила подушки и, прислонившись к ним, села в постели. Глядя на Майлза светящимися золотыми глазами, она спросила:

– А ты помнишь, как впервые накормил меня?

– Да. В подземелье Риоваля. Мерзкой плиткой сухого рациона.

– Уж лучше сухой рацион, чем сырые крысы, должна заметить.

– Теперь я могу позволить себе кое-что получше.

– И насколько!

Когда людей спасают, они должны и впредь оставаться в безопасности. Разве нет? А потом мы живем долго и счастливо, верно? Пока не умрем. Но теперь, с этими конвульсиями, разве он может быть уверен, что Таура уйдет первой? Может, в конечном счете первым уйдет адмирал Нейсмит…

– Это была одна из самых первых моих операций. И в некотором роде до сих пор – одна из лучших.

– А это… для тебя это была любовь с первого взгляда?

– М-мм… по правде говоря, нет. Скорее, ужас с первого взгляда. Влюбился я через час или около того.

– Я тоже. Я по-настоящему влюбилась в тебя, когда ты за мной вернулся.

– Ты ведь знаешь… что изначально это была вовсе не спасательная операция. – Явное преуменьшение. На самом деле его наняли «положить конец эксперименту».

– Но ты превратил ее в спасательную. Мне кажется, это твое любимое занятие. Ты всегда радуешься, когда проводишь именно такие операции. Независимо от того, насколько скверно поворачивается дело.

– Не все награды в моем деле измеряются деньгами. Я вовсе не отрицаю, что получаю хороший эмоциональный пинок, когда пытаюсь вытащить кого-то совершенно отчаявшегося из глубокой-преглубокой ямы. Особенно когда все остальные считают это совершенно невозможным. Я обожаю производить впечатление, а публика всегда такая благодарная.

Ну, разве что кроме Форберга.

– Я иногда думаю, не похож ли ты на того барраярского парня, о котором ты мне как-то рассказывал. Ну, того, который дарил всем на Зимнепраздник печеночный паштет. Потому что сам его любил. И вечно огорчался, что никто не дарит паштета ему.

– Меня спасать не требуется. Как правило.

Прошлогоднее пребывание на Архипелаге Джексона было достопамятным исключением. Только вот в его воспоминаниях об этом эпизоде имелась огромная трехмесячная дыра.

– М-мм, не то чтобы спасать. Я имела в виду то, что следует за спасением. Свободу. Ты даришь свободу всем, когда только можешь. Ты поступаешь так потому, что это то, чего ты сам хочешь?

«И не могу получить?»

– Не-а. Просто я люблю риск.

Прибыл обед на двух тележках. Майлз встретил официанта на пороге и немедленно отослал. И они с Таурой занялись милыми домашними хлопотами, расставляя блюда. Каюта была настолько просторной, что стол был не выдвижной, а обычный, намертво прикрученный к полу. Майлз пощипывал еду, наблюдая за Таурой. Процесс кормления Тауры всегда доставлял ему непонятную радость. Это само по себе являлось весьма впечатляющим зрелищем.

– Не пропусти вот эти маленькие сырные пирожки в пикантном соусе, – подсказал он. – Уверен, в них куча калорий.

– Спасибо.

Наступило мирное молчание, нарушаемое лишь мерным чавканьем.

– Удовлетворена? – поинтересовался Майлз.

Таура проглотила кусочек крошечного пирожного в форме звезды.

– О, да!

Майлз улыбнулся. У нее положительно талант быть счастливой, живя одним днем. Преследует ли ее когда-нибудь видение близкой смерти, вьющейся над ней, как ворон?

«Да, конечно, преследует. Но не будем портить себе настроение».

– Что ты подумала, когда узнала в прошлом году, что на самом деле я – лорд Форкосиган? Что адмирал Нейсмит – фикция?

Таура пожала плечами:

– Мне это показалось правильным. Я всегда думала, что ты что-то вроде переодетого принца.

– Это вряд ли! – рассмеялся Майлз. «Боже, избавь меня от императорского трона. Аминь». А может, он лжет именно сейчас. Может, именно адмирал Нейсмит – реальный человек, а лорд Форкосиган – всего лишь маска. Ему так легко давался бетанский акцент адмирала Нейсмита. А гортанный барраярский выговор лорда Форкосигана требовал сознательного усилия. И чем дальше, тем больше. Становиться Нейсмитом так легко, а Форкосиганом так… болезненно.

– На самом деле, – вернулся он к предыдущей теме, уверенный, что Таура не станет возражать, – свобода – это как раз то, чего я вовсе не хочу. В смысле не иметь цели или… или оказаться безработным. – «Особенно безработным». – Мне нужно не свободное время… не считая настоящего момента, – поспешно добавил он. Таура поощрительно кивнула. – Я хочу… мое предназначение, наверное… Быть или стать настолько полностью собой, насколько это возможно.

Например, создав адмирала Нейсмита, чтобы сохранить все те части своей личности, которым нет места на Барраяре.

Он уже думал об этом. Господи, да тысячу раз. Забыть навсегда о Форкосигане, стать просто Нейсмитом. Сбросить финансовые и патриотические оковы Службы безопасности. Стать изменником, зажить в галактике вместе со Свободным Флотом Дендарийских Наемников. Но это билет в один конец. Для фора обладание личной армией – государственная измена. Совершенно незаконная вещь, тяжелейшее преступление. Ступив на этот путь, он больше никогда не сможет вернуться домой.

Но в первую очередь он не может поступить так с отцом. «Граф-мой-отец», все произносится на одном дыхании. Ни за что, пока старик жив и связывает все свои идеи преобразования Барраяра с сыном. В реакции матери он не так уверен. Даже прожив тридцать лет на Барраяре, она бетанка до мозга костей. В принципе у нее не было бы возражений, но она не слишком одобряет военную карьеру. Но и не не одобряет тоже. Просто отчетливо дает понять, что для разумных людей есть гораздо более интересные вещи в жизни. И когда отец умрет… Майлз станет следующим графом Форкосиганом, с майоратом и голосом в Совете графов и каждодневными дурацкими обязанностями… «Живи, отец, живи как можно дольше».

Но ведь есть в нем, в Майлзе, и некоторые глубины, где нет места и адмиралу

Нейсмиту.

– Кстати, о памятных спасательных операциях, – вернул его к действительности голос Тауры. – Как поживает твой клон-близнец Марк? Он уже нашел свое предназначение?

По крайней мере Таура не называет его единственного брата толстой маленькой жабой. Майлз благодарно улыбнулся.

– Насколько я понимаю, поживает он отлично. Он улетел вместе с родителями на Зергияр, пробыл там с ними некоторое время и уехал на Колонию Бета. По просьбе матери там за ним присматривает наша бетанская бабушка. Он поступил в университет Силики – города, где она живет – и изучает там, помимо всего прочего, бухгалтерию. Ему, похоже, это нравится. Вот чего я никак не пойму. Мне почему-то казалось, что близнецы должны иметь больше общего, чем обычные братья.

– Может быть, с возрастом у вас появится больше общего.

– Сомневаюсь, что Марка когда-нибудь снова заинтересует карьера военного.

– Да, но, возможно, тебя заинтересует бухгалтерия.

Майлз подозрительно покосился на нее. О, отлично! Она таки шутит. Это видно по хитрым морщинкам в уголках глаз. Но даже когда она посерьезнела, похожие на птичьи следы морщинки все равно остались.

– Ну, если не стану таким толстым, как он…

Майлз медленно потягивал вино. Разговор о Марке навел на воспоминания об Архипелаге Джексона, пребывании в криостазе и последовавших за оживлением проблемах. А также о докторе Дюрона, его криохирурге. Удалось ли клану Дюрона основать клинику на Эскобаре, вдали от их ненавистной бывшей родины? Должно быть, Марку об этом известно. Судя по его посланиям, он по-прежнему переводит им деньги. А если удалось, готовы ли они принять нового, точнее, старого пациента? Очень-очень тайно.

Он может взять долгосрочный отпуск, якобы с целью посетить родителей на Зергияре. А с Зергияра до Эскобара рукой подать. А там он сможет увидеть Вербену Дюрона… А может, ему даже удастся представить это Иллиану как поездку к любовнице. Или по крайней мере преподнести эту версию отцу. Агентам Имперской безопасности неохотно, но разрешали иметь личную жизнь. Хотя если у Иллиана таковая имеется, то это новость. Короткий роман с Вербеной был в некотором роде ошибкой. Случайность. Следствие криоамнезии. Но расстались они, похоже, вполне дружески. Сможет ли он убедить ее заняться его лечением втайне, безо всякой документации, которая может попасть в лапы Имперской безопасности?

Такое вполне возможно… Привести в порядок голову, что бы там в ней ни нарушилось. И спокойно жить дальше. И никто и знать не будет. Верно?

Какая-то его часть уже сожалела о том, что он не зашифровал оба варианта рапорта для Имперской безопасности, чтобы принять окончательное решение позже, когда будет время на размышление. Возьми одно и съешь другое. Но теперь он обречен. А раз обречен, то ему необходимо что-то более надежное, чем просто удача.

И Эскобар давал такой выход. Как только позволит время. Ну, очень неприятно, что на этот раз он летит домой не через Эскобар.

Майлз выпрямился и оглядел гору пустой посуды на столе. Больше походит на пейзаж после битвы, после того, как… ну, после того, как Таура наелась. Уборка не требуется. Он посмотрел на кровать.

– Что, миледи? Спать? Или как?

Таура проследила его взгляд.

– Или как. А потом спать, – решила она.

– К вашим услугам. – Он по-форски поклонился, встал и протянул ей руку. – Пользуйтесь ночным временем.

Глава 4

В соответствии со стандартной процедурой встречи курьера автомобиль Имперской безопасности с шофером, ожидавший в военном космопорту в пригороде Форбарр-Султана, отвез Майлза прямо в штаб-квартиру Имперской безопасности. Жаль, что шофер не замедлил хода или не объехал вокруг квартала пару-тройку раз. Слишком быстро в окне показалось здание Имперской безопасности Барраяра. Будто всех этих муторных недель, которые он на борту барраярского корабля провел в размышлениях, недостаточно. Размышлять больше не над чем, нужно действовать.

Миновав контрольно-пропускной пункт, машина скользнула в ворота к массивному серому строению, огромному, мрачному и зловещему. Подобное впечатление было вызвано вовсе не мрачным настроением Майлза. Здание Имперской безопасности – одно из самых чудовищных сооружений Форбарр-Султана. Приезжие из глубинки, которым полагалось бы избегать этого места, как чумы, специально старались проехать мимо, чтобы взглянуть на творение пресловутого архитектора, который, если верить легенде, умер совершенно свихнувшимся после внезапного устранения своего покровителя императора Ури. Шофер провез Майлза вдоль угрюмого фасада к потайному входу, предназначенному для курьеров, шпионов, информаторов, аналитиков, секретарей и вообще всех, кому положено.

Отпустив машину, Майлз некоторое время постоял на осенней прохладе. У него возникла неприятная уверенность, что его тщательно разработанный план ни за что не сработает.

«А даже если и сработает, то я обречен вечно ходить с подвешенным над головой топором в ожидании разоблачения ex post facto.[3] «Нет уж, только не это. Конечно, он отдаст отредактированный рапорт, выбора нет, но потом (не дожидаясь, пока шеф прочтет эту чертову штуку) устно доложит Иллиану и расскажет все как есть. Представит дело так, будто посчитал, что сведения о его состоянии здоровья настолько „горячие“, что он побоялся записывать их даже шифром. Будто он изначально собирался вывалить новость Иллиану на голову для принятия решения. В любом случае добраться до дому быстрее Майлз не мог физически.

Если он простоит здесь еще немного, притворяясь, будто рассматривает стилизованных гранитных монстров, вырезанных на дверной перемычке – «сушеные горгульи», как назвал их какой-то шутник, – наверняка появится охранник и вежливо поинтересуется, что он тут делает. Майлз решительно свернул плащ, аккуратно перебросил его через руку, прижал к груди закодированный куб и вошел.

Охранник на проходной после обычной проверки пропустил его без всяких комментариев. Все шло, как обычно. Майлз оставил плащ – специально пошитый на заказ для его, прямо скажем, нестандартной фигуры – в гардеробе. То, что ему предоставили самому добираться до довольно-таки труднодоступного кабинета Иллиана, показывало степень его, Майлза, надежности. Чтобы попасть на этаж, где расположился Иллиан, нужно подняться на двух разных лифтах, а потом еще спуститься на третьем.

Благополучно миновав последнее сканирование в коридоре, Майлз обнаружил, что дверь в приемную Иллиана открыта. Секретарь сидел на месте и беседовал с генералом Лукасом Гарошем, главой Департамента внутренних дел. Почему-то сей титул всегда вызывал у Майлза мысль о жиголо, специализирующимся на скучающих женах, но на самом деле это была одна из самых мерзких и неблагодарных работ Службы безопасности. Департамент занимался отслеживанием возможных заговоров и антиправительственных группировок на Барраяре. Коллега Гароша генерал Аллегре занимался тем же самым на упрямой завоеванной Комарре.

В тех редких случаях, когда Майлз не докладывал непосредственно Иллиану, он, как правило, имел дело с главой Департамента по делам галактики (довольно-таки экзотическое и вызывающее название). Но ДДГ находился на Комарре, а сейчас Майлзу было приказано

---

[3] после свершившегося факта *(лат.)*.

отправиться прямо на Барраяр. Можно предположить, что дело не терпит отлагательства. Может, оно настолько срочное, что Иллиан не придаст особого значения скверным новостям?

– Приветствую, капитан. Здравствуйте, генерал Гарош. – Как младший офицер, Майлз отдал честь. Ему ответили тем же. Секретаря Иллиана Майлз знал не очень хорошо. Капитан занимался этим неблагодарным делом года два, а Майлз работал непосредственно с Иллианом уже не менее шести лет.

Секретарь протянул руку к закодированному кубу.

– А, ваш рапорт. Отлично. Распишитесь, пожалуйста.

– Я… вроде как собирался вручить его шефу лично. – Майлз кивнул на закрытую дверь кабинета Иллиана.

– Сегодня это невозможно. Его нет.

– Нет? Я рассчитывал… У меня есть кое-какие личные комментарии.

– Я могу ему передать, как только он придет.

– А он скоро вернется? Я мог бы подождать.

– Не сегодня. Его нет в городе.

«Черт!»

– Ну, что ж… – Майлз нехотя протянул куб секретарю и четырежды прижал ладонь к комму, чтобы подтвердить передачу. – А… он не оставлял для меня никаких распоряжений? Ему должно быть известно о моем прибытии.

– Да, лейтенант. Вам приказано отдыхать, пока вас не вызовут.

– Я думал, что дело срочное, раз мне приказали прибыть с первым же кораблем. Я уже отдохнул несколько недель в дороге.

– Ничего не могу сказать, – пожал плечами капитан. – Иногда Имперская безопасность вспоминает, что является военным учреждением. Срочно беги и жди.

Да, из этого никакой информации не вытянешь. Но ежели у него столько времени, тогда тихонько слетать на Эскобар для тайного лечения можно прямо сейчас…

– Отдыхать, значит? А я могу навестить родителей на Зергияре?

– Боюсь, что нет. Вы должны быть готовы явиться по вызову в течение часа. Так что лучше вам не покидать города. Мне очень жаль, лейтенант Форкосиган.

«И вполовину не так, как мне». М-да, ни один план боевых действий не выдерживает первого столкновения с противником.

– Что ж… тогда передайте, пожалуйста, Иллиану, что я хотел бы с ним встретиться при первой же возможности.

– Непременно, – кивнул секретарь, делая пометку в своих записях.

– Как поживают ваши родители, лейтенант Форкосиган? – поинтересовался генерал Гарош. Выглядел генерал лет на пятьдесят, но в волосах его уже пробивалась седина. Майлзу нравился его тембр голоса, низкий и глубокий, иногда с оттенком юмора. Даже прожив столько лет в столице, генерал по-прежнему говорил с легким акцентом, выдававшим уроженца западных провинций. Своими способностями Гарош завоевал блестящую репутацию в Имперской безопасности, будучи при этом практически неизвестен за ее пределами. Качество, весьма импонировавшее Майлзу. Он начал работать в центральном аппарате на год или два раньше Майлза. Но за десять лет на такой работе, подумал Майлз, кто угодно поседеет. А язва желудка Гарошу точно обеспечена.

– Думаю, сэр, вы располагаете более свежими данными. Моя почта, наверное, еще лежит в ДДГ на Комарре.

Гарош развел руками:

– Иллиан изъял Зергияр из моего ведомства и создал отдельный Департамент по делам Зергияра, наподобие департамента по Комарре.

– Вряд ли там столько проблем, чтобы создавать отдельный департамент, – сказал Майлз. – Колония существует меньше тридцати лет. Население не достигает и миллиона, верно?

Секретарь кивнул.

Гарош улыбнулся с оттенком горечи:

– Лично я полагал, что это преждевременное решение, но то, чего хочет прославленный вице-король граф Форкосиган… обычно сбывается.

Он прикрыл глаза, словно не желал, чтобы Майлз заметил его многозначительный взгляд.

«Не вздумайте нести эту чушь о протекции, Гарош. Уж вам-то хорошо известно, чем я действительно занимаюсь. И насколько хорошо справляюсь со своей работой».

– Похоже на очередную синекуру. Колонисты слишком заняты насущными делами, чтобы вступать в дискуссии. Может, мне следует попроситься на должность руководителя.

– Боюсь, этот пост уже занят. Полковником Ольшанским.

– О? Я слышал, что он очень уравновешенный человек. Зергияр, несомненно, занимает важное место относительно п-в-туннеля, но я думал, что этим аспектом занимается департамент по делам галактики. Полагаю, Иллиан смотрит вперед. – Майлз вздохнул. – Видимо, я могу идти домой. Когда понадоблюсь, меня можно найти в особняке Форкосиганов.

Губы секретаря растянулись в зловещей ухмылке.

– О, в случае необходимости мы найдем вас где угодно.

Дежурная шутка Службы безопасности. Майлз послушно рассмеялся и сбежал.

К последнему лифту он подошел одновременно с каким-то капитаном, темноволосым субъектом средних лет с внимательными карими глазами и римским профилем: очень знакомая, но совершенно неожиданная здесь физиономия.

– Дув Галени! – воскликнул Майлз. – Что вы здесь делаете?

– О, привет, Майлз. – Галени улыбнулся, насколько вообще был способен улыбаться, то есть состроил радостную гримасу. Он слегка постарел и пополнел, но выглядел довольным и уверенным. – Работаю, конечно. Я снова вернулся сюда.

– В прошлую нашу встречу вы занимались контрразведкой на Комарре. Значит, вас повысили? Проснулась тяга к кабинетной работе? Или решили погреться в лучах имперской мощи?

– Все вышеперечисленное плюс… – Галени огляделся, словно желая лишний раз убедиться, что они одни. Что же это за секрет такой, о котором можно говорить только шепотом даже здесь, в самом центре лабиринта? – Эта женщина…

– Бог мой, звучит похоже на кузена Айвена. Итак, вы, женщина и?..

– Не смейте надо мной смеяться. Разве вы сами… э-э-э… не связаны с великолепной Куин?

Майлз чуть не скривился, вспомнив о последней ссоре с Элли.

– Более или менее.

Ему необходимо вернуться и разобраться с Куин при первой же возможности. Она достаточно остыла, чтобы проводить его, когда он садился на катер «Перегрина», но их прощание было официальным и натянутым.

– Ну так вот, – продолжил Галени. – Она комаррианка. Из семьи Тоскане. Защитив на Комарре докторскую по теории бизнеса, она начала работать в семейном торговом концерне. А теперь является постоянным представителем торговой группы комаррских концессий в Форбарр-Султане. Своего рода посредник между ними и Империей. Блистательная женщина.

В устах Галени, который сам получил докторскую степень по истории еще до того, как стал первым комаррцем, принятым на военную службу Барраяра, это была высокая оценка.

– Так… вы за ней ухаживаете или думаете взять на работу в свой департамент?

Майлз готов был поклясться, что Галени едва не вспыхнул.

– Это серьезно, Форкосиган!

– И амбициозно. Если она из тех самых Тоскане.

– Я сам был когда-то из тех самых Галенов. Когда Галены еще стояли в том же ряду.

– Подумываете о восстановлении фамильного состояния, а?

– М-м-м… времена меняются. Все движется вперед. Полагаю, и мне пора заняться личной жизнью. Мне ведь почти сорок, знаете ли.

– Стоите на пороге старческой немощи, – ухмыльнулся Майлз. – Ладно, поздравляю. Или мне следует пожелать удачи?

– Пожалуй, удачи. Поздравлять пока рановато. Но, надеюсь, скоро придет черед и поздравлений. А вы?

«Моя личная жизнь в данный момент очень сложная. Во всяком случае… личная жизнь адмирала Нейсмита».

– А, работа? В настоящий момент я… э-э-э… не занят. Я только что вернулся из небольшого галактического круиза.

Галени понимающе поднял бровь. О состоявшейся несколько лет назад встрече с дендарийцами и адмиралом Нейсмитом у него, несомненно, сохранились весьма живые воспоминания.

– Вы вверх и внутрь или вниз и на улицу?

Майлз указал на лифт, ведущий вниз.

– Домой. Получил несколько дней отпуска.

– Тогда, может быть, мы еще встретимся где-нибудь в городе. – Галени кивнул и, весело козырнув, зашел в лифт.

– Надеюсь. До встречи. – Майлз, в свою очередь, вошел в соседнюю кабину и спустился к выходу.

На улице Майлз помедлил, решая небольшую проблемку. Обычно после доклада он либо вызывал машину из резиденции отца, с оруженосцем или слугой за рулем, или – что случалось гораздо чаще – обнаруживал машину, уже поджидающую его у выхода из логова Иллиана. Но оруженосцы, слуги, машины и прочие отбыли вместе с графом и графиней Форкосиган во дворец вице-короля на Зергияре. (Об оном дворце мать в одном из посланий сухо сообщила, что термин «дворец» является явным эвфемизмом.) Так как же быть: позаимствовать транспорт из гаража Службы безопасности или вызвать наемный? Однако можно быть совершенно уверенным: какое бы решение он ни принял, машину все равно сперва тщательно просканируют охранники Службы. А багаж он отправил в резиденцию прямо из космопорта.

День был пасмурный и хмурый, но без дождя. А он столько времени провел на борту весьма тесного (хоть и быстрого) прыжкового корабля. Майлз взял плащ и вышел на улицу. В конце концов, ему было приказано не передвигаться без телохранителя только по галактике.

От штаб-квартиры до особняка Форкосиганов не более четырех километров – оба здания расположены в Старом городе.

«Пройдусь-ка я до дома пешком».

Майлз подошел к резиденции Форкосиганов в сумерках и поздравил себя с хорошим результатом. Четыре километра за… Ну, может, это не лучший его результат, но по крайней мере он не задыхается и не ловит воздух ртом, как полгода назад.

Предпринятая экспромтом прогулка оказалась… просто прогулкой. На улицах в центре было полно машин. Люди спешили по делам, и почти никто не обращал внимания на невысокого мужчину в мундире. Ни тебе долгих взглядов, ни грубых жестов или комментариев, даже ни единого знака, охраняющего от мутации. Может, отношение к нему изменилось потому, что он избавился от искривления позвоночника? Или это изменились сами барраярцы?

Когда-то здесь стояли три старинных особняка, занимавших целый квартал. Во времена регентства графа Форкосигана один из особняков из соображений безопасности приобрело правительство, и теперь там располагались какие-то мелкие конторы. Другой, самый ветхий, с прогнившими перекрытиями, просто-напросто снесли и на его месте разбили небольшой

сквер. Лет сто – сто пятьдесят назад эти особняки, должно быть, величественно возвышались над проезжающими каретами и всадниками. А сейчас их затмевали современные башни, выстроенные на противоположной стороне улицы.

Особняк Форкосиганов стоял в центре, отделенный от улицы узеньким газоном и садом, который полукругом огибала дорожка. Сад окружала высокая каменная стена, украшенная острыми коваными пиками. Четыре этажа огромных серых каменных блоков, разбитых на правое и левое крыло, с небольшими пристройками, высились огромным архаичным массивом. Не хватает только решеток на окнах и рва. А заодно летучих мышей и воронов для декора. Привезенные некогда с Земли летучие мыши плохо прижились на Барраяре, поскольку земных видов насекомых здесь оказалось недостаточно, а местные создания, неправомерно называемые жуками, были, как правило, ядовитыми. Настоящей защитой особняка служил силовой щит, начинавшийся сразу за стеной. Он же исключал наличие летучих мышей. В бетонной караульной будке возле ворот обычно сидела охрана. В достославные времена Регентства здесь постоянно дежурили целых два взвода Службы безопасности, расставив посты не только возле особняка, но и на несколько кварталов вокруг, наблюдая за снующими туда-сюда правительственными шишками.

Теперь ворота охранял один-единственный молоденький капрал, который, заслышав шаги Майлза, высунулся из дверей караулки, затем выскочил и, отсалютовав, вытянулся по стойке «смирно». Явно новенький – Майлз его прежде не видел.

– Добрый день, лейтенант Форкосиган, – бодро проговорил юноша. – Я ждал вас. Ваши вещи принесли два часа назад. Я все просканировал, так что чемодан можно вносить в дом.

– Благодарю, капрал. – Майлз с серьезной миной козырнул в ответ. – За последнее время здесь были какие-нибудь проблемы?

– В общем-то нет. С момента отбытия графа с графиней ничего особенного не происходило. Вот только один раз, ночью, когда бродячая кошка проскочила мимо сканеров и угодила в силовую ловушку. Вот уж никогда не думал, что кошка способна учинить такой переполох! Похоже, она решила, что ее сейчас прикончат и съедят.

Майлз заметил в дальнем углу караулки упаковку от сандвича и мисочку с молоком. В дверном проеме второй крошечной комнаты мерцали видеомониторы охранной системы.

– Ну и… э-э… как? Я хотел спросить, убили ее?

– Нет, сэр. К счастью.

– Вот и хорошо. – Майлз забрал чемодан, неловко столкнувшись с капралом, который запоздало сообразил подать багаж. Из-под стула, стоящего возле миски с молоком, на Майлза смотрела пара затравленных желто-зеленых кошачьих глаз. Мундир юного капрала украшала весьма занимательная коллекция темных ворсинок, руки его были покрыты глубокими, уже начавшими подживать царапинами. Держать животных на посту – грубейшее нарушение устава. Но девять часов каждый Божий день сидеть в этом крошечном бункере! Сбеситься можно с тоски.

– Замки перенастроены под вашу ладонь, сэр, – торопливо сообщил охранник. – Я все проверил дважды. Могу я донести ваш чемодан? Вы знаете, сколько пробудете? И будет ли здесь… что-нибудь происходить?

– Пока не знаю. Как только прояснится, я вам сообщу.

Парнишке явно хотелось поговорить, но Майлз слишком устал. Позже. Он двинулся было к дому, но передумал.

– Как вы ее назвали?

– Сэр?

– Кошку.

На лице юноши мелькнул испуг. Видимо, припомнилась статья устава, касающаяся животных.

– Э-э-э… Царапка, сэр.

По крайней мере парень честен.

– Подходяще. Что ж, несите службу дальше, капрал. – Майлз отсалютовал на манер

аналитиков Службы безопасности, то есть двумя пальцами обозначил что-то вроде взмаха в направлении левого виска. Аналитики Службы не больно-то почтительно относились к тем, чей КИ считали ниже своего, то есть практически ко всем остальным сотрудникам Имперской безопасности. Охранник благодарно ответил четким армейским салютом.

«Когда это Служба безопасности начала направлять к нам детей для охраны ворот?» Мрачные личности, охранявшие резиденцию при отце, прикончили бы несчастную кошку на месте. А ее бренные останки подвергли бы тщательному исследованию на предмет обнаружения шпионских устройств или бомбы. Пареньку, должно быть… М-да… как минимум двадцать один год, раз он служит в Безопасности и имеет чин капрала. Майлз вздрогнул от холода и поспешил к дому – от измороси, стремительно превращавшейся в проливной дождь.

Он прижал ладонь к сенсорному замку справа от двойных дверей. Створки грациозно распахнулись, пропуская его внутрь, и немедленно закрылись, едва он переступил порог. Весьма непривычно самому открывать дверь. Обычно возле дверей всегда стоял оруженосец в коричневой с серебром ливрее и открывал дверь. Когда это они успели здесь все автоматизировать?

Огромный холл с полом в черно-белую клетку казался холодным и мрачным в дождливых сумерках. Майлз чуть было не воскликнул «Свет!», чтобы включить освещение, но передумал и поставил чемодан на пол. Ни разу еще особняк Форкосиганов не был целиком и полностью в его распоряжении.

– «Когда-нибудь, сын, все это станет твоим», – прошептал он во тьму. Произнесенные шепотом слова эхом разнеслись по всему помещению. Майлз подавил невольную дрожь. Повернувшись направо, он начал медленный обход владений.

Мягкий ковер поглощал звук шагов. Оставшуюся мебель – похоже, родители увезли больше половины – закрывали белые покрывала. Майлз обошел весь первый этаж. Почему-то все казалось одновременно и больше и меньше, чем он помнил. Озадачивающий парадокс.

Он осмотрел гараж, расположенный в подвале восточного крыла. Его флайер аккуратно стоял в углу. Огромный роскошный, хоть и устаревшей модели, бронированный лимузин занимал другой угол. Лимузин напомнил Майлзу его боевую броню. «Пожалуй, не стоит ездить на машине или летать, пока не разберусь с этой чертовой болячкой в голове». Управляя флайером, он рискует погибнуть сам, если припадок застигнет его в небе, а на машине – угробить кого-нибудь на трассе. Прошлой зимой, до того, как Майлз убедил себя, что выздоравливает, он весьма наловчился якобы случайно присоединяться к кому-нибудь, если нужно было ехать.

Он спустился по черной лестнице на большую кухню. В детстве здесь всегда можно было стянуть что-нибудь вкусненькое, пообщаться. Здесь было полно интересных, вечно занятых людей: поваров, оруженосцев, слуг. А иногда можно было встретить даже одного проголодавшегося регента, забегавшего в поисках съестного. Теперь на кухне стояла кое-какая утварь, но ничего съестного ни на плитах, ни в отключенных от сети холодильниках не было.

Майлз подключил самый маленький холодильник. Если он задержится, придется закупить продукты. Или завести слугу. Одного слуги вполне хватит. И все же ему не хотелось видеть здесь никого постороннего… Может, кто-то из прежней обслуги, выйдя на пенсию, живет поблизости и его удастся уговорить вернуться на несколько дней… Но, возможно, он сам пробудет дома недолго. Может, лучше купить готовую еду? Только не с военной кухни, премного благодарен. В винном погребе, покорно открывшемся при прикосновении форкосигановской длани, осталось весьма впечатляющее количество вина. Майлз извлек пару бутылок любимого красного, положенного сюда еще при деде.

Не побеспокоившись включить лифт, Майлз поднялся с чемоданом и бутылками по винтовой лестнице на третий этаж к себе в спальню. Окна выходили на внутренний садик. Он включил свет – в ночной тьме больше опасностей, чем в черной меланхолии. Комната ничуть не изменилась с тех пор, как он был здесь в последний раз… Когда? Неужели всего

четыре месяца назад? Слишком чисто и опрятно. Здесь никто давно по-настоящему не жил. Ну, положим, прошлой зимой лорд Форкосиган пробыл тут довольно долго, но был несколько не в форме, чтобы устроить развал.

«Можно заказать что-нибудь поесть. И поделиться с охранником».

Но он не ощущал особого голода.

«Я могу делать все, что мне заблагорассудится. Абсолютно все».

Кроме одного. Того, чего он действительно хотел, – отбыть нынче же ночью на самом быстром прыжковом корабле к Эскобару или какой-нибудь другой планете со столь же развитой медициной. Он непроизвольно зарычал. И принялся распаковывать чемодан, аккуратно раскладывая все по местам. Сбросил сапоги, мундир повесил в шкаф, натянул на себя старенький удобный комбинезон.

Усевшись на кровать, налил себе вина во взятый в ванной стакан. Последнее время он избегал спиртного и вообще любых наркотиков. Впрочем, это, кажется, не играло особой роли в его редких и нерегулярных припадках. Он тихо просидит в резиденции Форкосиганов до самой встречи с Иллианом, и ежели с ним и случится припадок, этого по крайней мере никто не увидит.

«Выпью, а потом закажу еду».

А завтра он разработает новый план атаки на… на чертова саботажника, пробравшегося в его нейроны.

Вино, густое и терпкое, приятно согревало. Похоже, для отключки теперь требуется больше алкоголя, чем раньше. Ну, это не проблема. Понижение восприимчивости могло быть и побочным следствием криооживления, но Майлз мрачно подумал, что скорее всего он просто-напросто стареет. Заснул он только тогда, когда бутылка опустела на две трети.

К полудню следующего дня проблема пищи стала весьма актуальной: хоть Майлз и перехватил что-то на завтрак, отсутствие кофе и чая просто ввергало в отчаяние.

«Я – специально обученный сотрудник Службы безопасности. И могу решить эту проблему». Кто-то же делал закупки все эти годы… Нет, если припомнить, продукты на кухню доставлялись на грузовике. Оруженосцы всегда осматривали машину. Шеф-повар фактически выполнял обязанности каптенармуса, ведь он должен был накормить графа, графиню, пару дюжин слуг, двадцать оруженосцев, кучу их родственников и вечно голодных охранников, никогда не отказывавшихся перекусить. А еще – частые официальные приемы, обеды и ужины, где количество гостей измерялось сотнями.

Комм-пульт на кухне предоставил Майлзу необходимые сведения. У Форкосиганов имелся постоянный поставщик. В связи с отъездом родителей счет закрыли, но его можно открыть снова. Предлагаемый поставщиком ассортимент потрясал своей обширностью. Цены потрясали еще больше. Интересно, сколько марок платили за яйца?.. О!.. Это ж цена за дюжину дюжин, а не за двенадцать штук. Майлз попытался представить себе, что станет делать со ста сорока четырьмя яйцами. Да, такую бы возможность ему бы лет в тринадцать… Увы, некоторые возможности подворачиваются слишком поздно.

Он вернулся к комму. Ближайшее место, где можно приобрести еду, – небольшой магазинчик примерно в шести кварталах отсюда. Вот еще задачка: осмелится ли он сесть за руль?

«Иди пешком. А оттуда приедешь на наемной машине».

Магазинчик оказался забавной маленькой дырой в стене, но там можно было приобрести кофе, чай, молоко, яйца в разумных количествах, коробку каши мгновенного приготовления и целую кучу различных упаковок с надписью «готовое блюдо»! Майлз набрал по паре всех пяти видов. Повинуясь импульсу, заодно захватил штук шесть пакетиков дорогого кошачьего корма, такой пахучей штуки, которую почему-то обожают кошки. Итак… отдать корм охраннику? Или попытаться заманить Царапку к себе? После инцидента с силовой ловушкой киска вряд ли имеет привычку прогуливаться возле черного хода особняка Форкосиганов.

Майлз сгреб в охапку покупки и направился к кассе, где кассир со специфической улыбочкой оглядела его с ног до головы. Он уже приготовился услышать какую-нибудь гнусненькую реплику, типа «А, мутант!». Следовало перед выходом надеть форму. Никто не осмелится оскорбить человека, у которого на воротнике Глаз Гора. Но женщина сказала всего-навсего:

– А, холостяк!

Майлз вернулся домой и приступил к позднему завтраку, потратив на него примерно час. До наступления темноты еще пять часов. А до сна – и того больше. На изучение всех имеющихся на Барраяре крионеврологических клиник и специалистов ушло совсем немного времени. Список был разделен по двум признакам: репутация и вероятность сохранения его визита в тайне от Имперской безопасности. Со вторым пунктом возникли сложности. Майлз хотел, чтобы в его голове копались только самые лучшие специалисты, но самых лучших чудовищно трудно убедить заняться лечением пациента и не вести при этом записей. Так что? Эскобар? Барраяр? Или подождать следующей галактической миссии, как можно дальше от штаб-квартиры?

Он бродил по дому, предаваясь воспоминаниям. Вот здесь была комната Элен. А вот эта крошечная комнатушка принадлежала ее отцу, сержанту Ботари. А тут вот Айвен перевалился через ограждение и пролетел половину пролета, чуть не раскроив себе череп, что, впрочем, никак не отразилось на его умственных способностях. Даже возникла было надежда, что после падения он поумнеет…

Во время ужина Майлз решил соблюсти все семейные традиции. Надел мундир, снял покрывала с мебели в большом обеденном зале и поставил во главе многометрового стола хрустальный бокал для вина. Он даже собрался было достать тарелки, но сообразил, что, если съест все прямо из упаковки, избавится от необходимости мыть посуду. Включив легкую музыку, он приступил к ужину, на который потратил минут пять. Закончив трапезу, он снова аккуратно закрыл покрывалами полированный стол и изящные стулья.

«Будь здесь дендарийцы, я бы устроил настоящую вечеринку».

Элли Куин. Или Таура. Или Вербена Дюрона. Или даже Элен, Баз и все остальные. Бел Торн, которого ему по-прежнему не хватает. Все вместе. Кто-нибудь из них. Представив дендарийцев, занявших особняк Форкосиганов, Майлз испытал легкое головокружение. Вне всякого сомнения, они сумели бы оживить это место.

К вечеру он настолько дошел до ручки, что вызвал по комму кузена Айвена.

Айвен отозвался довольно быстро. Лейтенант лорд Айвен Форпатрил был одет в зеленый мундир, абсолютно идентичный мундиру Майлза, с той лишь разницей, что на воротнике напротив лейтенантских нашивок вместо Глаз Гора красовалась общевойсковая эмблема. По крайней мере хоть Айвен не меняется: по-прежнему днем сидит в генштабе, а ночами ведет беззаботную жизнь столичного офицера-фора.

При виде Майлза Айвен расплылся в счастливой улыбке.

– Братец! А я и не знал, что ты здесь.

– Я уже несколько дней, как приехал, – признался Майлз. – Занимался тем, что попробовал испытать на себе, что значит иметь особняк Форкосиганов в единоличном пользовании. Странное ощущение, должен заметить.

– Господи Боже мой, ты совсем один в этом мавзолее?

– Не считая охранника и кошки Царапки, но они живут сами по себе.

– Тебе, ожившему покойнику, это, по-моему, вполне подходит, – ухмыльнулся Айвен.

Майлз коснулся груди.

– Не очень. Никогда прежде не замечал, насколько сильно старые дома скрипят по ночам. Вторую половину дня я провел… – Он не мог сказать Айвену, что разрабатывал план тайного лечения, поэтому быстро перестроился, – копаясь в архивах. Меня всегда интересовало, сколько людей умерло в этом доме за многие века. Кроме деда, конечно. Оказалось – гораздо больше, чем я думал.

– Ага.

– Так что в городе? Можно рассчитывать на твое появление у меня, или как?

– Я весь день на службе… а вообще-то ничего интересного нет. День рождения императора уже отпраздновали, а Зимнепраздник еще не наступил.

– Как прошел нынешний День рождения? Меня не было. Я был в пути, летел три недели. И там никто даже не напился.

– Да, знаю. Ведь я вынужден был вручать мешочек с золотом от твоей провинции. Все прошло как обычно. Грегор ушел рано, и все тихо-мирно увяло еще до рассвета. – Айвен провел языком по губам, будто его осенила блестящая идея. Майлз насторожился.

– Вот что я тебе скажу. Через два дня Грегор устраивает официальный ужин. Там будут два или три новых галактических посла и пара консулов, вручивших верительные грамоты в прошлом месяце. Грегор решил принять их всех одновременно, чтобы разом покончить с этим делом. И, как обычно, роль хозяйки выполняет моя мать.

Леди Элис Форпатрил была всеми признанным социальным арбитром Форбарр-Султана и во многом была обязана этой репутации своим обязанностям во дворце, выступая в роли хозяйки на многочисленных официальных мероприятиях холостого, не имеющего ни матери, ни сестры императора Грегора.

– Потом будут танцы. Мать просила меня привести кого-нибудь из молодежи, чтобы заполнить бальный зал. Под молодежью, насколько я понимаю, она имела в виду людей моложе сорока. Естественно, подходящих по социальному статусу, как ты понимаешь. Если б я знал, что ты приехал, то связался бы с тобой.

– Она хочет, чтобы ты привел девушку, – пояснил Майлз. – Причем желательно невесту.

Айвен ухмыльнулся:

– Ага, только по какой-то непонятной причине большинство моих знакомых не хотят давать взаймы своих.

– Мне тоже нужно привести партнершу для танцев? Сомневаюсь, чтобы у меня здесь остались знакомые женщины.

– Ну, так пригласи одну из дочерей Куделки. Я так и сделал. Конечно, это все равно что прийти с сестрой, но они чертовски хороши, особенно все вместе.

– Ты пригласил Делию? – задумчиво поинтересовался Майлз.

– Ага, но могу уступить ее тебе, если хочешь, и взять Марсию. Но если пойдешь с Делией, пообещай, что не заставишь ее надевать туфли на высоких каблуках. Она терпеть не может каблуки.

– Но на каблуках она… настолько впечатляюще выглядит.

– Она достаточно впечатляюще выглядит и так.

– Это точно. Ну… ладно, договорились. – Майлз на мгновение представил, что с ним приключился припадок посреди бального зала на глазах у доброй половины сливок форского общества столицы. Но какой у него выбор? Сидеть дома, как сыч, мечтая о бегстве на Эскобар, придумывая очередные девятнадцать бесполезных способов, как обыграть Службу безопасности на ее родном поле? Или разрабатывая блестящий план, как спереть у охранника кошку и поселить у себя? А Айвен вполне может решить проблему с транспортом.

– У меня нет машины, – сообщил Майлз.

– А что с твоим флайером?

– Он… в мастерской. На профилактике.

– Хочешь, чтобы я за тобой заехал?

Мозги Майлза работали на полных оборотах. Сие означает, что за рулем будет Айвен, к вящему ужасу всех пассажиров. Разве что Майлзу удастся уговорить Делию Куделку вести машину.

– А твоя мать действительно хочет, чтобы народу было побольше?

– Она так сказала.

– Здесь капитан Дув Галени. Я встретил его на днях в штаб-квартире Имперской безопасности. Сидит в аналитическом отделе и почему-то считает это великим благом.

– Ах да, я ведь знаю об этом! И сказал бы тебе, как только вспомнил. Несколько недель назад он появлялся в наших краях вместе с генералом Аллегре для консультации с руководством. Я собирался предпринять что-нибудь по случаю его приезда в Форбарр-Султан, но как-то пока с ним не встречался. Вы, ребята из Безопасности, стараетесь держаться сами по себе в вашей Центральной Психушке.

– Ладно, в любом случае он сейчас старается обаять какую-то комаррскую девицу. Точнее, не девицу, а женщину. Некую шишку в торговом представительстве. Как я понял, у нее больше ума, чем красоты, что, зная Галени, меня нисколько не удивляет. И у нее весьма значительные связи на Комарре. Как по-твоему, сколько очков он наберет, приведя ее на императорский официальный ужин?

– Чертову уйму, – решительно сказал Айвен, – особенно если учесть, что это один из приемов для избранных, организованный моей матерью.

– А мы с тобой оба перед ним в долгу.

– И крепко. К тому же, как я заметил, он утратил значительную долю сарказма. Может, мягчеет, а? Конечно, пригласи его, – кивнул Айвен.

– Я сейчас с ним свяжусь, а потом сообщу тебе, идет?

Довольный результатом своего вдохновения, Майлз отключил комм.

Глава 5

Майлз вылез из машины капитана Галени, остановившейся у восточного входа Императорского дворца, и повернулся, чтобы помочь выйти из машины Делии Куделке, едва ли нуждавшейся в помощи. Она вытянула свои длинные стройные ноги и легко выскочила из автомобиля. Взметнувшийся подол голубого платья позволил разглядеть нарядные бальные туфельки соответствующего оттенка, удобные и на низеньком каблучке. Делия была самой высокой из четырех дочерей коммодора Куделки. Макушка Майлза находилась на добрых десять сантиметров ниже ее плеча. Он ухмыльнулся. Делия ответила несколько кривоватой, чисто дружеской улыбкой.

– Не понимаю, почему я позволила вам с Айвеном втянуть меня в это, – вздохнула она у него над ухом.

– Потому что любишь танцевать, – уверенно заявил Майлз. – Подари мне первые два танца, и я обещаю, что найду тебе симпатичного высокого галактического дипломата на весь оставшийся вечер.

– Да не в том дело, – хмыкнула девушка, окинув взором его невысокую фигуру.

– Недостаток роста я компенсирую скоростью.

– Вот в этом-то как раз и проблема, – кивнула она.

Галени передал свой скромный автомобиль поджидавшему слуге, который отогнал машину в сторону, и взял под руку свою даму. Нужно было знать капитана, чтобы суметь понять выражение его лица. Майлз пришел к выводу, что оно немного гордое, немного самодовольное и чуть смущенное, как у человека, пришедшего на вечеринку в чересчур парадной одежде. Поскольку Галени, хоть и чуть тщательнее, чем обычно, выбритый, выглаженный и начищенный, был в таком же зеленом мундире, как и Майлз, оставалось предположить, что его скованность вызвана дамой, которую он сопровождал.

«И у него есть повод для самодовольства, – подумал Майлз. – А что будет, когда ее увидит Айвен!»

Если у Лаисы Тоскане ума больше, чем красоты, значит, она просто гений. Хотя истинная причина столь сильного воздействия ее на окружающих трудноуловима. Милое славное личико и близко не похожее на скульптурную красоту Элли Куин. Глаза необычного яркого сине-зеленого цвета – интересно, от природы или от умелого пользования косметикой. Она оказалась невысокой даже для комаррской женщины, на две ладони ниже

Галени, который был почти одного роста с Делией. Но самое потрясающее в ней – кожа. Молочно-белая, как бы светящаяся. Сказать совершенная, значит не сказать ничего, этим словом нельзя передать ее облик. Такую потрясающую женственность он видел только у цетагандийских аут-леди.

Богатство не всегда означает наличие вкуса, но, когда богатство и вкус идут рука об руку, результат получается сногсшибательный. На Лаисе были темно-красные брюки свободного покроя в комаррском стиле, соответствующего оттенка топ с низким вырезом, поверх которого она надела открытый жакет цвета морской волны с бежевым. Умеренное количество драгоценностей. Волосы, коротко остриженные в соответствии с комаррской модой, слишком темные, чтобы можно было назвать ее блондинкой, и слишком серебристые для русых. Улыбка, с которой она смотрела на своего кавалера, была довольной и радостной, но ни в коем случае не благоговейной. Если она пройдет отбор у тети Элис, решил Майлз, то с ней все будет в порядке. Он ускорил шаг, чтобы не отстать от Делии, и повел свою маленькую группку внутрь, как будто официальный ужин у императора Грегора – его личный подарок.

Они миновали императорских охранников и мажордома, убедившегося, что у них нет с собой никаких вещей, которые нужно принять, и что, имея в своих рядах Майлза, они не нуждаются в эскорте. Следующим встречающим оказалась леди Элис Форпатрил собственной персоной, стоявшая у подножия лестницы. Для этого приема она выбрала отделанное золотом платье темно-синего бархата – возможно, в честь родовых цветов своего давно погибшего мужа. Насколько Майлз помнил, все его детство она носила вдовьи наряды светло-серых тонов, но в конце концов постепенно вернулась к другим цветам. Возможно, тогда, когда окончательно простила лорду Падме Форпатрилу, что он позволил убить себя столь мерзким образом во время дворцового переворота Фордариана.

– Здравствуйте, Майлз, дорогой, Делия!

Майлз почтительно склонился к ее руке и официально представил капитана Галени и доктора Тоскане. Леди Элис благосклонно кивнула. Майлз вздохнул с облегчением – значит, Айвен, как и обещал, попросил мать внести их в список гостей.

– Грегор, как всегда, принимает гостей в Зеркальном зале, – сообщила леди Элис. – За ужином вы будете сидеть за его столом, ниже посла Эскобара с супругом. Я подумала, что было бы неплохо посадить гостей вперемежку с местными жителями.

– Спасибо, тетя Элис.

Майлз глянул через плечо леди Форпатрил на знакомую худощавую фигуру в зеленом мундире, стоявшую в тени слева от двери и тихо о чем-то беседовавшую с охранником Службы безопасности.

– Э-э… Делия, не проводишь ли Дува с Лаисой в Зеркальный зал? Я вас сейчас догоню.

– Конечно, Майлз.

Улыбнувшись Лаисе, Делия грациозно подобрала подол длинного бального платья и повела обоих комаррцев вверх по лестнице.

– Какая милая молодая женщина, – изрекла леди Элис, глядя им вслед.

– Вы это о докторе Тоскане? – рискнул уточнить Майлз. – Я подумал, что ее вполне можно привести.

– О да, безусловно. Она ведь главная наследница тех самых Тоскане, знаешь ли. Весьма подходящая гостья. – И тут же все испортила, добавив: – Для комаррианки.

У всех свои недостатки. Император прибегал к услугам леди Элис именно для того, чтобы допускались только Подходящие люди. Но Майлз углядел второго члена команды, человека, к услугам которого Грегор прибегал, чтобы допускались только Безопасные люди. Глава Имперской службы безопасности Саймон Иллиан наконец оторвался от беседы со своим подчиненным, который, откозыряв, исчез в дверях. Иллиан не улыбнулся и не поприветствовал Майлза, но Майлз скользнул мимо леди Элис и все равно направился к нему, поймав прежде, чем тот успел уйти вслед за охранником.

– Сэр! – на манер аналитиков отсалютовал Майлз. Иллиан ответил еще более небрежно

– скорее отмахнулся, чем поприветствовал. Шеф Имперской безопасности – седеющий мужчина лет шестидесяти с удручающе неприметной физиономией – имел постоянную привычку смотреть в пол. Сегодня вечером Иллиан, судя по вставленному в ухо микрофону комм-связи и заряженному оружию в обеих кобурах, решил лично заняться обеспечением безопасности Грегора. Сие могло означать, либо что нынче ночью здесь происходит что-то более важное, чем было сказано Майлзу, либо что больше нигде не происходит ничего такого, что могло бы вынудить Иллиана сидеть в штаб-квартире, и он оставил рутинную работу своему исполнительному и надежному заместителю Гарошу. – Секретарь передал вам мое послание, сэр?

– Да, лейтенант.

– Он сказал, что вас не было в городе.

– Так и было. А теперь вернулся.

– А вы видели… мой последний доклад?

– Да.

«Черт!» Слова «есть кое-что важное, что не вошло в доклад» застряли у Майлза в горле.

– Мне необходимо с вами поговорить.

Иллиан, и так обычно невозмутимый, казался еще более непроницаемым, чем обычно.

– Сейчас не время и не место.

– Совершенно верно, сэр. Когда?

– Я жду дополнительной информации.

Все верно. Если не беги и жди, то жди и беги. Но что-то скоро должно произойти. Иначе Иллиан не заставил бы Майлза сидеть в Форбарр-Султане в режиме часовой готовности. «Если речь идет о новом задании, то пусть, черт побери, дает мне его побыстрее. Тогда я по крайней мере смогу заняться разработкой долгосрочного плана».

– Отлично, сэр. Я буду наготове.

Иллиан кивком отпустил его, но, едва Майлз направился прочь, окликнул:

– Лейтенант!

Майлз обернулся.

– Вы сюда приехали на машине?

– Да. Меня привез капитан Галени.

– А! – Иллиан, казалось, нашел что-то чрезвычайно интересное за спиной у Майлза. – Проницательный человек Галени.

– Я тоже так думаю.

Расставшись с идеей выудить сегодня из Иллиана еще что-нибудь, Майлз поспешил за друзьями.

Он ждали его в широкой галерее у входа в Зеркальный зал. Галени вежливо болтал с Делией, которая явно не спешила встретиться с находящимися в зале Айвеном и сестрицами. Лаиса с восхищением разглядывала антиквариат и разостланые на полу ковры спокойных тонов. Майлз подошел к ней и стал рассматривать инкрустацию на крышке деревянного стола. На ней из разных пород дерева были изображены скачущие кони.

– Здесь все такое барраярское, – призналась она Майлзу.

– Вы так себе все и представляли?

– Да, конечно. Как вы думаете, сколько лет этому столу? И о чем думал мастер, когда его делал? Может быть, он представлял себе нас, думающих о нем? – Пальцы Лаисы пробежали по полированной поверхности, пахнущей ароматным воском. Она улыбнулась.

– Около двухсот лет, я полагаю, – ответил Майлз.

– Хм-м. – Ее улыбка стала задумчивой. – Некоторым из наших куполов более четырехсот лет. И все же Барраяр кажется старше, даже если это и не соответствует истине. Есть в вас что-то внутренне архаичное, я бы сказала.

Майлз на мгновение задумался о ее родном мире. Еще лет четыреста терраформирования, и на Комарре люди смогут жить за пределами куполов без дыхательных

аппаратов. В настоящее время комаррцы живут внутри куполов и так же зависят от своей технологии, чтобы выжить в жутком холоде, как и бетанцы на своей жаркой покрытой песками планете. Комарра не знала Периода Изоляции, никогда не прерывала связи с остальными мирами. Более того, она жила в основном за счет этих миров, поскольку единственным источником существования для этой планеты являлись шесть важнейших п-в-туннелей. Такое расположение превращало Комарру в важный коммуникационный узел и – к несчастью – в важный стратегический объект. У Барраяра имелся один-единственный выход к другим мирам, и проходил он через Комарру. Если вы не охраняете свои ворота, то те, кто ими завладеет, завладеет и вами.

Майлз направил свои мысли в более личностное русло. Совершенно очевидно, что Галени просто необходимо вывезти свою даму на свежий барраярский воздух. Ей, безусловно, понравятся не свойственные Комарре дикие просторы. Путешествие на перекладных, или, раз уж ей так нравится старина…

– Вам следовало бы попросить Дува пригласить вас на прогулку верхом, – предложил Майлз.

– Господи, неужели он еще и верхом умеет ездить? – Ее поразительные бирюзовые глаза округлились.

– Э-э-э… – Хороший вопрос. Ну, если и не умеет, то Майлз может преподать ему интенсивный курс. – Конечно.

– Настоящая старина кажется такой… – ее голос упал до таинственного шепота, – подлинно романтичной. Только не говорите Дуву, что я так сказала. Он просто помешан на исторической точности. Первое, что он делает, это сдувает всю волшебную пыльцу.

Майлз ухмыльнулся:

– Нисколько не удивляюсь. Но я думал, что вы тоже практичная деловая женщина.

Улыбка Лаисы стала серьезной.

– Я комаррианка. И должна быть деловой. Без прибыли от торговли, транспорта, банков и переработки Комарра вновь опустится до полунищего – даже более, чем полунищего – уровня, с которого начинала. И семьдесят процентов населения погибнут так или иначе.

Майлз заинтересованно выгнул бровь. Приведенные ею цифры, конечно, завышены, но она явно искренне так считает.

– Ну, пожалуй, нам не стоит больше задерживаться. Не пройти ли нам в зал?

Они с Галени поменялись местами, и Майлз повел всех к ближайшей двери. Зеркальный зал представлял собой длинное помещение с рядом высоких окон по одной стене и старинными зеркалами по другой, чему, собственно, и был обязан своим названием, поскольку зеркала эти были приобретены в те времена, когда еще были редкостью.

Грегор, изображавший нынче вечером скорее радушного хозяина, чем владыку, стоял возле двери с несколькими министрами, вызванными сюда ради такого случая, и приветствовал гостей. Худощавый, если не тощий, темноволосый и темноглазый, сегодня он предпочел надеть гражданский костюм, выдержанный в самом официально-консервативном барраярском стиле, с родовыми цветами Форбарра на обшлагах рукавов и кантах брюк. Грегор вообще был равнодушен к одежде. Но не сегодня – когда он исполнял свои светские обязанности, которых терпеть не мог, но которые, как и все прочие свои многочисленные обязанности, выполнял блестяще.

– Это он? – шепнула Лаиса, пока они ждали своей очереди. – А я думала, он будет в том потрясающем мундире, что на видео.

– А, парадный красно-синий мундир? Его он надевает только на Летний парад, по случаю своего дня рождения и на Зимнепраздник. Его дед, император Эзар, действительно был генералом еще до того, как стал императором, и мундир на нем сидел, как вторая кожа, но Грегор в мундире чувствует себя не в своей тарелке, хоть формально он и является верховным главнокомандующим барраярской армии. Поэтому, когда позволяет этикет, он предпочитает что-либо другое. И мы все чрезвычайно этому рады – ведь тем самым он

позволяет и нам не носить эту чертову форму. Воротник душит, шпага путается в ногах, а шпоры цепляются за все на свете. – Не то чтобы воротник зеленого мундира был ниже парадного, а высокие сапоги отличались от парадных лишь отсутствием шпор, но Майлз при своем росте больше всего терпеть не мог шпагу.

– Понятно, – прошептала Лаиса, весело прищурившись.

– Ага, вот и наш черед.

Майлз подтолкнул своих друзей.

Делия знала Грегора с детства, поэтому, с улыбкой поприветствовав его, быстро отступила в сторону, давая дорогу новичкам.

– Да, капитан Галени, я о вас слышал, – серьезно произнес Грегор, когда Майлз представил ему офицера, уроженца Комарры. В глазах Галени мелькнул мгновенный испуг, Грегор поспешил добавить: – Много хорошего.

Император повернулся к Лаисе, и его взгляд остановился как бы в изумлении. Быстро овладев собой, Грегор склонился к ее руке, пробормотав что-то о важности Комарры для будущего Империи.

Покончив с формальностями, Делия отправилась на поиски Айвена и сестер, затерявшихся где-то в толпе разодетых гостей. Лаиса через плечо оглянулась на Грегора.

– Господи. Мне показалось, что он чуть ли не извиняется за то, что вы нас завоевали.

– Ну, это вряд ли, – хмыкнул Майлз. – У нас не было выбора после того, как Цетаганда попыталась завоевать нас с вашей помощью. Он всего лишь выразил сожаление по поводу возникших после завоевания трудностей. Впрочем, сейчас, через тридцать пять лет, об этом не стоит и говорить. Управлять многопланетной Империей далеко не просто. Хоть цетагандийцы и справляются со своей уже несколько веков, я бы не стал брать на вооружение их модель политического управления.

– Он не очень похож на того сурового человека, каким кажется на ваших официальных видео, верно?

– На самом деле он скорее угрюм, чем суров, – именно так он и выглядит на видео. И к счастью, возможно.

Тут им перегородил путь тощий старик с палочкой. Абсолютно официальный, хоть и несколько поблекший, парадный красно-белый мундир висел на нем, как на вешалке. Майлз схватил своих гостей за руки и торопливо отвел чуть назад, давая старцу пройти.

Лаиса с любопытством смотрела на старика.

– А кто этот старый генерал?

– Один из самых знаменитых реликтов Форбарр-Султана, – ответил Майлз. – Генерал Форпарадис – последний живой Имперский Аудитор, из тех, кто был лично назначен императором Эзаром.

– Он больше похож на военного, чем на аудитора, – с сомнением заметила Лаиса.

– Это Имперский Аудитор, все с большой буквы, – пояснил Майлз. – Э-э-э… В каждом обществе возникает вопрос, кто бдит за бдящим. И Имперский Аудитор – барраярский ответ на этот вопрос. Аудитор это нечто среднее между, скажем, бетанским прокурором по особым поручениям, генеральным инспектором и небольшим божеством. И не имеет ничего общего с финансами, хотя в основе титула лежит именно это. Ведь первые графы были именно сборщиками налогов на Тау Форадар. Поскольку мои неграмотные предки ворочали довольно крупными суммами, то ручки у них были загребущие. Аудиторы следили за графами по поручению императора. Неожиданное прибытие Имперского Аудитора, как правило в сопровождении значительных кавалерийских сил, частенько влекло за собой странные и многочисленные самоубийства. Впрочем, самих аудиторов в те времена тоже поубивали немало, но тогдашние императоры после каждого такого убийства весьма настойчиво прибегали к массовым казням, поэтому аудиторы стали в конечном счете неприкасаемыми. Говорят, они скакали по всей планете с набитыми золотом седельными сумками практически без охраны, и бандиты скакали впереди, расчищая им путь, чтобы аудиторы поскорее убрались с их территории без всяких непредвиденных задержек. Лично я

считаю, что это лишь легенда.

– Все равно звучит здорово! – рассмеялась Лаиса.

– Их должно быть девять, – вступил в разговор Галени. – Традиционное число, возможно, имеющее несколько вариантов происхождения еще со Старой Земли. Любимая тема рассуждений для низкопробных исторических исследований. Хотя, по-моему, сейчас их всего семь.

– Их назначают пожизненно? – спросила Лаиса.

– Иногда, – ответил Майлз. – А иногда на короткий срок, по каждому отдельному случаю. Когда мой отец был регентом, он назначал только временных аудиторов, хотя Грегор и утвердил кое-кого из них пожизненно, когда достиг совершеннолетия. Проводя свои расследования, они являются Голосом самого императора. Еще одна чисто барраярская традиция. Однажды я был Голосом графа, моего отца, когда расследовал дело об убийстве в нашей провинции. Весьма необычный опыт.

– Звучит интересно с социологической точки зрения, – заметила Лаиса. – Как вы думаете, а не могли бы мы зажать где-нибудь в углу генерала Форпарадиса и попросить его рассказать о старых добрых временах?

– О, нет! – в ужасе возопил Майлз. – Интересен сам институт. А Форпарадис – самый занудный старый фор-маразматик во всем Форбарр-Султане! Единственное, о чем он может непрерывно говорить, это насколько все изменилось к худшему со времен Эзара. – «И как правило, при этом многозначительно поглядывает на меня». – И все это вперемешку с подробнейшими рассказами о том, как плохо стал у него работать кишечник.

– Да, – кивнула Делия Куделка. – И постоянно вас перебивает, чтобы сообщить, насколько плохо воспитана нынешняя молодежь. А молодежь – это все, кому меньше шестидесяти.

– Семидесяти, – поправил ее Майлз. – Он по-прежнему называет моего отца «младший мальчик Петера».

– И все аудиторы такие старые?

– Ну, не настолько. Впрочем, как правило, в тех случаях, когда дело касается действующих генералов и адмиралов, аудиторами назначают отставных.

Благополучно избежав старого зануду, они встретились с Айвеном и Марсией Куделкой, с которыми их тут же разъединил мажордом, принявшийся рассаживать всех за стол в украшенном орнаментами Малом Обеденном зале. Еда пользуется успехом, отметил про себя Майлз. Сам он занимал беседой госпожу посла Эскобара и терпеливо выносил обычный поток вопросов о своем знаменитом отце. Сидящая напротив него Лаиса о чем-то разговаривала с пожилым сотрудником эскобарского посольства. Грегор с капитаном Галени исхитрились обменяться чрезвычайно вежливыми репликами о барраяро-комаррских отношениях, достойными нежного слуха высоких галактических гостей. Похоже, их посадили за стол Грегора не только ради него самого, подумал Майлз.

Галени что-то спросил у Лаисы по поводу комаррского фрахта. Сверкнув глазами, она ответила Грегору напрямую через головы сидящих эскобарцев:

– Да, сир. По правде говоря, Синдикат Фрахтовщиков Комарры, на который я работаю, очень озабочен результатами доклада Совету Министров. Мы просили о снижении налогов на реинвестируемую прибыль.

Майлз мысленно зааплодировал ее нахальству. Обрабатывать самого императора на глазах изумленной публики. Да, на такое не всякий способен. «Давай, дерзай! Почему бы и нет, в конце концов?»

– Да, министр Ракоши говорил мне об этом, – едва заметно улыбнулся Грегор. – Однако, боюсь, это встретит сильное сопротивление в Совете графов, наиболее консервативные члены которого полагают, что наши весьма ощутимые военные затраты по защите п-в-туннелей должны быть… гм… пропорционально поделены с теми, кто находится на передовых позициях.

– Но рост капитала позволяет получить больше налогов в следующем круге. Взимать

их слишком рано – это все равно что… съесть зерна, отложенные для посева.

Брови Грегора поползли вверх.

– Весьма интересная метафора, доктор Тоскане. Я передам ее министру Ракоши. Возможно, это произведет большее впечатление на некоторых графов из глубинки, чем сложные рассуждения о прыжковых технологиях, которыми он их потчует.

Лаиса улыбнулась. И Грегор улыбнулся. А Галени помрачнел. Лаиса перевела беседу в более легкое русло, то есть на эскобарскую политику по развитию прыжковых технологий – тему гораздо менее опасную, чем барраяро-комаррские проблемы налогообложения.

В бальном зале, куда после ужина перешли гости, играл, как всегда, Императорский оркестр – безусловно, наименее воинственный, хоть и самый талантливый из всех военных оркестров Барраяра. Пожилой полковник-дирижер был вот уже много лет бессменной принадлежностью Императорского дворца. Грегор открыл бал, проведя по кругу леди Форпатрил, затем, в полном соответствии с этикетом, протанцевал с каждой дамой в порядке значимости, начав с посла Эскобара. Майлз затребовал обещанные два танца от высокой светловолосой и прекрасной Делии Куделки. Покончив с этим, он занял излюбленную позицию капитана Иллиана, то есть подпер стену и принялся наблюдать за остальными. Капитан Галени танцевал если и не легко, то старательно. Поскольку по окончании двадцатилетнего срока службы он намеревался заняться политикой, то со свойственной ему методичностью овладевал всеми необходимыми для этого навыками.

К Лаисе подошел один из оруженосцев Грегора, и когда Майлз через некоторое время поискал ее глазами, он обнаружил ее возле императора. Интересно, станет ли она еще лить воду на мельницу барраяро-комаррских торговых отношений? Такая замечательная возможность редко подворачивается, и вряд ли Лаиса ее упустит. Синдикату Фрахтовщиков Комарры следует вознаградить ее за сегодняшнюю ночную работу. В этот момент Грегор Угрюмый рассмеялся над чем-то, сказанным Лаисой.

Вскоре она вернулась к Галени, на минутку остановившись возле Майлза.

– Он гораздо умнее, чем я думала, – восторженно выдохнула она. – Он слушает… очень внимательно. Такое чувство, что он внемлет всему, что говоришь. Это действительно так или всего лишь игра?

– Не игра, – ответил Майлз. – Он усваивает все, что узнает. Но Грегору приходится очень тщательно следить за своими словами, учитывая, что любое сказанное им слово может стать законом. Он был бы застенчивым, если бы мог, но ему это не дозволено.

– Не дозволено? – изогнула бровь Лаиса. – Как это странно звучит…

Еще трижды за вечер ей представилась возможность проверить интеллектуальные возможности Грегора во время танца. Похоже, Грегор опроверг утверждение Майлза по поводу своей застенчивости: императору дважды удалось рассмешить Лаису.

Вечер уже практически закончился, когда Майлзу наконец удалось перекинутся с Грегором парой слов наедине. Но, к сожалению, первое, что сказал Грегор, было:

– Я слышал, тебе удалось доставить Нам Нашего курьера почти что в целости. Несколько хуже твоих обычных результатов, не так ли?

– А, значит, Форберг уже дома.

– Так мне сообщили. Что там в точности произошло?

– Э-э-э… очень неприятный инцидент с автоматическим плазмотроном. Я расскажу тебе об этом, но… не здесь.

– Жду с нетерпением.

Что автоматически помещает Грегора в список тех, кого следует избегать. Дьявольщина.

– Где ты отыскал эту удивительную комаррианку? – как бы вскользь бросил Грегор, глядя куда-то в пространство.

– Доктора Тоскане? Впечатляет, верно? Мне понравилась ее смелость, как и ее ум. О чем это вы с ней тут толковали?

– О Комарре главным образом… Нет ли у тебя ее… хм… адреса Синдиката

Фрахтовщиков? Впрочем, не важно, Саймон мне его предоставит. И безусловно, вместе с полным докладом СБ, хочу я того или нет.

– Имперская безопасность существует для того, чтобы служить Вам, сир, – поклонился Майлз.

– Не забывайся, – буркнул Грегор.

Майлз ухмыльнулся.

Вернувшись в особняк Форкосиганов, Майлз пригласил комаррцев выпить по рюмочке, не подумав о возможных проблемах с приемом гостей. Галени начал было вежливо отнекиваться, бормоча что-то о завтрашней работе, но Лаиса тут же воскликнула:

– О да, спасибо, с удовольствием! Мне очень хочется посмотреть ваш дом, лорд Форкосиган. С ним связано так много исторических событий!

Галени немедленно проглотил все свои возражения и, чуть улыбаясь, последовал за ней.

Все помещения на первом этаже казались слишком темными, огромными и неуютными для троих человек, поэтому Майлз повел гостей наверх, в более уютную гостиную, где быстро пробежался по комнате, сдергивая покрывала с мебели. Несколько приглушив свет, он помчался вниз в поисках трех бокалов и более или менее приемлемой бутылки вина.

Вернувшись в гостиную, он обнаружил, что Галени не поспешил воспользоваться ситуацией. Следовало бы снять покрывало лишь с маленькой софы, вынудив парочку сесть рядом, а не в разных углах комнаты. Старомодный Галени вроде бы не понимал, что его дама отнюдь не возражает против какой-нибудь романтической глупости. Майлз почему-то вдруг вспомнил Тауру, которая благодаря своему росту, роду деятельности и званию была слишком заметной личностью, чтобы стать объектом насмешек. Лаиса, конечно, не была такой уж высокой, но слишком уж она яркая, слишком зацикленная на своих общественных и светских обязанностях. Она никогда не попросит прямо. Галени заставляет ее улыбаться, но Майлз ни разу не видел, чтобы ему удалось вызвать у нее смех. Его обеспокоило полное отсутствие даже намека на флирт между этими двумя. Нужно обладать изрядным чувством юмора, чтобы заниматься любовью и сохранять при этом рассудок.

Но в данный момент Майлз не чувствовал себя в форме, чтобы давать Галени советы, как крутить роман. Он снова вспомнил слова Тауры: «Ты пытаешься дать другим то, что хочешь для себя». Черт! Галени – взрослый, пусть набивает себе шишки сам.

Втянуть Лаису в разговор о ее работе оказалось делом несложным, хотя беседа и получилась несколько односторонней, поскольку ни Майлз, ни Галени не могли, естественно, ничего рассказывать о своих сверхсекретных делах. Разговор превратился в этакий небольшой экскурс в историю барраяро-комаррских отношений. Тоскане после завоевания были весьма крупными торговцами, хоть и не самыми крупными, как сегодня.

– Но их нельзя назвать коллаборационистами, – заметил Майлз, когда дошло до этой темы. – Полагаю, что скорее этот термин применим к тем, кто сотрудничал с Барраяром до завоевания. И уж конечно, нельзя обвинить Тоскане в отсутствии патриотизма за то, что они отказались поддержать тактику выжженной земли, я имею в виду позицию комаррского подполья. Барраярское завоевание не было таким уж выгодным для Комарры, но по крайней мере комаррские торговцы сумели справиться с потерями. Теперь, поколение спустя, успехи возрожденной олигархии во главе с Тоскане доказали правильность занятой ими когда-то позиции.

В отличие от Галени, отец которого, Сер Гален, потратил всю жизнь на бесполезное мщение, позиция, занятая тогда семьей Тоскане, позволила Лаисе жить спокойно. Сер Гален был темой, которой Майлз с Галени старательно избегали. Интересно, что рассказал Лаисе Галени о своем покойном сумасшедшем отце?

Уже ближе к рассвету, когда они раздавили еще бутылку лучшего вина, Майлз собрался с духом и отпустил своих зевающих гостей по домам. Стоя у дверей, он проводил взглядом машину капитана, свернувшую по дороге к воротам, миновавшую одинокого

охранника и исчезнувшую во тьме. Галени, как и Майлз, последние десять лет занимался исключительно своей карьерой, и накладываемые ею ограничения, возможно, убили в нем остатки романтики. Оставалось лишь надеяться, что, когда придет время, Дув не превратит предложение руки и сердца в нечто вроде делового соглашения. Правда, Майлз сильно опасался, что только так капитан и умеет. Дуву не хватает порывистости. Вот почему ему так подходит канцелярская работа.

«Эта долго возле тебя не задержится, Галени. Кто-нибудь более нахальный уведет ее у тебя и больше не отдаст никому».

Как потенциальная сваха Майлз не думал, что сегодняшний вечер сильно увеличил шансы Галени. Расстроенный, Майлз вошел в дом. Дверь закрылась за ним сама.

* * *

Медленно раздевшись, он сел на кровать и уставился на комм-пульт таким же злым настойчивым взглядом, каким Царапка глядела на людей, несших еду. Комм молчал. «Да засветись ты, черт бы тебя побрал!» При нормальном ходе событий Иллиан должен его вызвать именно сейчас, когда он устал, слегка пьян и совершенно не готов к докладу. «Ну же, Иллиан! Я хочу получить свое задание!» Казалось, что с каждым часом напряжение все растет. С каждым часом терялся час. Если до вызова Иллиана пройдет столько времени, сколько требуется, чтобы слетать на Эскобар и обратно, то он начнет грызть ковер и без всякого припадка.

Майлз поразмышлял, не выпить ли ему еще бутылку, чтобы путем опосредованной магии заставить Иллиана вызвать его. Но тошнота и рвота, как правило, замедляют течение времени, а не ускоряют. Мало привлекательная перспектива. «Может, Иллиан забыл обо мне?»

Жалкая шутка. Иллиан никогда ничего не забывает. Не может. Когда-то давно, когда он еще был лейтенантом СБ, тогдашний император Эзар отправил его на далекую Иллирику, чтобы ему в мозг вживили экспериментальный чип эйдетической памяти. Старому Эзару до смерти хотелось иметь ходячий записывающий аппарат, отвечающий только ему одному. Технология не нашла широкого применения по той простой причине, что в девяноста случаях из ста приводила носителей чипа к шизофрении. Безжалостный Эзар был готов рискнуть на 90 процентов ради возможных 10 процентов удачи. Точнее, желал получить молодого офицера, готового рискнуть для него. За свою долгую жизнь Эзар, добиваясь политических целей, пожертвовал тысячами офицеров, подобных Иллиану.

Но вскоре после операции Эзар умер, оставив Иллиана кружится, как бродячий астероид, на орбите вокруг адмирала Эйрела Форкосигана, который стал одной из самых ярких звезд на политическом небосклоне столетия. Так или иначе, Иллиан целых тридцать лет обеспечивал работу СБ для отца Майлза.

Интересно, на что это похоже – помнить все события за последние тридцать пять лет, причем так ярко и подробно, будто все произошло буквально только что? Когда прошлое не покрывается смягчающей дымкой прошедших лет? Помнить каждую свою ошибку, в цвете и звуке – это похоже на вечное проклятие. Неудивительно, что носители чипа сходили с ума. Хотя, возможно, помнить об ошибках других не так болезненно. Рядом с Иллианом быстро обучаешься держать язык за зубами. Он может напомнить тебе о каждой идиотской, глупой и непродуманной вещи, которую ты либо произнес, либо совершил.

В общем, Майлз полагал, что сам он ни за что не захотел бы иметь такую штуковину в голове, даже если бы медицина позволяла. И так уже близок к шизофрении безо всяких технологических штучек, благодарю покорно.

А вот Галени, кажется, как раз тот лишенный воображения тип, который вполне сгодится для такого рода имплантации. Но Майлз имел все основания подозревать, что в Галени скрываются глубинные течения, так же надежно скрытые от глаз, как террористическое прошлое его отца, Сера Галена. Нет. Галени тоже не самая подходящая

кандидатура. Дув сойдет с ума настолько тихо и незаметно, что успеет натворить кучу неприятностей, прежде чем кто-нибудь сообразит, в чем дело.

Майлз посмотрел на комм-пульт, страстно желая, чтобы он засветился. «Вызови. Вызови. Вызови. Дай мне это чертово задание. Вытащи меня отсюда». Комм издевательски молчал. Наконец Майлз, сдавшись, встал и поплелся за следующей бутылкой.

Глава 6

И только вечером, ровно через двое суток, персональный комм в спальне Майлза вновь подал признаки жизни. Майлз, просидевший напротив него весь день напролет, чуть не свалился со стула. Она дал комму немного поморгать, пытаясь справиться с дыханием и унять сердцебиение. «Правильно. Так и должно быть. Спокойно, собранно и хладнокровно, парень. Не позволяй секретарю Иллиана увидеть твое волнение».

Но к его разочарованию, физиономия, появившаяся на экране, принадлежала кузену Айвену. Айвен явно только что вернулся домой со службы из Генштаба и еще не снял зеленой формы… с синими, а не красными треугольниками в петлицах. «Капитанские знаки различия? Айвен – капитан?»

– Здорово, братец! – жизнерадостно поприветствовал его Айвен. – Как прошел день?

– Медленно, – умудрился изобразить улыбку Майлз, стараясь проглотить появившуюся во рту горечь.

Улыбка Айвена стала еще шире. Он провел ладонью по волосам, красуясь.

– Ничего не замечаешь?

«Ты отлично знаешь, что я сразу заметил».

– У тебя новый парикмахер? – прикинулся простачком Майлз.

– Ха! – Айвен многозначительно постучал ногтем по нашивке.

– Знаешь, Айвен, незаконное ношение знаков различия является преступлением. Конечно, тебя еще не застукали… – «Айвен получил капитана раньше меня?!»

– Ха! – несколько менее радостно повторил Айвен. – Все совершенно официально, начиная с сегодняшнего дня. Новый оклад мне положен с утренней зори. Я знал, что звание на подходе, но не торопился об этом трезвонить. Подумал, пусть будет для тебя сюрприз.

– Как получилось, что они повысили тебя раньше меня? С кем ты, черт бы тебя побрал, умудрился переспать? – невольно сорвалось у Майлза. Он вовсе не хотел, чтобы в его тоне звучало столько желчи.

Айвен, хмыкнув, пожал плечами.

– Я справляюсь со своими обязанностями. И к тому же делаю это, не выписывая изящные кренделя вокруг устава. Кроме того, ты провел бог весть сколько времени в отпуске по болезни. Прикинь-ка все это. И тогда получится, что у меня, пожалуй, преимущества в выслуге измеряются годами.

Кровь и плоть. Каждое мгновение этого нежеланного отпуска было оплачено кровью, плотью и нескончаемой болью, принесенными практически добровольно в жертву на службе императору. «Кровью и плотью, а они повысили Айвена. Раньше меня…» Майлзом овладело что-то весьма смахивающее на тотальное бешенство, от которого сдавило грудь и слова застряли в глотке.

Айвен, увидев выражение его лица, скис. Да, конечно, Айвен ожидал, что его поздравят в какой-нибудь свойской манере, ждал, что Майлз разделит с ним радость, потому что радоваться одному – грустное занятие. Майлз отчаянно старался совладать со своим лицом, словами и мыслями.

– Поздравляю, братец. – Ну вот, теперь в его голосе вновь звучала обычная легкая ирония. – Ну, и что же теперь, когда твой чин и оклад достигли таких высот, чем ты объяснишь своей мамочке, почему не женишься на какой-нибудь милой фор-барышне?

– Пусть сначала меня заловят! – ухмыльнулся Айвен, снова просветлев. – Я быстро бегаю.

– М-м-м. Лучше особо не затягивать. Кажется, Тати Форвента отчаялась и недавно вышла замуж? Впрочем, еще остается Виолетта Форсуассон, если не ошибаюсь.

– Вообще-то нет. Она вышла замуж прошлым летом, – сообщил Айвен.

– Хельга Форсмит?

– Ее подцепил один из промышленников – приятелей ее отца. Он даже не фор. Но дьявольски богат. Это произошло три года назад. Боже, Майлз, да ты совсем отстал от жизни! Впрочем, нет проблем, я всегда могу найти кого-нибудь помоложе.

– Знаешь, с таким подходом ты скоро начнешь ухлестывать за эмбрионами. – «Все мы начнем». – Перекос соотношения рождавшихся в нашу бытность мальчиков и девочек начинает сказываться. Ну ладно, поздравляю с капитаном. Я-то знаю, что ты много работал, хоть и прикидывался, что валяешь дурака. Готов поспорить, не успею я и глазом моргнуть, как ты станешь начальником генштаба.

Айвен вздохнул:

– Вряд ли, если они вдруг не передумают и не отправят меня служить на корабль, чтобы пополнить мой послужной список. Нынче с этим ужасно строго.

– Боюсь, они начинают учитывать недочеты еще во время обучения. Многие на это жалуются.

– Да, у тебя-то больше боевого опыта, чем у всех, кого я знаю до звания коммодора включительно, хоть и в твоей неподражаемой вывернутой манере, – с завистью добавил Айвен.

– Ага, только все это строго засекречено. Ты один из очень немногих, кто в курсе.

– Тебя не остановили никакие недочеты. Или правила и уставы. Или понятие реальности, насколько мне известно.

– Я никогда и ничему не позволял мне мешать. Только так можно добиться того, чего хочешь, Айвен. Никто ничего не преподнесет тебе на блюдечке. – Ну, во всяком случае, никто не преподнесет ему, Майлзу. А на Айвена все сыплется с неба, причем всю его жизнь. – Если не можешь выиграть, измени правила игры.

Айвен поднял бровь:

– А если это не игра, то понятие выигрыша становится несколько бессмысленным, нет?

Майлз поколебался.

– Устами Айвенов… Мне… мне надо над этим подумать.

– Смотри не перенапрягись, гений-недоросток.

Майлз изобразил фальшивую улыбку. Айвен выглядел так, будто от этого разговора у него во рту такой же отвратительный привкус, как у Майлза. Пожалуй, лучше на этом закончить. С Айвеном можно разобраться потом. Как всегда.

– Пожалуй, я пойду.

– Ага, у тебя ведь масса дел. – Скривившись, Айвен отключился прежде, чем Майлз успел протянуть руку к выключателю.

Целую минуту Майлз сидел, молча уставясь на экран. Затем поднял голову и высказал свое разочарование потолку в самых отборных галактических проклятиях. И почувствовал себя несколько лучше, будто вместе с ругательствами изверг из своей души нечто ядовитое. На самом деле он не завидовал продвижению Айвена. Просто… Просто…

Неужели побеждать – это все, чего он хочет? Или все еще хочет, чтобы видели, как он побеждает? И кто видел? Имперская безопасность – неподходящее место работы, если хочешь славы. Хотя знает Иллиан, знают родители, Грегор – все близкие люди, чье мнение для него важно, знают об адмирале Нейсмите, знают, кто такой Майлз на самом деле. Элен, Куин, все дендарийцы. Даже Айвен знает. «Так ради кого я, черт побери, стараюсь, если не ради них?»

Ну… конечно, всегда присутствует дед, генерал граф Петер Форкосиган, умерший уже тринадцать лет назад. Взгляд Майлза упал на дедушкин церемониальный кинжал в великолепных ножнах, лежащий на почетном месте – ну по крайней мере не заваленный барахлом – на полке у противоположной стены. В начале карьеры Майлз упорно всегда

таскал его с собой. Доказывая… что? Кому? «Теперь уже никому и ничего».

Он встал, подошел к полке и взял оружие. Достал кинжал из ножен и полюбовался игрой света на вороненой стали. Кинжал по-прежнему оставался великолепным произведением искусства, но в нем отсутствовала… некая власть, которой кинжал когда-то обладал над ним. Волшебство исчезло. Или проклятие. Теперь Майлз держал в руке обычный старинный клинок. Он сунул его обратно в ножны и разжал ладонь, выронив кинжал на полку.

Майлз чувствовал себя не в своей тарелке. Он всегда испытывал это чувство, когда приезжал домой, но в этот раз оно оказалось особенно острым. Непривычное отсутствие графа с графиней оставляло неприятное ощущение, будто они уже умерли. Надо полагать, именно так он будет себя ощущать, когда станет графом Майлзом Форкосиганом. Майлз вовсе не был уверен, что это ощущение ему нравится.

«Мне необходим… Нейсмит». Пресная жизнь фора действовала ему на нервы. Но Нейсмит – дорогое хобби. Нужна веская причина, чтобы заставить Службу безопасности оплачивать Нейсмита, необходимо буквально пожизненное задание. Адмиралу Нейсмиту нужно быть постоянно готовым ответить на вопрос «А что ты сегодня сделал, чтобы оправдать свое существование?» – или он рискует быть выброшенным на свалку. Бухгалтеры СБ для него не менее опасны, чем огонь противника. «Ну, почти…» Майлз провел рукой по скрытым рубашкой шрамам на груди.

Что-то не так с его новым сердцем. Нет, кровь оно качает вполне исправно, все клапаны и желудочки в порядке… оно выращено из его собственных тканей, но все же кажется чужеродным телом… «Ты начинаешь сходить с ума от одиночества в пустом доме».

Задание. Ему срочно необходимо задание. Не то чтобы он желает кому-то зла, просто ему необходимо действие. Блокада, небольшая колониальная война… А еще лучше – спасательная операция. Ага, освободить пленников.

«Ты все это уже делал. И если тебе нужно именно это, то почему же ты недоволен?»

Адреналиновый шок, похоже, штука затягивающая. Нейсмит – адреналиноман, которому необходима все большая и большая доза, чтобы удовлетворить потребности.

Чтобы утолить адреналиновый голод, в порядке эксперимента Майлз пробовал заняться опасными видами спорта. Особого успеха он ни в одном не достиг, главным образом из-за нехватки времени. К тому же… не хватало остроты ощущений. Не очень интересно рисковать только собой. Да и призы кажутся мелочью человеку, ставившему на кон и выигравшему десять тысяч жизней за раз.

«Я хочу получить свое задание. Иллиан, позвони!»

Треньканье комма резко оборвало тяжелый дневной сон, в который он погрузился после практически бессонной ночи, вымотанный беспокойством и пустыми домыслами. По грубым прикидкам, он проиграл в уме не менее трех сотен вариантов разговора с Иллианом. И единственный вывод, к которому в результате пришел, – что триста первый будет совершенно иным.

На экране появилась физиономия секретаря Иллиана.

– Сейчас? – спросил Майлз прежде, чем тот успел вымолвить хоть слово, и пригладил рукой взъерошенные со сна волосы.

Секретарь моргнул, откашлялся и начал отработанную речь:

– Добрый день, лейтенант Форкосиган. Иллиан желает вас видеть у себя через час.

– Я буду раньше.

– Через час, – повторил секретарь. – Из штаб-квартиры за вами придет машина.

– А, спасибо.

Бесполезно спрашивать о чем-либо по комму, а машина Майлза лучше защищена, чем обычная, но ненамного.

Секретарь отключился. Ну ладно, по крайней мере теперь у Майлза было время принять холодный душ и одеться соответствующим образом.

Он вынул из шкафа чистый зеленый мундир и начал пристегивать серебряные значки Имперской службы безопасности на воротник возле – хм! – лейтенантских треугольников, которые носил вот уже восемь кровавых лет. Знаков различия можно иметь несколько комплектов, но Глаза Гора, сделанные из серебра, выдавались в единственном экземпляре, причем персонально каждому сотруднику СБ. На тыльной части был выгравирован номер, и горе тому, кто потеряет свой значок. Глаза Гора так же трудно подделать, как деньги, и они обладают не меньшей властью.

Майлз взглянул на себя в зеркало. Он выглядел так, что спокойно мог идти на аудиенцию к самому императору. Даже еще лучше. В данный момент у Грегора меньше власти над его будущим, чем у Иллиана.

Своего рода отвлекающая тактика. Когда не можешь сделать что-то действительно полезное для дела, направляешь энергию на что-то бесполезное, но доступное. И все же он оказался внизу за десять минут до того, как автомобиль СБ подъехал к дверям.

На сей раз дверь в кабинет Иллиана была открыта. Секретарь жестом велел Майлзу заходить.

Иллиан сидел за своим огромным заваленным документами комм-пультом. На несколько более четкий, чем обычно, салют Майлза он ответил кивком. Нажав кнопку, Иллиан закрыл и запер входную дверь. Весьма необычный жест, и у Майлза вспыхнула надежда, что на этот раз ему предстоит нечто действительно очень важное и чрезвычайно сложное.

Возле стола Иллиана стоял свободный стул. Отлично. Обычно Иллиан, когда уж особенно разъярен, заставляет проштрафившегося стоять, пока не закончит на него орать. То есть вообще-то Иллиан никогда не повышал голоса, он лишь становился особенно ехидным и мордовал виноватого словесно, тщательно контролируя свои эмоции. Манера поведения, весьма импонировавшая Майлзу и которую он все надеялся перенять. Но сегодня шеф Имперской безопасности казался особенно напряженным. Гораздо более угрюмый, чем обычно. Майлз уселся и коротко кивнул, давая понять, что он весь внимание. «Я готов. Приступай».

Но Иллиан не наклонился чуть вперед, как делал всегда, а, наоборот, откинулся назад и пристально посмотрел на Майлза через широченный стол.

– Ты сказал моему секретарю, что хочешь что-то добавить к своему последнему рапорту.

«Черт. Теперь или никогда». Но признание в имеющихся у него проблемах медицинского характера однозначно отменяет предстоящее задание, в чем бы оно ни заключалось. «Значит, никогда. Я сам потом с этим разберусь. Как можно раньше».

– Ничего существенного. Так что вы хотели мне сказать?

Иллиан вздохнул и побарабанил пальцами по черной поверхности.

– Я получил весьма тревожное сообщение с Архипелага Джексона.

У Майлза перехватило дыхание. «Я однажды там умер…»

– Адмирала Нейсмита там не очень-то жалуют, но я готов поправить дело. Что эти поганцы натворили на сей раз?

– Речь идет не о новом задании, и доклад, мною полученный, не нов. Он связан с твоим последним… я даже не могу назвать это заданием, потому что не давал его. С твоим последним приключением на Архипелаге. – Иллиан в упор поглядел на Майлза.

– О? – забеспокоился Майлз.

– Наконец-то я получил полные копии медицинских записей криоспециалиста, занимавшегося твоим оживлением. На это ушло довольно много времени из-за поспешного отбытия группы Дюрона с Архипелага Джексона и из-за того, что их архивы оказались частично на Эскобаре, а частично остались у дома Фелл. Не стоит упоминать, что дом Фелл не очень жаждал делиться сведениями. Еще больше времени ушло на обработку полученных сведений моими аналитиками, а затем полученные данные прочитал кто-то, оказавшийся достаточно сообразительным, чтобы понять их важность. На самом деле на все это ушло

несколько месяцев.

У Майлза внезапно похолодело внутри, как при воспоминаниях о холоде смерти. Он вдруг понял состояние человека, который спрыгнул – сорвался – был скинут с крыши высотного здания, его субъективное ощущение вечности полета, пока он летит до камней внизу. «Мы только что совершили роковую ошибку. О да!»

– Конечно, больше всего меня беспокоят не твои припадки как таковые, – продолжил Иллиан, – а то, что ты не сказал о них врачам СБ, которые в прошлом году занимались твоим здоровьем. Ты солгал им и таким образом солгал и мне тоже.

Майлз сглотнул, судорожно пытаясь найти в своем парализованном мозгу оправдание тому, чему оправдания нет. Если не можешь оправдаться, отрицай все. Он представил себя радостно щебечущим: «Какие припадки, сэр?» Нет уж.

– Доктор Дюрона сказала… что припадки пройдут сами собой. – Она действительно это говорила, черт побери! – Или… что должны пройти, – поправился Майлз. – Тогда, во время медкомиссии, я полагал, что они прошли.

Иллиан поморщился. Взяв со стола зашифрованную дискету, он покрутил ее между большим и указательным пальцами.

– Это – последний доклад моего независимого наблюдателя у дендарийцев, – сообщил он. – И в нем, помимо всего прочего, медицинские записи главного хирурга флота. Те, которые она хранила у себя в каюте, а не в медотсеке. Их тоже было нелегко раздобыть. Их-то я и ждал. Дискету доставили прошлой ночью.

«У него имелся третий наблюдатель. Мне следовало бы догадаться».

– Хочешь еще немножко поразыгрывать святую невинность? – сухо поинтересовался Иллиан.

– Нет, сэр, – прошептал Майлз. Он не думал, что голос упадет до шепота. – Я больше не буду ничего разыгрывать.

– Отлично. – Иллиан немного покачался на стуле и положил дискету на стол. Лицо его походило на маску смерти. «Интересно, на что похожа моя физиономия, – подумал Майлз. – Должно быть, напоминает морду затравленного зверя, освещенного фарами летящего на скорости сто километров в час автомобиля».

– Вот это, – Иллиан ткнул пальцем в дискету, – является предательством в отношении подчиненных, которые от тебя зависят, и начальников, которые тебе доверяют. И предательство осознанное, чему доказательство случай с лейтенантом Форбергом. Можешь ли ты сказать что-либо в свое оправдание?

Если тактические условия плохи, смени дислокацию. Если не можешь победить, смени правила игры. Внутреннее напряжение заставило Майлза пулей взлететь со стула, и он заметался туда-сюда перед столом Иллиана.

– Я служил вам телом и кровью – и видит Бог, пролил ее немало – в течение девяти лет, сэр! – Голос его взлетел. – Спросите у мэрилакцев, насколько хорошо я служил вам. Спросите у сотен других людей. Больше тридцати операций, и только две из них можно с натяжкой признать неудачными. Я десятки раз рисковал жизнью, я в прямом смысле слова отдал ее. И теперь все это вдруг ничего не стоит?

– Стоит, – выдохнул Иллиан. – И многого. Именно поэтому я предлагаю тебе уйти по состоянию здоровья, если ты подашь в отставку немедленно.

– Подать в отставку? Уйти? И это, по-вашему, означает оказать мне услугу? Служба безопасности переживала скандалы и покруче. Я знаю, что вы можете сделать для меня нечто большее, если захотите!

– Так лучше всего. Не только ради тебя самого, но ради фамильной чести. Я долго и по-всякому размышлял над этим со всех возможных точек зрения. Думал в течение нескольких недель.

«Так вот почему он отозвал меня домой. Не из-за задания. Никакого задания и не было вовсе. Только это. Я был обречен с самого начала. У меня изначально не было ни малейшего шанса».

– Прослужив твоему отцу в течение тридцати лет, – продолжил Иллиан, – я не могу сделать меньше. Но не могу и больше.

Майлз замер.

– Отец… просил об этом? Он знает?

– Пока нет. Известить его – задача, которую я оставляю тебе. Такой доклад я вовсе не жажду делать.

Удивительная трусость со стороны Иллиана и жестокое наказание для него, Майлза.

– Чувствуется влияние отца, – горько заметил Майлз. – Это называется оказать небольшую услугу.

– Уж поверь мне, если бы не твой послужной список, о котором ты только что напомнил, даже твоему отцу не удалось бы выпросить для тебя этой милости. Твоя карьера закончится тихо и спокойно, без скандала.

– Ага! – Майлз аж задохнулся. – Ну очень славненько. И таким образом мне затыкают рот и лишают возможности апеллировать.

– Я бы настоятельно тебе советовал – от всего сердца, заметь – не доводить дело до трибунала. Ты ни за что не получишь такого мягкого приговора, какой сейчас вынес тебе я. И я на полном серьезе говорю, что твои шансы равны нулю. – Как бы подчеркивая сказанное, Иллиан многозначительно постучал по дискете. И действительно, лицо у него было мрачным. – Одних только данных на этом диске, не говоря уже обо всем остальном, более, чем достаточно, и тебе повезет, если тебя просто уволят с позором, а не приговорят к чему-нибудь посерьезнее.

– Вы обсуждали это с Грегором? – настойчиво спросил Майлз.

Императорская милость, его последняя защита, та самая, относительно которой он поклялся, что скорее умрет, чем прибегнет к ней…

– Да. И очень долго. Сегодня все утро мы фактически просидели с ним взаперти, не обсуждая ничего, кроме твоего дела.

– Вот как.

Иллиан указал на комм:

– Твои документы готовы, чтобы ты мог подписать их прямо сейчас и здесь. Отпечаток ладони, сканирование сетчатки глаза, и дело сделано. Твоя форма… сшита по индивидуальному заказу, поэтому ее не надо возвращать, и по традиции останутся знаки различия. Но вот Глаза Гора, боюсь, тебе придется сдать.

Майлз, развернувшись на каблуках, с трудом удержался, чтобы не схватиться за воротник.

– Только не Глаза! Это… это неправда, я все могу объяснить, я могу… – Все предметы в комнате, включая комм-пульт на столе Иллиана, лицо самого Иллиана вдруг приобрели необычайную четкость, затем в мозгу вспыхнул зеленый огонь. Взорвавшийся ворохом разноцветных конфетти. «НЕТ!»

Он очнулся на ковре в кабинете Иллиана. Пепельно-серый Иллиан озабоченно склонился над ним. Во рту что-то мешало. Майлз повернул голову и выплюнул карандаш – световой карандаш, который раньше лежал у Иллиана на столе. Ворот его мундира оказался расстегнут – Майлз коснулся его ладонью, – но серебряные значки были по-прежнему на месте. Некоторое время Майлз просто полежал неподвижно.

– Ну что же, – проговорил он наконец, – полагаю, это было то еще представление. Сколько?

– Около четырех минут, – глянув на часы, ответил Иллиан.

– Как обычно.

– Лежи спокойно. Я вызову врача.

– К черту врача. Я могу идти сам. – Майлз попытался встать, но ноги подкосились, и он снова рухнул лицом в ковер. Судя по ощущениям, он разбил при первом падении губы, которые распухли, как оладьи, и нос, из которого шла кровь. Иллиан протянул носовой платок, и Майлз прижал его к лицу. Примерно через минуту он нехотя позволил Иллиану

усадить себя на стул.

Иллиан присел на краешек стола и внимательно наблюдал на ним. Как всегда, сверху вниз.

– Ты знал, – произнес он. – И лгал. Мне. Письменно. Этим своим чертовым фальсифицированным рапортом ты похерил… все. А я скорее не поверил бы своему чипу памяти, чем тебе. Почему, Майлз? Ты что, настолько сильно запаниковал? – В голосе Иллиана звучала такая мука, будто он истекал кровью.

«Да, именно настолько сильно запаниковал. Я не хотел терять Нейсмита… Не хотел терять… все».

– Теперь это уже не имеет значения. – Майлз судорожно схватился за ворот, выдрал с мясом серебряные глаза и трясущимися руками слепо сунул их Иллиану. – Вот. Ты выиграл.

Иллиан взял значки.

– Храни меня Господь от еще одной такой победы, – тихо выговорил он.

– Отлично, замечательно, давай я сделаю все, что требуется, и покончим со всем этим к чертям собачьим. Меня тошнит от Имперской безопасности и надоело хлебать это дерьмо. Хватит с меня. Отлично.

Его продолжало трясти, жар волнами поднимался откуда-то из глубины живота и охватывал все тело. Больше всего Майлз боялся расплакаться прямо на глазах у Иллиана.

Иллиан снова опустился на край стола:

– Посиди пару минут, чтобы окончательно прийти в себя. Сиди, сколько требуется. Потом пойди умойся. Я не открою двери в кабинет до тех пор, пока ты не будешь в состоянии нормально идти.

«Странное у тебя милосердие, Иллиан. Ты убиваешь меня так заботливо».

Но он лишь молча кивнул и, спотыкаясь, направился в крошечную ванную. Иллиан последовал за ним и, убедившись, что Майлз достаточно твердо стоит на ногах, оставил его одного. Да, отразившуюся в зеркале залитую кровью и помятую физиономию определенно не стоило никому показывать. Вероятно, примерно так он выглядел в тот день, когда погибла сержант Беатрис, разве что сейчас лет на сто старше. «Иллиан не посрамит великой фамилии. Не посрамлю и я». Майлз тщательно умылся, хоть и не сумел смыть кровь с разорванного воротника и торчащей из-под него бежевой форменной рубашки.

Вернувшись в кабинет, он покорно сидел, пока Иллиан давал ему документы на подпись, проводил сканирование сетчатки и записывал официальным тоном произнесенные Майлзом слова отставки.

– Ладно, а теперь выпустите меня, – спокойно проговорил Майлз, когда все кончилось.

– Но, Майлз, тебя все еще трясет.

– И еще некоторое время будет трясти. Ничего, пройдет. Выпустите меня, пожалуйста.

– Я вызову машину. И провожу тебя до нее. Тебе не следует оставаться одному.

«О нет, как раз следует».

– Хорошо.

– Не хочешь поехать сразу в госпиталь? Ты должен. Ты имеешь право лечиться в Императорском госпитале как ушедший в отставку ветеран, а не только как сын своего отца. Я… Мне показалось, что для тебя это важно.

– Нет. Я хочу поехать домой. Своей проблемой я займусь… позже. Это ведь хроническое, не смертельно. Следующий приступ, по всей вероятности, произойдет не раньше, чем через месяц, насколько я понимаю.

– Ты должен ехать в госпиталь.

Майлз вперился в Иллиана.

– Смею напомнить, что отныне не обязан подчиняться, Саймон.

Иллиан молча кивнул. Поднявшись, он обошел стол и отпер дверь. Затем потер ладонями лицо, как бы стирая эмоции. В глазах его стояли слезы. Майлзу показалось, что он чуть ли не ощущает, как влага высыхает на круглых щеках Иллиана. Когда же Иллиан обернулся, лицо его снова было таким же невозмутимым и замкнутым, как всегда.

«Господи, как же болит сердце!» И голова. И желудок. И вообще все тело. Майлз с трудом поднялся, оттолкнув руку Иллиана, которой тот нерешительно придержал его за локоть.

Дверь открылась, явив взору секретаря Иллиана, генерала Гароша и капитана Галени. При виде Майлза Галени недоуменно поднял брови. Майлз мог точно сказать, в какой момент Галени заметил отсутствие значков СБ у него на воротнике, потому что именно в это мгновение глаза капитана стали большими и круглыми.

«Дьявольщина, Дув, что ты там навыдумывал?» Что он подрался с Иллианом? Что разъяренный Иллиан силой содрал значки с его воротника? «Случайные обстоятельства могут быть очень убедительными».

Гарош изумленно открыл рот.

– Что за чертовщина?.. – Он вопросительно протянул руку к Иллиану.

– Прошу нас простить. – Стараясь ни с кем не встречаться взглядом, Иллиан вместе с Майлзом прошел мимо них. Все три офицера СБ как по команде развернулись и уставились им вслед.

Глава 7

Прекрасно понимая, что водитель СБ не сводит с него глаз, Майлз очень осторожно вошел в дверь особняка Форкосиганов. Но как только двери закрылись у него за спиной, он рухнул в ближайшее кресло, не потрудившись даже сдернуть с него покрывало. Прошло не меньше часа, прежде чем его перестало трясти.

Встать его заставила не наступившая темнота, а давление в мочевом пузыре. «Наше тело – наш господин, а мы – его пленники. Свободу пленникам». Не успел он подняться, как единственным его желанием стало снова замереть. «Мне следовало бы напиться. В подобных ситуациях это вполне традиционно, разве нет?» Он побрел в погреб – за бутылкой бренди. Вино показалось ему в данном случае недостаточно крепким. Этот взрыв активности закончился тем, что он забился в самую маленькую комнатенку, которую только сумел отыскать, – крошечную клетушку на четвертом этаже, которая, не будь в ней окна, вполне могла бы сойти за шкаф. Бывшая комната кого-то из слуг. В ней стояло старое удобное кресло. Затратив массу усилий на поиски бутылки, Майлз уже не нашел сил на то, чтобы открыть ее. Он свернулся в крошечный комочек на огромном кресле.

Во время следующего похода в ванную, где-то после полуночи, Майлз прихватил дедов кинжал и положил на тумбочке возле непочатой бутылки. Кинжал прельщал его не больше бренди, но на несколько минут занял его мысли. Любуясь игрой света на лезвии, он прижал клинок к запястью, затем к горлу, там, где остались шрамы от предкриогенной подготовки. «Да, в случае чего определенно выберу горло». Все или ничего, и нечего ходить вокруг да около.

Но однажды он уже умер, и толку от этого не было ровным счетом никакого. В смерти нет ни тайны, ни надежды. К тому же нельзя исключать кошмарной возможности, что те, кто уже однажды пожертвовал столь многим, чтобы оживить его, не сделают это снова. И все испортят. Или того хуже. Майлзу доводилось видеть наполовину успешные криооживления, когда человек лишался разума и вел растительное существование. Нет. Умереть он не хочет. Во всяком случае, не там, где его тело смогут легко отыскать. Но жизнь ему в тягость.

Однако сон, это сказочное промежуточное состояние между жизнью и смертью, не шел. Но если он просидит вот так достаточно долго, то наверняка уснет. Точно уснет.

«Вставай. Поднимайся и беги как можно быстрее». Обратно к дендарийцам, пока СБ еще не может помешать. Лови свой шанс, шанс Нейсмита! Последний шанс Нейсмита. «Беги, беги, беги!»

Майлз сидел в кресле. Мускулы судорожно свело, в голове билась мысль о побеге.

Через некоторое время он обнаружил, что если не пить воду, то и не приходится так часто вставать. Сон по-прежнему не шел, но в этот предрассветный час мысли замедлили

свой бег. Одна мысль в час. Отлично.

Сквозь окно просачивался утренний свет, и лампа светила не так ярко. Солнечный луч медленно, как его мысли, пробежал по комнате и исчез.

С наступлением утра стали громче городские шумы, но кокон тьмы укрывал его от внешнего мира не хуже криокамеры.

Кто-то звал его. «Айвен. Черт! Я не хочу разговаривать с Айвеном». Он не откликнулся. Если сидеть тихо и не шевелиться, может, они его не найдут. Может, уйдут совсем. Пустыми, совершенно сухими глазами он уставился на трещину в стене, которую созерцал вот уже несколько часов.

Но его затея не сработала. В коридоре раздался грохот сапог, затем послышался голос Айвена:

– Он здесь, Дув! Я нашел его!

Шаги – быстрые и тяжелые. В зоне видимости Майлза возникла физиономия Айвена, закрыв собой стену. Айвен скривился:

– Майлз? Ты в порядке, парень?

– О Боже! – А это голос Галени.

– Не паникуй, – буркнул Айвен. – Он просто-напросто в стельку пьян. – Айвен взял нераспечатанную бутылку. – Н-да… А может, и не пьян… – Он ткнул пальцем лежащий на тумбочке кинжал в ножнах. – Хм.

– Иллиан был прав, – пробормотал Галени.

– Не… обязательно, – возразил Айвен. – Когда видишь такое примерно в двадцать пятый раз, то перестаешь на это так реагировать. Просто… он так делает. Если бы он хотел покончить с собой, то сделал бы это много лет назад.

– Ты уже видел его в таком состоянии?

– Ну… может, и не совсем в таком… – Озабоченное лицо Айвена снова закрыло собой трещину в стене. Он помахал ладонью у Майлза перед глазами.

– Не моргает, – нервно заметил Галени. – Может… нам не следует его трогать? Ты не думаешь, что лучше обратиться за медицинской помощью?

– Позвать психиатра, ты хочешь сказать? Безусловно, нет. Вот уж действительно скверная мысль. Если эти парни из психушки в него вцепятся, то уже никогда не отстанут. Нет. Это дело семейное. – Айвен решительно выпрямился. – Я сам знаю, что делать. Пошли.

– А ничего, что мы оставим его одного?

– Ничего. Раз он просидел так больше суток, значит, далеко не уйдет. – Немного помолчав, Айвен добавил: – Впрочем, нож забери. На всякий пожарный.

Они удалились. Мысли Майлза медленно ползли. Одна за четверть часа.

«Они ушли».

«Ушли».

«Может быть, они не вернутся».

Но они, увы, вернулись.

– Я возьму его за плечи, – распорядился Айвен, – а ты – за ноги. Нет, лучше сперва сними с него сапоги.

Галени так и сделал.

– По крайней мере он не окоченел.

«Нет, наоборот, растекся». Чтобы окоченеть, нужно приложить усилия. Сапоги шлепнулись на пол. Айвен снял с себя китель, закатал рукава рубашки, взял Майлза под мышки и поднял. Галени, как было велено, взял Майлза за ноги.

– А он легче, чем я думал, – заметил Галени.

– Ага. Видел бы ты сейчас Марка, – хмыкнул Айвен.

Они поволокли его вниз по узкой черной лестнице. Может, они собираются уложить его в постель? Этим они избавили бы его от проблемы. Может, тогда он уснет. И может быть, если повезет, то проснется лет через сто, когда о нем и его мире не останется никаких

воспоминаний, кроме смутных легенд.

Но его пронесли мимо спальни и втащили в старую ванную комнату дальше по коридору. Ту самую, которую так и не модернизировали. Там стоял древний металлический чан, достаточно здоровый, чтобы мальчишки могли в нем плавать. Чану было не меньше ста лет.

«Они хотят меня утопить. Еще лучше. Я не стану сопротивляться».

– На раз-два-три? – спросил Айвен.

– Просто на «три», – ответил Галени.

И они швырнули его в чан. Лишь в последний миг Майлз разглядел, что ждет его внутри. Его тело попыталось воспротивиться, но мышцы не слушались, а в пересохшей глотке замер возмущенный вопль.

Примерно сто литров воды, в которой плавало килограммов пятьдесят льда.

Он шлепнулся в ледяную купель. Длинные руки Айвена засунули его под воду с головой.

Он вынырнул с воплем:

– Вода лед… – Но Айвен затолкал его обратно.

В следующий раз:

– Айвен, ты чертов приду…

Вынырнув в третий раз, он мог выразить свое возмущение лишь нечленораздельным воем.

– Ага! – радостно прочирикал Айвен. – Так я и знал, что эта процедура тебя быстренько реанимирует! – Он повернулся к Галени, который отошел в сторону, спасаясь от ледяных брызг. – С тех пор, как он пробыл в лагере «Вечная Мерзлота» в качестве офицера-метеоролога, больше всего на свете он ненавидит холод. С возвращением, парень.

Майлз, стараясь вырваться из рук Айвена, выплюнул ледяную воду, вылез наверх и вывалился из чана. Кубики льда сыпались из-под мокрого кителя и скользили по шее. Сжав кулак, он двинул им по ухмыляющейся физиономии кузена.

Кулак смачно въехал Айвену в подбородок. Боль показалась просто чудесной. Первый раз в жизни он успешно вмазал Айвену по роже.

– Эй! – завопил Айвен, отшатнувшись. Второй удар не достиг цели, потому что теперь Айвен предусмотрительно держался на расстоянии вытянутой руки, вне пределов досягаемости. – А я полагал, от таких штучек у тебя руки ломаются!

– Больше не ломаются, – задыхаясь, буркнул Майлз. Он перестал вырываться и стоял, дрожа как осиновый лист.

Айвен потер подбородок. Брови его поползли вверх.

– Теперь тебе лучше? – через некоторое время поинтересовался он.

В ответ Майлз разразился потоком брани и, собрав с кителя остатки льда, запустил Айвену в физиономию.

– Приятно слышать, – жизнерадостно сообщил Айвен. – А теперь я скажу тебе, что ты должен сделать, и ты это сделаешь. В первую очередь ты пойдешь к себе в комнату и снимешь этот мокрый мундир. Затем сбреешь эту пародию на бороду и примешь горячий душ. А потом оденешься. А после этого мы поведем тебя ужинать.

– Не пойду я никуда, – мрачно пробурчал Майлз.

– Я что, тебя спрашиваю? Дув, разве я предлагал бетанское голосование?

Галени, зачарованно глядя на происходящее, лишь покачал головой.

– Так, – продолжил Айвен. – Ничего не желаю слушать, и у тебя нет выбора. Внизу в холодильнике лежит наготове еще пятьдесят кило льда, и ты прекрасно знаешь, что я не премину им воспользоваться.

Майлз прочитал в лице Айвена, что он с удовольствием приведет угрозу в исполнение. Ругательства превратились в злобное шипение, но несогласия он выражать не стал.

– Тебе это понравилось, – пробурчал он наконец.

– И еще как! – подтвердил Айвен. – А теперь иди собирайся.

Пока Майлз собирался, Айвен выдвинул еще ряд требований. Наконец они с Галени отволокли его в ближайший ресторан. Там он тихим голосом угрожал Майлзу до тех пор, пока тот не сунул в рот несколько кусочков. Едва начав есть, Майлз мгновенно понял, что страшно голоден. Кузен, довольный результатом, отстал.

– А теперь, – сказал Айвен, заглатывая последний кусок десерта, – объясни, что за чертовщина с тобой творится?

Майлз глянул на двух капитанов, на Глаза Гора в петлицах Галени.

– Сначала вы. Это Иллиан вас прислал?

– Он попросил, чтобы я навестил тебя, – сообщил Галени. – Решил почему-то, что мы друзья. Поскольку охранник у ворот сказал, что ты зашел и больше не выходил, а на вызовы по комму ты не ответил, я решил проведать тебя лично. Ну, и я чувствовал себя… мягко говоря, не вправе врываться в особняк Форкосиганов, а потому пригласил с собой Айвена. Я подумал, что у него как у члена семьи есть право туда войти. По разрешению, полученному мною от Иллиана, охранник открыл замки и впустил нас внутрь, так что нам не пришлось вышибать окно. – Поколебавшись, Галени добавил: – К тому же меня совершенно не прельщала перспектива в одиночку выволакивать откуда-нибудь твое тело.

– Я же тебе говорил, что это вряд ли, – вмешался Айвен. – Это не в его стиле. Если он когда-нибудь надумает покончить с жизнью, то обставит это с наибольшим шумом и максимальным количеством взрывов. И скорее всего утащит за собой кучу сторонних наблюдателей.

Майлз с Айвеном обменялись ехидными улыбками.

– Я… я не был в этом так уверен, – задумчиво протянул Галени. – Ты ведь не видел, Айвен, какое у него было лицо, когда он вышел от Иллиана. В последний раз я видел такое выражение лица у парня, которому помогал выбраться из разбившегося флайера.

– Я все объясню, но не здесь, – вздохнул Майлз. – Где-нибудь в более спокойном месте. Потому что во всей этой истории многое связано с работой. – Он отвел взгляд от серебряных значков на воротнике Галени. – Моей бывшей работой.

– Хорошо, – спокойно согласился Галени.

В конце концов они устроились на кухне особняка Форкосиганов. Майлз подспудно надеялся, что Айвен поможет ему надраться, но кузен вместо этого заварил чай и влил в него две чашки. Чтобы компенсировать потерю жидкости, как он изволил выразиться. Затем Айвен уселся верхом на стул. Сложил руки на спинке и произнес:

– Ну ладно, выкладывай. Сам понимаешь, теперь не отвертишься.

– Да. Я знаю. – Майлз на секунду прикрыл глаза, соображая, с чего начать. Наверное, с самого начала. В голове вертелись привычные и отработанные увертки и отрицания. Они привлекали его гораздо больше, чем чистосердечное признание. И готовы были сорваться с языка. Ладно, кратчайшее расстояние между точками – прямая. – После моего прошлогоднего криооживления у меня… возникла проблема. Начались припадки. Конвульсии, длящиеся от двух до пяти минут. Они вроде бы возникают в момент стрессовой ситуации. Мой врач сказала, что они, как криоамнезия, могут пройти сами собой. Припадки случались редко и вроде бы сходили на нет, как она и обещала. Поэтому я… поэтому я не сказал о них врачам СБ, когда вернулся домой.

– Ах ты черт, – пробормотал Айвен. – Понятно, что за этим последовало. Ты вообще кому-нибудь говорил?

– Марк знал.

– Ты сказал Марку, но не сказал мне?

– Марку я мог довериться… он сделает то, что я велю. А ты сделаешь то, что сочтешь нужным. – Почти то же самое он говорил Куин. Боже!

Губы Айвена скривились, но возражать он не стал.

– Ты понимаешь, почему я боялся, что в худшем случае это будет билет в один конец – увольнением по здоровью. А в лучшем случае – кабинетная работа, и конец дендарийским

наемникам, конец оперативной работе. Но я подумал, что, если я, точнее, мой дендарийский врач, потихоньку решит эту проблему, Иллиан никогда ничего не узнает. Она дала мне кое-какие препараты. Я думал, что они сработали.

«Нет, никаких оправданий, черт побери!»

– А Иллиан тебя застукал и поэтому выпер? Тебе не кажется, что это несколько слишком, после всего того, что ты для него делал?

– Это не все.

– А!

– Во время выполнения последнего задания… мы должны были освободить имперского курьера, захваченного пиратами возле Сумерек Зоава… я решил лично пронаблюдать за ходом операции. На мне была боевая броня. И в разгар операции со мной случился припадок. И я случайно включил встроенный плазмотрон. И чуть было не разрезал пополам бедолагу курьера. Но он оказался везунчиком. Я всего лишь отсек ему обе ноги.

У Айвена отвисла челюсть.

– Понятно… – медленно проговорил он.

– Ничего тебе не понятно. Пока еще нет. Это была всего лишь глупость. Роковым оказалось то, что я сделал потом. Я фальсифицировал рапорт. Написал, что несчастный случай с Форбергом произошел из-за неисправности оружия.

Галени резко выдохнул:

– Иллиан сказал… что ты уволился по желанию. Но не уточнил, по чьему желанию, а я не посмел у него спросить. Я вообще всему этому не поверил. Подумал, что это начало какой-то очередной вашей с Иллианом заморочки, внутреннего расследования или что-то в этом роде. Единственное, что вызывало у меня сомнение, – вряд ли даже ты способен настолько хорошо притворяться, чтобы изобразить такое выражение лица, какое у тебя было в тот момент.

Айвен никак не мог переварить услышанное.

– Ты солгал Иллиану?

– Угу. И задокументировал эту ложь. Если уж делаешь гадость, делай ее как следует, верно? Я не увольнялся. Меня выгнали. На всем Барраяре не найти никого, кого бы выгнали с таким треском, как меня.

– И он действительно сорвал с тебя серебряные глаза? – Глаза Айвена полезли на лоб.

– Кто это сказал?

Галени хмыкнул:

– Очень было на то похоже. Гарош именно так и подумал.

«Все было гораздо хуже. Он плакал». Никогда за всю свою жизнь Майлз не видел Иллиана плачущим.

– Нет. Я сам их снял. Я все сделал сам. – Поколебавшись, Майлз добавил: – Последний припадок произошел прямо у него в кабинете. У него на глазах. Кажется, я уже говорил, что они случаются в стрессовых ситуациях.

Айвен скривился в сочувственной гримасе.

Галени громко выдохнул.

– Этому Гарош тоже не поверил. Заявил, будто вся СБ знает мнение Иллиана, что ты срешь золотыми слитками.

«О да, Нейсмит был лучше всех».

– После операции на Дагуле он имел полное право так считать. – Но операция на Дагуле была почти четыре года назад. «А чем ты насрал в конечном итоге?» – Насколько я понимаю, это прямая цитата из высказываний Гароша. Узнаю стиль.

– М-м, он может быть иногда несколько прямолинеен. Он с трудом переносит дураков. Мне сказали, что он вырос с самых низов. Он говорит, Иллиан прочил тебя на свое место.

Майлз изумленно поднял брови.

– Невозможно. Осуществление общего руководства требует несколько иных навыков, чем у полевого агента. И главное, диаметрально противоположного отношения к уставу. Я не

готов… не был готов для работы Иллиана.

– Гарош так и сказал. Кажется, твоей следующей должностью должна была быть должность его зама. Пять лет на этом месте – и ты готов занять место Иллиана, когда он решит уйти.

– Чушь собачья. Только не Внутренние Дела. Если бы мне пришлось сесть за стол, то скорее уж в департаменте по делам галактики на Комарре. В этом у меня имеется кое-какой опыт.

– Именно пробел в твоем опыте и собирались залатать, направив тебя к Гарошу. Иллиан как-то раз сказал мне, что Гарош в бытность свою полевым агентом сам лично сорвал не менее четырех крупных заговоров против императора. Это не учитывая дела «Ярроу», за которое он и получил нынешний пост. Может, Иллиан надеялся, что часть способностей Гароша передастся тебе.

– Не нужны мне… – начал было Майлз, но тут же закрыл рот.

– А что это за дело «Ярроу»? – заинтересовался Айвен. – И если оно такое важное, то почему я никогда о нем не слышал?

– Классическое дело по борьбе с терроризмом, – пояснил Галени. – Иллиан всех новых аналитиков заставляет изучать его.

– Это дело хорошо известно в рамках СБ, – добавил Майлз. – Хоть оно и очень успешное, простые смертные мало что о нем знают. Такова уж наша работа. Успех остается тайным, и никто спасибо не скажет, а о неудачах идет звон, и в результате ты всегда виноват. «Возьмем, к примеру, меня…»

– Заговор едва не удался, – начал Галени. – Одна изоляционистская группировка, с помощью графа Фортрифрани, задумала самоубийственное дело – бросить старый прыжковый корабль «Ярроу» прямо на Императорский дворец. Рухнув, корабль и так разнес бы больше половины дворца без всякой взрывчатки, которой они его набили. Взрывчатка оказалась их единственной ошибкой, не обрубленным концом, который и вывел на них команду Гароша. Фортрифрани вышел сухим из воды, объявив себя сумасшедшим, но это подорвало его позиции, и с тех пор он меньше… э-э-э… досаждает Империи.

Айвен моргнул.

– Квартира моей матери совсем рядом с дворцом…

– Да, остается только гадать, сколько народу в Форбарр-Султане они могли бы угробить, если б промахнулись.

– Тысячи, – пробормотал Майлз.

– Нужно будет не забыть поблагодарить Гароша при встрече. – На Айвена рассказ явно произвел впечатление.

– Меня тут тогда не было, – вздохнул Майлз. – Как всегда. – Он подавил совершенно неразумную вспышку зависти. – Никто мне никогда ничего не говорил об этом планируемом повышении. И когда же… этот мелкий пакостный сюрприз должен был обрушиться на мою голову?

– Судя по всему, в ближайший год.

– А я-то полагал, что сделал дендарийцев достаточно ценными для СБ, чтобы они и не мечтали для меня ни о чем другом.

– Выходит, ты перестарался.

– Начальник Службы безопасности в тридцать пять лет. Ха. Слава Богу, хоть от этого я теперь избавлен. Н-да. Невелика радость Гарошу заниматься дрессировкой какого-то форского щенка, чтобы того потом поставили над ним начальником. Должно быть, он испытывает немалое облегчение.

– Так и есть, – извиняющимся тоном произнес Галени.

– Ха! – мрачно фыркнул Майлз. И, помолчав, добавил: – Кстати, Дув, надеюсь, тебе понятно, что все это должно остаться между нами. Официальная версия, в том числе и для СБ, – я уволился по состоянию здоровья.

– Иллиан так и сказал, когда Гарош его спрашивал. Иллиан вообще был крайне

сдержан. Но было понятно, что все не так просто.

Айвен встал и вышел. Майлз потихоньку потягивал чай. Пожалуй, теперь он сможет уснуть. Вообще-то в данный момент ему хотелось только спать. Тут возвратился Айвен и шмякнул возле стола чемодан.

– Это еще что? – подозрительно спросил Майлз.

– Мои вещи, – бодро ответил Айвен. – На пару дней.

– Ты здесь не останешься!

– А что, места мало? Да тут комнат больше, чем в гостинице!

Майлз отступил, мгновенно сообразив, что этот спор ему не выиграть.

– Неплохая идея для моей новой карьеры. «У Форкосигана. Ночлег и завтрак».

– А комнаты дешевые? – изогнул бровь Айвен.

– Нет, черт побери! Только за бешеные деньги! – Он помолчал. – И когда ты намерен отсюда убраться?

– Не раньше, чем здесь появятся еще люди. Пока ты не починишь свою башку, тебе как минимум нужен водитель. Кстати, я видел в гараже твой флайер. В ремонте он, как же! А еще нужен кто-то, кто будет тебе готовить и стоять у тебя над душой, пока ты все не съешь. И кто-то, кто будет убирать за тобой.

– Не очень-то я и мусорю…

– И убирать за всеми прочими, – неумолимо продолжал Айвен. – Этим хоромам нужен штат, Майлз.

– Как любому музею, а? Не знаю, не знаю…

– Если ты пытаешься сказать, что не знаешь, нужен ли тебе штат, то вот что я тебе скажу. У тебя нет выбора. Если же ты не знаешь, как этот штат нанять… Хочешь, моя мать сделает это для тебя?

– Э-э… думаю, что сам наберу прислугу. Тетя Элис сделает все слишком правильно и хорошо, выражаясь словами сержанта Ботари.

– Значит, быть посему. Давай сам, или я попрошу мать. Как тебе такая угроза?

– Очень впечатляюще.

– Значит, я прав.

– Как по-твоему, не могу ли я обойтись одним слугой, который станет делать все: водить, готовить…

Айвен фыркнул:

– …бегать за тобой и заставлять глотать твои мерзкие таблетки? Для этого лучше нанять сваху, чтобы нашла тебе жену. Почему бы тебе для начала не найти водителя и повара, а потом всех остальных?

Майлз устало скривился.

– Слушай, – наступал Айвен, – ты ведь фор, живущий в Форбарр-Султане. Этот город принадлежит нам. Так и живи как фор! Получи удовольствие для разнообразия!

– Ты что, Айвен, совсем из ума выжил?

– В особняке Форкосиганов ты не гость, Майлз. Ты единственный наследник, или был таковым до появления Марка, а у него есть свой капитал. Хотя бы расширь свои возможности! Ты ведь был столького лишен, работая на Иллиана! Можно сказать, ты и не жил вовсе!

«А вот это верно. Полноценной жизнью жил Нейсмит». Но отныне Нейсмит мертв – его убила иглограната на Архипелаге Джексона. Просто смерть наступила год спустя.

Майлзу доводилось читать о мутантах, сиамских близнецах, сросшихся телами. Иногда один из них умирал первым, а второй оставался привязанным к мертвецу несколько часов или даже дней, пока не умирал тоже. Лорд Форкосиган и адмирал Нейсмит – сиамские близнецы. «Не хочу больше об этом думать. Я вообще ни о чем думать не хочу».

– Пошли спать, Айвен. Уже поздно.

– Да, довольно поздно, – согласился Айвен.

Глава 8

Майлз проспал почти до полудня. Добравшись по лабиринту коридоров до кухни, он, к своему глубокому изумлению, обнаружил там попивающего кофе Айвена. Оставшаяся после завтрака посуда была сложена в раковине.

– Разве тебе не нужно идти на службу? – поинтересовался Майлз, наливая себе кофе.

– У меня несколько дней отпуска по семейным обстоятельствам, – сообщил Айвен.

– И сколько же?

– Сколько понадобится.

Иначе говоря, пока он не убедится, что Майлз ведет себя как следует. Майлз задумался. Так… Если он наймет этот чертов персонал, Айвен, освободившись от обязанностей надсмотрщика, отвалит в свою уютную квартирку – где, кстати, нет никакой прислуги, только приходящая уборщица. И тогда Майлз сможет спокойно уволить весь персонал… да, именно так. Естественно, выдав всем премиальные и соответствующие рекомендации. Угу, это должно сработать.

– Ты уже сообщил родителям? – спросил Айвен.

– Нет. Пока.

– А следует. Пока до них не дошли слухи.

– Знаю, что должен. Только… это не так просто. – Он глянул на Айвена. – Думаю, ты вряд ли…

– Ни за что! – в ужасе заорал Айвен. После небольшой паузы он снизошел до: – Ну… если ты действительно не в состоянии. Но мне бы не хотелось.

– Я… подумаю.

Майлз допил кофе, поднялся к себе и переоделся в вышитую рубаху и темные брюки. Последний раз он надевал их три года назад. Что же, по крайней мере они ему не узки. Воспользовавшись отсутствием Айвена, он собрал всю свою барраярскую форму и перетащил в пустующую комнату для гостей, чтобы не видеть их каждый раз, как лезет в шкаф. После длительных размышлений он отправил туда же и дендарийскую форму. В его шкафу осталось висеть лишь несколько одиноких шмоток.

Майлз уселся у комма. Послание родителям. О Боже! И еще – сообщение Элли Куин. Появится ли у него теперь возможность помириться с ней? Не на расстоянии, а лицом к лицу, телом к телу? А по комму помириться крайне сложно: электронное изображение, бормочущее непонятные и с трудом подобранные слова. Да и дойдет оно до Элли лишь через несколько недель. К тому же все его переговоры с дендарийцами контролируются СБ.

«Я сейчас не в состоянии этого сделать. Потом. Скоро. Обещаю».

Он обратился мыслями к менее болезненной теме набора персонала. Итак, каких это потребует затрат? Лейтенантской пенсии едва хватит на оплату одного слуги, даже если предоставить ему бесплатное жилье. Во всяком случае, если нанимать человека из тех, кого обычно нанимают столичные аристократы. На местном рынке по найму рабочей силы ему придется вступить в конкуренцию с шестьюдесятью графскими семействами, тучей более мелких аристократов и с недавно появившимися промышленными магнатами не-форского происхождения, которые прибрали к рукам значительное количество форских барышень, придающих светский лоск их жилищам.

Майлз набрал код. Улыбающееся лицо Циписа, управляющего Форкосиганов, появилось на дисплее, едва вызов достиг Хассадара.

– Доброе утро, лорд Форкосиган! Я и не знал, что вы вернулись из галактической миссии. Чем могу служить?

Похоже, Ципис еще не в курсе его увольнения по болезни. Майлзу совсем не хотелось лишний раз повторять даже официальную версию происшедшего, поэтому он ограничился кратким ответом:

– Да, я вернулся несколько недель назад. Похоже… я пробуду на планете дольше, чем рассчитывал. Какие средства в моем распоряжении? Отец не оставил для меня никаких

инструкций?

– Все, – ответил Ципис.

– Прошу прощения, я вас не понял.

– Все счета и фонды были переведены на ваше имя непосредственно перед отбытием графа и графини на Зергияр. На всякий случай. Вы ведь доверенное лицо вашего отца.

– Да, но… – Вот уж никак не думал, что Зергияр – пограничная зона. – Хм… И что я могу?

– Легче сказать, чего вы не можете. Вы не можете продать майорат, резиденцию в Хассадаре и особняк Форкосиганов в Форбарр-Султане. Покупать, вы, разумеется, можете все что угодно, и продавать что угодно из того, что ваш дедушка завещал лично вам.

– Так… Могу я позволить себе нанять шофера?

– О, ну конечно! Вы можете нанять полный штат прислуги, необходимой для особняка Форкосиганов. Средства все здесь, в вашем полном распоряжении.

– А на что родители содержат дворец вице-короля на Зергияре?

– Графиня Форкосиган взяла некоторую сумму из своих личных средств, кажется, на переоформление интерьера, но ваш отец в настоящий момент оплачивает лишь содержание своих двадцати оруженосцев. Все остальное на Зергияре оплачивается из казны.

– А!

Ципис расцвел:

– Вы собираетесь снова открыть особняк Форкосиганов, милорд? Это было бы великолепно! Было так хорошо в прошлом году на Зимнепразднике, когда я имел честь там отужинать.

– Нет… Пока нет.

Ципис увял.

– А… – разочарованно протянул он. Затем его озарило. – Милорд… вам нужны деньги?

– Э-э-э… да. Именно об этом я и хотел с вами поговорить. Чтобы было чем платить шоферу, возможно, повару. Оплачивать счета, покупать всякое разное… Короче, чтобы вести соответствующий образ жизни.

Обычно ему с избытком хватало лейтенантского жалованья, накопившегося за время его отсутствия. Поэтому Майлз понятия не имел, сколько денег попросить у Циписа.

– Ну конечно! В какой форме вам удобно? Может быть, еженедельный депозит на ваш служебный счет?

– Нет… Пожалуй, я открою новый. Отдельный. Просто… как лорд Форкосиган.

– Прекрасная мысль. Ваш отец всегда тщательно следил за тем, чтобы его личные и государственные средства никак не соединялись. Очень хорошая привычка. Конечно, отнюдь не потому, что какому-нибудь чересчур ретивому Имперскому Аудитору могло прийти в голову проверить его финансовое состояние. Всего лишь предосторожность на будущее. – Ципис набрал что-то на своем комме. – Допустим, я переведу на ваш новый счет все не использованные на содержание особняка средства. А затем буду переводить еженедельную сумму.

– Отлично.

– Если вам понадобится больше, просто скажите мне.

– Непременно.

– Я пришлю вам вашу новую кредитку с курьером в течение ближайшего часа.

– Благодарю вас. – Майлз потянулся к выключателю, затем спросил как бы между прочим. – А сколько это будет?

– Пять тысяч марок.

– О, прекрасно.

– И восемьдесят тысяч для начала, – добавил Ципис.

Майлз быстренько произвел в уме подсчеты.

– Вы хотите сказать, что этот дом поглощает пять тысяч марок еженедельно?

– О, гораздо больше, если учесть оруженосцев и личный счет графини. И сюда не

входят ремонтные работы, которые оплачиваются отдельно.

– Понимаю…

– Если у вас, милорд, появится интерес, я с удовольствием посвящу вас во все подробности по вашим финансовым делам, – радостно добавил Ципис. – Можно так много сделать, если вести дела более агрессивно и предприимчиво, и смею сказать, менее консервативно. И с большим вниманием.

– Если… у меня будет время. Спасибо, Ципис. – Майлз прервал связь.

Бог ты мой! Он может купить… да почти все, что угодно. А чего бы ему хотелось приобрести.

«Дендарийцев».

«Ага. Знамо дело». Но для него их цена не измеряется деньгами. «Так, а что еще?»

Когда-то в юности он недолго мечтал о флайере, более быстром и ярком, чем у Айвена. Последней модели. Теперь аппарат, практически новый, хоть и купленный много лет назад, стоит внизу, в гараже. Только вот летать на нем он не может.

«Никогда я не думал, что купить, а думал, кем стать».

Кем же? Ну, в первую очередь, конечно, адмиралом. Настоящим, барраярским адмиралом. К тридцати пяти годам, на год раньше, чем отец, ставший в тридцать шесть самым молодым адмиралом постизоляционного периода. Стать адмиралом вопреки малому росту и неказистой внешности. Но даже если бы он родился с нормальным телом, все равно сейчас не было подходящих войн, чтобы быстро сделать карьеру. Тайный агент Имперской безопасности – лучшее, на что он мог рассчитывать. Не потому, что это – единственное подразделение, взявшее его на службу, а потому что единственное, которое давало ему возможность оказаться на передовой и участвовать в единственно доступных в настоящее время активных действиях. Как можно стать Великим Человеком, если история не предоставляет тебе Великих Событий? Или предоставляет их не тогда, когда надо, либо когда ты слишком юн, либо слишком стар. Либо слишком травмирован.

Майлз посмотрел на список пяти отставных оруженосцев Форкосиганов, проживавших в Форбарр-Султане и окрестностях. Хоть и престарелый, но бывший оруженосец, чья жена могла бы еще и готовить – идеальный выход из положения. Их не надо ничему учить, и они не станут возражать против краткосрочного контракта. Он начал набирать коды. «Может, мне повезет с первой же попытки».

Один из оруженосцев был слишком стар, чтобы водить машину. Жены остальных четырех сказали «нет». Точнее, «НЕТ!»

Фыркнув, Майлз побрел на кухню – собрать остатки еды, которую каждый раз предлагал Царапке в безуспешных попытках убедить ее не хватать корм острыми когтями и не убегать с рычанием под стул, а есть достойно. А потом сидеть на коленях, благодарно мурлыкая, как положено добропорядочной форской кошке. Вообще-то Царапка во многом напоминала Майлзу его брата-клона Марка, а с Марком он в конечном счете добился своего. К тому же не помешает сообщить охраннику о прибытии курьера от Циписа.

Придя в караулку, Майлз обнаружил, что у охранника визитер – высокий светловолосый юноша, очень похожий на капрала Кости. Молодой человек держал большую лакированную коробку.

– Доброе утро, точнее, мне следует сказать, добрый день, сэр, – отсалютовал охранник с небрежностью, достойной аналитика СБ, запоздало сообразив, что на Майлзе нет мундира. – Хм… Позвольте представить вам моего младшего брата Мартина.

«Ты недостаточно стар, чтобы иметь младшего брата».

– Привет, – протянул юноше руку Майлз.

Блондинистый юнец, ни секунды не колеблясь, пожал протянутую руку, хоть глаза его при этом слегка расширились.

– Э-ээ… Здравствуйте. Лейтенант. Лорд Форкосиган.

Похоже, Кости тоже еще не знает о его новом статусе. Наверно, капрал стоит слишком

низко по иерархической лестнице. Майлз отвел взгляд от серебряных Глаз Гора на воротнике Кости-старшего. Ладно. Пора с этим заканчивать.

– Боюсь, больше уже не лейтенант. Я только что расстался со службой. Ушел в отставку по состоянию здоровья.

– О! Мне очень жаль, сэ… милорд. – Сожаление охранника казалось искренним. Но он не стал задавать бестактных вопросов. Никому, глядя на Майлза, не придет в голову усомниться в версии об отставке по состоянию здоровья.

Царапка выскочила из-под стула, слегка зарычав на Майлза, которого потихоньку начала признавать.

– Эта пушистая зверюга не становится дружелюбнее, а? – заметил Майлз. – Лишь толще.

– Неудивительно, – ответил капрал Кости. – Каждый раз, как меняется караульный, она старается убедить заступившего на пост, что предыдущий охранник морил ее голодом.

Майлз предложил кошке корм, который она соизволила принять в свойственной ей манере и удрала, чтобы слопать лакомство. Майлз пососал царапину на пальце.

– Нет, она определенно учится быть сторожевой кошкой. Если бы нам еще удалось научить ее отличать друзей от врагов. – Он выпрямился.

– Никто не хочет брать меня на работу на два месяца, – сказал Мартин брату, явно продолжая прерванный приходом Майлза разговор.

Майлз поднял бровь:

– Ищете работу, Мартин?

– Жду, когда мне исполнится восемнадцать, чтобы поступить на службу в СБ, – гордо заявил Мартин. – И мне ждать еще два месяца. Но мама говорит, если я не найду, чем себя занять на это время, то она мне найдет. А я боюсь, что это окажется что-нибудь, связанное с чисткой и уборкой.

«Подожди, пока встретишься с сержантом в учебке, сынок. Вот тогда ты узнаешь о чистке и уборке все».

– Когда-то я чистил канализационные трубы на острове Кайрил, – припомнил Майлз. – И весьма в этом преуспел.

– Вы, милорд? – Мартин посмотрел на него широко открытыми глазами.

Губы Майлза искривились в улыбке.

– Это было весьма захватывающе. Я нашел тело.

– О! – Мартин успокоился. – Дела СБ, верно?

– Тогда… еще нет.

– На службе сержант выбьет из него дурь, – доверительно сказал Майлзу капрал.

«Он обращается ко мне, как к почтенному ветерану. Откуда ему знать».

– О да! – И оба зловеще улыбнулись. – В наши дни с новобранцами обращаются строго… Надеюсь, вы хорошо справлялись со школьными заданиями?

– Да, сэр, – ответил Мартин.

Да, с его внешностью он явно станет образцово-показательным охранником. У его братца явно хватило мозгов, чтобы стать настоящим.

– Что же, желаю удачи. – «Пусть тебе повезет больше, чем мне». Нет, несправедливо использовать вновь дарованную возможность дышать, чтобы жаловаться на судьбу. – Итак, Мартин… вы умеете водить?

– Конечно, милорд.

– И флайер?

Чуть поколебавшись, юноша ответил:

– Пробовал немного.

– Дело в том, что мне временно необходим шофер.

– Правда, милорд? И вы полагаете… я смогу…

– Может быть.

Капрал недоуменно нахмурился.

– Часть моей работы заключается в том, чтобы сохранить ему жизнь, Мартин. Ты ведь не станешь создавать мне сложности, а?

Мартин улыбнулся брату, но на подначку не поддался. Все внимание он сосредоточил на Майлзе.

– Когда я могу приступить?

– Да в любое время. Сегодня, если хотите. – Да, неплохо бы съездить в магазин и купить себе поесть. – По всей вероятности, сначала работы будет немного, но я не могу сказать заранее, когда мне могут понадобиться ваши услуги, поэтому предпочел бы, чтобы вы жили здесь. Свободное время сможете использовать для подготовки к экзаменам. – Может быть, взяв на службу Мартина, ему удастся отделаться от опеки Айвена? Тогда придется потом сообщить Мартину об одной маленькой дополнительной подробности.

Нет. Лучше сразу. Приступ может случиться в любое время. Нечестно навязывать парнишке припадочного хозяина, не предупредив заранее. Элли Куин с ним бы согласилась.

– Я не могу водить. У меня бывают припадки. Последствие острого приступа смерти, которую я подцепил в прошлом году… благодаря иглогранате. Криооживление прошло почти успешно.

Капрал прямо просветлел:

– Я никогда не думал, что работа курьера – такая уж синекура, как представляют некоторые!

Мартин завороженно глядел на Майлза, пораженный не меньше, чем историей о чистке канализации.

– Вы были мертвы, милорд?

– Так мне сказали.

– И на что это похоже?

– Не знаю, – отрезал Майлз. – Как-то пропустил. – Затем, слегка смягчившись, добавил: – Но возвращаться к жизни – довольно болезненное занятие.

– Ух ты! – Мартин протянул лакированную коробку брату. Царапка вылезла из-под стула и начала тереться о начищенные сапоги капрала, отчаянно мурлыкая и поглядывая на коробку.

– Уймись, Царапка, ты включишь сигнализацию, – развеселился капрал. Он положил коробку на столик и откинул крышку. С отсутствующим видом он разорвал упаковку сухого пайка и бросил на пол. Кошка понюхала бумагу и снова принялась царапать капральский сапог, умильно глядя на лакированную коробку.

Внутренняя сторона крышки оказалась чем-то вроде подноса с маленькими отделениями. Кости поставил в них два сосуда с терморегулятором, миску и две чашки. Затем последовал набор сандвичей на двух разновидностях хлеба и с разными наполнителями, порезанными кружочками, звездочками, квадратиками. Одна мякоть – никаких косточек и хрящиков. Фрукты на палочках, печенье и круглые пирожные с цукатами, залитыми густым фруктовым сиропом. Из одного сосуда Кости вылил в миску розоватый суп со сметаной, из другого налил в чашку какой-то горячий напиток со специями. От миски и чашки повалил пар. Для кошки в коробке оказалось несколько завернутых в зеленые листочки салата паштетных шариков. Распушив хвост, Царапка с восторженным «мяу» молнией устремилась к еде, не успел Кости положить шарики на пол.

Майлз изумленно наблюдал за всей процедурой, глотая слюну.

– Что это, капрал?

– Мой ленч, – просто ответил Кости. – Ма присылает мне его каждый день. – Он шлепнул по руке потянувшегося за сандвичем брата. – Эй! Ты можешь поесть и дома. А это мое. – Он неуверенно глянул на Майлза.

По уставу сотрудники СБ, находясь на службе, не имеют права есть ничего, кроме пайка, во избежание отравления ядом или наркотиками. Но если не верить родной матери и брату, то кому же тогда вообще доверять? И потом, Майлз больше не обязан следить за соблюдением всяких идиотских правил СБ.

– Ваша мама готовит все это? Каждый день?

– Как правило. С тех пор, как сестры вышли замуж…

«Ну конечно!»

– …и дома остался только Мартин, ей стало скучно.

– Капрал Кости, Мартин. – Майлз набрал в грудь побольше воздуха, вдыхая аппетитные ароматы. – Как вы думаете, ваша матушка захочет пойти работать?

– Похоже, дела идут на лад, – заявил за ленчем Айвен на следующий день. Матушка Кости поставила на стол изумительно оформленные яства и удалилась из Желтой гостиной. Скорее всего, чтобы принести следующие блюда. Несколько минут спустя он добавил с набитым ртом: – Сколько ты ей платишь?

Майлз сказал.

– Удвой, – решительно приказал Айвен. – Или ты ее потеряешь после первого же официального ужина. Кто-нибудь ее перекупит. Или похитит.

– Вряд ли. Ее сын охраняет ворота. Кроме того, я не собираюсь устраивать приемов.

– Какая жалость. Хочешь, я организую?

– Нет. – Майлз несколько размяк. Возможно, вследствие того, что во рту у него таял кусок персикового торта. – Не сейчас, во всяком случае. – Он расплылся в улыбке. – Но в заметках о великих исторических деятелях… ты можешь сообщить всем и каждому, что лорд Форкосиган ест то же, что его охрана и шофер. И это будет истинной правдой.

* * *

Заключение контракта со службой быта на обслуживание особняка Форкосиганов окончательно удовлетворило требования Айвена. Но Майлз запоздало сообразил, что, наняв матушку Кости, он жестоко просчитался в своем плане избавления от кузена. Следовало бы нанять отвратительного повара.

Пока Айвен не уехал, Майлз не имел возможности спокойно вернуться к меланхолии. Он не мог запереться и не отвечать на стук, потому что Айвен грозился немедленно высадить дверь. А ругаться и рычать мог лишь до определенного предела, рискуя вновь оказаться в ледяной купели.

«Наконец-то Айвен хоть днем начал уходить на службу», – подумал Майлз. И за ужином попытался продвинуться дальше.

– Большинство людей, – заявил он, – не находят лучшего применения своей жизни, чем работать машиной по переработке пищи в дерьмо.

Айвен выгнул бровь:

– Кто это сказал? Твой дед?

– Леонардо да Винчи, – немедленно ввернул Майлз. Но справедливости ради все же добавил: – Это мне дед говорил.

– Так я и думал, – ответил довольный Айвен. – Очень похоже на старого генерала. Он был чудовищем, верно?

Айвен сунул в рот кусок мяса, залитого винным соусом, и начал с аппетитом жевать.

Айвен – это сплошное недоразумение. Последнее, о чем может мечтать чудовище, это мальчишка, непрерывно шляющийся за ним с зеркалом в руках.

Дни шли, складываясь в недели. Наконец Майлз обнаружил на комме чье-то послание. Включил просмотр. На экране появилось аристократическое лицо леди Форпатрил.

– Привет, Майлз, – начала она. – Я очень расстроилась, узнав о твоей отставке по состоянию здоровья. Я понимаю, что для тебя это удар. После всего, что ты сделал.

Спасибо Айвену. Он явно не рассказал ей, что произошло на самом деле, иначе ее соболезнования звучали бы иначе. Легонько взмахнув рукой, она перешла к сути.

– По просьбе Грегора я организую завтра частный прием в южном саду дворца. Он

попросил меня пригласить тебя. Просил, чтобы ты пришел на час раньше на аудиенцию. На твоем месте я рассматривала бы это не как «приглашаю», а как «требую вашего присутствия». По крайней мере я так прочитала между строк, хотя он говорил очень мягким тоном, тебе хорошо известным. Когда получишь это сообщение, ответь мне немедленно.

Она отключилась.

Майлз прижался лбом к прохладной поверхности комма. Он знал, что это рано или поздно случится. Неизбежное следствие того, что он предпочел жить. Грегор предоставляет ему возможность извиниться. Рано или поздно им все равно пришлось бы объясняться. Став в один прекрасный день графом и возглавив свою провинцию, Майлз вынужден будет много времени проводить в Форбарр-Султане. Он пожалел, что не может принести извинения по старинному обычаю, вспоров себе живот. Так было бы проще и безболезненнее.

«Ну почему они тогда не оставили меня мертвым?»

Вздохнув, он выпрямился и начал набирать код леди Элис.

Глава 9

Бронированный лимузин графа Форкосигана остановился напротив восточного входа Императорского дворца. Мартин нервно оглянулся на ворота и толпящихся возле них охранников.

– Вы уверены, что все обойдется, милорд?

– Не волнуйся, – ответил Майлз, сидевший возле него в кабине водителя. – Готов поспорить, что к моему отъезду покореженный кусок ворот будет уже поправлен и выкрашен.

Мартин, кивнув, нажал кнопку, открывающую кабину. Точнее, храбро попытался отыскать ее на светящейся панели. Майлз указал на нужную.

– Спасибо, – пробормотал Мартин.

Кабина открылась, и Майлз благополучно выбрался наружу.

– Послушай, Мартин… Пока я тут буду занят, почему бы тебе не попрактиковаться в вождении. – Майлз сунул в карман настроенный на машину комм. – Когда ты мне понадобишься, я вызову тебя. Если ты… – Майлз проглотил готовое сорваться «въедешь во что-нибудь». – Если возникнут проблемы, вызывай меня… Впрочем, нет. – Майлз сильно подозревал, что вскоре будет молиться о том, чтобы что-нибудь прервало предстоящий разговор с Грегором, но организовывать заранее такой перерыв – трусость. – Вызови вот этот номер. – Наклонившись, он набрал на комм-пульте код. – Таким образом ты свяжешься с весьма компетентным господином по имени Ципис. Он отличный парень и расскажет тебе, что нужно делать.

– Хорошо, милорд.

– Следи за инерцией. Эта зверюга обманчива. Полностью залитые баки придают ей не меньше массы, чем броня. И управление может оказаться проблемой. Поезжай куда-нибудь, где много свободного места, и экспериментируй в свое удовольствие, чтобы впредь для тебя не было сюрпризов.

– Э-э-э… спасибо, сэр. – Колпак кабины опустился. Сквозь тонированные стекла Майлз увидел, что Мартин, трогаясь, сосредоточенно закусил губу. Левое заднее крыло серебристой машины осталось целехоньким. Ничего удивительного. Ну вот, очередной новобранец на его голову. Будь он посообразительнее, заставил бы парня практиковаться всю прошлую неделю, и тогда этот небольшой инцидент с воротами Грегора не состоялся бы. Но теперь Мартин справится. И даже лучше, что его светлость не будет нервировать его своим присутствием.

Один из оруженосцев встретил Майлза у двери и повел в северное крыло. Значит, они идут в личные покои Грегора. Северное крыло – единственная часть гигантского Императорского дворца, которой менее двухсот лет. Старое сгорело во время государственного переворота Фордариана – в тот год, когда родился искалеченный

солтоксином Майлз – и было потом отстроено заново. Находящийся на первом этаже кабинет – один из немногих действительно личных покоев Грегора. Интерьер тут был скромным, немногие произведения искусства принадлежали молодым современным художникам, антиквариат отсутствовал вовсе.

Грегор стоял возле высокого задрапированного окна и глядел в сад. Интересно, вышагивал ли он перед этим по комнате? Сегодня император облачился в мундир цветов Форбарра, очень официальный. Майлз же, испытывающий с некоторых пор аллергию на всякого рода форму, надел уже не модный гражданский костюм, который выудил из глубины шкафа. Неподходящий наряд для визита во дворец.

– Лорд Форкосиган! – объявил оруженосец и, откланявшись, удалился.

Грегор кивнул и жестом велел Майлзу сесть. Когда Грегор уселся на стул напротив, Майлз несколько замороженно улыбнулся и, подавшись вперед, сложил руки на коленях.

– Мне это так же тяжело, как, я уверен, тяжело тебе… – начал Грегор.

Улыбка Майлза стала еще суше.

– Не настолько… мне кажется, – пробормотал он.

Грегор, поморщившись, отмахнулся:

– Мне жаль, что ты это сделал.

– Мне тоже жаль, что я это сделал.

Грегор, проигнорировав реплику, продолжил:

– Что сделано, то сделано. И не имеет значения, насколько ты сожалеешь о содеянном.

– М-м-м… Если б я мог – из серии, «что было бы, если», – то я даже не уверен, что захотел бы изменить это. Скорее предпочел бы вернуться в тот день, когда погиб сержант Ботари, и изменить все так, чтобы он остался жив. Не знаю… может, из этого бы тоже ничего путного не вышло. Скорее всего нет… Но то была более невинная ошибка, хоть и повлекшая смерть сержанта. Похоже, я теперь дорос до лучше просчитанных глупостей. – Голос его звучал жестко.

– Ты стоял на пороге таких грандиозных перемен.

– Каких? Кабинетной работы в Департаменте внутренних дел? Благодарю покорно. – Пожалуй, это самое обидное во всей этой истории: пожертвовать всем, даже честью, ради спасения личности, которой все равно оставалось жить ровно год. Знай он об этом, то… Что?

«Так что же, а?»

Грегор недовольно поджал губы.

– Всю мою жизнь моими делами занимаются старики. Ты – первый представитель моего поколения, которому, как я полагал, я смогу доверить действительно важную и ответственную должность в высшем эшелоне того, что по иронии судьбы называют моим правительством.

«Ага, и я все это пустил псу под хвост. И мы оба это с тобой знаем, Грегор».

– Но ты должен признать, что они вовсе не были стариками, когда начали служить тебе. Иллиан возглавил Имперскую безопасность лет в тридцать, верно? И при этом собирался заставить меня ждать до тридцати пяти, змей.

Грегор покачал головой.

«Если он сейчас скажет: „Майлз, Майлз, что же мне теперь с тобой делать?“, я немедленно развернусь и уйду».

Но Грегор спросил:

– Ну и что ты теперь намерен делать?

«Ничуть не лучше».

Но Майлз не ушел.

– Понятия не имею. Мне нужно на время уехать и подумать в тишине. Уехать куда-нибудь подальше. Отпуск по болезни и просто путешествие – не совсем одно и тоже.

– Я… требую, чтобы ты не пытался связаться с дендарийцами. Понимаю, что ни я, ни Служба безопасности, вместе взятые, скорее всего не сможем помешать тебе, если ты надумаешь забрать их и улететь. Но в таком случае я больше не смогу спасти тебя от

обвинения в государственной измене.

Майлз согласно кивнул. Он изначально знал, что это был бы билет в один конец.

– Дендарийцам тоже не нужен припадочный командующий. Пока я не починю свою голову – если ее вообще можно починить, – об этом все равно не может быть и речи. – Возможно, оно и к лучшему. Поколебавшись, Майлз все же задал наиболее волнующий его вопрос, облачив его в максимально нейтральные слова. – Каким теперь будет статус Дендарийского флота?

– Все будет зависеть от нового командующего. Что, по-твоему, захочет Куин?

Так, значит, он не собирается отправлять на свалку результаты многолетнего труда. Внутренне облегченно вздохнув, Майлз ответил, тщательно подбирая слова:

– Нужно быть идиотом, чтобы отказаться от нашего – ее – имперского покровителя. А Куин далеко не дура. Не вижу, почему флот не сможет выполнять при ней те же функции, что выполнял при мне.

– С нетерпением жажду увидеть, как оно будет. Сможет ли она обеспечить успех. Или нет.

«Помоги тебе Бог, Куини». Дендарийцы по-прежнему остаются собственностью императора, даже без него, а это главное.

– Куин училась у меня почти десять лет. Сейчас ей около сорока, она на пике своих возможностей. Инициативна, решительна и на редкость собранна в экстремальных ситуациях, с которыми неоднократно сталкивалась с моей легкой руки. Если она не готова к командованию… значит, я не такой хороший командир, как считал.

– Отлично, – коротко кивнул Грегор. Лицо его просветлело. – Не соизволите ли теперь со мной отобедать, лорд Форкосиган?

– Я польщен, Грегор, но стоит ли мне оставаться?

– Там будет кое-кто, с кем я хочу, чтобы ты встретился. Точнее, за кем бы понаблюдал.

«Его все еще интересует мое мнение?!»

– В последнее время мои суждения не стоят того, чтобы о них писать.

– М-м-м… Кстати, о письме… Ты уже сообщил родителям?

– Нет, – отозвался Майлз и осторожно поинтересовался: – А ты?..

– Нет…

Повисла унылая пауза.

– Это – твоя обязанность, – наконец решительно отрезал Грегор.

– А я и не отрицаю…

– Займись своим лечением как можно быстрее, Майлз. Если понадобится, я издам специальный указ.

– Не стоит… Сир.

– Вот и хорошо.

Грегор встал. Майлз был вынужден подняться тоже.

Они уже почти дошли до дверей, когда Майлз тихонько окликнул:

– Грегор?..

– Да?

– Прости…

Чуть поколебавшись, император едва заметно кивнул, и они двинулись дальше.

На лужайке Южного сада, среди деревьев и цветущих кустарников, под муслиновым навесом был накрыт столик на четверых. Погода стояла хорошая, осеннее солнце пригревало, дул приятный ветерок. Шум большого города казался далеким и едва слышным, будто сад был погружен в сон. Майлз, слегка озадаченный, окинул взглядом лужайку и уселся рядом с Грегором.

«Надеюсь, он устроил это не в мою честь?! Это было бы верхом издевательства…»

Грегор нетерпеливо отмахнулся от слуги, предложившего аперитив. Он определенно кого-то ждал. И тут все стало ясно: появилась леди Элис Форпатрил, одетая изысканно, как и

положено фор-леди. Синее болеро и отделанная серебром юбка великолепно гармонировали с серебристыми прядями в ее черных волосах. Леди Элис эскортировала доктора Лаису Тоскане, одетую по комаррской моде – блузон и брюки. Невесть откуда взявшиеся слуги помогли дамам сесть и тут же снова исчезли.

– Добрый день, доктор Тоскане, – кивнул Майлз. – Вот мы с вами и встретились снова. Кажется, это ваш второй визит во дворец?

– Четвертый, – улыбнулась она. – На прошлой неделе Грегор любезно пригласил меня на деловой обед с министром Ракоши, где мне представилась блестящая возможность изложить некоторые соображения нашей торговой группы. А потом я была еще на приеме для уходящих в отставку чиновников из провинций. Это было просто потрясающе!

«Грегор?..» Майлз глянул на Элис Форпатрил, сидевшую слева от него. Та ответила ничего не выражающим взглядом.

Слуги принесли еду, и потекла общая беседа. Как и следовало ожидать, беседа началась с обсуждения некоторых комаррских дел. Однако закончилась она довольно быстро – едва Грегор с Лаисой принялись вспоминать детство. Оба они оказались единственными детьми – факт, показавшийся им достойным длительного обсуждения. У Майлза возникло ощущение, что он присутствует на просмотре второй, если не четвертой, серии длинного сериала. Его собственная роль в разговоре сводилась к «ага» и «угу», подтверждающих события, которые он едва помнил. Элис, обычно весьма разговорчивая, тоже больше помалкивала.

Грегор заливался соловьем, но и Лаиса ему не уступала. Майлзу давно не доводилось видеть Грегора таким разговорчивым.

Когда принесли пирожные и еще пять разных видов десерта, Грегор застенчиво произнес:

– Лаиса, я приготовил для вас маленький сюрприз.

Он сделал незаметный для собеседницы жест – явно заранее согласованный, потому что один из слуг немедленно растворился за деревьями.

– Вы как-то упомянули, что видели лошадей только в кино. Но кони – тоже своего рода символ форов. Поэтому я подумал, что вам, возможно, захочется прокатиться верхом.

И тут появился слуга, ведя в поводу самую потрясающую маленькую кобылку, какую Майлз видел за всю свою жизнь. Не считая, конечно, породистых лошадей, которых разводил дед. Огромные влажные глаза, стройные ноги… Копыта выкрашены в черный цвет, в длинную волнистую гриву и хвост вплетены алые ленты. Алая попона и расшитая алым уздечка.

– О Боже! – У Лаисы перехватило дыхание. – Можно ее погладить? Но я же совсем не умею ездить верхом!

– Конечно, можно! – Грегор подвел девушку к кобыле. Лаиса, радостно смеясь, провела рукой по шелковистой холке и сияющей гриве. Лошадка добродушно прикрыла глаза, охотно принимая знаки внимания.

– Я сам поведу ее в поводу, – сказал Грегор. – Просто пройдемся шагом. Она очень спокойная.

Вообще-то, по мнению Майлза, кобылка только что не спала на ходу. Да, Грегор явно не собирался рисковать.

Лаиса защебетала что-то из серии «ах-ну-уговорите-меня-пожалуйста», что Грегор охотно и сделал. Майлз, наклонившись к Элис, тихо спросил:

– Где Грегор отыскал эту лошадь?

– За три провинции отсюда, – шепнула она в ответ. – Ее вчера доставили во дворцовые конюшни. Грегор четыре дня гонял всех слуг, планируя этот обед.

– Я вас подсажу, – продолжал тем временем Грегор. – Давайте, я вам покажу, как надо. Согните ногу, а я подставлю руки.

После трех неудачных попыток, сопровождавшихся веселым смехом, Лаиса наконец взгромоздилась на лошадь. Если Грегор и пытался ее втихую потискать, то провернул это с большим знанием дела. Теперь, сидя в обитом бархатом седле, Лаиса выглядела очень

довольной и слегка гордой своим достижением. Грегор взял у слуги поводья, жестом велев ему уйти, и повел кобылку по аллее вокруг сада, что-то оживленно рассказывая.

Майлз, широко раскрыв глаза, сделал большой глоток чая.

– Так, тетя Элис… Изображаешь сваху, или как?..

– Похоже на то, – сухо отозвалась она, не сводя глаз с маленькой кавалькады.

– И когда же это произошло?

– Точно не скажу. Не успела я оглянуться… и вот оно, пожалуйста. С тех пор пытаюсь наверстать упущенное…

– Но, Элис… Императрица – комаррианка? – Потому что именно это у Грегора на уме. Элис ни за что не стала бы заниматься сводничеством. – Да консервативная часть форов дерьмом изойдет! Не говоря уже об оставшихся комаррских радикал-революционерах!

– Будь любезен, избавь меня от казарменных выражений, Майлз. Что же до твоего вопроса… Возможно. Однако центристская коалиция это одобрит. Точнее, ее можно убедить.

– Ты сама и убедишь? Или убедят их жены, с твоей подачи? А сама-то ты одобряешь?

Леди Форпатрил задумчиво прищурилась.

– В общем и целом… думаю, да, одобряю. Поскольку твоя мать самоустранилась, последние десять лет именно я, за неимением никого другого, занималась поиском невесты для Грегора. Весьма неблагодарное занятие, должна заметить. То есть он просто сидел и смотрел на меня с такой покорностью, а во взгляде явственно читалось «За что ты со мной так?». По-моему, я представила ему всех высоких худощавых форских красоток, имеющихся на этой планете, внося полную сумятицу в их жизнь и жизнь их семейств. Представляла ему десятки резюме… Все без толку. Клянусь, Грегор был хуже Айвена, а Айвен упустил столько хороших партий… Кое-кто посоветовал мне попробовать предложить ему мальчиков, но я объяснила, что это никоим образом не решит проблемы наследника.

– Действительно, вряд ли такое было бы возможно без беспрецедентного вмешательства генной инженерии, – ухмыльнулся Майлз. – Да нет, Грегора мальчики не интересуют. Но и девушки из форов тоже. Я это понял уже давно. Жаль, что ты меня не спросила. Грегор – еще более близкий родственник Ури Безумного, чем я. И… хм… он знает о своем отце, покойном и никем не оплаканном принце Зерге, гораздо больше, чем, как я полагаю, хотелось бы моим родителям. У него эдакая вполне исторически обоснованная паранойя по поводу… хм… паранойи. И форских внутрисемейных браков. Он никогда не полюбит женщину из касты форов.

Элис выгнула тонкие темные брови:

– Представь себе, о его отношении к форам я и сама догадалась. Что поставило меня перед дилеммой. Как ты понимаешь…

– Итак… Что же, по-твоему, так его привлекает в докторе Тоскане? Помимо ума, красоты, чисто человеческих качеств, отличного чувства юмора, грации, богатства и не-форского происхождения?..

Элис фыркнула:

– Полагаю, все гораздо проще и одновременно сложнее, хотя вряд ли Грегор сам отдает себе в этом отчет. Не то чтобы я подражала бетанскому мгновенному психоанализу твоей матери, но… Мать Грегора убили, когда ему было всего пять лет от роду. – Ее накрашенные губы на мгновение сжались при воспоминании о старой ране. Леди Элис дружила с принцессой Карин. – Посмотри на фигуру доктора Тоскане. Она… материнская. Ни одной косточки не выступает. Как подумаю, сколько времени потратила зря, представляя ему высоких стройных красоток, когда следовало бы маленьких и полных, просто плакать хочется. – Но плакать она не стала, а с аппетитом откусила солидный кусок пирожного.

Майлз откашлялся. Грегор с Лаисой свернули и пошли по аллее. Высокий тощий Грегор шагал у стремени Лаисы, оживленно жестикулировал и что-то говорил, улыбаясь до ушей. Лаиса, склонившись через луку, раскрыв рот внимала. Глаза ее сияли.

– Ну, Майлз, – несколько более сухим тоном продолжила Элис. – Расскажи мне теперь

о твоем капитане Галени. Мне не совсем понятна его роль во всей этой истории.

– Вовсе он не мой капитан, – возразил Майлз. – Он капитан Грегора.

– Но, со слов Айвена, он твой друг.

– Айвен работал с ним гораздо дольше, чем я.

– Прекрати свои увертки. У меня такое ощущение, что это важно. Или может стать важным. Моя задача – уберечь Грегора от семейных неприятностей, как Саймон решает проблемы с его безопасностью, а твой отец – а сейчас, как я понимаю, министр Ракоши – решал политические. СБ сообщает, что доктор Тоскане и Галени не являются любовниками.

– Я… я тоже так думаю. Но он за ней ухаживает. Именно поэтому я в первую очередь и пригласил их обоих на императорский ужин. Чтобы помочь ему с ней объясниться. – Внезапно императорский обед кирпичом лег у Майлза в желудке.

– Но официально они не помолвлены?

– Не думаю.

– А говорили они между собой о браке?

– Не знаю. Я, знаешь ли, не в очень-то близких отношениях с Галени. Мы с ним просто… вместе работали. Случайно познакомились во время той заварухи с Марком на Земле, а потом еще раз встречались на Комарре, где СБ расследовала один неприятный инцидент. Впрочем, полагаю, что Галени подумывал о браке. Но он человек очень замкнутый, и не без причин. Думаю, ему было непросто пытаться сблизиться с Лаисой. Не из-за нее, а из-за него самого. Точнее, из-за того, каким он сам себя сделал. Медлительным, обстоятельным и осторожным.

Леди Элис побарабанила длинным накрашенным ногтем по скатерти.

– Мне вот что необходимо знать, Майлз. Является ли в данной ситуации капитан Галени проблемой? С меня достаточно сюрпризов.

– А что тебя интересует? Его проблемы или те проблемы, которые он может создать? А может и не создать?

В голосе Элис зазвучали металлические нотки.

– Именно об этом я тебя и спрашиваю.

– Не знаю… Полагаю, ему это будет неприятно. Мне очень жаль… – Галени собираются бортануть, вот оно что… «Господи, Дув… Я этого не хотел. Прости, прости… Похоже, сегодня настал мой черед быть кругом виноватым…»

– Ну что ж, в конечном счете выбор все равно за Лаисой, – подытожила Элис.

– Как может бедняга Галени соперничать с императором?

Она одарила его чуть снисходительной улыбкой.

– Если она любит Галени… вопрос исчерпан. Если же нет… то и проблемы нет. Верно?

– Кажется, у меня начинает болеть голова.

Тем временем Грегор помог Лаисе сойти с лошади, ухитрившись изобразить нечто, сильно смахивающее на объятие. Он вернул повод груму, другой слуга поднес два серебряных сосуда, чтобы пара могла омыть руки от лошадиного пота, ежели таковой имеется. Совершенно излишне, на взгляд Майлза. Должно быть, бедную скотину сегодня утром чудом не утопили в шампуне.

Элис демонстративно поглядела на свои часики.

– Мне жаль прерывать столь прекрасный обед, Грегор, но до встречи с графом Форталой и министром Ванном осталось всего двадцать минут.

– О! – Лаиса, вспыхнув от смущения, быстро вскочила со стула. – Я отрываю вас от дел!

– Леди Элис этого не допустит! – с жаром возразил Грегор. Леди Форпатрил кисло улыбнулась. Грегор быстро встал и склонился к руке Лаисы. Неужто он?.. Да. Он собирается поцеловать ей руку.

Грегор перевернул ее руку ладонью вверх и потерся губами. Лаиса сжала ладонь – будто бабочку поймала – и улыбнулась. Грегор улыбнулся в ответ, очень довольный. Элис кашлянула. Майлз закусил губу. Грегор с Лаисой обменялись долгим и потрясающе глупым

взглядом. И тут вмешалась Элис. Она взяла Лаису за руку и увела прочь, что-то щебеча насчет визита в нижние залы, где висят роскошные панно.

Грегор плюхнулся на стул, свесив ногу через ручку.

– Ну, и что ты о ней думаешь?

– О докторе Тоскане?

– Ну не о леди же Элис!

Майлз изучал счастливую улыбку Грегора. Нет… Критика тут явно ни к чему.

– Очень мила.

– Правда?

– Очень умна.

– Невероятно. Жаль, что ты не присутствовал на рабочем совещании у Ракоши. Ее выступление было образцом четкости.

Кто бы сомневался? Естественно, все эксперты торговой миссии всю ночь напролет готовили это выступление… Впрочем, Майлзу и самому доводилось проводить пару раз рабочие совещания. Он знал, каких это требует усилий. Но Грегор не столько разделял мнение Майлза, сколько желал получить подтверждение своему собственному. «Я никогда не умел поддакивать…»

– Очень патриотична, – продолжал Грегор, – и при этом готова к сотрудничеству. Ведь именно такого патриотизма твой отец всегда добивался от Комарры.

– Да, сир.

– Красивые глаза.

– Да, сир. – Майлз вздохнул. – Очень… хм… сине-зеленые. – «За что он со мной это делает?» Может, потому что графа с графиней нет. Он использует Майлза как замену его родителям, которые, в конце концов, и приемные родители Грегора.

– Быстро соображает…

– Да, сир.

– Майлз?

– Да, сир?

– Прекрати.

– Хм. – Майлз попытался снова прибегнуть к трюку с прикушенной губой.

Грегор перестал болтать ногой. Лицо его стало более серьезным.

– Я боюсь, – тихо сказал он.

– Отказа? Я не такой специалист по женщинам, как Айвен, но… все предварительные признаки, на мой взгляд, вполне положительные.

– Нет… Того… что может произойти позже. Это может быть для меня смертельным. И для тех, кто окажется рядом.

Тень принцессы Карин, а не легкий ветерок, охладила воздух. Может, для Грегора и лучше, что северное крыло, где погибла его мать, сгорело дотла и было отстроено заново. Иначе там поселились бы призраки.

– Обычные мужчины и женщины умирают каждый день. От кучи разных причин, по чистой случайности и от неумолимого времени. Смерть не является монополией императоров.

Грегор посмотрел на него.

– Верно, – прошептал он и решительно кивнул, будто Майлз сказал что-то важное.

Только вот что?

Майлз попытался сменить тему.

– На какую тему ваша встреча с Форталой и Ванном?

– О, как обычно. Их комитет хочет привилегий для друзей. А я хочу, чтобы их друзья представили веские к тому основания.

– А! – Это на Южном континенте, ничего интересного для провинции Форкосиганов. Майлз подумал, не шепнуть ли словечко отцовскому депутату, что сейчас самое подходящее время выпрашивать у Грегора привилегии для провинции. В нынешнем состоянии

мечтательного кретинизма и сексуальной озабоченности Грегор может даровать все, что угодно. Нет… для Империи будет куда как полезнее сделать его временное помешательство Государственной Тайной. Женитьба его излечит. И довольно быстро.

Императрица – комаррианка. Боже. Какой кошмар для Имперской безопасности. Иллиана хватит та самая кондрашка, которой он так опасался все эти годы.

– Ты Иллиану уже сказал?

– Я думал послать к нему с известием леди Элис, если все пойдет как надо. Она вроде как взяла на себя эти обязанности.

– Элис – лучший союзник, какого ты только можешь заполучить. Потерпи, и она будет на твоей стороне. Но ты продумал все политические последствия этой… женитьбы?

Слово впервые прозвучало вслух.

– Всю последнюю неделю только об этом и думал. Знаешь, Майлз, это может быть очень неплохо. Символ единства Империи и все такое.

Гораздо более вероятно, что комаррское подполье сделает это символом того, что Барраяр опять поимел Комарру. Майлз представил себе, какие открываются возможности для злобной политической сатиры, и содрогнулся.

– Не очень-то рассчитывай.

Грегор покачал головой:

– Вообще-то… все это не имеет значения. Я наконец-то нашел что-то лично для себя. Именно для себя, а не для Империи, даже не для императора.

– Тогда хватай обеими руками и держи покрепче! Не позволяй всяким гадам у тебя это отнять.

– Спасибо, – выдохнул Грегор.

Майлз откланялся. Его занимало, не убил ли его новый водитель кого-нибудь и стоит ли графский лимузин на четырех колесах или лежит вверх дном. Но гораздо больше его интересовало, как в ближайшие несколько недель избежать встречи с Дувом Галени.

Глава 10

Майлзу потребовалось несколько дней, чтобы избавиться от опеки кузена и в одиночку – ну или почти в одиночку – удрать в провинцию Форкосиганов. Пришлось дать Айвену слово Форкосигана, что он не будет пытаться покончить с собой. Айвен нехотя согласился, но судя по внезапно возросшей бдительности Мартина, Айвен успел что-то нашептать ему на ухо и снабдить некоторыми номерами коммов. «И теперь парень думает, что я псих. И что меня уволили, потому что я псих, а не что я спятил, потому что меня уволили. Премного тебе благодарен, Айвен». Впрочем, может быть, несколько дней в Форкосигане-Сюрло помогут ему обрести спокойствие.

Майлз понял, что они пересекли северную границу его родной провинции, когда на горизонте, как мираж, возникли из дымки синие силуэты Дендарийских гор.

– Поверни к востоку, – велел он Мартину. – Я хочу облететь провинцию. Мы пролетим чуть севернее Хассадара. Ты когда-нибудь бывал в этих краях?

– Нет, милорд. – Мартин послушно повернул флайер к солнцу. Тонированное стекло предохраняло глаза от яркого света. Как Майлз и подозревал, пилот из Мартина оказался еще хуже, чем водитель. Но благодаря предохранительным системам флайер – маленькая высокоманевренная помесь антиграва с аэропланом – практически не мог разбиться.

Иногда лучший способ пересечь площадь – облететь три стороны по периметру… Не то чтобы провинция Форкосиганов представляла собой правильный квадрат. Скорее – неправильный параллелограмм. Километров триста пятьдесят от северной границы в низине до южных перевалов и километров пятьсот с востока на запад, огибая горы вдоль самой высокой гряды. Только пятая часть территории на севере представляла собой плодородную равнину, из которой, разумеется, использовать можно было лишь половину. Справа по борту показался Хассадар.

– По-моему, Хассадар очень даже ничего, – сообщил Мартин, уроженец Форбарр-Султана, оценив усилия городка соответствовать урбанистическим тенденциям.

– Он настолько же современен, как любой барраярский город, – сказал Майлз. – Гораздо более современный, чем Форбарр-Султан. Он был построен после цетагандийского вторжения, когда мой дед выбрал его на роль столицы провинции.

– Да, только Хассадар – единственное, что тут есть. Я хочу сказать, что больше здесь нет ничего интересного.

– Если под интересным ты подразумеваешь города, то да. Провинция лежит далеко от торговых путей, она всегда была сельскохозяйственной. Есть еще горные районы.

– Судя по количеству горцев, приехавших в Форбарр-Султан в поисках работы, в горах особенно делать нечего. У нас о них шутки ходят. «Как называется девушка-горянка, которая бегает быстрее своего брата? Девственница». – Мартин засмеялся.

Майлз молча смотрел прямо перед собой. В кабине флайера внезапно повеяло холодом. Мартин покосился на хозяина и заерзал на сиденье.

– Простите, милорд, – выдавил он.

– Эту хохму я уже слышал. Я их все слышал. – Действительно, оруженосцы отца – все выходцы из провинции Форкосиганов, часто отпускали такого рода шуточки, но почему-то из их уст это воспринималось по-другому.

– Это верно, у жителей Дендарийских гор предков меньше, чем у вас, столичных, но это лишь потому, что они не покорились цетагандийским завоевателям. – Небольшое преувеличение: цетагандийцы оккупировали равнины, где стали легкой добычей для горцев, действовавших под предводительством молодого и решительного генерала графа Петера Форкосигана. Цетагандийцам следовало бы отойти назад, километров на пятьдесят, а не пытаться завоевать горы. Провинция Форкосиганов отставала от остальных в экономическом развитии именно потому, что больше всех пострадала от оккупантов.

Да… Это было хорошим оправданием еще два поколения назад. Даже одно. Но сейчас?

«Империя забирает нас, Форкосиганов, от нашей провинции, использует нас и никогда не возмещает убытков. А потом еще позволяет себе шутить над нашей бедностью». Странно… никогда прежде он не рассматривал преданную службу своей семьи Империи как скрытый налог, выплачиваемый их провинцией.

Выждав на десять минут больше, чем собирался вначале, Майлз сказал:

– Сворачивай к югу. И поднимись еще на тысячу метров.

– Слушаюсь, милорд. – Флайер нырнул вправо, и уже через несколько минут автомат, контролирующий воздушное пространство, засек их и выдал стандартное предупреждение:

– Внимание! Вы входите в зону повышенной радиации…

Мартин побелел.

– Милорд? Мне продолжать лететь этим курсом?

– Да. На такой высоте нам ничего не грозит. Я уже много лет не летал над центром потерянных земель. Всегда интересно проверить, как тут идут дела.

Плодородные земли уже давно уступили место лесным массивам. Теперь лес становился все более редким и каким-то странным: серого цвета, местами насыщенного, местами – блеклого.

– А знаешь, почти все это принадлежит мне, – сообщил Майлз, глядя вниз. – Мой отец – граф Форкосиган. Дедушка завещал эти земли мне. А не моему отцу, как всю остальную собственность. И я постоянно думаю, что за послание он хотел мне этим передать? – Искалеченная земля для искалеченного потомка, молчаливый намек на его физические недостатки? Или сознание того, что граф Эйрел Форкосиган уйдет из жизни задолго до того, как эти земли вновь станут пригодными к использованию? – Я сюда в жизни ногой не ступал. Собирался как-нибудь надеть радиационную защиту и прогуляться здесь. Но после того, как обзаведусь детьми. Говорят, здесь водятся весьма необычные растения и животные.

– Но людей тут нет, правда? – Мартин с ощутимым беспокойством посмотрел вниз. На всякий случай он поднял флайер вверх еще на несколько сотен метров.

– Несколько скваттеров и бандиты, которые не надеются прожить достаточно долго, чтобы завести детей или заболеть раком. Время от времени рейнджеры окружают их и выгоняют отсюда. Мне кажется, земля оживает. Уже на моей памяти кое-где уровень радиации упал вдвое. Когда я буду стариком, возможно, она совсем оживет.

– Значит, лет через десять, милорд?

Губы Майлза искривились в усмешке.

– Лет через пятьдесят, Мартин, – ласково пояснил он.

– О!

Через несколько минут Майлз вытянул шею и поглядел в окно за Мартином.

– Глянь-ка налево. Вот эта яма – город Форкосиган-Вашнуй, древняя столица провинции. Сейчас она серо-зеленая. А когда я был ребенком, все здесь было черным. Интересно, она все еще светится по ночам?

– Мы можем вернуться сюда ночью и посмотреть, – немного помолчав, предложил Мартин.

– Нет… не стоит. – Майлз выпрямился и посмотрел на возвышавшиеся дальше к югу горы. – Этого достаточно.

– Я могу еще чуть-чуть прибавить скорости, – с надеждой сказал Мартин, когда серый цвет внизу сменился коричневым, зеленым и золотым оттенками. – Чтобы посмотреть, на что способен этот флайер.

Тон его был просительным.

Мартин уже не раз за время полета выдвигал подобное предложение, явно находя подобный способ путешествия медленным и унылым. У Майлза руки чесались отобрать у него управление и показать, что такое захватывающий полет по Дендарийскому ущелью. По этой глубокой расселине с острыми выступами, крутыми перевалами и торчащими внизу зубьями скал. Прокатить его под водопадом, способным вышибить из кабины судорожно вцепившегося в кресло пассажира.

Но увы, даже не будь угрозы очередного припадка, вряд ли он сейчас физически и морально способен проделать это так, как когда-то летал с Айвеном. Они тогда были чуть моложе Мартина. Чудо, что они не убились. Тогда они были уверены, что обязаны этим своим выдающимся форским способностям. Однако теперь, с высоты прожитых лет, это больше смахивало на чудесное вмешательство свыше.

Первым начал Айвен. Кузены по очереди вели флайер по ущелью, пока один из них не сдавался, как принято на татами, постучав по панели, либо пока его не выворачивало наизнанку. Чтобы пройти ущелье по всем правилам, нужно было сначала отключить систему безопасности полета, о чем Мартин, к счастью, и не подозревал. Майлз довольно быстро обошел Айвена по очкам, перестав есть перед полетом. Но Айвен наконец понял, в чем дело, и начал настаивать на совместном завтраке.

Майлз выиграл последний раунд, предложив Айвену ночной полет. Айвен первым взял управление и протащил их через ущелье живыми, хоть и приобрел при этом пепельно-серый оттенок и обливался потом, когда они, пролетев над последним зубцом, выскочили на открытое пространство.

Майлз, когда настал его черед, выключил все бортовые огни. Надо отдать должное выдержке Айвена: он с воплем бросился искать кнопку аварийного катапультирования, только когда сообразил, что кузен ведет флайер на полной скорости по ущелью с закрытыми глазами.

Конечно, Майлз и не подумал сознаться, что раз шестьдесят за три дня пролетел по ущелью при солнечном свете, постепенно затемняя стекло до полной непрозрачности.

И это был последний раунд той игры. Айвен больше никогда не бросал ему вызов.

– Чему вы улыбаетесь, милорд? – поинтересовался Мартин.

– А… Да так, ничего особенного. Возьми правее и двигайся поперек вон того лесного массива. Мне хочется узнать, как поживают мои леса.

Вечно отсутствующие лорды Форкосиганы главным образом курировали те работы,

которые не требовали постоянного наблюдения. После пятидесяти лет лесных работ превосходная древесина была почти готова к выборочной вырубке. Скажем, лет через десять можно приступать. Великолепные дубы, клены, ильмы, гикори и березы переливались всеми красками осени. Тут и там по пологим склонам виднелись темные вкрапления вечнозеленых эбеновых деревьев, созданных методами генной инженерии. Новая порода – точнее, новая для Барраяра, – завезенная лишь тридцать лет назад. Интересно, во что она в конечном итоге превратится? В мебель? Дома? Майлз понадеялся, что хоть часть этой древесины пойдет на создание прекрасного. Музыкальных инструментов, к примеру, скульптур или инкрустаций.

Заметив невдалеке столб дыма, Майлз нахмурился.

– Давай-ка туда, – приказал он Мартину. Но стоило им подлететь, как Майлз тут же понял, что все в порядке. Просто-напросто команда терраформистов выжигала очередной участок от ядовитых растений, перед тем как обработать почву привезенными с Земли органическими удобрениями и высадить саженцы.

Мартин облетел вокруг, и шестеро мужчин в респираторных масках, задрав головы, помахали флайеру, не имея ни малейшего представления о том, кто в нем находится.

– Покачай крыльями, – велел Майлз. Мартин послушно выполнил приказ. Интересно, на что это похоже, день за днем выполнять такую работу, преобразовывая Барраяр метр за метром по старой технологии. По крайней мере через много лет можно полюбоваться на дело рук своих.

Оставив позади лесные плантации, они полетели на запад через красно-коричневые холмы, тут и там расцвеченные завезенными с Земли растениями. Слева подпирали небо серые заснеженные вершины. Майлз устроился поудобнее и прикрыл глаза. Внезапно он почувствовал слабость. Непонятно почему. Вроде бы ел и спал он как обычно. К реальности его вернуло бормотание Мартина. Открыв глаза, он увидел вдали озеро Форкосиган-Сюрло, простиравшееся на добрых сорок километров на восток.

Они пролетели над деревушкой, стоявшей возле разрушенного замка. Собственно, когда-то именно благодаря замку и возникла эта деревня. Майлз заставил Мартина пролететь до верховий и обратно. За последнее время на косе вдоль побережья появилось около сотни новых домов. Раньше эта коса принадлежала его семье, а теперь была отдана поселенцам из Хассадара и Форбарр-Султана. Они-то и устроили демографический взрыв на озере, лазурную гладь которого украшала (или нарушала – это уж как посмотреть) дюжина самых разнообразных лодок.

Когда-то здесь стоял длинный двухэтажный каменный барак, в котором жила охрана замка. Потом барак перестроили, и он превратился в изящное здание – летнюю резиденцию Форкосиганов. Майлз приказал Мартину приземлиться на посадочной площадке возле гаража.

– Нести в дом, милорд? – спросил Мартин, вынимая багаж.

В доме жила пара, присматривающая за хозяйством, и потому в отличие от городского особняка он имел вполне жилой вид.

– Нет… пока оставь. Я сперва загляну на конюшню.

Майлз направился по дорожке к ряду строений на засеянных земной травой зеленых лугах. Деревенская девушка, присматривающая за лошадьми, вышла поприветствовать гостей, и Мартин, который уже было совсем смирился с перспективой провести несколько унылых дней, довольствуясь лишь обществом своего эксцентричного лорда, мгновенно расцвел. Майлз оставил их знакомиться, а сам пошел к воротам пастбища.

Его конь, получивший еще от графа Петера довольно-таки непрезентабельную кличку Толстый Дурачок, с радостным ржанием прибежал на голос хозяина, за что был немедленно вознагражден заранее припасенными кусочками сахара. Майлз погладил огромного коня по бархатистому носу. У жеребца, которому исполнилось уже двадцать три года, появилось в рыжей шерсти много седины, и после пробежки он тяжело дышал. Так… осмелится ли он проехаться верхом, памятуя о своих припадках? Во всяком случае, отправиться в любимое многодневное путешествие по горам он не рискнет, это точно. Но если научить Мартина

верховой езде, вполне можно будет проскакать несколько кругов по пастбищу. Искусственные кости при падении не сломаешь, а Дурачок никогда не наступит на хозяина.

Плавание, еще одно любимое развлечение в Форкосиган-Сюрло, вполне доступно, а вот хождение под парусом – едва ли. Придется надевать спасательный жилет и брать с собой Мартина. Интересно, умеет ли Мартин плавать? А уж тем более способен ли он на борту помочь бьющемуся в припадке человеку и при этом не упустить лодку? Похоже, предъявлять такие требования – явный перебор. Ладно, все равно в конце осени вода слишком холодная.

Отнюдь не случайно тридцатый день рождения Майлза выпал на неделю, которую он лениво проводил на берегу озера. Провинция – лучшее место, где можно попросту проигнорировать данное событие. В столице ему наверняка досаждали бы друзья и родственники. Айвен вывел бы его из себя разными тостами или того хуже – затеял бы вечеринку в его честь. Впрочем, рвение Айвена мог бы несколько укротить тот факт, что его черед следующий. Буквально через два месяца. Да и вообще, что такое день рождения? Становишься просто на день старше, как в любой другой день, ведь верно?

Этот самый пресловутый день выдался промозглым и туманным – следствие шедшего в предыдущий день меланхоличного дождя, столь соответствующего настроению Майлза. Но судя по появившейся в небе голубизне, погода должна была вскоре стать теплой и просто великолепной. Когда по комму раздался первый вызов, Майлз понял – сегодня его не оставят в покое. Его поздравляла леди Элис. Можно смело предположить, что и Айвен где-то неподалеку. Значит, если Майлз быстро не изыщет способ куда-нибудь скрыться, он рискует просидеть весь день у комм-пульта.

Прихватив на кухне кое-что из еды, Майлз отправился в сад, являвшийся одновременно и фамильным кладбищем. Раньше здесь хоронили охранников. Фамильным кладбище стало лишь после того, как цетагандийцы уничтожили Форкосиган-Вашнуй. Майлз посидел у могилы сержанта Ботари, жуя хлеб и наблюдая, как алые лучи восходящего солнца пробиваются сквозь предрассветную дымку над Форкосиган-Сюрло.

Затем он переместился к могиле генерала Петера и долго смотрел на надгробие. Были времена, когда, сидя здесь, он кричал, шептал и молил. Но, похоже, им со стариком больше нечего сказать друг другу. Почему?

«Да потому, что я говорю не с той могилой», – вдруг решил Майлз. Он решительно повернулся и направился к дому, намереваясь разбудить Мартина, способного проспать до полудня. Он вспомнил, где его не сможет найти никакой комм. И ему было необходимо поговорить там с одной маленькой леди.

– Так куда же мы летим, милорд? – поинтересовался Мартин, усевшись в кресло пилота и разминая пальцы.

– В одно местечко в горах, именуемое Лесная долина. – Наклонившись, Майлз ввел маршрут в навигационную программу, и на пульте немедленно высветилась карта полета. – Я хочу, чтобы ты сел вот в этой маленькой долине, сразу за развилкой. Вообще-то это кладбище. Места для посадки флайера хватит. Во всяком случае, хватало, когда я там был в последний раз. Это очень симпатичное местечко у ручья. Солнце светит сквозь кроны деревьев… Может, мне стоило взять с собой корзинку для пикника? Это примерно в четырех днях пути отсюда, или два с половиной дня, если верхом. И чуть меньше часа полета.

Мартин кивнул и включил двигатель. Перевалив через хребет, они полетели на юго-восток.

– Готов поспорить, что могу доставить вас туда быстрее, – предложил Мартин.

– Нет…

– Мы снова полетим кружным путем?

Майлз заколебался. Теперь, когда они уже летели, охватившее его нетерпение исчезло, сменившись опасением. «А ты считал, что тяжело просить прощения у императора».

– Угу. Я хотел показать тебе кое-что новенькое о горных склонах и флайерах. Давай

двигай на юг, а вот здесь – на запад, вокруг вон тех пиков.

– Да, сэр, – ответил Мартин, изображая вышколенного слугу. Впрочем, он немедленно испортил впечатление, добавив: – Это гораздо лучше, чем урок верховой езды.

У Мартина с Дурачком сложились не настолько хорошие отношения, как рассчитывал Майлз. Мартин явно предпочитал флайеры.

– А что там такое, в этой самой Лесной долине? – спросил Мартин. – Друзья? Красивый ландшафт?

– Не совсем… Когда мне было примерно столько лет, сколько сейчас твоему брату – я тогда только-только окончил Императорскую Военную Академию, – граф, мой отец, вынудил меня, то есть обязал меня выступить как его Голос в одном деле, которое было вынесено на Графский Суд. Он послал меня в Лесную долину, чтобы расследовать и провести суд по делу об убийстве. Убийстве ребенка-мутанта, совершенного в соответствии с древней традицией.

Мартин скривился.

– Уж эти горцы! – с отвращением буркнул он.

– М-м-м. Все оказалось гораздо сложнее, чем я думал, даже когда я ухитрился правильно вычислить виновного. Девочку – а убили девочку четырех дней от роду, потому что у нее была заячья губа, – звали Райна Журик. Сейчас бы ей было почти десять лет, останься она в живых. Я хочу поговорить с ней.

Брови Мартина поползли вверх.

– А вы… э-э-э… часто раговариваете с мертвыми, милорд?

– Иногда.

Мартин неуверенно улыбнулся, как бы говоря «надеюсь, это шутка».

– И они отвечают?

– Иногда… А ты что, никогда не разговариваешь с мертвыми?

– Я таких не знаю. Кроме вас, милорд.

– Я лишь бывший труп.

«Это вопрос времени, Мартин. Со временем твои знакомства расширятся».

Майлз знал многих умерших.

Но даже в этом длинном списке Райна занимала особое место. После того как он отбросил всю имперскую мишуру и глупость, исчерпал все возможности роста, познал все идиотские правила и гнусные темные стороны военной службы… когда это перестало быть игрой, когда возобладала реальность, страшная реальность, когда в жертву той службы шли жизни и души… Райна осталась единственным стоящим символом его службы. И у Майлза было жуткое чувство, что где-то во всей этой кутерьме он потерял связь с Райной.

Неужели он так увлекся игрой в Нейсмита и так стремился выиграть, что забыл, ради чего играет? Райна – пленница, которую Нейсмит никогда не сможет освободить. Пленница, вот уже десть лет лежащая под землей.

Существовало предание об одном из предков Майлза, графе Зелиге Форкосигане, собиравшем – а вероятнее всего, пытавшемся собрать – налоги со своих подданных в провинции. Надо сказать, подданных в те времена подобные поборы радовали не больше, чем нынче. Одна бедная вдова, которую ее никчемный муж после своей смерти оставил по уши в долгах, предложила графу Зелигу единственное, что у нее имелось, – игру на барабане своего сына. Сына – включительно. Согласно преданию, Зелиг принял барабанную дробь, но мальчика вернул матери. История, без сомнения, сочиненная форами в целях пропаганды.

Нейсмит был самой большой жертвой Майлза, самым ценным, что у него было, ради чего он буквально вывернулся наизнанку. Сегодня утром галактические интересы Барраяра казались очень далекими, но служба этим интересам была частью его жизни. Нейсмит был сыгранной им барабанной дробью, но сыграл ее Форкосиган.

Он понял, как шаг за шагом потерял Нейсмита. Он мог перечислить каждое звено этой разрушительной цепи. Но где, черт побери, он потерял Форкосигана?

Когда они прилетят на место, он велит Мартину пойти прогуляться или полетать где-

нибудь. При разговоре с Райной ему не нужны свидетели. Он подвел Грегора и все же смог встретиться с ним. Подвел свою семью, и вскоре ему предстоит предстать перед родителями. Но предстать перед Райной… Это так же больно, как выстрел из игольника.

«О Райна. Маленькая леди. Что я делаю?»

Он отвернулся от Мартина и тихо сидел, закрыв глаза, прижавшись лбом к стеклу. Голова раскалывалась.

Голос Мартина прервал невеселые размышления.

– Милорд? Что мне делать? Я не могу сесть в той долине, где вы сказали, здесь кругом вода.

– Что? – Майлз выпрямился, изумленно распахнув глаза.

– По-моему, тут какое-то озеро.

И правда. Там, где сливались две небольшие речушки, теперь высилась небольшая дамба. А за ней, там, где раньше была долина, отражалось в водной глади голубое небо. Майлз сверился с картой, чтобы убедиться. Затем посмотрел на датировку карты.

– Карте два года. Но этой штуки на ней точно нет. Но… место то самое, без сомнения.

– Вы все еще хотите здесь сесть?

– Да. Хм-м. Попробуй приземлиться на восточном берегу, как можно ближе к отметке.

Это оказалось непросто, но Мартин в конце концов отыскал площадку и посадил флайер среди деревьев. Майлз вылез и остановился на песчаном берегу, глядя на плещущуюся у ног прозрачную воду. Настолько прозрачную, что видно было на несколько метров в глубину. Он разглядел белые стволы деревьев, напоминающие кости. Мартин, сгорая от любопытства, вылез следом и стоял рядом, словно помогая смотреть.

– Так… Кладбище еще здесь, или жители Лесной долины перенесли захоронения? А если перенесли, то куда? – пробормотал Майлз.

Мартин пожал плечами. Спокойная водная гладь тоже не ответила.

Глава 11

Мартин поднял флайер над деревьями, и Майлз определил местонахождение маленькой поляны, которую заприметил примерно в километре от озера. Он велел Мартину посадить аппарат во дворе перед небольшой хижиной из мореного дерева. Хижина со знакомым длинным крыльцом, откуда открывался вид на долину и новое озеро, казалась такой же, как раньше, хотя появилась пара дополнительных хозяйственных построек.

Привлеченный шумом, на крыльцо вышел мужчина. Не лысый однорукий староста Кейрел, а незнакомый высокий парень с аккуратно подстриженной черной бородой. Он по-хозяйски облокотился на перила, с интересом рассматривая вновь прибывших. Майлз вылез из флайера, немного постоял, глядя на мужчину, пытаясь найти объяснения своему визиту и втайне радуясь внушительным габаритам Мартина. Наверное, ему все же следовало взять с собой обученного телохранителя.

Лицо незнакомца вдруг засияло от радости.

– Лорд Форкосиган! – вскричал он. Мигом пролетев две ступеньки, он, расплывшись в широченной улыбке, побежал к Майлзу и приветственно замахал руками. – Рад снова вас видеть! – Он вдруг посерьезнел: – Надеюсь, ничего не случилось?

Что же, похоже, этот парень хорошо помнил Майлза, хоть и не видел почти десять лет.

– Нет, просто визит вежливости, – сообщил Майлз, когда подошедший человек пожал ему руку – обе руки – с чистосердечной радостью. – Совершенно неофициальный.

Мужчина чуть отошел. Внимательно посмотрел ему в лицо, и радостная улыбка сменилась застенчивой ухмылкой.

– Вы меня не узнаете, верно?

– Хм-м…

– Я Зед Кейрел.

– Зед? – Зед Кейрел, средний сын старосты Кейрела, тогда ему было лет двенадцать…

Майлз быстро подсчитал в уме. Значит, сейчас ему двадцать два или около того. Ага. – Когда я видел тебя в последний раз, ты был ниже меня.

– Ну, моя ма была отличная стряпуха.

– Верно. Я помню. – Поколебавшись, Майлз спросил: – Была? Твои родители… хм-м…

– О, с ними все в порядке. Просто они не здесь. Старший брат женился на девушке из низин, из Зелиграда, и переехал туда. Ма с па перебираются на зиму к нему в город, тут им тяжело в период холодов. Ма помогает с внуками.

– Значит… Кейрел больше не староста Лесной долины?

– Нет, у нас нынче новый староста, вот уже почти два года. Молодой сорвиголова, набравшийся всяких прогрессивных идей в Хассадаре, как раз в вашем вкусе. Наверное, вы его помните. Лем Журик. – Улыбка Зеда стала еще шире.

– О! – Впервые за весь день губы Майлза растянулись в улыбке. – Правда? Я с удовольствием с ним повидаюсь.

– Я вас отвезу к нему прямо сейчас, если хотите. Сегодня он, наверное, работает в клинике. Вы не знаете, где это. Ее недавно построили. Минуточку. – Зед нырнул в хижину, чтобы что-то доделать, напомнив своей порывистостью того двенадцатилетнего мальчишку, каким его помнил Майлз. Майлзу захотелось стукнуться головой о флайер, чтобы поставить на место свои мозги.

Зед вернулся, запрыгнул на заднее сиденье флайера и принялся объяснять дорогу. Через несколько километров он велел снизиться возле самого большого дома, который Майлзу доводилось видеть в Лесной долине. К дому было подведено электричество. Человек шесть прекратили работу и смотрели, как они садятся.

Зед вылез и замахал рукой:

– Лем! Эй, Лем! Ты в жизни не догадаешься, кто приехал!

Майлз последовал за ним, а Мартин остался в машине, ошарашенно наблюдая за происходящим.

– Милорд! – Лем Журик тоже мгновенно узнал его. Внешность Майлза, увы, была весьма запоминающейся. Впрочем, Майлз тоже сумел бы довольно быстро найти Лема в толпе. Журик был все таким же сухопарым горцем, каким Майлз его помнил, только выглядел он гораздо более счастливым, чем десять лет назад, когда его ложно обвинили в убийстве, и даже более самоуверенным, чем шесть лет назад, когда Майлз встречался с ним в Хассадаре. Лем тоже радостно потряс ему обе руки.

– Староста Журик, мои поздравления, – улыбнулся Майлз. – Заняты, как я вижу.

– О, вы и половины не знаете, милорд! Пойдемте, я вам покажу. Достраиваем новую больницу, она будет обслуживать весь район. Я тороплюсь, чтобы покрыть крышу до первого снега, а все хочу закончить к Зимнепразднику. К тому времени должен приехать врач, настоящий врач, а не медтехник, который облетает район раз в неделю. Врач – из студентов миледи, вашей матери, выпускник нового института в Хассадаре. Он будет работать у нас четыре года, чтобы расплатиться за обучение. К Зимнепразднику он должен получить диплом. Мы для него тоже строим дом, чуть выше по склону, оттуда отличный вид…

Лем представил ему остальных и повел Майлза смотреть – ну, если не больницу, то мечту о больнице, которую представлял так ярко, что Майлз видел чуть ли не наяву законченный больничный комплекс.

– По дороге сюда я видел дамбу, – сказал Майлз, воспользовавшись паузой. – Откуда она взялась?

– Мы построили! – с гордостью ответил Лем. – Ну работенка была, должен сказать! Пришлось здорово потрудиться. Мы ждали-ждали силовые установки, что нам обещали в районе, но поскольку стояли где-то в самом низу списка, то прождали бы до сих пор. И я начал думать. Съездил в Достовар и посмотрел на их гидростанцию, что стоит у них много лет. Старье, конечно, но работает. Тогда я привез оттуда пару ребят нам в помощь, подобрал самое подходящее место и пригласил одного инженера из Хассадара, которому когда-то

помог дом построить. Он с тех пор пристрастился проводить отпуск в домике у озера. Мы еще не полностью расплатились за генераторы, но и только.

– И там было самое подходящее место, да?

– О, да! Самый большой перепад высоты и самый быстрый поток. Со временем, конечно, нам не будет хватать энергии, но это лишь начало. Без электроэнергии это место находилось в застое. А теперь мы можем развиваться. Вот, врача заполучить не смогли бы, не будь у нас электричества.

– Тебя ничто не может остановить, верно?

– Ну, милорд, вам-то отлично известно, кто меня этому научил.

Конечно, Харра, его жена. Мать Райны. Майлз кивнул.

– Кстати о Харре, а где она?

Он приехал сюда, чтобы тихо постоять у могилы, но теперь ему очень захотелось поговорить с Харрой.

– В школе, где ж еще. Я там пристроил вторую комнату – у нас ведь нынче две учительницы. Девушка, выученица Харры, занимается с малышами, а Харра – со старшими.

– А я могу ее увидеть?

– Да Харра с меня шкуру сдерет, ежели вы улетите, не повидавшись с ней! Пойдемте, я вас к ней отведу.

Зед, передав Майлза с рук на руки, помахал на прощание и отправился восвояси, растворившись среди деревьев. Лем быстро переговорил со своими людьми и занял место Зеда на заднем сиденье флайера.

После короткого перелета они оказались у более старой и традиционной постройки – длинной хижины с каминными трубами. Над крыльцом висела вырезанная вручную деревянная вывеска «Школа имени Райны Журик». Лем провел Майлза внутрь, а Мартин остался скучать на улице. В классе за партами сидели человек двадцать подростков разного возраста и внимательно слушали живо жестикулирующую женщину, стоявшую у доски.

Харра Журик была такой же высокой и стройной, какой ее помнил Майлз. Прямые светлые волосы аккуратно уложены в традиционную прическу горянок. Одета – в простое, но аккуратное и хорошо сшитое платье. Босоногая. Как и большинство учеников, поскольку погода позволяла. Увидев Лема с Майлзом, Харра резко оборвала урок.

– Лорд Форкосиган! Господи, я и предположить не могла!.. – Подлетев к нему с не меньшим энтузиазмом, чем Зед с Лемом, Харра не ограничилась рукопожатием, а горячо обняла Майлза. Спасибо, что хоть от земли не оторвала. Скрыв изумление, он спохватился и тоже обнял ее, а потом, взяв за руку, чуть развернул.

– Привет, Харра. Отлично выглядишь.

– Я не видела вас с того вашего приезда в Хассадар.

– Да… Мне давно следовало сюда наведаться. Но я был сильно занят.

– Знаете, для меня было так важно, что вы приехали тогда на мой выпуск.

– Счастливое стечение обстоятельств. Просто я в тот момент оказался на Барраяре. Никакой моей заслуги в этом нет.

– Это зависит от точки зрения. Пойдемте, посмотрите… – Она повернулась к классу. – Смотрите, ребята, кто к нам приехал! Это сам лорд Форкосиган!

Дети уставились на него скорее с любопытством, чем с опаской или отвращением. Они внимательно глядели на странного коротышку, стоявшего во плоти под своим собственным портретом. На стене класса висели три портрета, два – вполне по праву: император Грегор в парадном мундире и граф Форкосиган, отец Майлза, в гораздо более скромном мундире, коричневом с серебром – родовых цветов Форкосиганов. Что касается третьего портрета!.. От государственных учреждений не требовали вешать на стенку изображения наследников – и однако на Майлза смотрела его собственная физиономия. Давний снимок, где он в зеленой форме с голубыми знаками различия. Должно быть, сразу после выпуска из Академии. Глаза Гора еще не сверкали в петлицах. Где, черт возьми, Харра его раздобыла?

Она гордо демонстрировала его своим ученикам, словно экскурсовод на выставке. С

восторгом шестилетнего ребенка, получившего новую игрушку. Приехав в Лесную долину, он вовсе не собирался встречаться с кем-либо, не говоря уж о том, чтобы выступать на публике, и чувствовал себя крайне неловко в поношенной рубашке, старых черных форменных брюках и стоптанных сапогах, изрядно заляпанных грязью. Но он все же исхитрился пробормотать «очень хорошо, очень хорошо», что вроде бы всех удовлетворило. Харра провела его в соседний класс, где проиграла весь спектакль по новой, отчего молоденькая учительница впала в ступор, а восторг юных учеников чуть не перешел в форменный кавардак.

Когда они пошли обратно, Майлз остановил Харру, взяв за руку.

– Харра, ради Бога, я приехал сюда вовсе не с целью внеплановой проверки. Я приехал лишь для того… Ну, по правде говоря, я хотел лишь совершить церемониальное сожжение на могиле Райны. – Подставка, курильня и ароматические палочки лежали во флайере.

– Очень мило с вашей стороны, милорд, – ответила Харра. Майлз отмахнулся, но она лишь покачала головой.

– Похоже, теперь для этого нужна лодка, – продолжил Майлз, – а мне не хотелось рисковать поджечь лодку, в которой сижу. Или кладбище перенесли?

– Да, перед тем, как затопить, кое-какие могилы перенесли. Теперь кладбище на высоком берегу, как раз над старой деревней. Могилу моей матери мы, конечно, переносить не стали. Я оставила ее там. Пусть даже ее могила будет похоронена, и никаких возжиганий. – Харра скривилась. Майлз понимающе кивнул. – А могила Райны… Ну, наверное, потому что почва там сырая, а ее похоронили без гроба, просто завернув в саван, а она была такой крошечной… В общем, мы не смогли отыскать ее косточки. Наверное, она просто растворилась в земле. Для меня это не имело значения. Даже кажется правильным, когда я думаю об этом. На самом деле, я считаю, что лучший для нее памятник – наша школа. Каждый день я прихожу сюда учить детей, и это все равно что совершить возжигание, только лучше. Потому что это создает, а не разрушает. – Словно подтверждая сказанное, она кивнула, решительная и спокойная.

– Понимаю.

Она внимательно глянула на него:

– У вас все в порядке, милорд? Вы выглядите усталым. И очень бледным. Уж не болели ли вы, часом?

Надо полагать, три месяца пролежать трупом в криокамере равнозначно крайне тяжелой болезни.

– В общем, да. Можно сказать и так. Но я выздоравливаю.

– О! Очень хорошо. А потом вас куда-нибудь направят?

– Вряд ли… Я в своего рода… в отпуске.

– Мне бы хотелось показать вам наших с Лемом детишек. Мать Лема обычно сидит с ними, пока я на работе. Иногда помогает его сестра. Не пообедаете с нами?

К обеду он намеревался вернуться в Форкосиган-Сюрло.

– Детишек?

– Да, у нас двое. Мальчику четыре, а девочке годик.

В этих местах маточными репликаторами еще не пользовались. Значит, она сама выносила этих двоих. Совсем, как свою Райну. Господи, да ведь эта женщина еще и работает! Майлз никак не мог отказаться от приглашения Харры.

– Это большая честь для меня.

– Лем, покажи пока лорду Форкосигану окрестности, – распорядилась Харра и нырнула обратно в школу, чтобы решить вопрос с занятиями, а Лем послушно повел Майлза смотреть архитектурные украшения. Через пару минут ребятня высыпала из школы и, восторженно вереща, разбежалась в разные стороны.

– Я не хотел нарушать ваш распорядок, – запротестовал Майлз. Но его протесты никто не слушал. Теперь он был обречен. Ни за какие миры он не мог обмануть этих радостно улыбавшихся людей.

Они свалились на голову сестре Лема, которая – надо отдать ей должное – достойно встретила удар. Приготовленный ею обед, слава Богу, оказался легким. Майлз познакомился с детьми, племянниками и племянницами семейства Журик. Попав к ним в плен, он совершил прогулку по лесу и проинспектировал их любимый пруд. С серьезным видом прошелся босиком по гальке, пока пальцы не окоченели, и самым авторитетным форским тоном провозгласил, что это, безусловно, отличный пруд, возможно, лучший во всей провинции. Для детишек он явно был завораживающей аномалией – взрослый человек почти одного с ними роста.

Так – одно за другим – почти наступил вечер, когда они вернулись обратно в школу. Майлз глянул на людей, снующих по большому двору с тарелками, корзинами, цветами, музыкальными инструментами, кувшинами и графинами, дровами и скатертями, и сердце у него ушло в пятки. Несмотря на все свои усилия, он таки угодил на торжественный ужин.

Фразы типа «Нам нужно улететь до темноты, Мартин не привык к полетам в горах» застыли у него на устах. Им крепко повезет, если удастся отсюда выбраться до завтрашнего утра. Или – он отметил огромное количество глиняных кувшинов с кленовой медовухой, самым сногсшибательным алкогольным напитком, когда-либо изобретенным человечеством – завтрашнего вечера.

Потребовалась хорошая еда, красивый закат, костер и довольно-таки приличное количество медовухи, чтобы он постепенно расслабился и начал получать удовольствие от происходящего. Затем заиграла музыка, и все вообще стало прекрасно. Мартин, сперва воротивший нос от деревенской простоты праздника, закончил тем, что начал обучать городским танцам группу подростков. Майлз решил избавить парня от предупреждений вроде: «Кленовая медовуха хоть и пьется легко, но плохо отражается на мозгах». Некоторые вещи нужно постигать на собственном опыте в определенном возрасте. Майлз танцевал традиционные танцы с Харрой и другими женщинами, пока не сбился со счета. В конце концов, этот праздник был вовсе не в его честь, хотя поздравления с днем рождения и шуточки сыпались в изобилии. Это был праздник Лесной долины. А если его приезд и послужил предлогом – ну что же, значит, он наконец принес хоть кому-то хотя бы какую-то пользу.

Но когда костер начал угасать и праздник пошел на убыль, им вновь овладело чувство неудовлетворенности. Он приехал сюда для того, чтобы… Что? Чтобы попытаться справиться со своей депрессией. Это – как вскрыть фурункул. Отвратительная метафора, но его тошнило от самого себя. Ему хотелось взять кувшин медовухи и пойти поговорить с Райной. Дурацкая мысль. Так он, пожалуй, начнет пьяно рыдать на водохранилище и утопится вместе со своим горем. Скверная плата жителям Лесной долины за столь теплый прием, и нарушение данного Айвену слова. Чего он ищет, исцеления или смерти? «И того, и другого». Именно это промежуточное состояние и невыносимо.

Однако ближе к полуночи он все же оказался на берегу. Но не один. Лем с Харрой пошли с ним и присели рядом на ствол дерева. Обе луны, высоко стоящие в небе, мягко отражались на водной глади, превращая поднимающийся туман в серебряную дымку. Лем прихватил кувшин медовухи и в тишине щедро налил каждому.

Сидя в темноте, Майлз понял, что вовсе не с мертвыми хотелось ему поговорить. С живыми. Бесполезно каяться перед мертвыми, не в их власти дать отпущение. «Но я поверю твоему Голосу, Харра, как когда-то ты поверила моему».

– Я должен кое-что тебе рассказать, – обратился он к Харре.

– Так я и знала, что что-то произошло, – вздохнула она. – Надеюсь, вы не умираете?

– Нет.

– А я боялась чего-то именно такого. Не многие мутанты живут долго, даже если им не перерезать глотку.

– Форкосиганы делают все наоборот. Глотку-то мне как раз перерезали – только для того, чтобы жил, а не для того, чтобы умер. Это длинная история и подробности засекречены, но в прошлом году я оказался в криокамере на одной планете, затерянной в

просторах галактики. А когда меня откачали, возникли кое-какие проблемы медицинского характера. А потом я сделал глупость. А потом еще большую глупость, то есть солгал. И меня застукали. И уволили. Так что моим достижениям, которые тебя вдохновляли, пришел конец. Тринадцать лет отчаянных усилий пошли псу под хвост. Дай мне тот кувшин. – Отхлебнув сладкой огненной жидкости, он вернул кувшин Лему, который сперва передал медовуху Харре, потом глотнул сам. – Вот уж никогда не думал, что к тридцати годам окажусь штатским.

Лунные дорожки бежали по темной воде.

– Ты тогда велел мне стоять прямо и говорить правду, – произнесла Харра после продолжительного молчания. – И что же, это означает, что ты теперь будешь больше времени проводить в провинции?

– Возможно.

– Отлично.

– Ты жестокая, Харра, – простонал Майлз.

В лесу тихо пели жуки, исполняя свою маленькую лунную сонату.

– Человечек. – Голос Харры был так же ласков и опасен, как кленовая медовуха. – Моя мать убила мою дочь. И была судима за это перед всей Лесной долиной. И ты думаешь, я не знаю, что такое публичный позор? Или мне не знакомы утраты?

– А почему, по-твоему, я тебе все это рассказываю?

В призрачном лунном свете Харра молчала достаточно долго, чтобы Лем успел снова пустить кувшин по кругу. Затем она сказала:

– Продолжай. Ты просто продолжай. Ничего другого тебе не остается, и нет способа это исправить. Просто двигайся дальше.

– А что там, дальше? Когда придешь?

– Снова жизнь, – пожала она плечами. – Что же еще?

– Это обещание?

Харра подняла камешек, повертела в пальцах и кинула в воду. Лунная дорожка заколебалась и покрылась рябью.

– Это неизбежно. Никакого обмана. И никакого выбора. Ты просто живешь дальше.

На следующий день Майлз заставил Мартина поднять флайер в воздух около полудня. Глаза парня были красными и воспаленными, а физиономия приобрела зеленоватый оттенок, достойный скоростного пролета по Дендарийскому ущелью. Он вел флайер очень аккуратно, с большой осторожностью, что полностью устраивало Майлза. Мартин тоже не отличался разговорчивостью. Единственное, что он спросил, было:

– Вы нашли то, что искали, милорд?

– В этих горах свет ярче, чем где-либо еще на Барраяре, но… нет. Когда-то ответ здесь был, но теперь его нет. – Майлз извернулся под пристяжными ремнями и оглянулся на постепенно снижающиеся холмы. «Этим людям необходимы тысячи вещей. Но им не нужен герой. Во всяком случае, не такой, как адмирал Нейсмит. Им нужны такие, как Лем с Харрой».

Майлз хмыкнул, не слишком довольный сделанным открытием.

Помолчав, он спросил:

– Как по-твоему, Мартин, средний возраст – это сколько?

– О! – Мартин пожал плечами. – Лет тридцать, я думаю.

– Я тоже всегда так думал. – Хотя однажды он как-то слышал высказывание матери, что средний возраст – это на десять лет больше, чем тебе самому. Величина переменная.

– В Императорской Военной Академии был один профессор, – продолжил Майлз, – который читал вводный курс по тактике. Он говорил, что никогда не меняет экзаменационные вопросы от курса к курсу и не опасается списывания, потому что хоть вопросы и одни и те же, ответы всегда меняются. Тогда я думал, что это шутка.

– У? – послушно отреагировал Мартин.

– Не важно, Мартин, – вздохнул Майлз. – Просто двигай вперед.

Глава 12

Вернувшись в дом на озере и наскоро перекусив, Майлз заперся в комнате с комм-пультом и принялся просматривать поздравления, присланные из Форбарр-Султана. Каждое поздравление полностью соответствовало отправителю: послание Грегора было серьезным и немногословным, Айвена – полным скрытой насмешки.

Поздравление от Марка, пришедшее с Колонии Бета, было очень… марковским. Его насмешки казались неловкой пародией на насмешки Айвена, только злее и продуманнее. По ряду признаков Майлз понял, что Марк отослал не перый вариант записи. И тут он сообразил, что скорее всего Марк впервые в жизни поздравляет кого-то с днем рождения. «Продолжай в том же духе, Марк. Пока ты еще лишь учишься быть человеком».

Но ехидствовал Майлз недолго – ровно до той минуты, когда он понял, что предстоит составить ответное послание. Совершенно очевидно, что Марк еще не знает об изменении его статуса. Как, черт возьми, сообщить об этом таким образом, чтобы его брат-клон не подумал, что Майлз винит в происшедшем его? Поразмыслив, Майлз решил отложить это на потом.

Поздравление от родителей он оставил на закуску. Оно пришло по лучу, а не почтой. Значит, Зергияр включен в правительственную сеть и послания доходят до адресата чуть больше, чем за сутки, тогда как курьерский корабль летит от Зергияра до Барраяра почти две недели. Следовательно, родители комментируют последние дошедшие до них сведения. Вздохнув поглубже, Майлз включил запись.

Родители встали подальше от камеры, чтобы обоим быть в кадре, поэтому на экране они казались маленькими улыбающимися фигурками. Граф Эйрел Форкосиган, высокий седоволосый мужчина лет семидесяти, одет в коричневый с серебром мундир Форкосиганов. Должно быть, запись делали в разгар рабочего дня. На графине – дневной костюм фор-леди: пиджак и юбка зеленых тонов. Темно-рыжие волосы Корделии Форкосиган, очень похожие на гриву Толстого Дурачка, только с большим количеством седины, были, как обычно, сколоты сзади красивыми гребнями. Ростом графиня не уступала мужу. В ее ясных серых глазах плясали чертики.

«Они не знают. Им никто не сообщил», – понял Майлз еще до того, как родители произнесли хоть слово.

– Привет, дорогой, – начала графиня. – Поздравляю с тем, что добрался до тридцатилетия живым.

– Да, – тут же вступил граф. – Мы и впрямь частенько думали, удастся ли тебе это сделать. Но вот – удалось. Могло быть и хуже, но по зрелом размышлении над возможными вариантами рад, что все так, как оно есть. Я сейчас на Зергияре, вдали от тебя, но я могу каждое утро смотреться в зеркало и вспоминать тебя, глядя на свою седину.

– Не верь ему, Майлз! – ухмыльнулась графиня. – Он начал седеть еще тогда, когда мы с ним только познакомились. Ему тогда было сорок с небольшим. Я поседела гораздо позже.

– Мы без тебя скучаем, – продолжил граф. – Потребуй, чтобы на следующее задание тебя отправили через Зергияр. Здесь творятся вещи, имеющие огромное значение для будущего Империи. Я знаю, тебе будет интересно посмотреть на это собственными глазами.

– И если Саймон тебе не позволит, я устрою ему веселую жизнь, – добавила графиня. – Передай это ему как мое личное обещание. Элис сказала, что ты дома вот уже несколько недель. Почему не свяжешься с нами? Загулял на пару с Айвеном и не можешь выкроить десяти минут для беседы с престарелыми родителями?

Похоже, леди Элис тоже не пожелала сообщать родителям плохие новости. Даже общепринятую версию. А она – главный передатчик всех сплетен, циркулирующих в форском обществе Форбарр-Султана и при императорском дворе.

– Кстати об Элис, – продолжила графиня, – она говорит, что Грегор встретил Ту Самую

Девушку, причем заглавные буквы просто слышались в ее голосе. Тебе об этом что-нибудь известно? Ты видел ее? Что нам следует делать? Радоваться, волноваться или еще что?

– Женитьба императора на комаррианке, – произнес граф Форкосиган, прозванный когда-то своими политическими противниками, большинство из которых он пережил, комаррским мясником, – чревата политическими осложнениями. Но теперь, если только Грегор выполнит свой долг и хоть как-то произведет на свет крон-принца, я сделаю все возможное, чтобы поддержать эту затею. И представители моего поколения, входящие в группу потенциальных наследников, наконец вздохнут с величайшим облегчением. Заверь Грегора в моей полной поддержке. Я доверяю его выбору. – Внезапно лицо графа стало серьезным. – Она хорошая девочка? Грегор заслужил хоть немного счастья в компенсацию всех глупостей его императорской ипостаси, которые он выносит ради нас всех.

– Элис говорит, она вполне подходит, – сказала графиня, – а оценке Элис я доверяю. Хотя мне и неизвестно, понимает ли юная леди, во что она вляпалась. Пожалуйста, Майлз, заверь доктора Тоскане, что она может рассчитывать на мою полную поддержку, вне зависимости от того, какое решение она примет.

– Конечно, она согласится, если Грегор сделает ей предложение, – заметил граф.

– Только если она влюбилась настолько, что утратила инстинкт самосохранения, – тут же возразила графиня. – Поверь мне, нужно спятить, чтобы выйти замуж за барраярского фора. Надеюсь, с ней именно такой случай.

Родители Майлза обменялись загадочными улыбками.

– Ладно, давай-ка вспомним, – сменил тему граф. – Что мы с тобой делали в тридцать лет? Ты можешь вспомнить, Корделия?

– С трудом. Я тогда служила в бетанском Астроэкспедиционном Корпусе и упустила свой первый шанс стать капитаном. Впрочем, второй шанс предоставился на следующий год, и уж его-то я не упустила, будьте уверены. А не будь его, я бы никогда не встретила Эйрела и ты бы никогда не родился, Майлз, так что мне совсем не хочется изменить мое прошлое.

– Я стал капитаном в двадцать восемь, – ехидно сообщил граф. Графиня скорчила ему рожицу. – Корабельная служба мне нравилась. И еще лет пять был на полевой службе, когда Эзар и горячие головы в генштабе начали планировать аннексию Комарры. – Граф снова стал серьезным. – Желаю Грегору удачи. Надеюсь, он добьется успеха там… где мне не удалось преуспеть так, как я рассчитывал. Благодарение Богу за новое поколение и новое начало. – Они с графиней переглянулись. – До свидания, мальчик. И объявись, черт тебя побери.

– И будь поосторожнее, малыш, хорошо? – добавила графиня. – И объявись, черт тебя побери.

Фигуры родителей растаяли.

Майлз вздохнул.

«Больше тянуть нельзя, действительно нельзя».

Он сумел оттянуть неизбежное еще на день, приказав Мартину на следующее утро отвезти себя в Форбарр-Султан. Матушка Кости накормила Майлза обедом в роскошной тишине Желтой гостиной. Она явно много поработала, чтобы обслужить его по всем правилам. Возможно, даже изучила учебник по этикету или проконсультировалась у слуг других форов. Майлз покорно жевал, с трудом сдерживая желание сгрести все тарелки и присоединиться к Мартину и его матушке на кухне. Временами некоторые аспекты жизни фор-лорда кажутся поразительно идиотическими.

Потом он поднялся к себе в комнату и приступил к тяжелой задаче составления послания родителям. Он успел трижды записать и стереть сообщение (одно оказалось слишком мрачным, другое – наоборот, слишком беззаботным, а третье – полное грубого сарказма), когда прозвучал сигнал вызова. Майлз обрадовался вынужденному перерыву, хоть и вызывал его Айвен. Кузен был в форме, скорее всего звонил в обеденный перерыв.

– А, так ты вернулся. Отлично! – Это «отлично» звучало уж больно подозрительно

радостно. – Полагаю, чувствуешь себя лучше после каникул в горах?

– В некотором роде, – осторожно ответил Майлз. Как это Айвену удалось так быстро пронюхать о его возвращении?

– Отлично, – повторил Айвен. – Так. Я тут вот о чем подумал. Ты уже предпринял что-нибудь насчет своей головы? Был у врача?

– Пока нет.

– Записался к кому-нибудь на прием?

– Нет.

– Хм. Мать меня спрашивала. Похоже, у нее интересовался Грегор. Догадайся, кто стоит внизу этой цепочки командиров и кому поручено проследить за исполнением? Я ей ответил, что, по-моему, вряд ли ты еще что-нибудь предпринимал в этом направлении, но я у тебя спрошу. Так почему ты ничего не сделал?

– Я… – Майлз пожал плечами. – Да вроде бы особо торопиться некуда. Меня выкинули из СБ не за то, что я страдаю припадками, а за фальсификацию рапорта. Так что даже если медики и смогут вернуть меня в рабочее состояние прямо завтра – а если бы это было возможно, то мой дендарийский хирург давно бы это сделала, – то все равно… ничего не изменится. «Иллиан не возьмет меня обратно. Не может. Дело принципа, а Иллиан – самый принципиальный человек, какого я знаю».

– Я тут подумал… если это потому, что ты не хочешь обращаться в Императорский госпиталь, не желаешь иметь дела с военными медиками, – продолжил Айвен, – то я могу тебя понять. Считаю это глупым с твоей стороны, должен заметить, но могу понять. Так что я нашел еще три клиники, специализирующиеся на криооживлении и его последствиях. У всех трех неплохая репутация. Одна в Форбарр-Султане, одна в Вейновии – это в провинции Фордариана, и одна на Комарре, на тот случай, если ты думаешь, что приближенность к галактической медицине является преимуществом, и готов рискнуть нездоровым ажиотажем, которое вызовет появление лорда Форкосигана на этой планете. Хочешь, чтобы я договорился за тебя с одной из этих клиник?

Майлз подумал, что знает, о каких клиниках идет речь, исходя из своих собственных наработок в этом направлении.

– Спасибо, не стоит.

Айвен откинулся назад, озадаченно пожевав губу.

– Знаешь… я думал, это будет первым, что ты предпримешь, когда ледяная купель вывела тебя из спячки. Возьмешь ноги в руки и помчишься, как всегда. Я никогда прежде не видел, чтобы ты, упершись в какую-нибудь стенку, не попытался либо перелезть через нее, либо обойти, либо, на худой конец, подорвать. Или просто-напросто колотиться в нее лбом до тех пор, пока она не рухнет. И они отправят меня за тобой вдогонку. Снова.

– Куда мчаться-то, Айвен?

– Куда-куда… назад к дендарийцам, конечно. Куда ж еще? – скривился Айвен.

– Ты прекрасно знаешь, что я этого сделать не могу. Без официальной поддержки СБ и соответствующего разрешения императора, приняв снова командование Дендарийским флотом, я, черт побери, становлюсь фор-лордом, наследником графа, командующим личной армией. А это измена, Айвен. Государственная измена. Мы с тобой это уже проходили. Если я уеду, то уже никогда не смогу вернуться обратно. Я дал слово Грегору, что не стану этого делать.

– Да? – выгнул бровь Айвен. – Если ты не вернешься, то какое будет иметь значение слово Форкосигана?

Майлз молчал. Вот как. Значит, пребывание Айвена в особняке Форкосиганов имело целью не только предотвратить возможное самоубийство. Это была еще и слежка на предмет возможного побега.

– Я готов был поспорить, – продолжил между тем Айвен, – если б было с кем поспорить из тех, кто имеет доступ к этой информации. Кроме Галени, конечно. Он любит заключать пари. Именно поэтому я и тянул резину, несмотря на давление со стороны Грегора

и матери, и не приставал к тебе с лечением. Зачем лишний раз нарываться? Но, между прочим, я рад, что проиграл бы это пари. Итак, когда же ты собираешься обратиться к врачу?

– Скоро.

– Слишком обтекаемый ответ, – отрезал Айвен. – А я хочу услышать конкретно. Что-нибудь вроде «сегодня». Или, допустим, «завтра до обеда».

Н-да, Айвен явно не отстанет, пока не услышит конкретный ответ.

– В конце недели, – выдавил Майлз.

– Отлично, – коротко кивнул Айвен. – В конце недели я проверю и надеюсь получить положительный ответ. Так что привет… пока что.

Он отключился.

Майлз молча смотрел на пустой экран. Айвен прав. Он ничего не предпринял по поводу своего лечения с тех пор, как его выгнали. Так почему бы ему, освободившись от необходимости соблюдать ограничения, налагаемые СБ, не заняться своими припадками и не разобраться с ними? Или, на худой конец, не повести вперед каких-нибудь ретивых медиков, как водил за собой дендарийских наемников?

«Чтобы иметь немного времени».

Он знал, что так оно и есть, только этот ответ привел его в еще большее недоумение. «Времени на что?»

Выданный им самому себе отпуск по болезни позволяет ему избегать столкновения с некоторыми весьма неприятными реалиями. Например, от вывода, что его припадки неизлечимы и что надежды больше нет. Для этого тела никакого криооживления, лишь похороны.

«Да? Неужели?»

Или он боится, что его вылечат – а из этого логически следует, что тогда он немедленно схватит своих дендарийцев и умчится в просторы Вселенной? Вернется к своей настоящей жизни, той, какую вел столь долго, вдали отсюда, среди звезд, вдали от всех этих грязеедов. Вернется к геройствованию как образу жизни.

«Но более напуганный, чем прежде».

Не утратил ли он мужества после этой истории с иглогранатой? В мозгу вдруг впыхнуло видение его собственной развороченной грудной клетки, на которую он смотрит под странным углом. Вернулась охватившая его невероятная боль и отчаяние, которое невозможно описать словами. Впрочем, пробуждение тоже мало походило на пикник. Эта боль уже тянулась неделями, практически не прекращаясь. Конечно, вновь выйти на задание и возглавить группу во время операции по освобождению Форберга ему было тяжело, но до припадка он отлично справлялся.

Итак… неужели все это, от начала и до конца, от припадка до подделки рапорта и увольнения, было каким-то хитрым танцем, чтобы больше никогда не смотреть в дуло игольника и избежать необходимости произнести вслух «Я ухожу»?

Черт побери, конечно, он боялся! Нужно быть полным кретином, чтобы не бояться. Любой бы испугался, а он действительно пережил смерть. И не понаслышке знает, что это такое. Умирать больно, смерть – уход в ничто, и любой нормальный человек постарается избежать и того и другого. А он все же вернулся. Как возвращался всякий раз после маленьких смертей с переломанными руками, ногами. Его тело покрыто паутиной шрамов с головы до пят. И так снова, снова и снова. «Сколько раз тебе приходилось умирать, чтобы доказать, что ты не трус, сколько боли перенести, чтобы дойти до цели?»

Айвен прав. Он всегда находит способ преодолеть стену. Майлз проиграл в уме весь возможный сценарий. Допустим, его вылечат, здесь ли, на Комарре или Эскобаре – не важно где. Предположим, он улетит, и СБ решит не предпринимать попыток убить предателя-фора, и они придут к молчаливому соглашению игнорировать друг друга. И он станет лишь адмиралом Нейсмитом.

И что потом?

«Я встречу огонь. И взберусь на эту стену».

И что потом?

«Я сделаю это снова».

И что дальше?

«И снова».

А дальше?

«Логически невозможно доказать невозможное. Я устал бороться со стенами».

Нет. Ему не нужно ни принимать огонь, ни избегать его. Если огонь встанет у него на пути, он с ним договорится. И это не трусость, черт подери, что бы это ни было.

«Так почему же я до сих пор не занялся своей головой?»

Майлз потер лицо, сел и попробовал еще раз сочинить удобоваримый отчет о своем новом гражданском статусе для графа-адмирала и его жены, женщины, к которой его отец обычно обращался «милый капитан». Послание получилось очень напряженным и злым, еще хуже, чем поздравление Марка, но Майлз не хотел больше тянуть. Он отправил запись.

Но не по лучевой связи. Длинным маршрутом, обычной почтой, хоть и с пометкой «личное». По крайней мере сообщение ушло и он не может его вернуть.

Куин тоже прислала поздравление с днем рождения, очень аккуратно составленное, чтобы не слишком развлекать цензоров СБ. За кажущейся небрежностью скрывалось сильное беспокойство. Второй ее запрос выражал обеспокоенность в более открытой форме.

С огромной неохотой он состряпал для Куин укороченную версию послания родителям, отбросив известные ей подробности, изложив лишь результат, который она ему и предсказывала. Куин заслуживала большего, но на большее он в настоящий момент не был способен. Молчания она тоже не заслуживала.

«Прости, Элли».

На следующий день к ужину пожаловал Айвен. Майлз опасался, что ему придется выдержать очередной бой по поводу своих медицинских проблем, которые он, предположительно, никак не хочет решить, но Айвен лишь принес букет цветов матушке Кости и все время, пока она готовила, отирался на кухне, всячески смеша ее, до тех пор, пока она его не выгнала. К тому моменту Майлз начал опасаться, что кузен ведет кампанию по переманиванию его кухарки, хотя и не мог точно определить, действует ли Айвен от себя или по поручению леди Элис.

Они уже почти доели десерт – на сей раз по персональной просьбе Айвена был изготовлен пряный пирог с персиками, – когда трапезу прервал сигнал комма. Точнее, сообщение о вызове.

– Там какой-то хмурый тип из СБ вас вызывает, лорд Форкосиган, – сказал Мартин, ввалившись в гостиную.

«Иллиан? С чего это Иллиану меня вызывать?»

Но когда он подошел к ближайшему комм-пульту – а по пятам за ним следовал весьма заинтригованный Айвен, – то обнаружил, что с экрана смотрит хмурое лицо Дува Галени.

– Ты мерзкий проклятый сводник, – прошипел вместо приветствия Галени.

– Привет, Дув. Что стряслось? – невинно спросил Майлз с легким испугом. Вопрос повис в воздухе под тяжелым взглядом Галени. Лицо капитана не было ни красным, ни бледным. Оно было пепельно-серым от ярости.

«Похоже, мне следовало задержаться в Форкосигане-Сюрло еще на недельку».

– Ты знал. Ты все это подстроил. Ты меня подставил.

– М-м-м, в порядке любопытства… – Майлз сглотнул. – О чем это ты толкуешь?

Галени даже не удостоил его ответом. Губы его изогнулись, обнажив длинные зубы. И на улыбку это вовсе не походило.

– Уж не о Грегоре с Лаисой, случайно? – Гнетущее молчание нарушало лишь тяжелое дыхание Галени. – Дув… Я не думал, что так получится. Да и кому бы такое пришло в голову после стольких-то лет? Я лишь пытался оказать тебе услугу, черт побери!

– Лаиса – первое и единственное, чем я дорожил за всю мою жизнь. И у меня ее

забрали. Украли. Фор действительно значит вор. И вы, чертовы барраярские воры, держитесь друг за дружку. Ты и твой гребаный император, и вообще вся ваша свора.

– Хм, – вмешался Айвен, – твой комм не прослушивается, Майлз? Прости, Дув, но если ты и дальше собираешься столь… э-э… открыто выражать свои чувства, то не лучше ли это сделать при личной встрече? То есть я надеюсь, ты говоришь не по каналу СБ. У них есть уши почти везде.

– Служба безопасности может взять эти уши и затолкать в свою коллективную задницу! – Произношение Галени, обычно подчеркнуто барраярское, на глазах становилось комаррским, причем не просто комаррским, а уличным комаррским.

Майлз знаком велел Айвену заткнуться. Если припомнить, что произошло с двумя несчастными цетагандийцами, столкнувшимися с Галени, когда тот пребывал в подобном настроении, то личная встреча в настоящий момент не казалась Майлзу такой уж привлекательной. Конечно, его защитит капрал Кости, но сможет ли он совладать со старшим по званию? Да еще находящимся в невменяемом состоянии и жаждущим крови? Пожалуй, для бедного парня это чересчур.

– Дув, мне очень жаль. Я вовсе этого не планировал. Совсем нет. Это неожиданность для всех, даже для леди Элис. Спроси Айвена.

Айвен пожал плечами и развел руками:

– Это правда.

Майлз прокашлялся и осторожно спросил:

– А как… хм… как ты об этом узнал?

– Она мне сказала.

– Когда?

– Примерно пять минут назад.

«Она только что его бортанула. Просто класс».

– Они оба мне сказали, – прорычал Галени. – Она сказала, что я – ее лучший друг на этой планете и она хочет, чтобы я был первым комаррцем, узнавшим новость.

«Значит, Грегор действительно довел дело до конца».

– И… э-э… что же ты ответил?

– Поздравил, разумеется. Что я еще мог сказать? Когда эта парочка мне лучезарно улыбалась?

Майлз облегченно вздохнул. Отлично. Значит, Галени не полностью утратил над собой контроль. Он связался с ним, Майлзом, лишь для того, чтобы было на ком спустить пар. С определенной точки зрения это признак величайшего доверия. «Блестяще. Премного благодарен, Дув».

Айвен потер шею.

– Ты пас эту женщину в течение пяти месяцев и добился лишь того, что она считает тебя лучшим другом? Дув, какого черта ты делал все это время?

– Она Тоскане, – ответил Галени. – А я – всего лишь обедневший коллаборационист с точки зрения ее семьи. Мне нужно было убедить ее, что у меня есть достойное будущее. Нет, сейчас еще смотреть не на что, но потом, позже… А потом возник он и просто… просто без всяких проблем увел ее.

Майлз, своими глазами видевший, как Грегор чуть ли не из кожи вон лез, чтобы понравиться Лаисе, лишь хмыкнул.

– Пять месяцев – это чертовски медленно, – произнес Айвен, придерживаясь взятого им тона доброжелательной критики. – Господи, Дув, тебе следовало попросить совета у меня.

– Она комаррианка. Что знаете вы, чертовы барраярские солдафоны, о комаррских женщинах? Умных, образованных, утонченных…

– Тридцатилетних… – ввернул Майлз.

– У меня был график, – продолжал Галени. – И по истечении шести месяцев знакомства я собирался сделать ей предложение.

Айвен скривился.

Кажется, Галени постепенно успокаивался. Он начал переходить от ярости и боли к отчаянию. Возможно, кипящие в нем эмоции выплеснулись вместе с гневными словами, и на сей раз обойдется без мордобоя.

– Майлз… – по крайней мере теперь он обращается к нему без оскорблений, – ты ведь почти сводый брат Грегора.

Так. Только этого не хватало.

– Хм?

– Как ты думаешь… Ты не смог бы попытаться уговорить его отказаться… Нет. – Галени оборвал себя на полуслове.

«Нет».

– Я у Грегора в долгу… и очень давно. Как лично, так и в политическом плане. Наличие наследника очень важно для моего здоровья и безопасности, а Грегор все тянул и тянул с этим. До сегодняшнего дня. И я не могу сделать ничего другого, кроме как всячески поддержать его. К тому же, – Майлз припомнил слова леди Элис, – это решение Лаисы, а не твое, мое или Грегора. Я ничем не могу помочь, раз ты забыл рассказать ей о своем графике. Извини.

– Черт! – Галени отключил связь.

– Ну, – нарушил молчание Айвен, – по крайней мере с этим покончено.

– Так ты тоже его избегал?

– Да.

– Трус.

– А кто тут прятался в горах в течение двух недель?

– Это было стратегическое отступление.

– Ладно, пошли, у нас десерт пропадает.

– Я не голоден. К тому же… Раз нынче ночью Грегор с Лаисой начали оповещать личных друзей, до официального оглашения… лучше мне тут посидеть еще несколько минут.

– А! – Айвен кивнул и, придвинув стул, плюхнулся рядом.

Ровно через три минуты комм замигал. Майлз нажал кнопку.

Грегор был в темном и подчеркнуто гражданском костюме, Лаиса, как всегда, одета в комаррском стиле. Оба улыбались, глаза сияли от счастья.

– Привет, Майлз, – начал Грегор.

– Снова здравствуйте, лорд Форкосиган, – присоединилась Лаиса.

Майлз прокашлялся.

– Привет, ребята. Чем могу быть полезен?

– Я хотел, чтобы ты был одним из первых, кто узнает, – продолжил Грегор. – Я сделал Лаисе предложение. И она сказала «да». – Грегор выглядел таким ошарашенным, будто это согласие оказалось для него полной неожиданностью. Лаиса, надо отдать ей должное, улыбнулась, хотя и выглядела не менее ошарашенной.

– Поздравляю, – ухитрился выговорить Майлз.

Айвен высунулся у него из-за плеча, чтобы оживить спектакль, и Грегор произнес:

– О, ты тоже здесь! Очень хорошо. Тебе мы собирались сообщить следующему.

Сообщают в порядке старшинства по официальному списку потенциальным наследникам? Что же, это весьма в барраярском стиле. Лаиса пробормотала слова приветствия Айвену.

– Я первым узнаю эту новость? – закинул удочку Майлз.

– Не совсем, – ответил Грегор. – Мы сообщаем по очереди. Первой известили леди Элис, конечно. Она присутствовала при этом с самого начала, или практически с самого начала.

– Родителям я отправила сообщение еще вчера. И сказала капитану Галени, – добавила Лаиса. – Я столь многим ему обязана. Ему и вам обоим.

– И… э-э… что же он сказал?

– Он согласен, что это хорошо для обеих планет, – сказал Грегор, – что, учитывая его происхождение, я нахожу весьма любезным с его стороны.

«Иными словами, ты спросил его прямо в лоб, и он ответил „Да, сир“. Бедный блестящий Дув. Неудивительно, что он тут же связался со мной. Ничего другого ему не оставалось, иначе он бы взорвался».

– Галени… сложный человек.

– Да, я знаю, что он тебе нравится, – согласился Грегор. – И я отправил сообщение твоим родителям, они должны получить его сегодня. И завтра надеюсь получить от них ответ.

– О! – вспомнил Майлз. – По-моему, тетя Элис тебя опередила. Отец просил передать тебе заверения в полной поддержке. А мать просила в том же заверить лично вас, доктор Тоскане.

– Я с нетерпением жду, когда познакомлюсь с легендарной Корделией Форкосиган, – с непритворной искренностью воскликнула Лаиса. – Думаю, что смогу многому у нее научиться.

– Я тоже так думаю, – согласился Майлз. – Господи! Они же прибудут сюда по такому случаю, верно?

– Не могу себе представить, что кто-то другой, кроме них, будет стоять в моем свадебном круге, помимо тебя, конечно, – сказал Грегор. – Ты будешь моим шафером?

– Безусловно. Э-э… а когда состоится всеобщий цирк?

Грегор слегка скривился:

– По-моему, у леди Элис на этот счет вполне определенное мнение. Я хотел, чтобы помолвка произошла немедленно, но она настояла, чтобы об этом даже не сообщали до ее возвращения с Комарры. Я отправил ее как мой Голос к родителям Лаисы. Надо соблюсти формальности, ты же понимаешь. Поэтому официальная помолвка состоится не раньше, чем через два месяца. А свадьба почти через год! По поводу помолвки мы сторговались на месяце с момента ее возвращения с Комарры и все еще спорим насчет свадьбы. Она говорит, если мы не предоставим фор-леди достаточно времени, чтобы приготовить достойные наряды, они нам этого никогда не простят. Не понимаю, почему им нужно два месяца, чтобы одеться.

– М-м-м… На твоем месте я бы предоставил ей свободу действий. Она может вынудить партию консервативных старых форов есть у нее из рук так, что они даже не поймут, что происходит. И это решение половины твоих проблем. Боюсь, что ничего не могу сказать по поводу комаррских радикалов.

– Элис считает, что церемонии должно быть две – одна здесь, вторая на Комарре, – сообщил Грегор. – Двойные расходы. – Он скосил взгляд и сжал руку Лаисы. – Но оно того стоит.

Представив себе все социальные проблемы, которые усложняются прямо на глазах, оба выглядели так, будто подумывают о бегстве.

– Вы с этим справитесь, – сердечно поддержал их Майлз. – А мы поможем, правда, Айвен?

– Мать меня уже выдвинула в добровольцы, – мрачно сообщил Айвен.

– А ты сказал Иллиану? – спросил Майлз.

– Я послал леди Элис сообщить ему первому, – ответил Грегор. – Он связался со мной и заверил в полной личной и профессиональной поддержке – кажется. Эта фразочка насчет поддержки начинает надоедать. Разве похоже на то, что я вот-вот упаду? Не могу сказать, обрадовался он или пришел в ужас, но ты же знаешь, что Иллиана зачастую трудно понять.

– Не так уж и трудно. Думаю, как человек он рад, но как профессионал – в ужасе.

– Он предложил, чтобы я сделал все возможное, чтобы обеспечить приезд на Барраяр твоей матери до помолвки, чтобы, как он выразился, добавить ее сдержанности леди Элис. И я подумал, не присоединишься ли ты к нашей просьбе, Майлз. Ты же знаешь, как трудно оторвать ее от твоего отца.

– Ладно. Хотя в данной ситуации подозреваю, что лишь блокада п-в-туннеля помешает ей приехать.

Грегор ухмыльнулся:

– И тебя тоже поздравляю, Майлз. Твоему отцу в свое время понадобилась целая армия, а ты изменил историю Барраяра всего лишь одним приглашением на ужин.

Майлз беспомощно пожал плечами.

«Господи, неужели теперь все будут винить в этом меня? И во всем, что за этим последует?»

– Давай-ка попробуем не делать из этого историю, а? По-моему, следует больше ориентироваться на повседневную домашнюю скуку.

– Полностью согласен! – кивнул Грегор и, бодро отсалютовав, отключил комм.

Майлз уронил голову на руки и простонал:

– Это не моя вина!

– Нет, твоя! – отрезал Айвен. – Это целиком и полностью твоя затея. Я сам присутствовал при ее рождении.

– Нет, не моя. Твоя. Это ты выкрутил мне руки и заставил пойти на этот чертов прием.

– Я пригласил только тебя. А ты пригласил Галени. И вообще это моя мать выкрутила мне руки.

– О! Так, значит, это она виновата. Отлично. Это я вполне могу пережить.

Айвен согласно повел плечами.

– Ну, не выпить ли нам за счастливую чету? В твоем подвале есть такие бутылки, на которых больше пыли, чем на любом старом форе.

– Ага. Пошли глянем, – согласился Майлз.

По пути в подвал, резко отвергнув предложения Майлза выпить кленовой медовухи, Айвен нехотя спросил:

– Как по-твоему, Галени не попытается сделать что-нибудь, о чем потом будет сожалеть? Или мы будем сожалеть?

После довольно длительного молчания Майлз ответил:

– Нет.

Глава 13

Айвен так и не воплотил в жизнь свою угрозу проследить за тем, как Майлз выполняет свои обязательства по поводу лечения, поскольку был занят подготовкой отъезда леди Элис на Комарру. По пути она заскочила в резиденцию Форкосиганов и оставила несколько килограммов исторических документов о предыдущих императорских свадьбах, приказав Майлзу их тщательно изучить. По возвращении у нее наверняка будет бесконечный список поручений для всех, начиная с Айвена. А следующим по списку после Айвена шел Майлз.

Майлз с некоторым недоумением перелистывал древние книги. Которые из этих заплесневелых церемоний им предстоит вытащить из музея? С последней императорской свадьбы, когда великолепный – или пресловутый – принц Зерг женился на несчастной принцессе Карин, минуло сорок лет. Весьма впечатляющий цирк, а ведь Зерг тогда был лишь кронпринцем, а не императором. Впрочем, Майлз полагал, что возобновление подобных форских церемоний могло бы укрепить их позиции как класса. Может быть, хорошо продуманная и проведенная церемония сработает как своего рода подавитель иммунитета, дабы форское общество не отторгло комаррские ткани. Элис, похоже, думает так же, а она-то уж точно знает. Форпатрилы – сами из древних форов.

Он мрачно размышлял о своих обязанностях. То, что он будет шафером императора, имеет и социальное и политическое значение, учитывая специфику Форбарр-Султана, но все равно он почему-то чувствовал себя столь же полезным, как пластмассовая статуэтка со свечкой. Что же… ему приходилось выполнять и более странные задания. Или он предпочел бы чистить канализационные трубы в лагере «Вечная мерзлота»? Или бегать по Архипелагу

Джексона, лишь на шаг опережая головорезов какого-нибудь из местных чокнутых баронов?

«Не отвечай, мой мальчик».

Леди Элис нашла себе временную замену возле Грегора в лице Дру Куделки, жены коммодора и матери Делии. Майлз обнаружил это, когда мадам Куделка связалась с ним, чтобы передать очередное приглашение – приказ послужить форским украшением очередному затеянному Грегором для Лаисы пикнику. Прибыв чуть раньше времени, Майлз напоролся на толпу в официальных красно-синих мундирах, покидавшую какую-то сверхофициальную утреннюю церемонию. Он отошел в сторону, чтобы дать дорогу офицерам, пытаясь скрыть обуявшую его жгучую зависть.

Один из офицеров спускался по лестнице медленно и аккуратно, держась за перила. Майлз мгновенно узнал его и с трудом удержался, чтобы не нырнуть за ближайший куст. Лейтенант Форберг! Форберг никогда не видел адмирала Нейсмита, лишь фигуру в боевых доспехах. Судя по украшавшей грудь Форберга новенькой медали, той самой, что дают за ранение на службе императору, сегодня день, когда Грегор вручает имперские награды. У Майлза ими забит целый графин, засунутый куда-то в шкаф. В какой-то момент Иллиан перестал представлять к ним Майлза. Возможно, испугавшись, что, если он в один прекрасный день все их наденет, это будет не слишком лестно СБ. Но для Форберга это явно первая серьезная почесть – лицо лейтенанта было изумленно-самодовольным.

Майлз не смог отказать себе в удовольствии.

– А, Форберг, не так ли? – бросил он проходящему мимо лейтенанту.

Форберг неуверенно моргнул, затем лицо его просветлело.

– Форкосиган, да? Кажется, я как-то видел вас в штаб-квартире Управления по делам галактики на Комарре. – Он дружелюбно кивнул, как один имперский курьер и фор другому.

– Как это вам удалось получить такое подтверждение невезучести? – поинтересовался Майлз, кивком указав на грудь лейтенанта. – Или мне не стоило задавать этот вопрос?

– Да нет, это не секрет. Я выполнял обычное задание – чистая рутина – возле Сумерек Зоава. И чертовы пираты захватили корабль, на котором я летел.

– Наш курьерский корабль? Не может быть! Я бы наверняка об этом услышал. Шум бы стоял на всю вселенную.

– Дорого бы я дал, чтобы это был курьерский корабль. Тогда СБ отправили бы мне на помощь наших. Нет, я летел обычным коммерческим рейсом на корабле, приписанном к Зоаву. Так что Имперская безопасность, по великой мудрости своей и наверняка по совету тех же помешанных на экономии счетоводов, что отправили меня этим рейсом, наняла каких-то вшивых наемных головорезов. Это был полный провал. – Он доверительно понизил голос. – Если вам доведется побывать в подобной переделке, постарайтесь избежать встречи с этими клоунами, именующими себя Свободным Флотом Дендарийских Наемников. Они опасны.

– Для кого?

– Для вас, если они на вашей стороне.

– О! – Должно быть, кто-то сказал Форбергу, что он попал под дружеский огонь. Врач скорее всего. Она безнадежно правдива. – Но я слышал о дендарийцах. То есть в их рядах есть выходцы с Барраяра, иначе они не назвали бы себя в честь самой главной географической достопримечательности моего округа. Разве что среди них имеется какой-то помешанный на военной истории олух, на которого произвела неизгладимое впечатление партизанская война моего деда.

– Да, их старший офицер барраярец, точно. Я с ним встречался. А их командующий вроде бы бетанец. Похоже, он сбежал, чтобы не подвергнуться бетанской терапии.

– А я думал, что дендарийцы хороши.

– Не сказал бы.

– Но вы ведь здесь, верно? – раздраженно заметил Майлз, но тут же взял себя в руки. – Так… Теперь вы вернетесь к исполнению служебных обязанностей?

– Мне придется пару недель посидеть за столом в штаб-квартире после всего этого. –

Форберг мотнул головой, имея в виду только что завершившуюся церемонию. – Бумажная работа. Не понимаю, почему мои ноги нельзя долечить во время полета, но медики явно считают, что в случае необходимости я должен быть способен бежать во все лопатки.

– И это правильно, – заметил Майлз. – Если бы я сам тогда двигался чуть быстрее… – Он замолчал на полуслове.

Только теперь Форберг заметил, что Майлз в гражданской одежде.

– А вы тоже в отпуске по болезни?

– Уволен по медицинским показаниям. – Ответ прозвучал резко.

– О! – У Форберга хватило такта засмущаться. – Но… я думал, что у вас есть своего рода особое расположение… э-э… сверху. – Форберг, может, и не знал, кто такой Майлз, но уж кто такой отец Майлза, он знал совершенно точно.

– Я исчерпал его. Спасибо иглогранате.

– Ух! – воскликнул Форберг. – Это звучит еще страшнее, чем плазмотрон. Мне очень жаль. И что же вы намерены делать дальше?

– Пока не знаю.

– Вернетесь в округ?

– Нет… У меня имеются некоторые… э-э… общественные обязанности здесь, в Форбарр-Султане. – Официального сообщения о помолвке императора еще не было. Рано или поздно, конечно, информация просочится, но Майлз был твердо намерен держать ее при себе. Штаб-квартира СБ будет весьма горячим местечком, когда начнутся приготовления к свадебному торжеству. Если бы Майлз там еще числился, сейчас было бы самое подходящее время отправиться куда-нибудь подальше с долгосрочным заданием. Но он не мог предупредить Форберга о грядущих событиях. – К тому же резиденция Форкосиганов… тоже мой дом.

– Может, еще увидимся. Удачи.

– И вам того же. – Майлз небрежно отсалютовал и двинулся вверх по лестнице. Форберг, конечно, и не подумал отсалютовать гражданскому лицу, лишь соизволил ответить вежливым кивком.

Мажордом Грегора провел Майлза на очередной прием в саду, отличавшийся от предыдущего лишь отсутствием лошадей. Да и круг приглашенных был, пожалуй, несколько шире. Сегодня здесь присутствовали близкий друг императора граф Форволк с женой и еще парочка приятелей Грегора. Похоже, на повестке дня стояло представление будущей невесты следующему кругу императорских приближенных, помимо семейного круга, в который входили Элис, Майлз и Айвен. Грегор чуть припозднился, едва успев сменить парадный мундир на более подходящую одежду.

Дру Куделка, мать Делии, восседала на месте отсутствующей леди Элис. Когда-то, когда Грегор был еще ребенком, Дру, до того как вышла замуж, была его личным телохранителем и телохранителем его матери, принцессы Карин. Майлз видел, что Грегору очень хочется, чтобы Дру с Лаисой поладили.

Ему не следовало беспокоиться. Мадам Куделка, обладавшая колоссальным опытом жизни в Форбарр-Султане, ладила со всеми. Живя в обществе форов не будучи фор-леди, она могла давать Лаисе бесценные советы. Похоже, именно на это Грегор и рассчитывал.

Лаиса, как всегда, была великолепна. Она обладала прекрасной интуицией и не менее прекрасной наблюдательностью и никогда не повторяла своих ошибок. Конечно, было бы слишком оптимистично надеяться на то, что Лаиса могла бы выжить в одиночку в барраярской глубинке или трущобах столицы, но ее способности справиться со своими обязанностями на галактическом уровне ни у кого сомнений не вызывали.

Несмотря на строгость этикета, Грегор исхитрился остаться ненадолго со своей нареченной наедине, когда по его приглашению гости разбрелись гулять по саду. Майлз сбежал вместе с Делией Куделкой, и они сели на лавочку, откуда наблюдали за менуэтом, который выплясывали гости, стараясь не сталкиваться с Грегором и Лаисой на дорожках сада.

– Как поживает твой па? – спросил Майлз. – Думаю, мне следует его навестить.

– Да, он, по-моему, удивлялся, почему это ты стараешься его избегать. А потом мы узнали о твоем увольнении по медицинским показаниям. Он просил меня передать, что ему ужасно жаль. Ты уже знал об этом, когда мы были тогда на приеме? По тебе этого не было видно. Но ведь наверняка это не было для тебя сюрпризом.

– Тогда я еще надеялся, что как-нибудь выкручусь. – Не совсем правда. Он тогда вообще об этом не думал. Грубейшая ошибка, теперь это очевидно.

– А как поживает твой капитан Галени?

– Хоть все и уверены в обратном, Дув Галени не моя собственность.

Она нетерпеливо закусила губу.

– Ты меня прекрасно понял. Как он воспринял обручение Лаисы с Грегором? В тот вечер мне показалось, что он от нее без ума.

– Не очень здорово, – вынужден был признаться Майлз. – Но он переживет. Думаю, он слишком затянул период ухаживания. Наверное, Лаиса подумала, что не так уж ему и нужна.

– Приятное исключение среди всех этих олухов, пытающихся немедленно на тебя залезть, – вздохнула Делия.

Майлз представил себя с крючьями и кучей канатов, взбирающимся на гору Делия. Весьма опасное мероприятие.

– А как у тебя дела с Айвеном? А то я не знаю, надо ли мне извиниться за то, что оторвал тебя от него в тот вечер.

– А, Айвен!

Майлз чуть улыбнулся:

– Ты ждешь императорской свадьбы?

– Ну, мама вся взбудоражена, радуется за Грегора. Она уже планирует, во что мы все оденемся, и размышляет, приедет ли на свадьбу с Колонии Бета моя сестра Карин. А меня интересует, не считает ли она, что свадьба – вещь заразная. Мы по-прежнему регулярно слышим намеки, что ма с па вовсе не возражают иметь дом только в своем распоряжении. Или хотя бы ванные комнаты.

– И?..

– Ну, там же будут танцы. – Делия расцвела. – И, возможно, интересные мужчины.

– А Айвен – неинтересный?

– Я сказала мужчины, а не мальчики.

– Ему почти тридцать. А тебе сколько, двадцать четыре?

– Дело не в годах, а в поведении. Мальчики хотят лишь переспать. А мужчины хотят жениться и жить дальше.

– Я более чем уверен, что мужчины тоже не возражают переспать, – чуть ли не извиняющимся тоном заметил Майлз.

– Да, конечно, но это не всепоглощающее желание. У них остается еще несколько извилин, нацеленных на другое.

– Только не говори мне, что женщины не отвечают им взаимностью.

– Может быть, мы более избирательны.

– Твой аргумент не подтверждается статистикой. Почти все выходят замуж. Так что не очень-то вы и избирательны.

Делия задумалась: похоже, для нее это было новостью.

– Только в нашей культуре. Карин говорит, что на Колонии Бета все совсем по-другому.

– На Колонии Бета вообще все другое.

– Так, может, это просто заразное поветрие.

«Тогда почему у меня что-то вроде иммунитета?»

– Удивляюсь, почему никого из вас, девочки, еще никто не умыкнул.

– Думаю, потому что нас четверо, – сообщила Делия. – Охотники приближаются к гнезду, а потом теряются и не могут понять, кто же является их целью.

– Понятно, – протянул Майлз. Все вместе, блондиночки Куделки выглядели весьма впечатляюще. – Только и ждешь, чтобы отделаться от сестер. Верно?

– Ага, – вздохнула Делия.

К ним подошли Форволки и остановились поболтать. В конце концов Майлз с Делией вернулись вместе с ними к мадам Куделке, и вечер завершился. Майлз вернулся в особняк Форкосиганов, готовый заняться чем угодно – только бы не делать домашнего задания, которое дала ему перед отъездом леди Элис.

Сидя в Желтой гостиной, Майлз просматривал после ужина ежемесячный финансовый отчет Циписа и делал пометки, тщательно игнорируя сваленную в углу кипу пыльных томов в кожаных переплетах, когда вошел Мартин.

– Там кто-то пришел, – с удивлением сообщил он.

Как начинающий дворецкий – эта обязанность как-то сама собой свалилась на него помимо вождения и мытья посуды – Мартин получил инструкции, как впускать посетителей и вести их по лабиринтам особняка в жилые помещения. Похоже, пришла пора проверить урок.

Майлз выключил аппарат для чтения.

– Так… Ты впустил его, ее внутрь? Насколько я понимаю, это не коммивояжер, поскольку их обычно выпроваживают охранники у ворот…

Из-за спины Мартина выступил Дув Галени. Майлз проглотил конец фразы. Галени был в форме. В повседневном зеленом мундире. Оружия при нем вроде бы не было. Вообще-то он выглядел лишь очень усталым. И несколько обеспокоенным, но без внутренней напряженности, которую Майлз умел распознавать в мгновение ока.

– О, – выдавил Майлз, – проходи, садись.

Галени жестом поблагодарил за приглашение, хоть уже и так прошел в комнату. Он сел на стул.

– Не хочешь ли выпить?

– Нет, спасибо.

– А, тогда ты свободен, Мартин. Спасибо.

После небольшой паузы Мартин понял намек и исчез.

Майлз понятия не имел, что последует дальше, поэтому выжидательно поднял бровь. Галени неуверенно кашлянул.

– Думаю, что должен извиниться перед тобой. Я был немного не в себе.

Майлз расслабился. Может, все еще обойдется.

– Да и да. Но тебя можно понять. И довольно об этом. – Галени коротко кивнул, в своей обычной сдержанной манере. – Хм-м… Надеюсь, в ту ночь я был твоим единственным доверенным лицом.

– Да. Но это лишь вступление к тому, что я, собственно, пришел тебе сказать. Случилось нечто более серьезное.

«Что там еще? Только, пожалуйста, не надо больше мне сложных любовных историй…»

– Да? И что же?

– Это профессиональная дилемма, а не личная на этот раз.

«Я больше не служу в СБ». Но Майлз не стал напоминать об этом. Он ждал, исполненный любопытства.

Галени нахмурился.

– Скажи… тебе когда-нибудь удавалось поймать Саймона Иллиана на ошибке?

– Ну, он выгнал меня, – сухо обронил Майлз.

Галени отмахнулся, игнорируя шутку.

– Нет, я имею в виду именно ошибку.

Майлз задумался.

– Он не супермен. Я видел, как он делал не то, что надо, следуя не совсем верным

доводам, хоть и не часто. Обычно он постоянно сверяет свои теории с новыми данными.

– Не сложные ошибки. Простые.

– Нет. – Майлз помолчал. – А тебе?

– Никогда до недавнего времени. Понимаешь, я ведь никогда не работал в непосредственном контакте с ним. Только еженедельные брифинги со всем моим департаментом и изредка отдельные запросы. Но за последние три дня произошло четыре… странных инцидента.

– Инцидента, говоришь? Какого плана?

– Первый… Он спросил меня об обзоре, который я готовил. Я закончил обзор и отправил ему, но два часа спустя он позвонил и затребовал его снова. Возникло замешательство, затем его секретарь подтвердил, что я передал диск, и сообщил, что отдал его Иллиану. Иллиан обнаружил диск у себя на столе и извинился. И я забыл об этом.

– Возможно… он потерял терпение, – предположил Майлз.

Галени пожал плечами.

– Второй эпизод совсем мелкий, лишь записка от него с неверной датой. Я связался с его секретарем, и дату исправили. Нет проблем.

– М-м-м…

Галени набрал побольше воздуха.

– А третий – записка с неверной датой, адресованная моему предшественнику, который не работает вот уже более пяти месяцев, с запросом последних сведений о каком-то барраяро-комаррском торговом флоте, ушедшем к Тау Кита. Когда я связался с ним, чтобы выяснить, какого рода сведения он, собственно, хочет получить, он сказал, что вообще не делал подобного запроса. Тогда я отослал записку ему обратно, он тут же замолчал и отключил связь. Это произошло сегодня утром.

– Это три.

– А потом днем был еженедельный брифинг в нашем департаменте, где присутствовали мы – пятеро аналитиков по делам Комарры и генерал Аллегре. Ты знаешь, как обычно излагает Иллиан. Длинные паузы, но когда говорит, то очень веско и медленно. А сегодня было… много пауз. А то, что он говорил в промежутке, как бы вылетало у него изо рта, иногда даже будто непроизвольно. Он нас быстро распустил, мы не сделали и половины запланированного.

– Хм-м… И что было сегодня на повестке?

Галени словно воды в рот набрал.

– Да, я понимаю, ты не имеешь права мне рассказывать, но если речь шла о женитьбе Грегора – тогда, возможно, он ради тебя смягчал детали, перестраивал речь на ходу или что-то в этом роде.

– Если он мне не доверяет, то ему вообще не следовало меня допускать, – рявкнул Галени. И нехотя добавил: – Это неплохая мысль, но не совсем соответствует… Жаль, что тебя там не было.

Майлз немедленно ухватился за предоставленную возможность.

– А что ты думаешь?

– Не знаю. СБ потратила кучу денег и времени, делая из меня аналитика. Я ищу изменения в сведениях. Вот одно из них. Но я недавно в городе, и ко всему прочему я комаррец. Ты же знаешь Иллиана всю свою жизнь. Тебе доводилось такое видеть?

– Нет, – признал Майлз. – Но все это смахивает на обычные, свойственные человеку ошибки.

– Если бы они не шли друг за другом, вряд ли бы я вообще их заметил. Мне не нужны – да я и не хочу – подробности, но нет ли у Иллиана каких-то личных проблем, о которых мы, его сотрудники, не знаем?

«Проблем наподобие твоих, Дув?»

– Не уверен, что у Иллиана вообще есть личная жизнь. Не женат и не был… Жил на протяжении пятнадцати лет в маленькой квартирке в шести кварталах от работы, пока здание

не снесли. Тогда он два года назад временно переехал в одну из квартир для свидетелей на нижнем этаже штаб-квартиры СБ и до сих пор не потрудился оттуда куда-нибудь перебраться. Не знаю о его молодых годах, но на моей памяти женщин в его жизни не было. И мужчин тоже. И овец. Хотя, допускаю, что овца вполне могла бы быть. Они не говорят даже под воздействием суперпентотала. Шучу, – добавил он, поскольку Галени даже не улыбнулся. – Жизнь Иллиана – размеренная, как часы. Он любит музыку… никогда не танцует… не реагирует на духи, цветы, на запахи вообще. Это то, что не проходит через его чип. Вообще через чип проходит только то, что он видит и слышит.

– Да, я как раз размышлял о чипе. Тебе известно что-нибудь о психозе, вызываемом таким чипом?

– Вряд ли здесь что-то с чипом. Я не слишком много знаю о его технических характеристиках, но все те ребятки посходили с ума через год или два после установки чипа. Если б Иллиан мог от этого свихнуться, то это случилось бы много лет назад. – Поколебавшись, Майлз спросил: – А как насчет стресса? Или микроинсульта? Ему ведь шестьдесят с чем-то… дьявольщина, да, может, он просто устал. Он на этой чертовой работе вот уже тридцать лет. Я знаю, что он собирался уйти в отставку через пять лет.

Майлз решил не объяснять, откуда ему это известно.

– Не могу себе представить Службу безопасности без Иллиана. Это синонимы.

– А я вот как раз не уверен, что ему нравится эта работа. Просто он хорошо с ней справляется. У него такой колоссальный опыт, что его практически невозможно застать врасплох. Или напугать.

– У него весьма своеобразный способ управления конторой, – заметил Галени. – На самом деле очень форский. Большинство небарраярских организаций такого толка стараются так определить задачи, чтобы люди, выполняющие их, были бы взаимозаменяемыми. Такой подход обеспечивает организационную непрерывность.

– И исключает вдохновение. Руководство Иллиана, может, и не очень яркое, признаю, но он гибок и невероятно надежен.

– Надежен? – выгнул бровь Галени.

– Как правило, надежен, – быстро поправился Майлз. И впервые за все время подумал, а не является ли Иллиан от природы серостью. Он-то привык думать, что это результат абсолютно засекреченной работы Иллиана – жизнь, в которой врагам не за что зацепиться. Но, возможно, за его поведением стоял чип памяти, который подавлял все эмоции?

Галени оперся руками в колени.

– Я рассказал тебе о том, что видел. У тебя есть какие-нибудь предложения?

Майлз вздохнул:

– Наблюдай. Жди. То, что ты мне рассказал, – даже не теория, а так, сплошная вода.

– Моя теория в том, что что-то очень скверное скрывается под этой сплошной водой.

– Только интуитивная догадка. И это вовсе не оскорбление, между прочим. Я с огромным уважением отношусь к интуиции. Но не следует путать интуицию с доказательствами. Не знаю, что еще сказать. Если у Иллиана какие-то внутренние проблемы, то главы департаментов должны… – Что? Взбунтоваться? Идти через голову Иллиана? Выше Иллиана на планете только два человека – премьер-министр Ракоши и император Грегор. – Если с ним что-то не в порядке, другие тоже это неизбежно заметят рано или поздно. И будет лучше, если на это укажет кто-то другой, а не ты. Только не я, разумеется. Это будет еще хуже.

– А если все думают так же, как ты?

– Я… – Майлз потер лоб. – Я рад, что ты рассказал обо всем мне.

– Только потому, что ты – единственный мой знакомый, кто знает Иллиана на протяжении многих лет. Иначе… Я не уверен, что вообще стал бы об этом говорить. Во всяком случае, за стенами Службы безопасности.

– И в ее стенах тоже. Однако есть еще Гарош. Он работает непосредственно с Иллианом почти так же долго, как я.

– Ну, может, мне трудно с ним общаться.

– Что ж… Приходи еще, ладно? Если что-то еще начнет тебя беспокоить.

– Может, все это ерунда, – без особой убежденности сказал Галени.

– Ага. Слушай… Может, ты передумал насчет выпивки?

– Давай, – вздохнул Галени.

Через два дня после разговора с Галени, когда Майлз утром разбирал свой шкаф, проводя инвентаризацию небогатого гражданского гардероба, составляя список необходимого и размышляя, не проще было бы завести слугу, которому можно приказать «займитесь этим», раздался вызов комма. Майлз сначала оставил его без внимания, затем встал, потянулся через наваленную на полу кучу вещей и нажал на кнопку.

На экране возникла мрачная физиономия Иллиана. Майлз автоматически вытянулся по стойке «смирно».

– Да, сэр?

– Где тебя носит? – рявкнул Иллиан.

Майлз изумленно уставился на него:

– Я в особняке Форкосиганов, сэр. Вы сюда и звоните.

– Знаю! – раздраженно ответил Иллиан. – Я спрашиваю, почему ты не прибыл ко мне в 9.00, как приказано?

– Простите, кем приказано?

– Мной! «Явись в 9.00 ровно с блокнотом. Тебе понравится. Нечто сногсшибательное». Я думал, ты примчишься на всех парах.

Майлз мгновенно узнал телеграфный стиль приказов Иллиана. И в голове у него зазвонил колокольчик. Тревожный колокольчик.

– И в чем дело?

– Нечто, что состряпали мои аналитики по Цетаганде и целую неделю мне вкручивали. Это может оказаться высокоэффективным тактическим дзюдо при низких затратах. Существует некий джентльмен, которого зовут полковник Тремон. Аналитики полагают, что это лучшая кандидатура на пост руководителя мэрилакского сопротивления. Только есть маленькая загвоздка. В настоящий момент он гостит в цетагандийском лагере для военнопленных на Дагуле IV. И их гостеприимство должно сильно подстегнуть полковника, если его освободить. Анонимно, конечно. Я собираюсь предоставить тебе довольно большую свободу действия, но хочу получить вполне определенные результаты, как то: новый лидер Мэрилака, никоим образом не связанный с Барраяром и с барраярским вмешательством.

Майлз не просто мгновенно узнал задание. Он готов был поклясться, что именно такими же словами Иллиан впервые описал его. На закрытом утреннем совещании в штаб-квартире СБ много лет назад…

– Саймон… задание на Дагуле выполнено пять лет назад. А в прошлом году мэрилакцы выкинули со своей планеты последних цетагандийцев. Месяц назад ты меня уволил. Я больше у тебя не работаю.

– Ты спятил? – спросил Иллиан и резко замолчал. Они молча уставились друг на друга. Затем лицо Иллиана резко изменилось. Застыло. – Извини, – пробормотал он и отключился.

Майлз сидел, глядя на опустевший экран. Никогда еще у него так не билось сердце, как сейчас, в этой пустой комнате. Сообщение Галени вызвало у него беспокойство.

Теперь же он пришел в ужас.

Глава 14

Майлз сидел неподвижно минут десять. Галени прав. Черт побери, да Галени и половины не знает. Иллиан не просто забывает то, что есть. Он помнит то, чего нет. Ретроспекция?

«Эй, если старик не помнит, какой нынче год, то я знаю способ, как ты сможешь

получить обратно свою работу…»

Не смешно.

Что же делать? Он, наверное, единственный человек на всем Барраяре, кто не осмелится сказать ни слова против Иллиана. Это немедленно сочтут нытьем уволенного, или еще хуже – попыткой отомстить.

Но и оставлять все это без внимания тоже нельзя, зная то, что он теперь узнал наверняка. Из кабинета Иллиана непрерывно идут приказы, и люди этим приказам повинуются. Безоговорочно. Тридцать лет безусловного доверия – это банк, который не может рухнуть в одночасье. И сколько вреда может нанести Иллиан за это время? Например, сейчас? Предположим, он вернется к самым кровавым моментам восстания на Комарре?

И сколько это уже продолжалось, пока Галени не заметил странные проявления? Похоже, все произошло внезапно, но, возможно, лишь внезапно проявилось. Сколько недель, а может, месяцев, он в таком состоянии отдает приказы? Кому-то придется тщательно просеивать все исходившие от Иллиана приказы за последние… что? «Кому-то. Но не мне».

Что-то произошло с чипом эйдетической памяти или с нейронами Иллиана? Или это какое-то внезапное синергическое нарушение? Проблема медицинского и биоинженерного характера, и решать ее техническим экспертам. «И опять не мне».

В конце концов Майлз пришел к тому же решению, если это можно назвать решением, что и Галени. «Передай сведения Другому в надежде, что он что-нибудь предпримет». И сколько же времени комитет наблюдателей за Иллианом будет футболить мяч туда-сюда, прежде чем предпринять какие-то решительные шаги? «Это не мне решать. Очень жаль, но это так».

Он нехотя набрал номер на комме.

– Это лорд Форкосиган. Соедините меня с Департаментом внутренних дел, пожалуйста, – попросил он ответившего на вызов капрала.

Генерала Гароша на месте не оказалось.

– Попросите его связаться со мной, как только он появится, – сказал Майлз. – Это срочно.

В ожидании вызова он продолжил перебирать вещи, едва соображая, какие выкинуть, а какие оставить. Гарош не отзывался. Майлз еще дважды связывался с его приемной, прежде чем ему удалось застать генерала на месте.

– Да? – нетерпеливо нахмурился Гарош. – В чем дело, лорд Форкосиган?

Майлз набрал побольше воздуха.

– Некоторое время назад со мной связался Саймон Иллиан. Думаю, вам стоит просмотреть запись вызова.

– Прошу прощения?

– Пойдите в приемную Иллиана и заставьте его секретаря показать вам запись. На самом деле вам обоим стоит ее просмотреть. Я знаю, что разговор записан, это стандартная процедура.

– Зачем?

Вот именно. С какой стати Гарош послушает парию Службы безопасности, которого, как он видел своими глазами, его глубокоуважаемый начальник Иллиан не только выгнал, но лично сопроводил на выход?

– Генерал, это действительно очень важно и очень срочно, и я действительно предпочел бы, чтобы выводы вы сделали сами.

– Вы театрально загадочны, лорд Форкосиган, – неодобрительно нахмурился Гарош.

– Мне очень жаль. – Майлз старался говорить ровным тоном. – Вы сами все поймете, просмотрев запись.

– Вот как? – поднял бровь Гарош. – Что ж, может, и просмотрю.

– Благодарю вас.

Майлз отключил комм. Просить Гароша связаться с ним после просмотра бесполезно. Теперь его и близко не подпустят.

Вот и все. Дело сделано. Он поступил правильно, насколько это возможно в данной ситуации.

Чувствовал он себя скверно.

Так, теперь: стоит ли сообщить Грегору? Нечестно держать императора в неведении по столь серьезному вопросу, но, Боже мой…

Впрочем, Гарош сам вскоре поставит своего сюзерена в известность. Как только он сообразит, в чем дело, и обеспечит Иллиану соответствующий медицинский уход, Гарош, согласно существующему положению, автоматически станет шефом Службы безопасности, и его первейшей обязанностью будет сообщить Грегору о столь неприятном повороте событий и выяснить мнение императора по этому поводу. Так что вопрос разрешится еще до вечера.

Возможно, причиной поведения Иллиана является что-нибудь простое, что легко исправить. Может, он вернется к исполнению своих обязанностей буквально через несколько дней. К примеру, что-то замкнулось в чипе. «С этим чипом ничего простого быть не может». Но СБ позаботится о своем сотруднике.

Вздохнув, Майлз вернулся к своему списку, но никак не мог сосредоточиться. А не мог ли Иллиан сокрыть следы происшедшего? Предположим, Гарош пошел просмотреть запись, а ее уже нет? Но если Иллиан отдает себе отчет в происходящем, то он должен сам обратиться к медикам.

День тянулся бесконечно. Вечером Майлз, сломавшись, попробовал связаться с Гарошем и Грегором, но не нашел ни того, ни другого. Возможно, оба были заняты разрешением возникшего кризиса. Он все же оставил просьбу, чтобы с ним связались, но ответа так и не дождался. Спал он этой ночью плохо.

Как же он ненавидел отсутствие информации! К вечеру следующего дня Майлз уже вполне созрел, чтобы лично отправиться в штаб-квартиру СБ и потребовать сведения, к которым теперь не имел доступа, но тут в особняк Форкосиганов пожаловал Галени. Капитан явно приехал прямо с работы, в мундире, и выглядел мрачным даже по сравнению со своим обычным суровым видом.

– Выпьешь? – спросил Майлз, глянув на физиономию приятеля, которого Мартин, на этот раз по всем правилам представив, привел в Желтую гостиную. – Или поужинаешь?

– Выпью. – Галени плюхнулся в ближайшее кресло и откинул назад голову так, что хрустнули позвонки. – А насчет ужина подумаю. Пока я не голоден. – Дождавшись ухода Мартина, он произнес: – Все кончено.

– Рассказывай. Что произошло?

– Сегодня днем в разгар совещания Иллиан сломался окончательно.

– Днем? Ты хочешь сказать, что генерал Гарош не отправил его на медицинское обследование вчера вечером?

– Что?

Майлз рассказал о своем разговоре с Иллианом.

– Я немедленно поставил в известность Гароша. Только не говори мне, что этот человек не сделал того, что я ему сказал.

– Не знаю, – протянул Галени. – Могу рассказать лишь о том, что сам видел.

Как опытный аналитик – и уж тем более как историк – Галени прекрасно видел разницу между свидетельством очевидца, слухами и досужими домыслами. Всегда можно было понять, к какой категории относится то, что он рассказывает.

– Но теперь-то Иллиан под медицинским наблюдением, не так ли? – озабоченно спросил Майлз.

– О да! – вздохнул Галени. – Совещание началось почти как всегда. Главы департаментов представили еженедельные доклады и перечислили все задачи, которые хотели бы поставить перед другими отделами. Иллиан казался несколько нервным, более беспокойным, чем обычно, вертел в руках лежащие перед ним на столе предметы… порвал

справку, пробормотал извинения. Встал, чтобы, как всегда, раздать всем поручения, и тут началось… Фразы не вязались одна с другой. Он совершенно съехал с катушек. Похоже, он не просто перепутал день, а ошибся дней на двадцать. Каждое предложение – абсолютно грамматически правильное и совершенно бессмысленное. И он не отдавал себе в этом отчета, пока не заметил, что у всех присутствующих отвисла челюсть. Тут он остановился.

Тогда Гарош встал – клянусь, это самый смелый поступок, какой я видел в жизни, – встал и заявил: «Сэр, мне кажется, вам следует немедленно обратиться к врачу». Иллиан рявкнул, что вовсе не болен, приказал Гарошу сесть, к чертовой матери, на место… Только в глазах его ярость сменялась недоумением. Его трясло. Где, черт побери, твой подросток-переросток с выпивкой?

– Опять, наверное, перепутал поворот и заблудился в другом крыле. Ничего, скоро выпутается. Продолжай пока.

– А! – Галени потер шею. – Иллиан не хотел никуда идти. Гарош вызвал медика. Иллиан отменил приказ, заявил, что не может все бросить в разгар кризиса, только вот кризис, который он имел в виду – это нападение цетагандийцев на Верван десятилетней давности. Гарош, ставший к этому моменту пепельно-серым, взял его под руку и попытался увести, и это было ошибкой, потому что Иллиан начал сопротивляться. Тогда Гарош заорал: «А, черт, быстро приведите врача!» Очень мудро с его стороны. Потому что Иллиан, как выяснилось, дерется без правил. Никогда такого не видел.

– Я тоже, – кисло ответил Майлз.

– Когда прибежал врач, еще двое нуждались в медицинской помощи. Иллиана накачали успокоительным и привязали к койке в клинике СБ. Так закончилось сегодняшнее совещание. Подумать только, а я-то жаловался, что на них с тоски можно сдохнуть.

– Бог ты мой. – Майлз потер лицо. – Захочешь – не придумаешь более унизительный сценарий с максимумом неразберихи. Не говоря уже о количестве свидетелей.

– Не стоит упоминать, что Гарош до сих пор на службе, – продолжил Галени. – Вообще все заведение вверх дном. И конечно, Гарош всем приказал не говорить никому ни слова.

– Кроме меня?

– Тебя по какой-то причине в списке посвященных не значится, – сухо сообщил Галени. – Так что ты от меня ничего не слышал. Ты вообще ничего не слышал. Точка.

– Отлично. Понимаю. Полагаю, он уже сообщил о происшедшем Грегору.

– Блажен, кто верует.

– Дьявольщина, Гарошу следовало обеспечить Иллиану медицинскую помощь еще вчера, до ухода с работы!

– Он выглядел очень испуганным. Все мы перепугались. Арест главы Имперской службы безопасности в штаб-квартире СБ – не простая задача.

– Да. Да… Наверное, мне не следует критиковать человека, оказавшегося на линии огня. Должно быть, ему требовалось время, чтобы окончательно убедиться. Это такая штука, где никак нельзя ошибиться, если не хочешь рисковать карьерой. А Гарош не из таких.

Проделывать подобное с Иллианом на публике казалось излишней жестокостью. «Иллиан по крайней мере прогнал меня без свидетелей». Но, с другой стороны, так дело было совершенно ясным, исключались слухи и домыслы. И споры.

– Неподходящее сейчас время для такой штуки, – продолжил Майлз. – Хотя я сомневаюсь, что для подобного рода происшествий вообще существует подходящее время. Интересно, не послужила ли поводом для этого сбоя императорская помолвка? Нет, вряд ли. Иллиан выдерживал кризисы и похуже.

– Да, это не самый сложный кризис, хоть и последний, – согласился Галени. – Эта штука вообще могла висеть на волоске Бог знает сколько времени. – Поколебавшись, капитан добавил: – Не думаю, что у него начались нелады уже тогда, когда он тебя выгнал. То есть… ты можешь утверждать, что его поведение уже было неадекватным?

Майлз сглотнул, не будучи уверенным, что благодарен Галени за то, что он произнес вслух то, о чем он сам едва осмеливался думать.

– Хотелось бы мне, чтобы было так. Но нет. Тогда с ним все было в порядке. Мое увольнение вполне логично вытекало из его принципов.

– Так когда же все это началось? Вот основной вопрос.

– Да уж. Я сам себе его задавал. И у остальных он тоже возникнет. Я более чем уверен. Однако, думаю, нам всем придется подождать, что скажут врачи СБ. И кстати, никто не выдвигал предположений, отчего это могло произойти?

– До меня ничего не дошло. Но они, наверное, еще только приступили к изучению проблемы. Думаю, им придется привлечь множество экспертов.

Наконец появился Мартин с выпивкой. Галени в итоге решил-таки остаться на ужин, отчего Мартин несколько спал с лица. Поскольку матушка Кости мгновенно и по всем правилам подала ужин для обоих мужчин, Майлз пришел к выводу, что Мартину пришлось пожертвовать своей порцией, а самому довольствоваться бутербродами. Зная, что такое бутерброды матушки Кости, Майлз чувствовал себя не слишком виноватым, хотя, возможно, сегодня внимание матушки Кости больше принадлежало им с Галени.

И все же… самое худшее, касающееся Иллиана, позади. Предотвращены огромные проблемы. Все остальное – дело техники.

«Горгульи над боковой дверью штаб-квартиры СБ нынче выглядят особенно потрепанными, – подумал Майлз, – будто скорчились под гнетом скорби и хранимых ими мрачных тайн». И выражение лиц кое-кого из людей, мимо которых он прошел, сильно напоминало гранитных стражей. Охранник на проходной глянул на Майлза, недоуменно моргнув.

– Чем могу быть полезен, сэр?

– Я – лорд Форкосиган. Пришел на встречу с Саймоном Иллианом.

Охранник сверился со списком:

– Вас тут нет, милорд.

– Нет. Я просто проходил мимо и решил навестить его. – Охранник, как и большинство служащих СБ, как минимум, должен был знать, что Иллиана на службе нет. Хотя бы потому, что им сообщили, что теперь их начальником стал Гарош. – Дайте мне карточку гостя и пропустите, пожалуйста.

– Я не могу этого сделать, милорд.

– Можете. Это ваша работа. Кто сегодня дежурный офицер?

– Майор Жарле, милорд.

– Отлично. Он меня знает. Свяжитесь с ним, чтобы он дал разрешение.

Через несколько секунд на экране комма возникло лицо Жарле.

– Да?

Охранник изложил просьбу Майлза.

– Не думаю, что это возможно, милорд, – неуверенно сказал Жарле перегнувшемуся через плечо охранника Майлзу.

Майлз вздохнул:

– Свяжитесь тогда с шефом. Дьявольщина, нет… Чтобы пройти по всей цепочке, потребуется минут тридцать. Давайте выкинем промежуточные звенья, а? Мне очень не хочется беспокоить его сегодня утром, когда он, безусловно, ужасно занят, но все же соедините меня с генералом Гарошем.

Жарле явно тоже не жаждал беспокоить руководство, но игнорировать просьбу форлорда тоже не мог. Так что не прошло и десяти минут, как они связались по комму с Гарошем. Рекордный срок, учитывая нынешние обстоятельства, подумал Майлз.

– Доброе утро, генерал, – поприветствовал Майлз Гароша. – Я пришел навестить Саймона.

– Невозможно, – отрубил Гарош.

– Это невозможно, только если он мертв. – Голос Майлза зазвенел. – По-моему, вы хотите сказать, что не хотите допустить моего визита. Почему, смею спросить?

Гарош поколебался, затем приказал охраннику:

– Капрал, заглушите звук комма и уступите на секунду ваше место лорду Форкосигану.

Охранник послушно отошел в сторону, а над Майлзом и комм-пультом опустился силовой звуконепроницаемый щит.

– Где вы об этом узнали? – подозрительно спросил Гарош, едва опустился щит.

Подняв бровь, Майлз немедленно включился.

– Я беспокоился. Когда вы мне так и не позвонили два дня назад и не ответили на мои вызовы, я в конце концов связался с Грегором.

– О! – Подозрительность Гароша сменилась неприкрытым раздражением.

«Чуть не промазал», – сообразил Майлз. Если Гарош до сих пор еще не сообщил Грегору, то Майлз сильно прокололся, подставив Галени. Лучше ему не уточнять, когда он предположительно разговаривал с императором, пока действительно с ним не переговорит.

– Я хочу видеть Иллиана.

– Иллиан может вас даже не узнать, – после длительной паузы сказал Гарош. – Он выбалтывает секретные сведения со скоростью метр в минуту. Мне пришлось выставить охрану, имеющую высшую категорию доступа.

– Ну и что? У меня высшая категория. – Черт, да он сам – строго засекреченный материал.

– Нет. Вас должны были лишить допуска, когда вас… уволили в отставку.

– Проверьте. – А, дьявол! Теперь у Гароша есть доступ ко всем файлам Иллиана. Он может узнать всю правду об увольнении Майлза, как только выберет время. Оставалось только надеяться, что последние дни у генерала свободных минут не так уж много.

Гарош, сощурившись, посмотрел на Майлза и набрал на комме код.

– Ваш допуск все еще действителен, – изумленно сказал он.

– Вот и славненько.

– Должно быть, Иллиан забыл об этом. Может быть, он уже тогда был не в себе? Что же… – Гарош набрал что-то на клавиатуре. – Я отменяю ваш допуск сейчас…

«Ты не можешь этого сделать!» Майлз проглотил гневное восклицание. Конечно, Гарош может. Майлз в бешенстве глянул на генерала. Что же ему теперь делать? Вылететь из штаб-квартиры с воплем «А это мы еще посмотрим! Я на тебя старшему брату пожалуюсь!» Нет. Грегор – это карта, которую он может разыграть лишь один раз и только в случае крайней необходимости. Он медленно выдохнул, стараясь совладать с гневом, и так же медленно вдохнул.

– Генерал. Осторожность – это одно, паранойя, когда человек не может отличить друга от врага, – совсем другое.

– Лорд Форкосиган. – Голос Гароша звучал так же напряженно, как у Майлза. – Мы еще не знаем, с чем столкнулись. И у меня нет времени развлекать любопытствующих, будь то друзья или недруги. Будьте любезны не отвлекать моих людей. То, что император сочтет нужным вам сообщить, это его дело. Я же обязан отчитываться только перед ним. До свидания.

Гарош резко отключил связь, звуконепроницаемый щит исчез, и Майлз снова оказался в холле. Дежурный охранник нетерпеливо смотрел на него.

«Похоже, все идет не так».

Первое, что он сделал, вернувшись в особняк Форкосиганов, – закрылся у себя в спальне и связался с Грегором. На это у него ушло сорок пять минут. Но даже если бы потребовалось сорок пять часов, он все равно добился бы своего.

– Грегор, – безо всякого вступления начал Майлз, когда император появился наконец на экране. – Что, черт побери, происходит с Иллианом?

– Откуда ты знаешь? – немедленно отреагировал Грегор, вторя Гарошу. Лицо его стало озабоченным.

Майлз вновь рассказал о звонке Иллиана, о том, что он тут же сообщил об этом Гарошу

и что произошло это еще два дня назад. И опять не упомянул Галени.

– Но что случилось потом? Что-то же случилось, это совершенно очевидно.

Грегор вкратце изложил ему происшедшее на совещании, но без удручающих подробностей, рассказанных Галени.

– Гарош поместил его в клинику СБ, что, с учетом всех обстоятельств, вполне логично.

– Да, я пытался увидеться с Иллианом сегодня утром. Гарош меня не пустил.

– Они могут привлечь любых экспертов и получить все необходимое оборудование. Я лично распорядился выполнять все запросы Гароша.

– Грегор, задумайся на минуточку. Гарош не пустил меня. Повидать Иллиана.

Грегор сердито сжал кулак:

– Майлз, отстань от мужика. У него и так забот полон рот. На него как снег на голову свалились все обязанности Иллиана, ему нужно передать свой собственный департамент заместителю… Дай ты ему несколько дней и не толкай под локоть, будь любезен. Когда он чуть освоится, уверен, все встанет на места. Согласись, Саймон первым бы оценил должную осторожность в подобной ситуации.

– Верно. Саймон предпочел бы оказаться в руках людей, которых действительно заботит безопасность. Но я почему-то начинаю постепенно приходить к выводу, что предпочел бы видеть его в руках тех, кого действительно заботит Саймон Иллиан. – Он вспомнил долгий кошмар, в котором жил, когда страдал от посткриогенной амнезии. Самый жуткий период в его жизни, потеря памяти, потеря самого себя. Не переживает ли Иллиан сейчас нечто подобное? Или что-то еще более страшное? Майлз тогда страдал среди чужих. А Иллиан, кажется, страдает среди людей, которые вроде бы должны быть друзьями.

Он вздохнул:

– Ладно. Оставлю беднягу Гароша в покое. Бог знает, как я ему не завидую. Но ты будешь держать меня в курсе медицинских сводок? Все это… меня очень огорчает.

Грегор сочувственно посмотрел на него.

– Иллиан ведь был фактически твоим наставником, правда?

– Да, в свойственной ему ехидной и требовательной манере. И должен отметить задним числом, это был отличный метод. Но еще раньше… Он служил моему отцу тридцать лет, всю мою жизнь. До восемнадцати лет я звал его «дядя Саймон», пока не поступил в Академию. И только после этого стал обращаться к нему «сэр». У него тогда уже не осталось в живых никого из родственников, и его работа, а теперь я начинаю думать, и этот чертов чип у него в голове сожрали все перспективы создать свою семью.

– А я и не думал, что он для тебя что-то вроде приемного отца, Майлз.

Майлз пожал плечами:

– Скорее приемный дядя. Это… семейное дело, Грегор. А я – фор.

– Приятно слышать, что ты это признаешь, – пробормотал Грегор. – А то кое-кто иногда сомневался, сознаешь ли ты это.

Майлз вспыхнул.

– Мой долг перед Иллианом – это нечто среднее между родственным долгом и долгом перед вассалом… А я в настоящий момент – единственный Форкосиган на Барраяре. Поэтому это как… нет, это и есть моя обязанность.

– Форкосиганы всегда отличались верностью, – согласился Грегор.

– Давай согласимся на том, что это своего рода привычка.

Грегор вздохнул:

– Конечно, я буду тебя информировать.

– Каждый день? Я знаю, Гарош будет представлять тебе бюллетени ежедневно, на утреннем совещании.

– Да, Иллиан и мой утренний кофе обычно прибывали одновременно. А иногда, когда он приходил лично, то приносил мне кофе собственноручно. Мне всегда казалось, что это вежливое указание «Сядь и слушай внимательно».

– Иллиан есть Иллиан, – ухмыльнулся Майлз. – Так договорились, каждый день?

– Ой, ну хорошо. Слушай, мне нужно идти.

– Спасибо, Грегор.

Император отключился.

Майлз сел, почти довольный результатом. Нужно дать людям время, и пусть все идет своим чередом. Он вспомнил безмятежный совет, данный им Галени насчет интуиции и доказательств. Его собственный демон интуиции может убираться обратно – Майлз представил, как засовывает в коробку крошечного Нейсмита и закрывает замки. И вообразил еле слышные удары и вопли, доносящиеся изнутри… «Я стал лучшим агентом Иллиана отнюдь не потому, что следовал правилам тщательнее всех». Но еще чертовски рано говорить «что-то неправильно на этой картинке», даже думать об этом вслух.

Служба безопасности заботится о своих. Всегда. И он вовсе не намерен снова делать из себя дурака. Будем ждать.

Глава 15

Медленно прошла неделя. Сначала краткие ежедневные сведения, получаемые от Грегора по комму, вполне удовлетворяли Майлза, но с каждой последующей сводкой о состоянии Иллиана, подтверждающей отсутствие какого-либо прогресса, осторожность Службы безопасности начала казаться Майлзу уж слишком замораживающей. Он пожаловался Грегору.

– Вечно ты торопишься, Майлз, – укорил его Грегор. – Послушать тебя, так ничто не идет достаточно быстро.

– Иллиан не должен дожидаться врачей. Другие, может, и должны, но только не он. Они что, еще вообще никаких выводов не сделали?

– Это не кровоизлияние в мозг.

– То, что это не кровоизлияние, выяснили в первый же день. Так что же это? Как насчет чипа?

– Вроде бы есть некоторые подтверждения поломки или разрушения чипа.

– Это мы тоже уже предположили. Какого рода? Когда? Каким образом? Почему? Какого черта они там делают все это время?

– Они все еще изучают возможности других неврологических проблем. И психологических. Похоже, это не так просто.

– Идею психоза я отметаю, – угрюмо буркнул Майлз. – Этот чип сидит у него в голове слишком долго, чтобы подобная вещь могла возникнуть.

– Ну… похоже, в этом-то все и дело. Иллиан носил это дополнение в своей голове дольше, чем любой другой человек. Так что сравнивать просто не с чем. Он сам – точка отсчета. Никто не знает, что происходит с человеком, носящим в течение тридцати пяти лет чип эйдетической памяти. Возможно, мы это и выясним.

– И все же я полагаю, что нам стоит пошевеливаться.

– Они делают все, что могут, Майлз. Так что тебе придется просто ждать, как и всем нам.

– Ну да, ну да…

Грегор отключился. Майлз невидящими глазами смотрел на опустевший экран. Проблема со сводками в том, что содержащиеся в них сведения весьма туманны. А главное всегда в подробностях, в необработанных данных. Именно мелкие детали и питают демона интуиции, пока он не становится большим и толстым, а иногда вырастает в какую-нибудь Теорию, а может, и в Доказательство. Так что Майлз сейчас находился как минимум в трех световых годах от реального положения вещей. Врачи СБ подавали сводку Гарошу, перерабатывавшему ее для Грегора, который, в свою очередь, редактировал ее для Майлза. И в конечном итоге в ней не оставалось ничего, на чем можно было выстроить хоть какую-нибудь теорию.

На следующее утро из официальной поездки на Комарру вернулась леди Элис Форпатрил и днем позвонила Майлзу. Он приготовился к очередному потоку поручений. Внутренний голос возопил «караул!» и безуспешно заметался в поисках укрытия. Но внутреннему голосу пришлось просто дать хорошего пинка и поставить по стойке «смирно» в ожидании дальнейших указаний леди Элис.

Но вместо этого первое, что она произнесла, было:

– Майлз, как давно ты знаешь об этой глупости, что творится вокруг Саймона?

– Э-э-э… две недели.

– Неужели никому из вас, троих юных олухов, не пришло в голову, что я захочу об этом знать?

Трое олухов – Айвен, Майлз и… Грегор? Она действительно огорчена.

– Вы все равно ничего не могли сделать. К тому же вы были на полпути к Комарре. И у вас уже было важнейшее поручение. Однако, каюсь, действительно не подумал об этом.

– Дурачье, – выдохнула она. Ее большие карие глаза полыхнули огнем.

– Хм-м… А кстати, как дела? На Комарре, я имею в виду?

– Не очень. Родители Лаисы скорее огорчены. Я сделала все возможное, чтобы успокоить их, особенно если учесть, что кое-какие их опасения весьма небезосновательны. Я попросила твою мать заехать к ним по дороге сюда и еще раз с ними переговорить.

– Мать едет домой?

– Надеюсь, скоро.

– А… вы уверены, что моя мать – лучшая кандидатура на эту роль? Она ведь может быть ужасно прямолинейной в своих высказываниях о Барраяре. И она не отличается избытком дипломатии.

– Верно, но она – кристально честный человек. И она обладает удивительным свойством придавать самым невероятным вещам осязаемость. Во всяком случае, пока говорит о них. Люди в конечном итоге с ней соглашаются, а потом месяц удивляются, почему они это сделали. Во всяком случае, я выполнила все обязанности свахи Грегора.

– Ну и… женитьба Грегора состоится или нет?

– Конечно, состоится! Но есть разница между вещами, выполненными безукоризненно и выполненными вчерне. Имелось некоторое напряжение, которое мне так и не удалось снять. А я не намерена оставлять нерешенными те проблемы, которые могу разрешить. Добрая воля – вот что потребуется в большом количестве. – Тут она сердито нахмурилась. – Кстати, о доброй воле или отсутствии таковой… Мне сообщили, что Саймон лежит в клинике в штаб-квартире Имперской безопасности, и я, конечно же, тут же пошла его проведать. И этот идиот, генерал как-бишь-его, меня не пустил!

– Гарош? – подсказал Майлз.

– Да-да, он. Сразу видно, что он не фор. Майлз, ты можешь что-нибудь сделать?

– Я?! Это не в моей власти.

– Но ты работал с этими, этими, этими… людьми много лет! И теоретически должен их понимать.

«Я и есть Имперская безопасность», – сказал он однажды Элли Куин. Тогда он был чрезвычайно горд тем, что отождествляет себя с этой могущественной организацией, будто их каким-то образом соединили, создав этакого киборга. Что же, теперь его отсекли, а Имперская служба безопасности спокойно продолжает существовать, даже не замечая его отсутствия.

– Я больше с ними не работаю. А даже если бы и работал, то я всего лишь паршивый лейтенантишко. А лейтенанты не отдают приказов генералам, даже лейтенанты-форы. Гарош меня тоже не пускает. Думаю, вам нужно поговорить с Грегором.

– Только что говорила. Он был дьявольски уклончив.

– Может, он просто не хочет вас огорчать. Насколько я понимаю, Иллиан сейчас пребывает в состоянии очень сильного умственного расстройства, не узнает людей, ну и так далее.

– А как он может кого-то узнавать, если тех, кого он знает, к нему не допускают?

– Хм-м. Отлично подмечено. Слушайте, я вовсе не собираюсь защищать Гароша, он и меня из себя выводит.

– Похоже, не достаточно сильно выводит! – отрезала леди Элис. – У этого Гароша хватило наглости заявить мне – мне! – что это зрелище не для дам. Тогда я поинтересовалась, что он делал во время государственного переворота Фордариана. – В конце фразы ее голос перешел в шипение сквозь зубы. Майлз не был уверен, но ему показалось, что леди Элис с трудом подавила готовую сорваться с языка площадную брань. – Насколько я понимаю, Грегор полагает, что ему, возможно, еще долго предстоит работать с Гарошем. Конечно, прямо об этом сказано не было, но, как я понимаю, Гарош убедил Грегора в том, что его положение на должности и.о. начальника Службы безопасности еще настолько хрупкое, что может не выдержать вмешательства столь опасно некомпетентной личности – да еще и женского пола, – как я. Саймон никогда бы не заявил ничего подобного. Как бы я хотела, чтобы Корделия сейчас была здесь. Она всегда гораздо лучше меня справлялась с проявлениями мужского шовинизма.

– Это как сказать. – Майлз вспомнил о судьбе Фордариана, нашедшего свою смерть от рук графини Форкосиган. Но леди Элис совершенно права: Иллиан всегда обращался с ней как с очень ценным, хоть и несколько отличным от остальных, членом команды Грегора. Новый и чисто профессиональный подход Гароша, должно быть, оказался для нее шоком. Помолчав, Майлз продолжил: – В настоящий момент Гарош имеет все возможности влиять на Грегора. Через него идет весь поток информации, поступающей императору.

Хоть это и нельзя назвать резким изменением обычного хода вещей. Так было всегда, только вот когда этим занимался Иллиан, Майлза сей факт почему-то совершенно не задевал.

Темные брови Элис изогнулись, но она промолчала. Под ее тяжелым взглядом молчание становилось все ощутимее.

Чтобы поправить неловкость, вызванную его неосторожными словами, Майлз сказал:

– Вы можете устроить забастовку. Никакой свадьбы, пока Грегор не выкрутит Гарошу руки.

– Если в ближайшие дни ничего не будет сделано, то я вполне могу это осуществить.

– Я всего лишь пошутил, – быстро произнес Майлз.

– А я нет. – Коротко кивнув, леди Элис отключила комм.

На следующий день, еще на рассвете, Мартин осторожно потряс Майлза за плечо.

– Э-э-э… Милорд, к вам там посетитель.

– В такую рань? – пробурчал Майлз, потер заспанное лицо и, зевнув, спросил: – Кто?

– Сказал, что его зовут лейтенант Форберг. Снова один из ваших приятелей из СБ, наверное.

– Форберг? – моргнул Майлз. – Здесь? Сейчас? Зачем?

– Он хочет с вами поговорить, так что лучше вам поинтересоваться у него самого.

– Право же, Мартин… Хм-м… Надеюсь, ты не оставил его стоять у дверей?

– Нет, я отвел его в большую комнату на нижнем этаже восточного крыла.

– Во Вторую приемную. Отлично. Скажи ему, что я спущусь через пару минут. Приготовь кофе. Принеси на подносе с двумя чашками и всем, что полагается. Если на кухне осталось что-нибудь из приготовленной твоей матерью выпечки или пирожных, их тоже положи в корзиночку и принеси вместе с кофе, понял? Вот и отлично.

Сгорая от любопытства, Майлз натянул на себя первую попавшуюся рубашку и брюки, босиком пробежал два лестничных пролета, свернул налево по коридору, миновал три комнаты и оказался во Второй приемной. В честь прихода гостя Мартин снял с одного из стульев чехол, который тут же и бросил на полу белой кучей. Солнечные лучи пробивались сквозь тяжелые гардины, лишь подчеркивая темноту, в которой сидел Форберг. На лейтенанте был повседневный зеленый мундир, но лицо его казалось серым от выросшей щетины. Увидев Майлза, он нахмурился.

– Доброе утро, Форберг, – вежливо поприветствовал офицера Майлз. – Что привело вас в такую рань в особняк Форкосиганов?

– Для меня уже разгар дня, – буркнул Форберг. – Я только что освободился от ночного дежурства.

Он нахмурился еще сильнее.

– Похоже, они подыскали вам занятие?

– Да. Я старший офицер ночного караула в нашей клинике.

Майлз опустился на ближайший накрытый чехлом стул, внезапно проснувшись без всякого кофе. Форберг – один из сторожей Иллиана? Ну конечно! Как имперский курьер он обладает нужной степенью допуска. К тому же он в настоящий момент свободен и годен лишь к легкому физическому труду или канцелярской работе. А вдобавок ко всему… еще и чужак в штаб-квартире СБ. Никаких близких друзей, с кем можно потрепаться. Майлз постарался сохранить нейтральный тон.

– О? Так в чем дело?

– Думаю, это крайне непорядочно с вашей стороны, Форкосиган. – Форберг говорил напряженно, почти зло. – Даже низко, учитывая обстоятельства. Иллиан служил вашему отцу много лет. Я передавал сообщение как минимум четыре раза. Почему вы не пришли?

Майлз выпрямился:

– Прошу прощения? По-моему, я что-то упустил. Что, э-э-э… Не могли бы вы сказать мне конкретно, о чем речь? Давно вы выполняете эту работу?

– С самой первой ночи, как только его доставили. Паршивое зрелище, должен сказать. Когда он не спит, то все время что-то бормочет. А под воздействием таблеток, если перед этим был настроен по-боевому, то опять бормочет, но совершенно невозможно понять что. Врачи держат его привязанным почти все время. Такое впечатление, что он совершает экскурс в историю, прокручивает ее вспять в своем мозгу, но изредка он ненадолго приходит в себя и возвращается к реальности. А когда это происходит, он зовет вас. Сначала я думал, что он хочет видеть графа, вашего отца, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что все-таки именно вас. Он говорит «Майлз» и «Приведите сюда этого глупого мальчишку». Потом «Вы еще не нашли его, Форберг? Это гиперактивное маленькое дерьмецо нельзя ни с кем спутать». Прошу прощения, Форкосиган, – добавил Форберг. – Это он так говорит.

– Узнаю манеру речи, – прошептал Майлз. Он откашлялся, и голос его зазвучал громко и уверенно. – Извините. Просто я впервые об этом слышу.

– Не может быть. Я докладывал об этом уже раза четыре или пять, не меньше.

Грегор не забыл передать ему эти слова. Грегор просто понятия об этом не имеет. Обрыв произошел где-то раньше. «И мы выясним, где именно. О да, обязательно выясним».

– Какое лечение он получает и какие анализы ему делают?

– Не знаю. В мое дежурство мало что происходит.

– Полагаю… это разумно.

Оба замолчали, так как в этот момент появился Мартин с кофе и рулетом на противне вместо подноса. «Не забыть провести Урок номер Шесть из обязанностей дворецкого. Поиск необходимых предметов сервировки и прочего». Мартин утащил кусок рулета, мило улыбнулся присутствующим и удалился. Форберг лишь моргнул, изумленно глядя на столь необычное обслуживание, но с удовольствием отхлебнул кофе. Затем снова нахмурился, на сей раз несколько недоуменно.

– По ночам я слышу от него много чего странного. В промежутке, когда он выходит из наркотического сна и еще не становится слишком – хм – шумным, чтобы заработать следующую порцию транквилизаторов.

– Могу себе представить. Так вы знаете, зачем Иллиан зовет меня?

– В общем-то нет. Даже в самые светлые моменты он говорит не очень-то ясно. Но у меня почему-то чертовски неприятное ощущение, что проблема частично во мне. Не зная, откуда у всего этого ноги растут, я не могу расшифровать, возможно, вполне ясное сообщение. Но я догадался, что вы никогда не были курьером.

– Верно. Я был тайным агентом. – Бивший через плечо солнечный свет придавал кофе какой-то красноватый оттенок.

– Тайным агентом высшего класса, – уточнил Форберг, пристально глядя на Майлза.

– Наивысшего.

– Я не очень-то знаю, за что он вас выгнал…

– А! – мрачно улыбнулся Майлз. – Когда-нибудь я вам непременно расскажу. Насчет иглогранаты – правда. Только не вся.

– Иногда он не помнит, что выгнал вас. Но иногда помнит. И тем не менее все равно зовет вас.

– Вы когда-нибудь докладывали об этом непосредственно Гарошу?

– Да. Дважды.

– И что он сказал?

– «Спасибо, лейтенант Форберг».

– Понятно.

– А мне нет.

– Ну, вообще-то мне тоже не до конца. Но, думаю, теперь я все выясню. Ах, да… мне кажется, будет лучше, если этот наш с вами разговор никогда не имел места быть.

– Вот как? – сощурился Форберг.

– Если кто-нибудь спросит, упомяните только о нашей беседе на ступеньках дворца.

– Хо! Так кто же вы для дендарийских наемников, Форкосиган?

– Теперь уже никто.

– Что же… вы, тайные агенты, – самая хитрая публика из всех, кого я знаю, так что я даже не уверен, стоит ли вам доверять. Но если вы честны со мной… Я рад во имя чести форов, что вы не бросили вассала вашего отца. Немногие из нас достаточно заботятся о… о… не знаю, как сказать…

– Заботятся о том, чтобы форы оставались форами, – подсказал Майлз.

– Да, – благодарно согласился Форберг. – Именно это я и хотел сказать.

– Вы чертовски правы, Форберг.

Ровно через час Майлз шагал к боковому входу штаб-квартиры Службы безопасности. С востока приближался грозовой фронт, постепенно затеняя утреннее солнце. Майлз чувствовал запах озона. Каменные горгульи выглядели спокойно и уверенно. Здание, на котором они сидели, казалось огромным, закрытым и темным. И уродливым.

Гарош счел первейшей своей обязанностью приставить к Иллиану самых лучших и доверенных охранников. Не лучших врачей или медтехников или, Боже упаси, лучших экспертов, не важно, проверенных или нет. Нет, именно охранников. Он обращается с Иллианом не как с пациентом, а как с пленником. Пленник своей собственной организации. Оценил бы Иллиан иронию этой ситуации? Майлз подозревал, что нет.

Итак, Гарош параноидален и туп от природы или лишь временно запаниковал под грузом свалившейся на него ответственности? Вряд ли Гарош стал бы тем, кем он стал, если б был глуп, но новая и сложная работа свалилась ему на голову совершенно неожиданно. Он начал карьеру в охране, военным полицейским. Как заместитель начальника департамента внутренних дел, а потом и начальник, знал все ходы вниз и в глубь службы, непосредственно работая с весьма предсказуемыми подчиненными – военными. Иллиан же представлял Службу безопасности наверху, имея дело с императором, фор-лордами, и знал от и до все писаные и неписаные законы системы форов. То, как Иллиан обращался с Элис Форпатрил, к примеру, было просто блестящим маневром, открывавшим ему широчайший доступ к сведениям, касающимся внутренней жизни форского общества столицы. А Гарош при первой же встрече глубоко оскорбил этого важного потенциального союзника, будто то, что она не числится в официальном списке государственных деятелей, означает, что у нее и власти нет. То есть наплевал в колодец, руководствуясь изначально неверной гипотезой.

Но вот что касается паранойи – Майлз вынужден был признать, что в голове Иллиана

хранилось столько барраярских секретов за последние три десятилетия, что остается лишь удивляться, как его мозги еще не лопнули. Нельзя позволить ему разгуливать по городу просто так, когда он даже не имеет представления, какой год на дворе. Так что осторожность Гароша имела смысл, но ему следовало бы быть более… что? Уважительным? Сочувствующим?

Глубоко вздохнув, Майлз вошел в дверь. Мартин, которому на сей раз необычно повезло – он нашел возле штаб-квартиры достаточно места для парковки громадного бронированного лимузина, неуверенно следовал за ним. Мрачное здание явно производило на него угнетающее впечатление. Майлз остановился возле пропускного пункта и хмуро уставился на охранника, того же, что был здесь на прошлой неделе.

– Доброе утро, капрал. Я пришел повидать Саймона Иллиана.

– Хм-м… – Охранник посмотрел на экран комма. – Вас по-прежнему нет в списке, лорд Форкосиган.

– Верно, но я стою напротив вас. И намерен здесь оставаться, пока не добьюсь результата. Свяжитесь с начальством.

Поколебавшись, охранник решил предоставить возможность кому-нибудь более значительному разобраться с упрямым фор-лордом, пусть даже таким маленьким и странным, как Майлз. Они быстро добрались до бывшего секретаря Иллиана, а нынче – Гароша, и тут Майлз оттеснил охранника и добился, чтобы его связали непосредственно с Гарошем.

– Доброе утро, генерал. Я пришел навестить Иллиана.

– Опять? Мне казалось, что этот вопрос закрыт. Иллиан не в состоянии общаться с кем-либо.

– А я и не думал, что он в состоянии. Я прошу разрешения увидеть его.

– В разрешении отказываю. – Гарош потянулся, чтобы отключить связь.

Майлз сдержал ярость и попытался придумать мягкие увещевания и достойные аргументы. Он намеревался говорить хоть день напролет, если в результате его пустят к Саймону. Нет, никаких мягких увещеваний. Гарош предпочитает грубый стиль. Майлз заговорил в лучшем стиле правящего класса Форбарр-Султана.

– Гарош! Не смейте отключаться! Все это становится утомительным! Что здесь, к дьяволу, происходит, отчего у вас волосы дыбом во всех местах? Я ведь хочу помочь, черт бы вас побрал!

На мгновение лицо Гароша стало менее напряженным, но тут же снова посуровело.

– Форкосиган, вы здесь больше не работаете. Будьте любезны очистить помещение.

– Не буду.

– Тогда я прикажу вас вывести.

– А я вернусь.

Губы Гароша сжались в узкую полоску.

– Полагаю, что не могу вас пристрелить, учитывая, кто ваш отец. Кроме того, всем известно, что у вас… проблемы с головой. Но если вы не прекратите мне надоедать, я прикажу арестовать вас.

– По обвинению в чем?

– Одного прохода на закрытую территорию достаточно, чтобы упечь вас на год. И полагаю, можно найти еще что-нибудь. Сопротивление при аресте, например, вполне сойдет, я думаю. Но я без всяких колебаний прикажу применить к вам парализатор.

«Он не посмеет».

– И сколько раз?

– А сколько, по-вашему, понадобится?

– Вы не способны считать больше, чем до двадцати двух, даже если снимете сапоги, Гарош, – сквозь зубы процедил Майлз. На этой запуганной мутагенными катастрофами планете упоминать лишние пальцы было страшным оскорблением. Мартин с охранником наблюдали за перепалкой с возрастающей тревогой.

Гарош побагровел.

– Ну, все. У Иллиана явно было разжижение мозга, когда он вас просто уволил. Я бы отправил вас под трибунал. Убирайтесь из моей конторы немедленно.

– Ни за что, пока не увижу Иллиана.

Гарош резко выключил связь.

Буквально через минуту из-за угла появились двое вооруженных охранников и направились прямо к Майлзу, наседавшему на дежурного охранника, чтобы тот снова связал его с секретарем Гароша. «Дьявольщина, он не посмеет… Или посмеет?..»

Посмел. Ни слова не говоря, охранники подхватили его под руки и поволокли к выходу. Они тащили его, не задумываясь, достают его ноги до пола или нет. Мартин тащился следом с видом возбужденного щенка, не зная, то ли лаять, то ли кусаться. Они прошли в двери, миновали ворота и, чудом не уронив, поставили Майлза на тротуар за стеной, огораживавшей здание СБ.

Старший офицер, повернувшись к охранникам у ворот, сказал:

– Генерал Гарош только что приказал: если этот человек снова попытается проникнуть в здание, стрелять из парализатора.

– Есть, сэр, – откозырял старший охранник, неуверенно глядя на Майлза. Майлз, весь красный, ловил воздух ртом, задыхаясь от унижения и ярости. Доставившие его сюда охранники развернулись и ушли.

В пустом сквере, расположенном через улицу, имелись скамейки, с которых можно было любоваться чудовищной архитектурой здания Службы безопасности. Майлз, дрожа, дошел до одной из них и плюхнулся, уставясь на дом, уже во второй раз нанесший ему поражение. Мартин неуверенно проследовал за ним и осторожно уселся на дальнем конце скамейки, молча ожидая дальнейших указаний.

Дикие видения рейдов в стиле адмирала Нейсмита проносились в его мозгу. Он представлял себя во главе одетых в серые мундиры дендарийцев, обрушивающихся, как ниндзя, на штаб-квартиру СБ… Полная чушь. Его тогда действительно пристрелят, верно? Издевательский смешок сорвался с его губ. Иллиан – единственный пленник, которого не сможет освободить Нейсмит.

«Как смеет Гарош угрожать мне?» – бесился про себя Майлз. Дьявол, а почему бы ему не сметь? Сдвинутый на почве желания, чтобы его оценивали лишь по его собственным заслугам, Майлз сам посвятил последние тринадцать лет тому, чтобы выпотрошить лорда Форкосигана. Желал, чтобы в нем видели его самого, Майлза, а не сына своего отца, внука своего деда, вообще отпрыска одиннадцати поколений Форкосиганов. Приложив к этому столько усилий, нечего теперь удивляться, что он столь блестяще убедил всех, даже себя самого, что лорд Форкосиган… не в счет.

Нейсмит был одержим идеей победить любой ценой и чтобы его победу видели все.

Но Форкосиган… Форкосиган не имеет права сдаваться.

Это не совсем одно и то же, верно?

Не сдаваться – семейная традиция. На протяжении веков лордов Форкосиганов резали, стреляли, топили, топтали и сжигали заживо. Не так давно одного из них чуть не разорвали пополам, затем заморозили, вспороли, зашили и снова вытолкали в жизнь пропихивать себе дальнейший путь. Майлз подумал, не является ли легендарное упрямство Форкосиганов отчасти счастливой чертой? Не понятно только, плохой или хорошей. Может, один или два представителя Форкосиганов пытались сдаться, но упустили свой шанс, как в той байке о генерале, чьими последними словами якобы были: «Не волнуйтесь, лейтенант, противник никак не сможет вдарить по нам при той скорости, с которой мы бежим…»

О жителях Дендарийских гор ходила шутка, что они и хотели бы сдаться, но не нашли никого, достаточно грамотного, чтобы прочитать предложение цетагандийцев о сдаче, так что им пришлось воевать до победного конца. «Во мне гораздо больше от горца, чем я думал». Мог бы и раньше догадаться, с его-то скрытой любовью к кленовой медовухе!

Нейсмит мог демонстративно убить Форкосигана. Он мог лишить маленького лорда

всех мало-мальски притягательных человеческих черт и привязать к голой койке, холодной и стерильной. Нейсмит забрал всю его энергию, отнял время, нервы, ум, тембр голоса, даже сексуальность. Но с этого момента даже Нейсмит ничего больше не сможет. Горец, упрямый, как скалы, среди которых живет, не знает, как отступать. «Я тот, кому принадлежит Форкосиган-Вашнуй».

Майлз откинул голову и громко засмеялся, ощущая на языке металлический привкус дождевых капель.

– Милорд? – обеспокоенно позвал его Мартин.

Майлз кашлянул и потер лицо, пытаясь стереть зловещую улыбку.

– Извини. Просто я только что понял, почему до сих пор не занялся лечением. – А он-то думал, что это Нейсмит – хитрец. Последний Бастион Форкосигана, а? – И мне стало смешно.

На самом деле, просто уморительно. Подавив очередной смешок, Майлз поднялся.

– Вы ведь не станете пытаться снова туда войти? – с тревогой спросил Мартин.

– Нет. Не сразу. Сначала поедем в особняк Форкосиганов. Домой, Мартин.

* * *

Он еще раз принял душ, чтобы смыть с себя утренний налет тумана и городской пыли, но главным образом – чтобы соскрести противный запах позора. Он почему-то вдруг вспомнил обряд крещения у соотечественников его матери. Обернув вокруг талии полотенце, он облазил несколько шкафов и ящиков с одеждой, выложив все необходимое на кровать.

Свой мундир Форкосиганов он не надевал много лет, даже на День рождения императора и Зимнепраздник, предпочитая, как тогда ему казалось, более высокий статус настоящей военной формы, повседневной зеленой или красно-синей парадной. Он разложил коричневый мундир на постели – чистый, без всяких украшений и орденов. Проверил состояние кантов и вышитых серебром по вороту, на плечах и отворотах рукавов знаков семьи Форкосиган на предмет затяжек и потертостей, но какой-то аккуратный слуга, видимо, тщательно следил за состоянием мундира: все выглядело как новенькое. Темно-коричневые кавалерийские сапоги, извлеченные из чехла, тоже сияли новизной.

Графам и их наследникам, ушедшим в почетную отставку с государственной службы, по старой традиции дозволялось носить на фамильных мундирах боевые ордена и медали в знак признания официального и исторического статуса форов как «Мышцы Империи, Правой Руки Императора». Но никто никогда не называл форов «Мозгами Империи», сухо отметил про себя Майлз. Так почему же никто не провозгласил себя, скажем, «Желчным Пузырем Империи» или «Императорской Язвой»? Похоже, некоторые метафоры не стоит слишком уж тщательно изучать.

Майлз никогда еще не надевал одновременно все свои награды. Отчасти потому, что четыре пятых из них получил за тайные операции. А что за удовольствие носить ордена, о которых не можешь рассказать никакой захватывающей истории? А отчасти потому… Почему, собственно? Потому что они принадлежат адмиралу Нейсмиту?

Майлз церемонно разложил все свои награды на коричневом мундире в строго выверенном порядке. Медали «невезения», точь-в-точь такие же, как та, что получил Форберг, занимали целый ряд и еще часть следующего. А вообще самую первую награду он получил от правительства Вервана. А самую последнюю, хоть и несколько запоздало, – от благодарных мэрилакцев, переславших ее с курьером. Он любил тайные операции. Благодаря им он побывал в таких необычных местах. Он выложил пять барраярских Звезд Империи разных степеней. Степень зависела скорее от того, сколько пота стоило задание Иллиану, чем от того, сколько крови стоило оно Майлзу. Бронзовые означали, что его начальник лишь изгрыз ногти до второго сустава, золотые – что сглодал их аж до локтя.

Поколебавшись, он аккуратно разложил по воротнику цветную ленту, на которой висел

золотой орден «За Заслуги» – высшая награда Цетагандийской империи. На ощупь орден был холодным и тяжелым. Должно быть, Майлз один из немногих солдат за всю историю, удостоенных наградами обеих воюющих сторон… Хотя, если быть честным, орден «За Заслуги» он получил позже и, разнообразия ради, как лорд Форкосиган, а не как адмирал Нейсмит.

Когда все награды легли на свои места, впечатление получилось умопомрачительное.

А Майлз и не подозревал, сколько их у него!

«Пустим в ход всю артиллерию». Мрачно улыбаясь, он привинтил ордена к кителю. Он натянул белую шелковую рубашку, расшитые серебром подтяжки, коричневые брюки с серебряным кантом, обул сверкающие кавалерийские сапоги. Тяжелый китель он надел в последнюю очередь. Полученный от деда кинжал с печатью Форкосиганов на усыпанной драгоценными каменьями рукоятке аккуратно вложил в ножны и повесил на опоясывающий китель ремень. Причесавшись, Майлз отступил назад, чтобы разглядеть себя в зеркале во всем своем блеске.

«Становишься аборигеном, а?» Саркастический внутренний голос звучал все глуше.

– Если собираешься открыть банку со змеями, – произнес он вслух, – позаботься о том, чтобы иметь под рукой консервный нож.

Мартин, поглощенный изучением какого-то иллюстрированного журнала, заслышав топот сапог, поднял голову и замер с открытым ртом.

– Подгони машину к центральному входу, – холодно приказал Майлз.

– А куда мы едем, милорд?

– В Императорский дворец. Мне назначена встреча.

Глава 16

Грегор принял Майлза в спокойном уединении своего кабинета, расположенного в северном крыле дворца. Император сидел за комм-пультом, чем-то там занимаясь, и не поднял головы, когда мажордом объявил о приходе Майлза. Он набрал на клавиатуре код, выключил комм и поднял глаза на стоявшего перед ним мрачного невысокого мужчину в коричневом мундире.

– Ну ладно, Майлз, из-за чего весь сыр-бор… О Господи! – Грегор изумленно выпрямился. По мере того как он рассматривал вошедшего, брови его ползли все выше и выше. – Не думаю, чтобы я когда-либо видел тебя, специально вырядившимся фор-лордом.

– Полагаю, – заметил Майлз, – что это «специально» валит из меня, как дым из ушей. Готов поспорить, – обычно он заканчивал эту фразу «на мои серебряные Глаза Гора», – на все, что угодно, что с Иллианом все гораздо хуже, чем тебе сообщает Гарош.

– Его доклады довольно сжаты, – осторожно ответил Грегор.

– Ха! Значит, ты тоже это почувствовал. А говорил ли тебе Гарош хоть раз, что Иллиан требует меня?

– Нет… А он требует? И откуда тебе это известно?

– Я узнал об этом – как бы это сказать – из надежного анонимного источника.

– Насколько надежного?

– Чтобы предположить, что он накормил меня туфтой, нужно обвинить в маккиавелизме человека, которого я считаю чуть ли не болезненно прямолинейным. К тому же возникает проблема мотивации. Ну, давай скажем так, что он достаточно надежен с практической точки зрения.

– Насколько я понимаю, – медленно проговорил Грегор, – Иллиан в настоящий момент… Ну, скажем прямо, не в своем уме. Он требует массу невозможных вещей. Например, совершить п-в-переход к Ступице Хеджена, чтобы предотвратить воображаемое вторжение.

– Когда-то это было реальностью. Ты сам там был.

– Десять лет назад. Откуда ты знаешь, может, желание видеть тебя из этой же серии галлюцинаций?

– В том-то и дело. Я ничего не могу сказать, потому что мне не разрешают его увидеть. Никому не разрешают. Леди Элис тебе же говорила.

– Э-э-э, да…

– А теперь Гарош уже дважды не пустил меня. Сегодня утром пригрозил мне парализатором, если я не перестану действовать ему на нервы.

– И как сильно ты действовал ему на нервы?

– Ты, несомненно, можешь запросить – на твоем месте я бы затребовал – запись нашей с Гарошем последней беседы. Возможно, она тебя даже развлечет. Но, Грегор, я имею право видеть Иллиана. Не как его бывший подчиненный, а как сын своего отца. Здесь входят в силу обязательства фора, идущие вразрез с военной иерархией Службы безопасности. К их вящему огорчению, я уверен, но это – их проблемы. Я подозреваю… сам не знаю, что я подозреваю. Но я больше не могу сидеть и строить предположения.

– Ты думаешь, там что-то воняет?

– Не обязательно… – осторожно ответил Майлз. – Но иногда глупость может быть хуже злого умысла. Если результат поломки чипа хоть немного смахивает на мою криоамнезию, то Иллиан сейчас в аду. Заблудиться в своем собственном мозгу… Таким одиноким, как тогда, я не был никогда в жизни. И никто не пришел мне на помощь, пока не вмешался Марк. В лучшем случае Гарош неправильно взялся за дело из-за того, что нервничает и ему не хватает опыта, и поэтому нуждается в мягкой – а может, и не мягкой – встряске. А в худшем… Возможность сознательного саботажа наверняка приходила в голову и тебе. Даже если ты не обсуждал это со мной.

Грегор прокашлялся.

– Гарош меня об этом попросил.

– Прочитал наконец мое досье, да? – поколебавшись, спросил Майлз.

– Боюсь, что так. У Гароша очень… твердые понятия о лояльности.

– Ага, ну что же… Я ставлю под сомнение вовсе не его понятия о лояльности, а его здравый смысл. Я по-прежнему хочу туда.

– Повидать Иллиана? Думаю, что могу распорядиться. К тому же, по моим оценкам, уже пора это сделать.

– Нет, я хочу большего. Я хочу получить доступ ко всем относящимся к этому делу данным, медицинским и прочим. Я хочу надзора.

– Гарошу это не понравится.

– Гарош, я думаю, упрется рогом. А я не могу обращаться к тебе за помощью каждые пятнадцать минут. Я хочу получить конкретную власть. Я хочу, чтобы ты приписал ко мне Имперского Аудитора.

– Что?!

– Даже Имперская безопасность склоняется перед Имперским Аудитором. Аудитор имеет законное право затребовать все, что угодно, и Гарошу, как и любому другому, не останется ничего иного, кроме как рвать и метать – и вежливенько выдать требуемое. Аудитор говорит твоим Голосом. И им придется слушаться. Ты не можешь и дальше прикидываться, будто это дело не заслуживает вмешательства Аудитора.

– Ты прав, но… что, собственно, ты собираешься выискивать?

– Если бы я знал что, мне не пришлось бы искать. Все, что я знаю, это что у этой штуки, – он развел руками, – неправильная форма. Причины могут оказаться вполне банальными. Или нет. Не знаю. Но узнаю.

– И кого из Аудиторов ты хочешь получить?

– Хм-м… Могу я получить Форховица?

– Моего лучшего.

– Знаю. Думаю, что смогу с ним сработаться.

– К сожалению, он в данный момент на пути к Комарре.

– О! Надеюсь, ничего серьезного?

– Чисто превентивный шаг. Я послал его вместе с лордом и леди Форобио, чтобы было легче утрясти проблемы, могущие возникнуть с комаррской олигархией в связи с моей грядущей женитьбой. У него отменный талант дипломата.

– Хм-м… – Майлз колебался. Когда мысль об Аудиторе пришла ему в голову, он имел в виду именно Форховица. – Форлеснер, Валентайн и Форкаллонер несколько… консервативны.

– Боишься, что они станут на сторону Гароша?

– Хм-м…

Глаза Грегора весело блеснули.

– Есть еще генерал Форпарадис.

– Избави Бог!

Грегор задумчиво потер подбородок.

– Предвижу здесь маленькую проблему. Какого бы Аудитора я тебе ни дал, существует пятидесятипроцентная вероятность, что на следующее утро ты опять прибежишь ко мне, требуя второго, чтобы держать под контролем первого. На самом деле тебе вовсе не нужен Аудитор. Тебе нужен лишь щит, чтобы прикрывать тебя, пока ты будешь проводить собственное расследование.

– Ну… вообще-то да. Не знаю. Может быть… может быть, я смогу что-нибудь сделать и в компании Форпарадиса. – При одной лишь мысли о такой перспективе у него сердце ушло в пятки.

– Аудитор, – нравоучительно заявил Грегор, – это не просто мой Голос. Он – мои глаза и уши, зачастую в прямом смысле. Мой слухач. Существо, которое идет туда, куда не могу пойти я, и сообщает мне свои абсолютно независимые суждения. Ты, – тут губы Грегора изогнулись кверху, – обладаешь самым независимым суждением.

Сердце Майлза замерло. Конечно же, Грегор не собирается…

– Думаю, – продолжил Грегор – что избавлюсь от множества хлопот, если просто-напросто назначу тебя временным Имперским Аудитором. Со всеми полномочиями и ограничениями Девятого Аудитора. Все, чем ты имеешь право заниматься, должно быть так или иначе связано с делом, которое ты должен рассмотреть, в данном случае – с болезнью Иллиана. Ты не можешь отдавать приказ о казнях, и вряд ли тебе придется кого-нибудь арестовывать… ну, во всяком случае, я буду очень признателен, если эти аресты будут подкреплены крепкими доказательствами, достаточными для суда. От имперских аудиторов принято ожидать некоего – хм – традиционного декорума и осторожности.

– Что делаешь, то делай хорошо, – процитировал Майлз одно из любимых изречений графини Форкосиган.

Интересно, не светятся ли у него глаза? Во всяком случае, ощущение такое, что они горят, как угли.

Грегор тут же узнал источник цитирования и улыбнулся:

– Вот именно.

– Но, Грегор… Гарош поймет, что это липа.

– В таком случае, – мягко проговорил Грегор, – Гарош совершит опасную ошибку. – И добавил: – Мне тоже вовсе не нравилось, как идут дела, но, не имея возможности пойти туда сам, я не знал, что делать. А теперь знаю. Удовлетворил ли я вас, лорд Форкосиган?

– Ох, Грегор, ты даже представить себе не можешь, насколько! Работать под чьим-то руководством на протяжении целых тринадцати лет – было все равно что пытаться станцевать вальс со слоном. Медлительным, неповоротливым, готовым наступить на тебя в любой момент и втоптать в грязь. Так имеешь ли ты представление, насколько это приятно – хоть раз получить возможность станцевать на этом чертовом слоне, а не под ним?

– Так и думал, что тебе это понравится.

– Понравится? Да я чуть ли не в экстазе!

– Ты не очень увлекайся, – предупредил Грегор. В уголках его глаз появились веселые

морщинки.

– Не буду. – Майлз перевел дыхание. – Но… думаю, все пройдет отлично. Спасибо тебе. Я принимаю ваше поручение, мой сюзерен.

Грегор вызвал мажордома и послал его в хранилище дворца за официальными регалиями Имперского Аудитора: символической цепью и отнюдь не символической электронной печатью. Пока они дожидались возвращения слуги, Майлз рискнул забросить пробный шар.

– Аудиторы традиционно наносят свой первый визит без предупреждения. – И, не удержавшись, добавил: – Должно быть, немало развлекаются при этом.

– Я давно это подозревал, – согласился Грегор.

– Но я не испытываю ни малейшего желания попасть под луч парализатора, проходя в ворота СБ. Ты не думаешь, что тебе стоит лично связаться с Гарошем и известить о моем приходе?

– А ты этого хочешь?

– М-м-м… Не уверен.

– В таком случае… не будем нарушать традиции. – Голос Грегора приобрел холодный профессорский оттенок. – И посмотрим, что из этого выйдет.

Майлз замер, внезапно охваченный подозрением.

– Ты говоришь в точности, как моя мать. Что тебе известно такое, чего не знаю я?

– Чем дальше, тем больше я прихожу к выводу, что в настоящий момент знаю гораздо меньше тебя. Но… я думал о Гароше. Наблюдаю за ним. Не считая проблемы с Иллианом, с которой он, по вполне понятным причинам, заковырялся, он вроде бы довольно легко тянет на себе работу шефа Имперской безопасности. Если Иллиан… так и не поправится, рано или поздно мне придется решать, утверждать ли Гароша на этом посту, или назначить другого. И мне любопытно взглянуть, из какого материала он сделан. А ты будешь для него не самой простой задачей.

– Не пытаешься ли ты сказать, что хочешь дать ему возможность провалиться с треском?

– Лучше раньше, чем позже.

Майлз скривился:

– Но это работает и в обратную сторону, верно? Уж не даешь ли ты и мне шанс провалиться?

Губы Грегора искривились в легкой улыбке.

– Ну, скажем… различные точки зрения на проблему облегчают ее решение. – И добавил: – Я обдумывал возможность диверсий, как и естественного ухудшения нейронных связей Иллиана.

– И?..

– За диверсией должна была последовать какая-нибудь атака, скорее всего немедленно во время неразберихи, возникшей после кризиса Иллиана.

– Или, еще лучше, непосредственно до кризиса.

– Верно. Но ничего необычного, кроме – как бы это назвать? Заболевания, нездоровья? – самого Иллиана, не произошло.

– Нездоровье – хороший термин, – одобрил Майлз. – Заболевание имеет какую-то внутреннюю причину. Ранение – внешнюю. Ни то, ни другое слово я бы пока что не рискнул употребить.

– Пожалуй. Короче, ничего странного, кроме нездоровья Иллиана, не произошло.

«Разрушения Иллиана».

– Понятно, – кивнул Майлз. – Но мотивом могла послужить, скажем, личная месть. То есть не двухступенчатый заговор, а одноступенчатый.

– Не начал ли ты уже, часом, составлять список потенциальных подозреваемых?

Майлз застонал.

– Если принять во внимание не только политические мотивы, но и личные, это могли

сделать в отместку за все гадости, что Служба безопасности делала кому бы то ни было за последние тридцать лет. Причем не обязательно пропорционально нанесенному ущербу: кто-нибудь вполне мог взращивать свою ненависть долгие годы, хотя нанесенный лично ему вред ничтожно мал. Это не то, с чего нужно начинать, уж слишком большое поле деятельности. Я предпочитаю начать с чипа. Это во-первых. – Майлз прокашлялся. – Но все еще остается проблема, как избежать парализатора. Я не собирался в одиночестве отправляться в штаб-квартиру СБ. Предполагал, что со мной будет настоящий Аудитор, за которого можно спрятаться. Один из этих важных отставных адмиралов, к примеру. И я по-прежнему полагаю, что предпочитаю иметь свидетеля. Помощника, для пущей надежности. Он же – свидетель. Причем кого-то, кому я могу доверять и кому можешь доверять ты. Кто-то, обладающий высокой степенью доступа к секретным материалам, но не имеющий отношения к Службе безопасности.

– И у тебя уже есть кто-нибудь на примете? – спросил Грегор.

– О Господи! – как до него Грегор, воскликнул Айвен, уставясь на Майлза. – Это подлинник?

Он ткнул пальцем в тяжелую золотую цепь Имперского Аудитора. Толстые звенья скреплялись большими квадратными пластинами, на которых эмалью были изображены герб и девиз Форбарра. Цепь лежала на плечах и свисала на грудь. По прикидкам Майлза, весила она не меньше килограмма. На конце ее была электронная печать с выгравированным гербом Грегора.

– Хочешь попробовать содрать фольгу и съесть шоколадку? – сухо поинтересовался Майлз.

– Умф! – Айвен оглядел кабинет Грегора. Император сидел на краю стола с комм-пультом, болтая ногой. – Когда посыльный Грегора примчался сломя голову в Генштаб и выдернул меня с работы, я подумал было, что этот чертов дворец горит или что у матери сердечный приступ. Или что-то в этом роде. А оказывается, это всего лишь ты, братец?

– Отныне для тебя Братец – Лорд Аудитор.

– Скажи мне, что это шутка! – воззвал Айвен к Грегору.

– Нет, это правда, – разочаровал его Грегор. – И я хочу именно аудиторской проверки. Точнее, Мы, чтобы придать официальный характер. Мы не довольны ходом дела. Как вам известно, Имперский Аудитор может затребовать все, что хочет. Первое, что он затребовал, это помощника. Поздравляю.

Айвен закатил глаза.

– Ему нужен ишак, чтобы тащить его багаж, и первый осел, о котором он подумал, это я. Какая честь. Премного благодарен, Братец – Лорд Аудитор. Уверен, что это будет сплошное удовольствие.

– Айвен, – спокойно произнес Майлз, – нам предстоит проверить, как Служба безопасности ведет дело о недомогании Иллиана. Я не знаю, какой груз попрошу тебя тащить, но есть большая вероятность, что он окажется весьма взрывоопасен. И мне нужен ишак, на которого я могу положиться целиком и полностью.

– О! – Всю иронию Айвена как рукой сняло. Он насторожился. – Иллиан, значит? – Немного поколебавшись, он добавил: – Отлично. Давно пора развести кое у кого костер под задницей. Матери это понравится.

– Надеюсь, – искренне воскликнул Грегор.

Губы Айвена изогнулись, несмотря на серьезное выражение глаз.

– Ну-ну, Майлз. Должен заметить, она тебе идет. Мне всегда казалось, что тебе нужна цепь.

* * *

На этот раз Майлз приказал Мартину остановиться прямо перед центральными

воротами Имперской безопасности. Первыми по его приказу вылезли два императорских оруженосца в мундирах цветов Форбарра. Майлз кивком велел им стать по бокам от себя и двинулся к воротам. Айвен тащился следом, с интересом наблюдая за ходом событий. Майлз предоставил оруженосцам и Айвену первыми пройти сканирование.

– Добрый день, джентльмены, – сердечно приветствовал Майлз охранников, как только ритуал проверки завершился. Те, сощурившись, неуверенно нахмурились. Майлз понадеялся, что это от умственного напряжения. Он обратился к старшему сержанту:

– Пройдите, пожалуйста, к комму, и сообщите генералу Гарошу, что прибыл Имперский Аудитор. Я прошу и приказываю, чтобы он лично встретил меня у центральных ворот. Немедленно.

– А вы не тот самый парень, которого мы выкинули отсюда нынче утром? – обеспокоенно поинтересовался сержант.

Майлз холодно улыбнулся:

– Не совсем. – «С тех пор со мной произошли кое-какие изменения». Он вытянул пустые руки. – Обратите, пожалуйста, внимание, что я не пытаюсь войти. Я не собираюсь ставить вас перед дилеммой нарушить приказ или совершить государственную измену. Но я точно знаю, что путь от кабинета начальника Имперской безопасности до центральных ворот занимает около четырех минут. И на этом ваши проблемы закончатся.

Сержант удалился в караулку и быстро заговорил по комму. Когда он снова вышел, Майлз засек время.

– А теперь поглядим, что будет, как сказал бы Грегор.

Айвен закусил губу, но не проронил ни слова.

Наконец из дверей здания высыпала толпа в мундирах, возглавляемая Гарошем, уверенно шагавшим по сырым булыжникам. За ним по пятам следовал «летописец» – секретарь Иллиана.

– Четыре минуты двадцать девять секунд, – уголком губ шепнул Майлз Айвену. – Неплохо.

– Могу я теперь нырнуть в кусты и сбежать? – прошептал в ответ Айвен, глядя на прущую на них вооруженную толпу офицеров Имперской безопасности.

– Нет. И прекрати мыслить как подчиненный.

Майлз спокойно стоял, дожидаясь, пока Гарош остановится перед ним. Он позволил себе мгновение порадоваться, увидев потрясенное лицо генерала, когда тот разглядел все детали, но тут же забыл об этом. Это воспоминание он может полелеять и позже. Мысль о мучениях Иллиана заставляла его двигаться вперед.

– Добрый день, генерал.

– Форкосиган. Я же велел вам не возвращаться.

– Попробуйте еще раз, – мрачно посоветовал Майлз.

Гарош уставился на блестящую цепь, висящую на груди Майлза. Несмотря на присутствие оруженосцев Форбарры, которых он знал лично, генерал выдохнул:

– Это не настоящая!

– Подделка регалий Имперского Аудитора карается смертью, – ровно ответил Майлз.

Майлзу показалось, что он слышит, как вращаются шестеренки в голове Гароша. Медленно ползли секунды, затем Гарош произнес чуть надтреснутым голосом.

– Милорд Аудитор!

– Благодарю вас, – выдавил Майлз. Теперь, когда его новый статус официально признан и принят, можно приступать к дальнейшему. – Мой повелитель, император Грегор Форбарра, просит и требует, чтобы я провел аудиторскую проверку того, как Имперская безопасность справляется со сложившейся ситуацией. Я прошу и требую вашего сотрудничества при проверке. Не пройти ли нам теперь в ваш кабинет?

Брови Гароша сошлись на переносице. В глазах загорелся ироничный огонек.

– О, конечно. Милорд Аудитор.

Майлз отпустил оруженосцев Грегора, приказав Мартину отвезти их обратно во

дворец, и проследовал за Гарошем в здание.

Бесцветный фильтрованный воздух в кабинете Иллиана навевал воспоминания. В этой комнате Майлз стоял или сидел сотни раз, получая приказы или отчитываясь за их выполнение. Здесь он бывал очарован, возбужден. Ему бросали вызов. Иногда торжествовал, иногда признавался в поражении, иногда страдал. Сильно страдал. Эта комната была центром, вокруг которого вращался его мир. Теперь все ушло. Майлз занял привычное место напротив стола Иллиана, но теперь власть исходила от него.

Гарош собственноручно притащил для него стул. Чуть подождав, Айвен сам сходил себе за стулом и сел рядом с Майлзом. Гарош уселся за стол Иллиана, сложил руки «домиком» и с любопытством уставился на Майлза.

Майлз, наклонившись вперед, уперся правой рукой в поверхность стола.

– Ну хорошо. Как вы уже, должно быть, догадались, Грегор серьезно недоволен тем, как ваша организация справляется с проблемой нездоровья Иллиана. Таким образом, вот что я от вас хочу и в какой последовательности. Первое: я хочу увидеть Иллиана. Затем хочу переговорить со всем обслуживающим его медицинским персоналом. Я хочу, чтобы они принесли все наработанные материалы и были готовы проинформировать меня. Потом… я соображу, что потребуется еще.

– Вы, безусловно, можете рассчитывать на мое полное сотрудничество… Милорд Аудитор.

– Теперь, когда мы перешли к делу, можете отбросить формальности.

– Но вы поставили меня перед дилеммой.

И хоть на секундочку на грань инфаркта, понадеялся Майлз. Но нет, сейчас не время для развлечений.

– Вот как?

– Преждевременно обвинять кого-либо в диверсии в связи с поломкой чипа Иллиана до тех пор, пока эта поломка не выявлена. Можно оказаться в очень неловкой ситуации, если причина окажется естественного происхождения.

– Я тоже отдаю себе в этом отчет.

– Да, наверное. Но я обязан думать о будущем. Вообще-то это моя работа. Так что у меня имеется маленький список, который я держу пока про запас в ожидании каких-нибудь данных, позволяющих пришпилить его к реальности.

– Лишь маленький список?

– Иллиан всегда разделял списки на большой и малый. Своего рода сортировка, я полагаю. Кажется, неплохая система. Ну так вот, в моем малом списке вы – почти в самом начале.

– О! – Внезапно Майлз понял, почему Гарош так враждебно к нему настроен.

– А теперь вы сделали себя неприкосновенным, – добавил генерал.

– Полностью фраза должна звучать «неприкосновенным занудой-фором», – не удержавшись, уточнил Майлз. – Понимаю…

Это было то самое унизительное обвинение, которое он опасался услышать, бросаясь на помощь Иллиану. Что ж… очень плохо.

Они молча смотрели друг на друга через темную поверхность стола. Гарош продолжил:

– Таким образом, меньше всего на свете я хочу пропустить вас к Иллиану, где вы можете предпринять вторую попытку. Но теперь, похоже, я вынужден это сделать. Только прошу формально отметить, что делаю это вопреки своей воле. Милорд Аудитор.

– Отмечено. – Во рту Майлза пересохло. – Имеется ли у вас подходящий мотив, которым я якобы руководствовался, а также мои возможности и использованный мною пока-что-не-существующий способ?

– Разве не очевидно? – Гарош развел руками. – Иллиан покончил с вами. Внезапно. Разрушил вашу карьеру.

– Иллиан, в первую очередь, меня создал. И у него есть право уничтожить меня. А с

учетом всех обстоятельств, – Майлз по глазам Гароша видел, что тот полностью в курсе дела, – он был практически обязан это сделать.

– Он покончил с вами за подделку рапортов. Документальный факт, который я также прошу формально отметить, милорд Аудитор. – Гарош глянул на Айвена, сохранявшего великолепную невозмутимость – своего рода защита, которую он совершенствовал всю жизнь.

– Один рапорт. Один раз. И Грегору об этом известно. – Майлз чуть ли не физически ощутил, как под ним колеблется почва. И он считал этого человека тупицей? Майлз терял преимущество почти так же быстро, как набрал. Но, сжав зубы, он подавил желание оправдываться, объяснять, протестовать, извиняться. Он не должен позволить отвлечь себя от цели.

– Я вам не доверяю, лорд Форкосиган.

– Ничем не могу помочь. Я могу быть отозван только императором, который меня назначил, или решением двумя третями голосов на совместном заседании Совета графов и Совета Министров в полном составе. А это вам вряд ли удастся организовать.

– Тогда, возможно, мне следует пойти к Грегору и попросить назначить другого Аудитора.

– Можете попытаться.

– Ха! Вот и ответ. Даже если бы вы были виновны… Я начинаю сомневаться, что мне удалось бы что-нибудь сделать в этом случае. Император – единственный, к кому можно было бы апеллировать, но, похоже, вы уже прибрали его к рукам. Может ли попытка отстранить вас оказаться фатальной для карьеры?

– Ну… Если бы мы с вами поменялись местами, я бы не отступил, пока не приколотил бы вас к стенке самыми большими гвоздями, какие окажутся под рукой. – Чуть помолчав, Майлз добавил: – Но если после моего визита к Иллиану последует второй «выстрел»… Можете быть уверены, что я тщательнейшим образом вычислю траекторию «пули».

Гарош испустил глубокий вздох.

– Это преждевременно. Я буду доволен больше всех, если медики в конечном счете диагностируют естественные причины. Это избавит от кучи неприятностей.

Майлз нехотя согласился:

– Вот тут вы правы, генерал.

Они посмотрели друг на друга с некоторой долей сдержанного уважения. В конце концов Майлз почувствовал, что он, пожалуй, испытывает облегчение, а не нервничает. Гарош, несомненно, не постеснялся расставить точки над «i». Может, рано или поздно они и сработаются?

Гарош внимательно изучал «иконостас» на кителе Майлза и вдруг неожиданно жалобным тоном спросил:

– Форкосиган, скажите – это действительно цетагандийский орден «За Заслуги»?

– Угу.

– А остальное?

– Я не вычищал ящик стола моего отца, если вы это имеете в виду. Все зафиксировано в моем досье. И вы – один из немногих, кто не обязан верить мне на слово.

– Хм. – Брови Гароша приподнялись. – Что же, милорд Аудитор, делайте свое дело. Но я буду за вами присматривать.

– Вот и отлично.

Майлз побарабанил пальцами по столу и поднялся. Айвен вскочил следом.

В коридоре, по дороге в клинике СБ, Айвен пробормотал:

– Никогда еще не видел генерала, отбивающего чечетку сидя.

– По мне, это больше напоминало менуэт на минном поле.

– Удовольствие наблюдать, как ты напустил на него маленького адмирала, стоило неприятностей на входе.

– Что?! – Майлз остолбенел.

– А разве ты не этого хотел? Ты же действовал в точности как тогда, когда изображал адмирала Нейсмита, только без бетанского акцента. Полный вперед, никаких задержек. Мирные жители разбегаются, спасая жизнь. Полагаю, ты думаешь, что ужас мне полезен, прочищает артерии или что-то в этом роде.

Неужели награды адмирала Нейсмита – своего рода волшебный талисман?

– А себя ты считаешь мирным жителем? – беззаботно поинтересовался Майлз.

– Стараюсь по мере сил, – вздохнул Айвен.

Воздух в клинике, которая занимала вместе с лабораториями целый этаж в Имперской безопасности, был насыщен знакомыми ароматами. Майлз ощутил их, едва шагнув на порог. Очень неприятные больничные запахи. Он и сам провел здесь немало дней, в первый раз попав сюда с пневмонией, полученной в результате переохлаждения, а в последний – на медкомиссии. Той самой, после которой отправился спасать Форберга. От местных запахов его пробирала дрожь.

Все четыре отдельные палаты, кроме одной, пустовали и стояли темные и открытые. А перед закрытой стоял суровый часовой.

Полковник СБ с нашивками медика, задыхаясь, подлетел к Майлзу:

– Милорд Аудитор! Я – доктор Рубан. Чем могу быть полезен?

Рубан был невысоким и круглолицым. Густые брови, сросшиеся на переносице, придавали ему вечно озабоченный вид.

– Расскажите мне об Иллиане. Нет, лучше проведите меня к Иллиану. Поговорим после.

– Сюда, милорд.

Врач жестом велел охраннику отойти и провел Майлза в палату без окон.

Иллиан лежал на спине, наполовину прикрытый простыней. Руки и ноги его были привязаны тем, что медики называют «мягкими оковами». Он тяжело дышал. Возможно, он под действием транквилизаторов? Открытые глаза Иллиана смотрели вверх мутным и рассеянным взглядом. Темная щетина покрывала обычно гладко выбритый подбородок. В теплой палате воняло потом и прочими выделениями. Майлз потратил неделю, пробиваясь сюда всеми правдами и неправдами, прибегнув к экстремальным мерам, на которые никогда бы не осмелился при других обстоятельствах. Но теперь ему хотелось лишь поджать хвост и убежать.

– Почему он голый? – спросил Майлз. – Он что, без сознания?

– Нет, – ответил Рубан. – Из-за процедур.

Майлз не заметил ни капельниц, ни катетеров.

– Каких процедур?

– Ну, в данный момент никаких. Но с ним не так легко справиться. А все время одевать и раздевать его, помимо всего прочего… представляет определенную проблему для персонала.

Похоже. У охранника, стоявшего теперь внутри палаты, багровел под глазом роскошный синяк, у самого Рубана были разбиты губы.

– Понимаю…

Он заставил себя подойти ближе и опустился на колено у изголовья постели.

– Саймон? – неуверенно позвал он.

Иллиан повернул голову. Мутные глаза, моргнув, сфокусировались, и в них загорелся огонек узнавания.

– Майлз! Майлз! Слава Богу, ты здесь. – Голос его зазвенел от напряжения. – Жена лорда Форвана с детьми – тебе удалось спасти их? Коммодор Ривек в Четвертом секторе начинает неистовствовать.

Майлз понял, о чем речь. Это задание он выполнял пять лет назад.

– Да. Обо всем позаботились. Мы их вытащили в целости и сохранности.

Он получил за эту операцию золотую звезду. Сейчас она висела третьей слева во втором ряду у него на груди.

– Хорошо. Хорошо. – Иллиан, вздохнув, откинулся назад. Потрескавшиеся губы шевелились. Потом он снова открыл глаза, и вновь в них зажглось узнавание. – Майлз! Слава Богу, ты здесь. – Он пошевелил руками, но не смог их сдвинуть из-за ремней. – Это еще что? Сними это с меня.

– Саймон, какой сегодня день?

– Завтра День рождения императора. Или сегодня? Ты одет соответствующе… Я должен там быть.

– Нет, – мягко возразил Майлз. – День рождения императора был несколько недель назад. Твой чип памяти разладился. И тебе придется оставаться тут, пока не выяснят, что с ним произошло, и не починят.

– О!

Четыре минуты спустя Иллиан повернул голову к Майлзу. Губы его сердито сжались.

– Майлз, какого черта ты тут делаешь? Я отправил тебя на Тау Кита! Ну почему ты вечно не выполняешь приказы?

– Саймон, твой чип памяти разладился.

Иллиан засомневался:

– Какое сегодня число? Где я?

Майлз терпеливо повторил все заново.

– О Боже, – прошептал Иллиан. – Ах он, сволочь.

И тихо лег с удрученным выражением на лице.

Минут через пять Иллиан глянул на него.

– Майлз! Какого черта ты тут делаешь?

«Вот дерьмо!» Майлз встал и некоторое время ходил по палате. «Я не знаю, на сколько меня хватит». Тут он сообразил, что доктор Рубан внимательно за ним наблюдает.

– И так вот всю неделю? – спросил Майлз у врача.

Рубан покачал головой:

– Нет, имеется определенный прогресс. Его… как бы мне описать… Периоды временного помутнения становятся все чаще. В первый день я зафиксировал всего шесть. А вчера они шли по шесть в час.

А сегодня вдвое чаще. Майлз вернулся к Иллиану. Тот посмотрел на него, и лицо его засветилось.

– Майлз? Что за чертовщина здесь творится?

Майлз терпеливо повторил все заново. Он понял – не имеет значения, что он твердит одно и то же. Иллиану не надоест. Через пять минут он уже ничего не помнит.

В следующий раз Иллиан грозно нахмурился:

– Кто вы такой, черт побери?

– Майлз. Форкосиган.

– Ерунда! Майлзу всего пять лет.

– Дядя Саймон. Посмотри на меня.

Иллиан заботливо посмотрел на него, затем прошептал:

– Будь осторожен. Твой дед хочет тебя убить. Доверяй Ботари.

– Ох, я доверяю, – вздохнул Майлз.

Три минуты спустя:

– Майлз? Какого черта тут творится? Где я?

Майлз покорно начал все снова.

Охранник с подбитым глазом заметил:

– Почему он вам каждый раз верит? Нам он верит в лучшем случае один раз из пяти. Остальные четыре пытается нас убить.

– Не знаю, – ответил Майлз, чувствуя себя выжатым как лимон.

И снова:

– Майлз! Форберг нашел тебя!

– А?.. – Майлз немедленно выпрямился. – Саймон, какое сегодня число?

– Боже, не знаю. Мой гребаный чип развалился напрочь. В моей голове сплошной бедлам. Я от этого с ума схожу. – Он крепко ухватил Майлза за руку и напряженно посмотрел ему прямо в глаза. – Я не могу этого вынести. Эту штуку починить невозможно… Поклянись, что перережешь мне глотку. Не позволяй этому длиться вечно. Сам я не смогу этого сделать. Поклянись! Дай слово Форкосигана!

– Господи, Саймон, я не могу пообещать такое!

– Ты должен! Ты не можешь оставить меня так мучиться вечно. Поклянись!

– Я не могу… – прошептал Майлз. – Ты… ради этого посылал за мной Форберга?

Лицо Иллиана вновь изменилось, отчаяние сменилось недоумением.

– Кто такой Форберг? – Затем с подозрением: – А ты кто такой?

Иллиан выдернул руку.

Майлз выдержал еще пять приступов и вышел в коридор. Прислонившись к стене, он опустил голову и стоял так, пока дурнота не отступила. Его трясло, спазмы пробегали по всему телу. Доктор Рубан ждал. Айвен тоже воспользовался моментом и вышел в коридор, тяжело дыша.

– Теперь вы видите, с чем нам пришлось столкнуться.

– Это… это непристойно. – Майлз говорил едва слышно, но Рубан отшатнулся. – Рубан. Вы его вымоете. Побреете. Вернете одежду. У него дома полно гражданской одежды, я это точно знаю.

Может, если Иллиан примет человеческий облик, они перестанут с ним обращаться, как с животным?

– Милорд, – возразил полковник, – я не могу просить моих людей еще раз рисковать зубами. Но если вы останетесь, мы попробуем. Вы – единственный, кого он не пытался прикончить.

– Да, конечно, останусь.

Майлз присутствовал при процедуре одевания. Похоже, наличие знакомого человека действовало на Иллиана умиротворяюще. Значит, нужно, чтобы с ним сидели люди, которых он давно знает. Тогда в любое время суток, когда бы он ни открыл глаза, он увидит знакомое лицо. Человека, которому он может верить.

Получив обратно одежду, Иллиан сидел на стуле и ел с принесенного одним из охранников подноса. Видимо, это первая еда за последние пару дней, которую он не пытался превратить в метательное оружие.

В дверях появился офицер и что-то сказал Рубану.

– Совещание, о котором вы просили, созвано, милорд Аудитор, – сообщил Рубан Майлзу. Заискивающему тону Майлз, судя по всему, был обязан не только своему статусу, потому что врач с надеждой спросил: – А после вы вернетесь?

– О, безусловно! А пока… – Взгляд Майлза упал на Айвена.

– Я предпочел бы нагишом заряжать лазерную пушку, чем оставаться здесь, – спокойно сообщил Айвен.

– Учту, – кивнул Майлз. – А пока – оставайся с ним до моего возвращения.

– Угу. – Айвен плюхнулся на стул, с которого только что встал Майлз.

Следуя за Рубаном к двери, Майлз услышал голос Иллиана, для разнообразия любезный, а не взволнованный.

– Айвен, дурак ты эдакий, что ты тут делаешь?

Глава 17

Конференц-зал клиники был неотличим от всех прочих конференц-залов Службы безопасности, в которых Майлзу за долгие годы довелось провести немало часов. На черном столе стоял проектор головидео с пультом управления, походившим на навигационный

пульт прыжкового корабля. Вокруг стола стояли пять стульев, три из которых были заняты. Когда Майлз вошел, сидящие вскочили и замерли по стойке «смирно». При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что все присутствующие – в чине не ниже полковника, кроме самого Майлза. Вещь вполне обычная для Форбарр-Султана. В Генштабе, где служил Айвен, ходила шуточка, что полковники бегают за кофе.

Нет, он не ниже и не выше их по чину, напомнил себе Майлз. Он – в стороне. Хоть и было заметно, что медики привыкли общаться с генералами и адмиралами, с Имперским Аудитором они явно сталкивались впервые. Последний раз Имперская безопасность подвергалась аудиторской проверке пять лет назад, и касалось это финансовой деятельности. Тогда Майлз был на другой стороне, поскольку аудиторов несколько удивили затраты на дендарийских наемников. Расследование имело опасную политическую подоплеку, и из дерьма его тогда вытащил Иллиан.

Рубан представил своих коллег. Сам Рубан был невропатологом. Следующим, а может, и первым, по значимости шел контр-адмирал доктор Авакли, биокибернетик. Авакли входил в группу врачей, которые вживляли всем барраярским пилотам прыжковых кораблей мозговые имплантаты, и это была единственная на Барраяре технология, имеющая хоть что-то общее с чипом, вживленным Иллиану. Авакли в отличие от кругленького Рубана был высоким, худощавым, суровым, уже начинающим лысеть. Майлз понадеялся, что последнее – признак высокого интеллекта. Двое других оказались помощниками Авакли.

– Благодарю вас, господа, – произнес Майлз, когда процедура знакомства завершилась. Он сел, за ним сели и остальные. Кроме Рубана, явно выбранного спикером.

– С чего вы хотите, чтобы я начал, милорд Аудитор? – спросил Рубан.

– Э-э-э… С самого начала.

Рубан послушно принялся перечислять длинный список произведенных исследований, подкрепляя свой рассказ видеопоказом данных и результатов.

– Прошу прощения, – через несколько минут перебил его Майлз. – Наверное, я не совсем точно выразился. Можете пропустить все отрицательные результаты. Давайте только положительные.

Повисла короткая пауза, затем Рубан сказал:

– Короче, никаких признаков неврологических нарушений я не обнаружил. Физиологический и психологический стрессы, достаточно сильные, по моему мнению, являются скорее следствием, чем причиной биокибернетического срыва.

– Вы согласны с таким заключением? – спросил Майлз у Авакли. Тот кивнул, хоть и слегка поджав губы, что, видимо, должно было означать, что человеку вообще-то свойственно ошибаться. Авакли с Рубаном обменялись кивками, и Авакли сменил невропатолога у пульта головидео.

Авакли дал изображение внутренней структуры чипа. Майлз облегченно вздохнул. У него были некоторые опасения, что медицинская служба Имперской безопасности за тридцать пять лет утратила справочник пользователя, но у врачей, похоже, имелась масса сведений об имплантате Иллиана. Чип представлял собой чрезвычайно сложный сандвич из органических и неорганических молекулярных слоев, около семи сантиметров шириной и полсантиметра толщиной, установленный вертикально между двумя долями мозга Иллиана. По сравнению с ним имплантат прыжкового пилота казался просто детской игрушкой. Наиболее сложным являлся участок, отвечающий не за сбор, а за выдачу информации, хотя и тот и другой являлись самообучающейся системой, которая начинала работать после вживления чипа.

– Повреждение затронуло органическую или неорганическую часть? Или обе? – спросил Майлз у Авакли.

– Органическую, – решительно ответил врач. – Почти наверняка.

Авакли относится к тем ученым, которые никогда не говорят того, в чем не уверены, – понял Майлз.

– К сожалению, – продолжил Авакли, – чип не может быть отключен. Там нет никакого

выключателя. Только тысячи и тысячи нейронных нитей, покрывающих всю поверхность.

Ничего удивительного. Ведь император Эзар рассматривал чип как сверхнадежное хранилище данных.

– Так… Я всегда считал, что чип работает параллельно с обычной памятью Иллиана. Он ведь не заменяет ее, верно?

– Совершенно верно, милорд. Субъекты, подвергшиеся такой операции, обладают двойной памятью о событиях. И это, судя по всему, является основным фактором возникновения у них в дальнейшем шизофрении. Своего рода внутренний дефект. Причем не чипа, а человеческого мозга.

Рубан кашлянул, вежливо выражая несогласие с этой теорией.

Должно быть, Иллиан – прирожденный шпион. Держать в голове больше одной реальности и не сойти с ума – несомненно, признак величайших шпионских способностей.

Авакли продолжил глубоко научный рассказ о трех предложенных способах возможного отключения чипа. Все они выглядели недоработанными и не гарантировали успешного результата. Сам Авакли, описывая их, вовсе не выглядел довольным и исполненным энтузиазма. Все они требовали многочасовых микронейрохирургических операций. Рубан постоянно кривился.

– Итак, – перебил наконец Майлз, – что случится, если вы извлечете чип?

– Пользуясь обычной терминологией, – ответил Авакли, – это приведет к шоку и смерти. Ясно, что последствия такой операции должны быть именно таковы, чтобы предотвратить… э-э-э… кражу.

Верно. Майлз представил себе Иллиана, со вскрытой головой, оставленного умирать… Кто-то когда-то тоже, видимо, представлял себе нечто подобное. Поколение Эзара – сплошные параноики.

– Чип невозможно изъять в целости из его органической матрицы, – продолжил Авакли. – Во всяком случае, шансы извлечь из него потом информацию минимальны.

– А если не извлекать?

– Протеиновые цепи не выказывают признаков замедления распада.

– Иначе говоря, выражаясь научным языком, чип превращается в месиво в голове Иллиана. Адмирал Авакли, что, по вашему мнению, послужило причиной поломки чипа?

Авакли нахмурился:

– Саморазрушение от старости или какая-то химическая или биологическая атака. Для того, чтобы подтвердить вторую версию, мне нужно разобрать чип на части.

– Так… значит, нет никакой возможности снять чип, починить и поставить на место.

– Именно так.

– И вы не можете починить его in situ,[4] не зная точной причины расстройства, которую вы не можете определить, не вынимая чип для детального изучения. Что ведет к разрушению последнего.

Авакли поджал губы и холодно кивнул, соглашаясь с кратким изложением сути вопроса.

– Боюсь, о починке и речи быть не может. Я пытался разработать схему постепенного отключения системы.

– В таком случае, – продолжил Майлз, – вы неправильно поняли смысл моего первого вопроса. Я хочу знать, что будет с Иллианом, если чип извлечь.

Авакли жестом, как бы перебрасывая мяч, переадресовал вопрос Рубану.

– С уверенностью мы ничего сказать не можем… – протянул Рубан.

– Но шансы оценить вы можете? Не превратится ли он снова, я имею в виду в смысле памяти, в двадцатисемилетнего?

– Нет, не думаю. Извлечение чипа без попыток сохранить сам чип – довольно простая

---

[4] в месте нахождения (*лат* .).

операция. Но мозг – штука сложная. Например, мы не знаем, как за тридцать пять лет мозг выстроил свои естественные цепочки вокруг имплантата. Плюс чисто физиологические проблемы. То, что позволяло Иллиану – что бы это ни было – жить с чипом в голове и не сойти с ума, придет в состояние дисбаланса.

– Что-то вроде того, как… отбросить костыли и обнаружить, что ноги атрофировались?

– Приблизительно так.

– И какой же вред будет нанесен? Большой? Маленький?

Рубан беспомощно пожал плечами.

– И экспертов по этой мерзкой технологии пока еще не нашли?

– Пока нет. На это может уйти несколько месяцев.

– И все это время, – мрачно хмыкнул Майлз, – если я правильно понимаю, чип будет разваливаться дальше, и Иллиан либо навсегда утратит разум, либо умрет от истощения.

– Э-э-э… – протянул Рубан.

– Если подвести итог, то именно так, как вы сказали, милорд, – отрубил Авакли.

– Тогда почему вы до сих пор не вытащили эту чертову штуковину?

– Мы получили приказ, милорд, сохранить чип, – ответил Авакли. – Или, на худой конец, извлечь максимальное количество хранимой в нем информации.

Майлз потер подбородок и, немного помолчав, спросил:

– Почему?

Брови Авакли поползли вверх.

– Насколько я понимаю, имеющиеся в нем данные чрезвычайно важны для Службы безопасности и Империи.

– Неужели? – Майлз, наклонившись, уставился в цветную голограмму кошмарного приспособления, находящегося в мозгу Иллиана. – Этот чип имплантировали вовсе не с целью сделать из Иллиана супермена. Это была просто любимая игрушка императора Эзара, которому льстило иметь ходячий видеомагнитофон. Хотя, готов признать, Иллиана это вполне устраивало. Придавало ему эдакую ауру непогрешимости, которая пугала кучу народа. Но все это ерунда, и он сам это прекрасно знает, даже если остальные – нет. Чип, по большому счету, не имеет никакого отношения к управлению Службой безопасности. Он получил эту должность, потому что был рядом с отцом, когда мятежники Фордариана убили его предшественника, капитана Негри, и мой отец хорошо к нему относился и доверял ему. Тогда не было времени на поиски талантов, в разгар гражданской войны. Так что из всех качеств, благодаря которым Иллиан стал лучшим главой Имперской службы безопасности, чип… наименее важный. – Голос Майлза упал почти до шепота. Авакли и Рубан вынуждены были наклониться к нему. Майлз прокашлялся и выпрямился.

– В чипе имеется четыре вида информации, – продолжил Майлз. – Старая и никому не нужная. Свежая, которая продублирована – Иллиан всегда был вынужден действовать, исходя из предпосылки, что в любой момент может умереть или его убьют, поэтому Гарошу или кому-нибудь еще придется срочно заступать на его место. Затем всякая ерунда, сведения личного порядка, не предназначенные ни для кого, кроме самого Иллиана. А может, даже и ему не нужные. Тридцатипятилетний учет принятых ванн, съеденных блюд, переодеваний и прочего. Несколько половых актов – не очень много, полагаю. Уйма плохих романов и фильмов. Короче, вся жизнь за тридцать пять лет. И всего этого гораздо больше, чем ценных сведений. И десяток тайн, о которых не знает больше никто. И возможно, и не должен знать.

– Что вы хотите, чтобы мы сделали, милорд Аудитор? – спросил Рубан, нарушив молчание, повисшее после этого монолога.

«Ты хотел власти, мальчик, ты ее получил». Майлз вздохнул.

– Я хочу поговорить еще кое с кем. А пока… подготовьте все необходимое для извлечения чипа. Оборудование, безусловно, но прежде всего специалиста. Я хочу, чтобы это был лучший врач, которого можно заполучить, не важно, сотрудник он СБ или нет.

– Когда начинать, милорд? – поднялся Рубан.

– Мне бы хотелось, чтобы вы закончили через два часа. – Побарабанив пальцами по

столу, Майлз встал. – Благодарю вас, господа. Все свободны.

Майлз связался с Грегором прямо из клиники.

– Так ты нашел, что хотел? – поинтересовался Грегор.

– Я ничего этого не хотел. Но определенного успеха я добился. Уверен, ты не удивишься, услышав, что проблема не с мозгом Иллиана, а с этим чертовым чипом. Он выдает полную околесицу. Примерно каждые пять минут он выбрасывает новый пакет воспоминаний из разных периодов прошлого. Впечатление… жуткое. Причина неизвестна, починить его они не могут. Извлечение чипа повлечет потерю всех имеющихся в нем сведений. А оставить его на месте – значит уничтожить Иллиана. Понимаешь, к чему я веду?

– К извлечению чипа, – кивнул Грегор.

– По-моему, другого выхода нет. И это должно было быть… ну, если уже не сделано, то по крайней мере предложено и подготовлено все необходимое. Проблема в том, что Иллиан не в том состоянии, чтобы дать согласие на операцию.

– Понятно.

– Кроме того, они не знают, какие могут быть последствия. Полное выздоровление, частичное, изменение личности, полное разрушение – они гадают на кофейной гуще. Короче, я пытаюсь тебе объяснить, что ты можешь не получить обратно своего шефа Имперской безопасности.

– Понимаю.

– Теперь скажи, есть ли на чипе что-то такое, что бы тебе хотелось сохранить и о чем я не знаю?

Грегор вздохнул:

– Наверное, только твой отец может ответить на этот вопрос. И за пятнадцать лет, с тех пор как я достиг совершеннолетия, он не счел нужным мне что-либо рассказать. Похоже, старые тайны должны таковыми и остаться.

– Теперь Иллиан – твой человек. Вы даете согласие на извлечение чипа, сир?

– А вы рекомендуете именно это, мой Аудитор?

Майлз вдохнул и выдохнул:

– Да.

Грегор задумчиво пожевал губу, затем принял решение.

– Тогда пусть мертвые остаются мертвыми. Будем смотреть в будущее. Делай.

– Слушаюсь, сир.

Майлз выключил комм.

На сей раз Майлза пропустили в кабинет Гароша – Иллиана без звука. Гарош, изучая что-то на комме, жестом указал ему на стул. Майлз перевернул стул и сел верхом, сложив руки на спинке.

– Ну, милорд Аудитор, – повернулся к нему Гарош, выключив комм, – полагаю, мои подчиненные оказали вам полное содействие.

Иллиану ирония удавалась лучше, но стоит отдать Гарошу должное за попытку.

– Да, благодарю вас.

– Признаю, что недооценил вас. – Гарош указал на комм. – Я видел, как вы летаете туда-сюда все эти годы, и подозревал, что вы – оперативник, специалист по тайным операциям. Но я и представления не имел, какой именно и по каким операциям. Неудивительно, что вы были любимчиком Иллиана. – Теперь взгляд, которым он окинул награды Майлза, был скорее оценивающим, чем пораженным.

– Читали мое досье, да? – Майлз не желал уступать Гарошу.

– Просмотрел сводки и некоторые аннотации Иллиана. На изучение всего потребуется неделя. А в настоящий момент я свободным временем не располагаю.

– Да, пожалуй. Я только что говорил с Грегором. – Майлз помолчал. – Мы приняли решение извлечь чип.

Гарош вздохнул:

– Я надеялся, что этого удастся избежать. Это так несвоевременно и нанесет такой… урон.

– Никакой урон не будет хуже того, что происходит сейчас. Кстати, Иллиану определенно с самого начала требовалось присутствие кого-то хорошо знакомого, это его успокаивает. И безусловно, сильно снижает его воинственность. Тогда отпала бы необходимость в транквилизаторах. И в унизительных ремнях. Не говоря уже о привлечении охранников.

– Вначале я не знал, с чем мы имеем дело.

– М-м-м… Но было ошибкой оставлять его одного в таком состоянии.

– Я… признаю, что не ходил в клинику, чтобы посмотреть все самому. Первый день был не самым простым, прямо скажу.

«Вполне понятное поведение, хоть и трусливое».

– Нам с Айвеном удалось добиться многого одним своим присутствием. И я подумал о другом человеке, который может сделать еще больше. Полагаю, леди Элис Форпатрил должна побыть с ним, пока готовят операцию.

Гарош нахмурился:

– Вы с лейтенантом Форпатрилом являетесь, или были, приведенными к присяге военными. А она – гражданское лицо и из-за принадлежности к женскому полу не может быть приведена к присяге.

– Но тем не менее она весьма значительная личность. Если возникнет необходимость, я сам, как Аудитор, прикажу разрешить ей доступ, но я хотел дать вам шанс исправить ошибку. Помимо всего прочего, вы должны понимать, что как официальная сваха Грегора и его ближайшая родственница она будет заниматься организацией императорской брачной церемонии. Вы в этот момент еще можете быть исполняющим обязанности начальника Службы безопасности. И вам придется с ней общаться по вопросам безопасности… это же очевидно. Императрица Лаиса, возможно, потом захочет внести изменения, но пока леди Элис, представительница старой гвардии, отвечает за все. Это форский обычай. Военные, с достойным восхищения упорством стараясь поставить заслуги впереди кровных уз, тратят массу времени, прикидываясь, что институт форов – фикция. А форы, за безопасность и хорошее поведение которых вы будете нести особую ответственность, пока сидите за этим столом, тратят как минимум столько же энергии, доказывая, что институт форов – реальность.

Брови Гароша поползли вверх.

– Так кто же из них прав?

– Моя мать сказала бы, что это схватка двух конкурирующих фантазий, – пожал плечами Майлз. – Но какого бы мнения вы ни придерживались о достоинствах и недостатках института форов – а у меня, например, имеется ряд соображений по данному вопросу, которые я не стал бы излагать перед Советом графов, – это система, которую мы с вами оба поклялись поддерживать. Форы действительно являются мощью Империи. Если вас это не устраивает, можете эмигрировать, но если предпочитаете остаться, то это – единственная дозволенная игра в нашем городе.

– И как это Иллиану удавалось так хорошо с вами со всеми ладить? Он ведь не больше фор, чем я.

– Я полагаю, что он наслаждался зрелищем. Не знаю, что он думал в молодости. Но к тому времени, когда я действительно хорошо его узнал, то есть в последние десять лет или около того… Думаю, он пришел к выводу, что Империя – это творение, которое он помогает сохранить в целости. Он казался очень в этом заинтересованным. В некотором роде цетагандийский подход – скорее как у художника к своему творению, чем как у слуги к хозяину. Иллиан изображал слугу Грегора с огромным энтузиазмом, но сомневаюсь, что встречал когда-либо менее угодливое человеческое существо, чем Саймон.

– А! – Глаза Гароша загорелись, будто он уловил смысл сказанного. Он побарабанил по

столу совсем как Иллиан. Господи, да этот человек действительно слушает! И учится? Это греет душу.

Решительно поджав губы, Гарош набрал на комме номер. На экране появилось лицо секретаря леди Элис. После обмена приветствиями и объяснений причины вызова на видео появилась сама леди Элис. Она хмуро посмотрела на Гароша.

– Миледи, – коротко кивнул генерал. Жест, который можно было счесть либо вариантом приветствия аналитиков, либо попыткой откинуть челку со лба. – Я пересмотрел вашу просьбу по поводу вашего допуска в клинику Службы безопасности. Иллиана, возможно, скоро прооперируют. Я буду чрезвычайно признателен, если вы соблаговолите приехать и побудете с ним до операции. Похоже, в присутствии знакомых он – хм – ведет себя спокойно даже без лекарств.

– Я говорила вам это еще вчера! – бросила леди Элис.

– Да, миледи, – покорно согласился Гарош. – Вы были совершенно правы. Могу я послать за вами машину? И когда?

– Ради такого случая, – заявила Элис, – я буду готова через пятнадцать минут.

Интересно, понял ли Гарош всю прелесть данного заявления? У фор-леди на сборы иногда уходит и пятнадцать часов.

– Благодарю вас, миледи. Думаю, вы окажете нам огромную помощь.

– Благодарю, генерал. – Чуть поколебавшись, она добавила: – И спасибо лорду Форкосигану.

Она выключила комм.

– Ух! – криво улыбнулся Гарош. – Она действительно умна.

– В некоторых аспектах умнее всех.

– Остается лишь удивляться, как лорд Айвен… а, ладно. Ну и как вам это, милорд Аудитор?

«Поразительно!»

– Достойное извинение. Она вынуждена его принять. И вы не пожалеете.

– Должно быть, вам трудно это признать, учитывая ваши взаимоотношения с большинством ваших начальников, – Гарош постучал по комму (какие же файлы он читал?), – но я действительно хочу хорошо выполнять свою работу. Просто выполнять свои обязанности – недостаточно. На нижних эшелонах полно людей, лишь выполняющих свои обязанности и ничего больше. Я знаю, что я не очень-то вежливый человек – никогда им не был…

– Не был вежлив и предшественник Иллиана, капитан Негри, насколько мне известно, – сообщил Майлз.

Гарош кисло улыбнулся:

– Я не напрашивался на оправдания. Скорее всего я никогда не стану таким вежливым и лощеным, как Иллиан. Но я намерен делать свое дело не хуже него.

– Спасибо, генерал, – кивнул Майлз.

Майлз вернулся в клинику, чтобы сменить кузена. Айвен покорно сидел рядом с Иллианом, но настолько глубоко вжавшись в спинку стула, насколько это вообще было возможно. На лице его блуждала затравленная улыбка. Нога нервно постукивала по полу.

Завидев Майлза, Айвен торопливо вскочил и бросился к дверям.

– Слава Богу! Тебе давно пора вернуться! – пробормотал он.

– Как тут дела?

– А ты как думаешь? Теперь я понимаю, почему они пичкают его транквилизаторами, даже когда он не пытается поотрывать всем головы. Просто таким образом им не приходится выслушивать часами всего этого. Майлз, это кошмар!

– Да, я знаю. – Он вздохнул. – Но скоро прибудет подмога. Я попросил твою матушку приехать посидеть с ним.

– О? Отличная мысль! – обрадовался Айвен. – Уж лучше она, чем я.

Майлз криво улыбнулся.

– А ты не боишься, что для нее это будет слишком тяжело?

– О! Хм… Черт, да она крепкая.

– Крепче тебя?

– Она с этим справится, – с отчаянием в голосе пообещал Айвен.

– Отдохни, Айвен.

– Ага! – Не дожидаясь повторного приглашения, Айвен устремился к выходу.

– И, Айвен…

– Что? – чуть притормозив, подозрительно спросил Айвен.

– Спасибо.

– А, да не за что!

Вздохнув поглубже, Майлз шагнул в палату. Там по-прежнему было жарко. Майлз снял китель, аккуратно повесил его на спинку стула, закатал рукава рубашки и сел. Сначала Иллиан не обратил на него внимания, затем изумленно уставился и еще через мгновение лицо его просветлело. И все началось по новой: «Майлз, что ты тут делаешь?» – «Саймон, послушай меня. Твой чип сломался…»

Снова и снова. Без конца.

Через некоторое время Майлз пришел к выводу, что это все равно что разговаривать с человеком, у которого раздвоение или растроение личности. Тридцатилетнего Иллиана сменял Иллиан сорокашестилетний, и оба они сильно отличались от Иллиана шестидесятилетнего. Майлз терпеливо ждал, когда выпадет нужная карта, и повторял заново число, месяц, факты и объяснял ситуацию. Наступит ли когда-нибудь момент, когда все Иллианы окажутся проинформированы, или Саймон будет делиться до бесконечности?

Наконец снова возник тот Иллиан, которого он ждал.

– Майлз! Форберг тебя отыскал? Черт, это кошмар какой-то! Мой проклятый чип развалился. Превращается в кашу у меня в голове. Обещай мне – дай слово Форкосигана – что не позволишь этому продолжаться до бесконечности!

– Послушай, Саймон! Я все знаю. Но я не стану резать тебе глотку. Тебе сделают операцию и извлекут чип. Не позже завтрашнего дня, если это зависит от меня, а это от меня зависит. Починить чип нельзя, поэтому его достанут.

Иллиан немного помолчал.

– Достанут?.. – Он коснулся рукой лба. – Но как я смогу без него действовать?

– Точно так же, как первые двадцать семь лет твоей жизни, пока тебе его не вживили, если верить медицине.

В глазах Иллиана мелькнул страх.

– И вместе с ним… исчезнут все мои воспоминания? Вся жизнь? О Господи, Майлз! – Он замолчал, а потом добавил: – Думаю, что предпочел бы, чтобы ты перерезал мне глотку.

– Это не выход, Саймон.

Иллиан покачал головой. И тут же превратился в другого Иллиана. Пошел следующий раунд:

– Майлз! Что ты тут делаешь? Что я тут делаю? – Он посмотрел на свой штатский костюм. Иллиан либо действительно предпочитал унылые тона, либо не доверял своему вкусу. – Я немедленно должен быть на Совете графов и в полном парадном мундире. Им необходимо сообщить… необходимо сообщить…

Майлз так и не понял, согласился ли Иллиан или нет. Но в данной ситуации ничего другого он сделать не мог, поэтому снова и снова повторял одно и то же.

Наконец доктор Рубан привел леди Элис. По просьбе Майлза он по дороге коротко ввел ее в курс дела. Майлз понял это, увидев огорченное и обеспокоенное выражение ее лица.

– Привет, Саймон, – мелодичным альтом поздоровалась она.

– Леди Элис! – На лице Иллиана отобразилась целая гамма чувств, будто он что-то судорожно пытался вспомнить. – Я сожалею о гибели лорда Форпатрила, – наконец произнес он. – Если бы я только знал, что вы в городе. Я пытался вывести адмирала Канзиана. Если бы

я только знал. Вы сохранили ребенка?

Извинения и соболезнования по поводу убийства ее мужа, происшедшего тридцать лет назад. Канзиан умер от старости пять лет назад. Элис со скрытой мукой глянула на Майлза.

– Да, Саймон, все в порядке, – ответила она. – Лейтенант Куделка провел нас через позиции Фордариана. Теперь все хорошо.

Майлз кивнул и повторил привычный речитатив, специально для леди Элис. Она внимательно выслушала, наблюдая за сменой эмоций на лице Иллиана. Но с ее приходом солдатский жаргон испарился из речи Иллиана как по мановению волшебной палочки. Майлз соскользнул со стула и предложил присесть леди Элис. Она решительно села и взяла Иллиана за руку.

Моргнув, Иллиан уставился на нее.

– Леди Элис! – Черты его лица смягчились. – Что вы тут делаете?

Майлз отошел к двери, где стоял, наблюдая за происходящим, доктор Рубан.

– Это интересно, – заметил Рубан, глядя на приборную панель. – У него немного упало давление.

– Да, и я… не удивлен. Давайте выйдем в коридор и поговорим. И я хочу перемолвиться словечком с Авакли.

Майлз, Рубан и Авакли сидели в ординаторской и пили кофе. Майлз сообразил, что за окном уже глухая ночь. Похоже, он, как и Иллиан, несколько утратил чувство времени.

– Итак, вы уверяете меня, что возможности для проведения операции здесь у вас имеются, – продолжил разговор Майлз. – Тогда расскажите побольше о хирурге.

– Это мой второй старший хирург, который занимается вживлением имплантатов прыжковым пилотам, – пояснил Авакли.

– А почему не первый старший хирург?

– Тот тоже хорош, но этот моложе и обучался по более современной методике. Я считаю, что в данной ситуации более предпочтительны современные методы, чем долгий опыт.

– Вы ему доверяете?

– Позвольте мне выразиться таким образом, – начал Авакли. – Если вы за последние пять лет летали на имперском курьерском корабле, то вы уже вверяли ему свою собственную жизнь, точно так же, как и тем инженерам, который налаживали на этом корабле двигатели Неклина. И имплантат личному пилоту императора тоже вживлял он.

– Отлично. Я принимаю ваш выбор. Как скоро он будет здесь и как скоро приступит к делу?

– Мы можем вызвать его сегодня ночью из провинции Фордариана, но будет лучше, если он спокойно переночует дома. Затем я дам ему еще день на изучение задачи и планирование операции. А дальше – на его усмотрение. Вероятнее всего, операция пройдет послезавтра.

– Понял. Быть по сему. – Ускорить события Майлз не мог. Таким образом, у команды доктора Авакли имеется еще два дня, чтобы разобраться с их частью задачи. – Сообщите мне, если узнаете что-то новенькое, что не повлечет для Иллиана новых… осложнений. Да, и у меня есть предложение! После операции команда доктора Авакли станет патологоанатомами чипа. Я хочу, чтобы этой чертовой штуковине сделали вскрытие, даже если она никуда не годится. В чем причина поломки? Это хочет знать и Служба безопасности, и я. И я подумал, что есть человек, которого надо ввести в команду. Человек, который может поделиться с вами интересным галактическим опытом. Он заведует лабораторией в Императорском научно-исследовательском институте биотехнологий недалеко от Форбарр-Султана. Зовут его Воэн Уэдделл. – Ранее известный как доктор Хью Канабе с Архипелага Джексона. Во время одной из ранних операций дендарийцев был тайно вывезен с Архипелага Джексона на Барраяр, где ему сделали пластическую операцию и дали новое имя. Вывезен вместе с рядом самых секретных во всей галактике биоинженерных

разработок. Сержант Таура – результат одного из его ранних и самых амбициозных проектов. – Он молекулярный биолог по образованию и роду деятельности, но некоторые его эксперименты касались… совершенно потрясающих вещей. В некотором роде козырная карта и – хм – примадонна по поведению, но я полагаю, что в любом случае некоторые его идеи вас заинтересуют.

– Да, милорд, – Авакли сделал себе пометку. Пожелание Имперского Аудитора равносильно императорскому указу, еще раз убедился Майлз. Ему действительно нужно следить за своими словами.

Похоже, на сегодня все. Ему страстно хотелось вернуться в резиденцию Форкосиганов и рухнуть спать.

Но вместо этого Майлз проспал часа четыре в одной из палат и сменил на ночном дежурстве леди Элис Форпатрил. Лейтенант Форберг, заступив на службу, с удовольствием оставил им место у изголовья Иллиана и занял пост у входной двери. Иллиан спал урывками, каждые двадцать минут просыпаясь и впадая в очередную волну паники и растерянности. Похоже, оставшиеся до операции два дня окажутся очень долгими.

Глава 18

Два дня превратились в три, которые тянулись бесконечно. Последние сутки Иллиан был настолько плох, что даже не в состоянии был молить о смерти или выразить свой ужас перед предстоящей операцией. Для Майлза это стало своего рода передышкой. Участившиеся приступы не оставляли времени для разговора: Иллиан ничего не слышал, и только искажавшие лицо гримасы отражали царивший в его голове хаос.

Даже Элис не выдержала. Периоды отдыха у нее становились все длиннее, а время пребывания у Иллиана – все короче. Майлз держался стойко, сам толком не понимая, зачем он это делает. Вспомнит ли Иллиан что-нибудь из происходящего сейчас? «И смогу ли я забыть?»

Иллиан больше не пытался сопротивляться, но движения его стали резкими и непредсказуемыми. Было принято решение не пытаться держать его в сознании во время операции. С проверкой функционирования высшей нервной деятельности придется подождать, пока он очнется. Майлз испытал глубокое облегчение, когда наконец явились медтехники, ввели Иллиану успокоительное и начали готовить к операции. Иллиан затих.

Как доверенный наблюдатель Грегора Майлз проследовал в операционную, расположенную возле лабораторий чуть дальше по коридору. Никто и не подумал предложить ему подождать в другом месте. «Где находится Имперский Аудитор? Где ему заблагорассудится». Техник помог ему натянуть стерильный халат и принес удобный стул, усевшись на который Майлз имел отличную возможность следить за мониторами, фиксировавшими каждый момент операции, все, что происходило внутри черепа Иллиана и снаружи. И еще он мог видеть из-за плеча хирурга макушку Иллиана. Майлз решил, что, пожалуй, лучше следить за мониторами.

Техник выбрил треугольник на голове Иллиана – в чем, по мнению Майлза, не было особой необходимости ввиду почти полного отсутствия волос. Майлз считал, что давно уже привык к виду крови, но его желудок свернулся в комок, когда хирург умело отделил скальп и часть черепа и обнажил мозг. Дырочка оказалась совсем маленькой, почти что точка. Затем поставили микрозажимы, и хирург склонился над головой Иллиана. Майлз переключил свое внимание на мониторы.

Остальное заняло менее пятнадцати минут. Хирург лазером перерезал тоненькие артерии, питающие чип кровью и обеспечивающие жизнедеятельность его органической части, и быстро вскрыл слой покрывавших чип нейросоединений, которые были тоньше паутины. Самый тонкий щуп извлек чип из матрицы. Хирург бросил чип на поднос, который предусмотрительно держал озабоченный доктор Авакли.

Авакли с помощниками немедленно устремились к двери, спеша доставить умерший

чип в лабораторию. На мгновение задержавшись, Авакли оглянулся на Майлза, будто ожидая, что он последует за ними.

– Вы идете, милорд?

– Нет. Увидимся позже. Идите, адмирал.

Майлз не очень-то понимал то, что видит на мониторах, но по крайней мере мог следить за лицом доктора Рубана, наблюдавшего за физическим состоянием Иллиана. Рубан был сосредоточен, но не напряжен. Значит, ничего страшного не происходит.

Хирург положил отделенный кусок черепа на место, приклеил особым клеем и закрыл лоскутом кожи. На голове Иллиана остался лишь тоненький красный шов. Кошка Царапка и то оставляла более заметные следы.

Врач выпрямился и потянулся.

– Все. Теперь он ваш, доктор Рубан.

– Это оказалось… проще, чем я думал, – прокомментировал Майлз.

– На несколько порядков проще, чем вживление, – согласился хирург. – Я пережил несколько ужасных мгновений, когда впервые увидел видеокарту этой штуки. Тогда я подумал, что мне придется отсоединять все эти нейросоединения по одному с другого конца, от мозга, но потом сообразил, что их можно просто оставить in situ.

– А не будет никаких побочных последствий от того, что они остались внутри?

– Нет. Они просто будут там лежать, инертные и безвредные. Как любой обрезанный провод. Ничего по ним не идет.

Анестезиолог спросил у Рубана и хирурга:

– Вы готовы к тому, чтобы я вывел его из наркоза?

Рубан глубоко вздохнул.

– Да. Будите его. Посмотрим, что мы натворили.

Раздалось шипение газа. Анестезиолог проследил за убыстряющимся дыханием Иллиана, затем по кивку хирурга извлек трубки у него изо рта и освободил голову из фиксаторов. Щеки Иллиана начали постепенно розоветь, утрачивая смертельную бледность.

Карие глаза распахнулись. Иллиан моргнул и посмотрел на присутствующих. Облизнув пересохшие губы, он прохрипел:

– Майлз? Где я, черт побери? И что ты тут делаешь?

У Майлза на мгновение сердце ухнуло в яму, ему почудилось, что сейчас начнется та же песня, что последние четыре дня. Но взгляд Иллиана, хоть и немного мутный, не отрывался от его лица.

Майлз растолкал врачей, охотно уступивших ему дорогу, и подошел к Иллиану.

– Саймон, ты в операционной клиники Службы безопасности. Твой чип эйдетической памяти сломался, починить его нельзя. Мы только что его извлекли.

– О! – нахмурился Иллиан.

– Какое ваше последнее воспоминание, сэр? – спросил Рубан, внимательно глядя на пациента.

– Воспоминание?.. – Иллиан скривился. Он поднял правую руку, коснулся головы и бессильно уронил. – Я… Это как сон… – Он помолчал и добавил: – Кошмарный сон.

Майлз подумал, что это прекрасная демонстрация здравого рассуждения и восприятия, хотя Рубан и нахмурился.

– Кто принял… это решение? – поинтересовался Иллиан, указав на голову.

– Я, – признался Майлз. – Точнее, я посоветовал Грегору, а он согласился.

– Ну конечно. Грегор сделал тебя тут главным?

– Да. – Майлз внутренне запаниковал.

– Хорошо, – вздохнул Иллиан. Майлз перевел дыхание. Взгляд Иллиана стал более пристальным. – А Служба безопасности? Что происходит? Сколько?..

– В настоящий момент за твоим коммом сидит генерал Гарош.

– Лукас? Это хорошо.

– У него все под контролем. Никаких крупных проблем, кроме как с тобой. Можешь

отдыхать.

– Должен признаться, – пробормотал Иллиан, – я устал.

Он выглядел совершенно измученным.

– Ничего удивительного, – ответил Майлз. – Это длится вот уже три недели.

– Да? – Голос Иллиана начал затихать. Он снова сделал странный жест, проведя рукой по лицу, будто пытаясь что-то припомнить. Ладонь судорожно сжалась и разжалась. Казалось, ему требуется приложить усилие, чтобы опустить руку на стол.

Тут вступил в свои права невропатолог и провел первичное тестирование. У Иллиана оказались незначительные мышечные спазмы. Саймон с некоторым недоумением посмотрел на свои сбитые костяшки пальцев, но ничего не спросил, как и не поинтересовался происхождением рубцов на запястьях. Его повезли в палату, Майлз потащился следом.

Когда Иллиана уложили в постель, Рубан, выйдя в коридор, объяснил Майлзу:

– Как только его физическое состояние стабилизируется – то есть он поест, поспит и придет в себя, – я начну проводить исследования.

– А как скоро он сможет… Нет, думаю, еще рано об этом спрашивать… Понимаете, я собирался спросить, как скоро он сможет пойти домой.

Туда, что для Иллиана служило домом. Майлз вспомнил свое давнее пребывание в одной из этих лишенных окон квартир для важных свидетелей в подвале здания СБ и внутренне содрогнулся.

Рубан пожал плечами:

– Если все пойдет нормально, я отпущу его через два дня. Конечно, ему придется приходить сюда ежедневно для дальнейшего обследования.

– Так скоро?

– Как вы сами видели, операция не очень сложная. Считается чуть ли не мелкой. В физическом смысле.

– А не в физическом?

– А вот это нам предстоит выяснить.

Майлз вернул стерильный халат медтехнику и вновь натянул на себя китель с орденами. Едва переодевшись, он заглянул в соседний кабинет. Там терпеливо сидела леди Элис Форпатрил. Услышав движение, она оглянулась.

– Сделано, – доложил Майлз. – И пока все идет хорошо. Похоже, он снова постепенно возвращается к нормальному состоянию. Хоть и немного подавлен. Вы вполне можете его навестить, если хотите.

– Хочу. – Леди Элис поднялась и выскользнула из кабинета.

Майлз зашел в секретную лабораторию, где работала команда Авакли.

Авакли уже засунул чип под сканер, но еще не начал разбирать на части. Майлз немедленно заметил нового человека – высокого худого мужчину, стоящего чуть в стороне от других.

Доктор Воэн Уэдделл, урожденный Хью Канабе с Архипелага Джексона, теперь приобрел несколько более светлую кожу, темные волосы и светло-карие глаза взамен почти черных, которые были у него, когда Майлз с ним встретился впервые. Более высокие, чем прежде, скулы и прямой нос придавали ему чуть ли не аристократический вид. Хотя держался он, как всегда, несколько надменно.

При виде Майлза глаза Уэдделла расширились. Майлз мрачно усмехнулся. Похоже, добрый доктор не забыл адмирала Нейсмита. Майлз отвел его в сторону и тихо сказал:

– Доброе утро, доктор Уэдделл. Как вам нравится ваша новая личность?

Уэдделл довольно легко справился с изумлением.

– Спасибо, хорошо. А как… хм… вам нравится ваша?

– Вообще-то это моя старая личность.

– Правда? – Уэдделл поднял брови, рассматривая и расшифровывая родовые цвета мундира, украшавшие грудь награды и сверкающую цепь.

– Хм-м… Насколько я понимаю, вы и есть тот самый Имперский Аудитор, которого я

должен благодарить за то, что меня оторвали от работы в институте?

– Совершенно верно. Нам, подданным Империи, иногда приходится выполнять неожиданные поручения, что вам уже должно быть известно. Это цена, которую приходится платить за то, чтобы быть барраярцем. Один из вариантов.

– Что ж, – вздохнул Уэдделл, – по крайней мере климат у вас значительно лучше.

По сравнению с Архипелагом Джексона – безусловно. И Уэдделл имел в виду не только погоду.

– Очень рад, что дела у вас пошли успешно, – сказал Майлз. – Если бы я знал, что увижу вас, то передал бы вам привет от сержанта Тауры.

– Господи, она еще жива?

– О, да. – «Но отнюдь не благодаря вам». – Адмирал Авакли должен был вкратце рассказать вам о той деликатной проблеме, которую я поручил решить его команде. И я надеюсь, что ваш несколько необычный опыт может помочь в ее разрешении. У вас пока нет никаких идей на сей счет?

– Даже несколько.

– И к чему вы больше склоняетесь – к естественным причинам или к диверсии?

– Я поищу признаки диверсии. Если не найду, то методом исключения мы можем прийти к выводу о естественных причинах. На это уйдет несколько дней, если проводить исследование тщательно.

– Я хочу, чтобы вы все проверили самым тщательным образом. Молекулу за молекулой, если понадобится.

– О, вполне возможно, что так и придется сделать.

– И… хм… помните, что, хоть вы и находитесь в закрытой лаборатории Службы безопасности и, безусловно, являетесь членом команды, вы не сотрудник СБ. Поэтому докладывать будете лично мне.

Уэдделл задумчиво нахмурился.

– Это… весьма интересно.

– Тогда приступайте.

Уэдделл чуть иронично кивнул:

– Хорошо, милорд… э-э-э… Форкосиган, не так ли?

– «Милорд Аудитор» тоже будет правильным обращением на этой неделе.

– Весьма возвышенно.

– Вряд ли я могу забраться выше, не рискуя заработать носовое кровотечение.

– Это предупреждение?

– Лишь ориентировка. Любезность с моей стороны.

– А! Спасибо. – Уэдделл кивнул и отошел к столу, чтобы следить за работой через плечо Авакли.

Уэдделл-Канабе по-прежнему отменная задница, подумал Майлз. Но он действительно разбирается в молекулярной биологии.

Переговорив с Авакли, Майлз связался с Грегором, чтобы сообщить о благополучном исходе операции. Потом еще раз навестил Иллиана. Он обнаружил шефа Имперской безопасности сидящим на кровати, полностью одетого. Рядом с ним расположилась леди Элис. Иллиан улыбался. Первый раз за последние несколько дней.

– Приветствую, сэр. С возвращением.

– Майлз, – медленно кивнул Иллиан. Он коснулся затылка. Будто хотел убедиться, что голова у него по-прежнему на месте. – Сколько времени ты тут пробыл? Подойди ближе.

– Дня четыре, наверное. А может, пять. – Майлз устроился с другой стороны, напротив Элис.

Иллиан тоже внимательно оглядел его коричневый с серебром мундир и «иконостас» на груди. Он постучал ногтем по золотой цепи аудитора. Раздался тихий мелодичный звон.

– Это… довольно неожиданно.

– Генерал Гарош не хотел меня впускать. Грегор решил, что это лучший способ

избежать дискуссий.

– Грегор весьма изобретателен. – Иллиан рассмеялся коротким смехом. Майлз не совсем понял, как это интерпретировать. – Я бы в жизни до такого не додумался.

– Поскольку вы вроде как способны сами о себе позаботиться, сэр, поэтому я, пожалуй, пойду домой и немного передохну.

– А я останусь, – предложила леди Элис и добавила: – Ты проделал хорошую работу, Майлз.

– Черт, да я не так уж много и сделал, – пожал плечами Майлз. – Только привел в движение техников.

С некоторым усилием он вместо военного салюта вежливо кивнул и откланялся.

Вернувшись в свою спальню в резиденции Форкосиганов, Майлз снял мундир и отложил его в стирку, предварительно отвинтив ордена, которые аккуратно сложил на стол. Скорее всего он их не скоро снова наденет. Если вообще когда-нибудь наденет. Во всяком случае, они сослужили хорошую службу. Золотую цепь – символ своего эрзац-аудиторства он повертел в руках, рассматривая великолепные детали.

«Что ж. По крайней мере это было забавно».

Майлз полагал, что нужно как можно быстрее вернуть цепь во дворец, чтобы ее заперли в казну, откуда извлекли. Казалось несколько безалаберным оставлять предмет столь большой исторической и художественной ценности просто валяться в ящике письменного стола. И все же… работа не считается законченной, пока не написан доклад. Десять лет в Службе безопасности научили его этому. И не только этому. И пока Авакли и его ребята не подготовят свои доклады, Майлз не сможет представить свой окончательный доклад Грегору.

Он швырнул цепь на кучу рубашек.

Глава 19

На следующий день Майлз с великой неохотой уселся за комм и связался с управлением Императорского госпиталя по обслуживанию ветеранов. Он договорился о предварительной консультации в связи с припадками. В его ситуации госпиталь – лучше всего. Не потому, что у врачей там больше опыта в области криооживления – опыта у них столько же, сколько и у остальных. Зато у них есть доступ к медицинскому досье Майлза. А одни только записи дендарийского врача избавят всех от длительного хождения вокруг да около. Рано или поздно Айвен вспомнит о своей угрозе и оттащит Майлза к врачу за шиворот. Или еще того хуже, донесет Грегору.

Выполнив задачу, Майлз вздохнул, отодвинулся от комм-пульта и встал, чтобы отправится в бесцельное путешествие по коридорам и комнатам особняка Форкосиганов. Не то чтобы он скучал без Айвена, просто… Ну, просто ему недоставало общества. Пусть даже общества Айвена.

Особняк Форкосиганов не предназначен для тишины и спокойствия. Скорее – для гастролей шумного цирка. Состав труппы: оруженосцы, слуги, горничные, грумы, садовники, суетливые курьеры, томные придворные, гости-форы в окружении свиты, дети… Администрация цирка – графы Форкосиганы – центр хаоса, ось, вокруг которой крутится это огромное неповоротливое колесо. Граф и графиня Форкосиган. Пик светской жизни, должно быть, пришелся на времена прапрадеда, как раз перед концом Периода Изоляции. Майлз остановился у окна, выходящего на полукруглую аллею, и представил себе кареты, лошадей, офицеров и дам, которые выходят из экипажей, шурша одеяниями и сверкая шпагами.

Похоже на Дендарийский флот – во всяком случае, в смысле шумного цирка. Только там в роли администрации – адмирал. Интересно, переживет ли Дендарийский флот своего создателя на столько же лет, на сколько особняк Форкосиганов пережил первого графа. Одиннадцать поколений… Да… Будет ли его флот так же часто разрушаться и вновь

воссоздаваться? Странно, что ему удалось создать что-то настолько органичное и живое. То, что сможет существовать без него, Майлза, без того, чтобы он его толкал и пихал. Как ребенок, который живет без всякого давления со стороны родителей.

Куин, безусловно, достойный преемник. Довольно. Хватит притворяться перед самим собой, что он еще вернется к дендарийцам. Хватит. Надо присвоить Куин звание адмирала – и точка. Или теперь назначение – задача Гароша? Иллиану еще можно доверить Куин, Иллиан с ней справится. А Гарош? Достаточно ли у него воображения? И терпения? Майлз неуверенно вздохнул и пошел блуждать дальше.

Паломничество привело его в анфиладу комнат на втором этаже. Отсюда был лучше всего виден сад. Здесь прожил последние годы жизни его знаменитый дед. После смерти старого графа родители не захотели сюда переехать – предпочли остаться в своих апартаментах этажом ниже. Они переделали комнаты старика во что-то вроде апартаментов для высокопоставленных гостей: спальня, ванная комната, гостиная, кабинет. Даже у Айвена, большого ценителя комфорта, не хватило наглости во время своего пребывания потребовать эти элегантные помещения. Айвен скромно поселился в маленькой спальне возле комнаты Майлза. Видимо – чтобы глаз не спускать со своего чокнутого кузена.

И тут, в тишине дедовских покоев, Майлза осенило.

– Похищаете? – промурлыкал на следующее утро генерал Гарош, глядя на Майлза поверх иллиановского комм-пульта.

Майлз холодно улыбнулся:

– Едва ли, сэр. Я приглашаю Иллиана от имени своего отца воспользоваться на период выздоровления гостеприимством резиденции Форкосиганов. Не сомневаюсь, что отец не стал бы возражать.

– Команда адмирала Авакли еще не окончательно отмела версию с диверсий, хотя сам я все больше и больше склоняюсь к естественным причинам. Но учитывая, что ясности пока нет: вы уверены, что особняк Форкосиганов достаточно надежен? По сравнению со штаб-квартирой Имперской безопасности?

– Если чип Иллиана повредили сознательно, это вполне могло случиться и в штаб-квартире. В конце концов, именно здесь Иллиан главным образом и находился. И, э-э-э… если особняк Форкосиганов не охраняется Службой безопасности, то это, безусловно, будет новостью для бывшего лорда-регента. Я бы даже сказал – грандиозным скандалом.

– Туше, милорд Аудитор, – оскалился в улыбке Гарош. Он посмотрел на Рубана, сидевшего рядом с Майлзом. – И как вы отнесетесь к этому предложению с медицинской точки зрения? Хорошее оно или плохое?

– М-м-м… Скорее хорошее, чем плохое, по-моему, – ответил пухлый невропатолог. – Физически Иллиан способен вернуться к нормальной жизни. Я не имею в виду работу, естественно. И если между ним и нашей конторой будет некоторое расстояние, это поможет избежать лишних дискуссий по данному вопросу.

Гарош выгнул брови. Похоже, такая мысль ему в голову не приходила.

Доктор Рубан добавил:

– Пусть идет в отпуск по болезни, отдохнет, расслабится, почитает книжки или еще чем-нибудь займется, что сможет его отвлечь от дальнейших проблем. Я вполне могу проводить ежедневное обследование и там.

– Дальнейших проблем? – Майлз не оставил без внимания этот оборот речи. – А какие у него проблемы сейчас? Как он?

– Ну, физически он здоров. Но откровенно говоря, у него проблемы с памятью. Вся мозговая деятельность, связанная с кратковременной памятью – а в повседневной жизни в основном требуется именно это, – у него гораздо ниже нормы. Конечно, его прежняя норма была потрясающей. Сейчас трудно сказать, останется ли это навсегда, или же мозг постепенно обучится вновь. Или потребуется медицинское вмешательство. И – в какой форме будет это вмешательство. Мое предписание – две недели отдыха и разнообразной

неутомительной деятельности. Потом посмотрим.

Таким образом Рубан выигрывал время для того, чтобы найти решение.

– По мне, так это очень даже разумно, – высказался Майлз.

Гарош согласно кивнул:

– Теперь вы за него головой отвечаете, лорд Форкосиган.

Переговорив с Авакли, Майлз пошел в клинику, чтобы лично пригласить Иллиана. И тут обнаружил неожиданного союзника в лице леди Элис, заглянувшей навестить Иллиана. Одета она была, как всегда, безупречно – сегодня во что-то темно-красное и очень женственное, то есть дорогое.

– Но это же великолепно! – воскликнула она, когда Иллиан начал нерешительно возражать. – Очень правильное решение, Майлз. Корделия согласилась бы.

– Вы думаете? – спросил Иллиан.

– Безусловно.

– И в апартаментах есть окна, – с надеждой добавил Майлз. – Много-много окон. Это то, чего мне больше всего не хватало, когда я тут валялся.

Иллиан оглядел крашеные стены палаты.

– Окна, говоришь? Окна – не всегда преимущество. Кому, как не тебе, об этом знать. Ивон Форхалас швырнул солтоксиновую гранату именно в окно спальни твоих родителей. Я помню ту ночь… – Он сжал руку. – Это как сон…

Упомянутое происшествие имел место чуть больше тридцати лет назад.

– Поэтому все окна в особняке защищены силовыми экранами, – сообщил Майлз. – Так что нет проблем. Сейчас там очень тихо, правда, у меня новый повар.

– Айвен говорил, – кивнул Иллиан, – причем довольно пространно.

– Да, – протянула леди Элис, и на ее лице появилось задумчивое выражение. Может, она сожалела о тех давно ушедших днях, когда по землям форов бегали табуны лошадей, бродили стада коров и мелькали в лесах олени? – И для людей, желающих вас навестить, Саймон, будет значительно удобнее – и приятнее – приходить туда, чем в это мрачное и унылое место.

– Хм-м… – Иллиан, улыбнувшись, посмотрел на леди Элис. – Вот это верно. Что ж, Майлз… Спасибо, я согласен.

– Прекрасно, – заключила леди Элис. – Вам нужна помощь? Не хотите ли воспользоваться моей машиной?

– Снаружи стоит мой автомобиль с шофером, – сообщил Майлз. – Думаю, мы сами справимся.

– В таком случае встретимся в особняке. Уверена, что ты не все предусмотрел, Майлз. Мужчины на это не способны.

Решительно кивнув, леди Элис поднялась, шурша юбками, и стремительно вышла.

– Что она такого собирается принести, чего нет в особняке Форкосиганов? – с некоторым изумлением поинтересовался Иллиан.

– Цветы? – рискнул предположить Майлз. – Танцующих горничных? – «Э-э-э… мыло и полотенца?» Она права, он не все продумал.

– Мне не терпится узнать.

– Ну, что бы она ни затеяла, уверен, все будет сделано, как надо.

– Зная леди Элис, можно в этом не сомневаться, – согласился Иллиан. – Очень надежная женщина. – В отличие от большинства мужчин своего поколения Иллиан, похоже, не находил это словосочетание противоречивым. Поколебавшись, Иллиан, прищурившись, посмотрел на Майлза. – По-моему, я помню… она была здесь. Причем в довольно неприятные моменты.

– Была. Она такая – порода есть порода.

– А какой еще может быть леди Элис? – Иллиан оглядел крошечную палату, будто впервые увидел. – Твоя уважаемая тетушка права. Это место действительно унылое.

– Тогда давай отсюда смоемся.

Они отбыли из штаб-квартиры СБ всего лишь с одним чемоданом и несколькими пакетами. В конце концов, Иллиан путешествовал налегке больше лет, чем Майлз прожил на свете.

Мартин с комфортом доставил их на старом бронированном лимузине в особняк Форкосиганов. Там они обнаружили леди Элис, отдающую распоряжения команде уборщиков. Цветы, мыло и полотенца и даже свежие простыни были расставлены и разложены по местам. Если бы Майлзу когда-нибудь пришло в голову сделать из особняка Форкосиганов фешенебельный отель, он знал, кого назначить главным управляющим. Мартин потратил целых пять минут, раскладывая небогатый скарб Иллиана по ящикам и шкафам, после чего леди Элис отправила его на кухню.

Некоторая неловкость, испытываемая Иллианом от подобной встречи, тут же исчезла, когда Мартин вернулся с подносом, на котором стояли чайные принадлежности и гора закуски а-ля матушка Кости. Он расставил все на столике возле окна, выходящего на сад. Судя по сервировке, леди Элис приложила руку и тут: наконец-то все необходимые приборы нашлись и были использованы по назначению. Выпив по чашке чая со сливками, поев сандвичей, фаршированных яиц, мясных колобков в сливовом соусе, отведав знаменитого пряного пирога с персиками и чего-то еще очень вкусного и шоколадного, гости расслабились.

Наконец Майлз, потягивая ликер, осмелился спросить:

– Ну, Саймон? На что это похоже? Что ты сейчас помнишь из событий последних нескольких недель и… хм… до того?

«Что мы с тобой сделали?»

Иллиан, удобно развалившись в глубоком кресле, скривился.

– Воспоминания о последних неделях несколько фрагментарны. А до этого… Тоже фрагментарны. – Он судорожно сжал руку. – Это похоже на… скажем, будто человек, всегда обладавший отличным зрением, надел шлем, а стекло заляпано грязью и тиной. Только… я не могу этот шлем снять. Не могу сломать. И дышать в нем не могу.

– Но ты, по-моему… как бы это сказать… полностью владеешь собой. Это не похоже на мою криоамнезию, точно! Я тогда не помнил, ни кто я… Черт, да я даже Куин не узнал!

«Господи, как я соскучился по Куин!»

– Да, тебе пришлось… намного хуже, я полагаю, – кисло улыбнулся Иллиан. – Теперь я начинаю это понимать.

– Не знаю, хуже или нет. Единственное, что я знаю точно, – это очень выводило из равновесия.

Легкое преуменьшение.

– Я, похоже, все узнаю и понимаю, – вздохнул Иллиан. – Просто не могу вспомнить как следует. Ничто не приходит в голову, здесь ничего нет. – Он выпрямился, сжимая кулаки.

– Прошлое всегда похоже на сон, – ласково сказала леди Элис. – Именно такими кажутся воспоминания всем людям. Может быть, вы вспомните, как все было в молодости, пока Эзар не приказал вживить вам этот чип. Если воспоминания придут, немного похожие на сон, это будет совершенно нормально.

– Нормально для вас.

– М-м-м… – Она нахмурилась и молча допила чай.

– Я не просто так спрашиваю, – продолжил Майлз. – Я не уверен, что кто-нибудь потрудился тебе это объяснить, но Грегор назначил меня исполняющим обязанности аудитора специально, чтобы курировать твое дело.

– Догадываюсь, и меня очень интересует, как тебе это удалось.

– Понимаешь, нам был необходим кто-то, кто мог бы приструнить СБ, а кроме аудитора, этого больше никто не может. Когда группа адмирала Авакли закончит изучение чипа, я должен буду представить Грегору аудиторский доклад по всей форме. Если они

придут к выводу, что причины поломки носят естественный характер, то тогда конец делу. Но ежели нет… Я хотел выяснить, можешь ли ты припомнить что-то – какой-нибудь момент или событие, – что позволило бы предположить возможность биосаботажа.

Иллиан обхватил голову руками.

– Если бы только у меня был мой чип… и ты бы четко определил временной промежуток… Я смог бы просмотреть каждую секунду. Рассмотреть все подробности. На это ушло бы время, но я бы это сделал. Отловил бы ублюдков. Кем бы они ни были! Не важно, насколько скрытно им удалось нанести удар… Если это саботаж, то они уничтожили все улики окончательно и бесповоротно. – Он сердито крякнул.

– М-м-м… – Майлз откинулся на спинку стула, огорченный, но отнюдь не удивленный. Налив себе полчашки чая, он решил, что не стоит, пожалуй, доедать последний кусок персикового торта, одиноко лежащий на блюде. Если на Иллиана давить, он может сильно разнервничаться. Значит, пока тупик. Пора направить беседу в другое русло.

– Ну, тетя Элис, как продвигается подготовка помолвки Грегора?

– О! – благодарно взглянула на него Элис. – Очень хорошо во всех отношениях.

– Кто отвечает за безопасность? – немедленно спросил Иллиан. – Гарош сам этим занимается?

– Нет. Он поручил это полковнику лорду Фортале-младшему.

– Отличный выбор. – Иллиан опять расслабился и покрутил в руке пустую чашку.

– Да, Фортала в таких делах разбирается. Официальное оглашение и церемония пройдут во дворце. Я пыталась помочь Лаисе с традиционными барраярскими нарядами, хотя, возможно, для помолвки подойдет и комаррский. Но на свадьбе невеста, безусловно, должна быть в барраярском наряде… – И последовала пространная лекция, которую Майлз мысленно обозвал «социально-технические аспекты работы леди Элис». Рассказ тек легко и весело, а Майлз с Иллианом подливали масла в огонь, задавая наводящие вопросы.

Когда Мартин убрал со стола, Майлз предложил сыграть в карты, чтобы убить время. Цель, естественно, была другая – он хотел проверить работу мозга Иллиана. Нюанс, не ускользнувший от шефа Имперской безопасности. Но возражать Саймон не стал.

Они сыграли в звездный тарот – не слишком сложную игру, требующую умения следить за картами на руках партнеров и запоминать вышедшие. Никогда в жизни Майлз не видел, чтобы кто-нибудь мог выиграть у Иллиана на протяжении многих партий, разве что кому-то очень везло с раскладом. Через шесть партий Майлз с леди Элис поделили очки, а Иллиан пожаловался на усталость. Майлз немедленно прекратил игру. Иллиан выглядел как выжатый лимон, черты лица обострились, но Майлз не был уверен, что усталость – истинная причина, по которой Иллиан не захотел больше играть.

Рубан не преувеличивал. Иллиан утратил способность запоминать детали. Он мог поддерживать разговор, когда одно слово влекло за собой другое, но…

– Так что ты думаешь о человеке, которому Гарош поручил обеспечение безопасности на свадьбе Грегора? – вдруг спросил Майлз.

– А кому он это поручил? – спросил Иллиан.

– А кого бы выбрал ты?

– Думаю, полковника Форталу. Он знает столичные условия получше многих.

– А! – только и произнес Майлз. Элис, уже поднявшаяся, чтобы уйти, вздрогнула. Иллиан внезапно нахмурился, но ничего больше не сказал. Он несколько вызывающе жестом велел Майлзу оставаться на месте и сам пошел проводить леди Элис до машины.

Майлз встал и потянулся. Он устал гораздо больше, чем можно было предположить.

«Кажется, это обещает быть несколько странным».

Новый распорядок – тихий и спокойный, установился быстро. Майлз с Иллианом вставали, когда хотели, и по утрам вполне могли и не встречаться за завтраком, но обедали и ужинали обязательно вместе. Каждый день Майлз ходил в госпиталь, огромный медицинский комплекс на другом берегу реки, разделявшей Старый город. Когда он пришел

в первый раз, его заставили ждать в коридоре, как заставили бы ждать любого ветерана. Тогда он как бы случайно сообщил о своем новом статусе Имперского Аудитора. Больше ему уже ждать не приходилось. Что ж, хоть какой-то прок от шоколадной цепочки Грегора.

Дув Галени навестил их на следующий же вечер после переезда Иллиана. Новое обиталище шефа несказанно изумило капитана. Он попытался отказаться от ужина, но Майлз не позволил. Уроженец Комарры чувствовал себя не в своей тарелке, ужиная со своим бывшим начальником. Похоже, подумал Майлз, вся эта история его гнетет. Галени дипломатично делал вид, что не замечает странную забывчивость Саймона, и быстро подхватил отработанную Майлзом тактику ненавязчивых напоминаний в процессе разговора, помогающих не терять нить беседы. Или, во всяком случае, поддерживающих иллюзию.

Леди Элис, как и обещала, заглядывала очень часто, хоть и была чрезвычайно занята в связи с приближающейся помолвкой императора. Теперь она обзавелась двумя помощниками, постоянно дежурившими во дворце. Айвен тоже забегал, причем каждый раз так, чтобы попасть к обеду или ужину. Еще Иллиана навещали человек шесть старых знакомых – пожилых военных. Они тоже быстро освоили науку общения с Саймоном. У главы департамента по делам Комарры Гая Аллегре, к счастью, хватило ума не беспокоить Иллиана разговорами о конторе.

Охрана СБ, оставленная из вежливости у особняка отсутствующего вице-короля Зергияра, выросла от одного человека до трех, и несчастный капрал Кости лишился привычного домашнего завтрака. Впрочем, он по-прежнему забегал на кухню после дежурства, а потому Майлз решил, что голодная смерть капралу не грозит. Счета, присылаемые в особняк Форкосиганов, значительно возросли. Впрочем, им было еще далеко до счетов, приходивших при родителях Майлза.

Каждый день Майлз беседовал с адмиралом Авакли, интересуясь, как продвигается дело. Авакли имел привычку отвечать довольно уклончиво, но все же Майлз сумел понять, что постепенный прогресс имеется. Хотя бы – в области отсеивания предположений. Он не хотел давить на Авакли, требуя более конкретных ответов. Не тот случай, когда можно допустить даже малейшую ошибку. Да и торопиться особенно некуда. Максимальный ущерб, который можно было нанести, уже нанесен, и с этим ни Майлз, ни Авакли, ни кто бы то ни было другой ничего поделать не мог.

Прорыв, которого так ждал Майлз, произошел на шестой день, но не у группы адмирала Авакли. Криохирург и невропатолог Императорского госпиталя сумели записать показания, когда с Майлзом случился припадок прямо в лаборатории.

Он вышел из привычной темноты, пересыпаемой россыпью конфетти, и обнаружил, что лежит на столе. На голове у него датчики, и весь он опутан проводами. Вокруг копошились три возбужденных медтехника. Наверное, они держали его, чтобы не свалился на пол во время конвульсий. А может, следили за подключением мониторов. Полковник Ченко, невропатолог, и капитан де Гиз, криохирург, громко переговаривались и оживленно жестикулировали, показывая друг другу новые данные. Это было лучшее зрелище с тех пор, как на ярмарку в Хассадаре привезли на велосипеде медведя, который до смерти перепугал лошадей. Майлз застонал, но никто не обратил на него ни малейшего внимания. Мониторы, похоже, представляли куда больший интерес, чем сам пациент.

Врачи так и не заговорили с ним. Тогда он оделся и пошел дожидаться в кабинет Ченко. Даже его аудиторский статус не заставил их поторопиться. Ченко, энергичный подтянутый мужчина средних лет – ходячая реклама профессии медика, соизволил наконец вспомнить о Майлзе. Он зашел в кабинет с целой пачкой дискет в руках. Радостное возбуждение сменилось у него некоторым самодовольством.

– Нам известно, что с вами, лорд Форкосиган, – провозгласил Ченко, усевшись за комм-пульт. – Как мы и предполагали, механизм ваших припадков имеет идиосинкразическое происхождение. Но теперь мы точно знаем, что это такое!

– Превосходно, – холодно произнес Майлз. – И что же это такое?

Не обращая внимания на его тон, врач вставил диск в комм и включил изображение.

– Судя по всему, после криооживления ваш мозг начал работать с очень высокой скоростью функционирования нейронов. Это подняло их деятельность до чрезвычайно высокого уровня. Практически до предела, как вы видите вот тут. Вот обычный уровень, а вот – ваш. Видите разницу? Затем что-то провоцирует гиперактивную мозговую деятельность – стресс или какое-нибудь возбуждение, – и все нейронные связи начинают функционировать одновременно. Видите вот этот пик? Это временно парализует обычную нейронную деятельность вашего мозга, откуда и галлюцинации. Через несколько минут все нормализуется, и активность опускается до нормы – даже ниже нормы. От этого вы и теряете сознание. Затем равновесие восстанавливается, и вы приходите в себя, ощущая небольшую усталость. И весь цикл начинается заново. Это чисто биохимическая, а не фазовая форма эпилепсии. Весьма захватывающее и уникальное явление. Де Гиз хочет написать об этом статью – ваша анонимность, конечно, гарантируется.

Майлз молча пытался осознать свою роль в истории медицины.

– Итак, – сказал он наконец, – что вы можете с этим сделать?

– М-м-м… Случай не локальный, глобальный, захватывает большой участок мозга. Хотя, возможно, к счастью, это главным образом лобные доли, а не ствол, иначе припадок убил бы вас на месте. Это не обязательно требует хирургического вмешательства.

«Никто не коснется моего мозга, ты, придурок!»

– Рад слышать. Тогда какое же лечение необходимо?

– А! – Доктор Ченко несколько утратил апломб и замолчал. – А! Хм-м… – промычал он через некоторое время.

Майлз ждал, пытаясь сохранить остатки терпения. Медицинские познания и сообразительность доктора Ченко вряд ли улучшатся, если Имперский Аудитор прыгнет на него через комм-пульт и попытается удушить. К тому же Майлз не был уверен, распространяется ли неприкосновенность аудитора на случаи, когда тот сам на кого-то нападает.

– Одним из методов лечения фазовой эпилепсии, – родил наконец доктор Ченко, – является вживление в мозг стабилизирующего чипа. Когда начинается припадок, биочип перехватывает его противофазой. Своего рода система с отрицательной обратной связью. Это не вылечивает, но по крайней мере снимает основные симптомы.

– Боюсь, я не доверяю биочипам, – выдавил Майлз. – Особенно нейронным.

– О, это весьма надежный и апробированный образчик технологии, – заверил его Ченко. – Просто я не уверен, что в вашем случае это поможет.

«Лекарство существует, только ты не можешь его получить. Блестяще».

– Тогда что же?

– Нам с доктором де Гизом придется посовещаться. Теперь, когда у нас появились данные, полагаю, мы сможем выработать пару-тройку подходящих вариантов. Поскольку ваш случай уникален, придется провести ряд экспериментов. Возможно, придется перепробовать несколько вариантов, прежде чем подобрать оптимальный.

Довольно логично.

– Итак, речь идет о днях? Неделях? Месяцах?

«Годах?»

– Ну, вряд ли о месяцах. Если вас это утешит, я думаю, что после сегодняшнего припадка до следующего пройдет некоторое время. Что, кстати, наводит меня на мысль… – Взгляд Ченко стал отсутствующим, он начал что-то быстро набирать на комме, остановился, затем принялся еще быстрее стучать по клавишам. Майлз некоторое время понаблюдал за ним, потом встал и тихонько вышел.

– Я вам завтра позвоню, милорд, – торопливо бросил ему вслед Ченко, когда дверь закрылась.

Войдя в черно-белый холл особняка Форкосиганов, Майлз обнаружил Иллиана сидящим на лавочке возле ступеней. Саймон побрился, причесался и был при полном параде со всеми регалиями и орденами. Майлз пережил ужасное мгновение, подумав:

а) Иллиан запутался и думает, что ему предстоит встреча с императором.

б) Майлз запутался, и Иллиану действительно предстоит встреча с императором.

– Что происходит, Саймон? – притворно небрежно спросил он.

– А, вот и ты, Майлз! Куда, ты сказал, пошел? А, в госпиталь, вот куда. Извини. Да. Леди Элис попросила меня сопроводить ее на концерт, который она желает послушать сегодня вечером.

– На концерт? А я и не знал, что ты любишь концерты. Куда?

– В Центральный концертный зал Форбарр-Султана. И я понятия не имею, люблю я концерты или нет. Когда я в этом здании обеспечивал безопасность Грегора, мне ни разу не удалось спокойно посидеть и послушать музыку или посмотреть спектакль. Может, теперь я наконец выясню, почему такие красивые люди, как твоя тетя, ходят туда.

– Чтобы покрасоваться друг перед другом, – хмыкнул Майлз. – Хотя, надо думать, это не единственная причина, по которой места там проданы на два года вперед. Видимо, концертный зал столицы – лучший на всем Барраяре.

Надо же, концерт. Ну ничего ж себе! Первое появление Иллиана на публике после срыва, несомненно, произведет фурор в светском обществе. Иллиан выглядел столь же проницательным, как всегда, когда изображал имперского офицера. Послеоперационный шрам почти зажил и, прикрытый волосами, был практически незаметен. Не бросалось в глаза и то, что взгляд его приобрел некоторую неуверенность: раньше, когда Саймон просматривал память чипа, вид у него тоже был несколько отсутствующий, но не такой. Да, но если кто-то специально повредил чип, произвел своего рода нападение… не попытается ли этот некто атаковать снова? Майлз вполне мог представить, как находящийся в депрессивном состоянии Иллиан становится жертвой убийцы, но ему казалось неправильным, что при этом невинной жертвой может оказаться и его, Майлза, единственная тетка.

– А какие ты принял меры безопасности, Саймон?

– Ну, Майлз… сегодня это – проблемы Имперской СБ. Думаю, что им я их и оставлю. – На губах Иллиана заиграла странная улыбка. – А, вот и она!

Из-за двойной входной двери донесся шум приближающейся машины леди Элис. Шелест откидывающейся кабины, шаги шофера. Быстрая поступь леди Элис… Майлз распахнул двери перед своей улыбающейся тетушкой. Нынче вечером на ней было нечто бежевое, с переливающимися складками и оч-чень форское.

– Здравствуй, Майлз, милый, – проворковала она, потрепав его за плечо. Уж лучше так, чем традиционное чмоканье в щеку. По крайней мере она не погладила его по головке. – Саймон!

Иллиан встал и склонился к ее руке.

– Миледи…

Что ж, леди Элис, возможно, и не даст ему заблудиться. Майлз отошел в сторону, позволив ей пройти и забрать свою жертву, которая, кажется, вовсе не возражала. Ради Бога, ведь Иллиан – гость, а не арестант!

– Хм… Будьте поосторожнее! – крикнул Майлз вслед уходящей паре.

Иллиан махнул рукой, затем остановился.

– Подождите. Я… кое-что забыл.

– Да, Саймон? – Леди Элис была само терпение.

– Послание для тебя, Майлз. Очень важное. – Он потер правый висок. – Я положил дискету на твой комм-пульт. Что же там было? А, да. Это от миледи, твоей матери. Она только что вылетела с Комарры и будет здесь через пять дней.

Майлз каким-то образом сумел проглотить готовое сорваться «О черт!».

– Да? А отца с ней нет?

– По-моему, нет.

– Нет, он не летит, – подтвердила леди Элис. – Я сама сегодня получила послание от Корделии – должно быть, она отправила их одновременно. Я так рада, что она поможет мне с помолвкой… Ну, не то чтобы поможет. Ты же знаешь, как твоя мать относится к светским обязанностям. Во всяком случае, окажет моральную поддержку. А нам еще так много нужно успеть.

Губы Иллиана искривились.

– Что-то ты не прыгаешь от радости, Майлз.

– О, думаю, что буду очень рад ее увидеть. Но ты же знаешь, как по-бетански она пытается измерить мою эмоциональную температуру. Одна только мысль о теплой материнской заботе вызывает у меня желание спрятаться и бежать куда подальше.

– М-м-м… – сочувствующе промычал Иллиан.

– Не будь ребенком, Майлз, – твердо заявила тетя Элис.

Шофер поднял колокол кабины, и Иллиан помог леди Элис и ее платью расположиться на сиденье. Годы пристального наблюдения за форами, несомненно, обучили его хорошим манерам.

И Иллиан с теткой уехали, оставив Майлза шататься по особняку и размышлять. Почему же он не водит леди на концерты? Что ему мешает? Ну конечно, припадки. И история с Иллианом. Но и то, и другое, похоже, скоро кончится, и что тогда? Нет, Боже сохрани, никаких двойных свиданий на пару с Айвеном! Майлз вздрогнул, припомнив кое-какие эпические катастрофы. Нет, ему нужно что-нибудь новенькое. Он все еще в лимбе, пленник старых привычек. Он слишком молод для отставника, черт подери! Если бы только Куин была здесь…

Он надеялся, что тетя Элис сегодня вечером будет осторожна. Однажды днем он пошел с Иллианом погулять. Капрал Кости скрытно следовал за ними, и тем не менее Иллиан чуть было не потерялся в двух кварталах от особняка Форкосиганов. Он беспокоился бы гораздо меньше, если б Иллиан с леди Элис остались дома играть в карты.

Иллиан в сопровождении леди Элис вернулся только в два часа ночи. Концерт уже давным-давно закончился. Майлз ворчливо встретил их у самых дверей.

Иллиан не смог скрыть удивления.

– Привет, Майлз! Ты еще не спишь? – Выглядел он нормально, и от него отчетливо пахло хорошим вином и дорогими духами.

– Где ты был столько времени? – требовательно спросил Майлз.

– Сколько столько?

– После концерта.

– О, мы катались. Поужинали. Разговаривали. Ну, ты знаешь.

– Разговаривали?

– Ну, говорила леди Элис. Я слушал. И обнаружил, что это действует на меня успокаивающе.

– А в карты играли?

– Сегодня нет. Иди ложись, Майлз. Во всяком случае, я-то иду спать.

Иллиан, зевая, направился к лестнице.

– Так как тебе понравился концерт? – поинтересовался Майлз.

– Очень, – не оборачиваясь, ответил Иллиан.

«Проклятие, мы все с ума сходим из-за твоего чипа. А ты почему спокоен?»

Нет, нечестно обвинять Иллиана в том, что он стареет. Может, шеф СБ пришел к выводу, что поломка чипа произошла по естественным причинам, и смирился с этим. А может, он лишь более терпелив и искусен в охоте на охотника, чем Майлз. И это тоже неудивительно.

К тому же почему бы Иллиану не провести вечер где-нибудь? Он-то ведь не падает на публике в эпилептическом припадке. Раздраженно хрюкнув, Майлз отправился в постель, но заснуть не мог. Ожидание звонка от доктора Ченко обещало быть долгим.

Доктор Ченко приблизил лицо к своему комму и заговорил:

– Вот что нам удалось сделать на данном этапе, лорд Форкосиган. Мы вынуждены были отказаться от чисто медицинского подхода к проблеме, как, к примеру, ввод наркотиков, замедляющих работу нейронов. Если бы были задействованы только несколько связей, но у вас речь идет о десятках и даже сотнях, а может, и обо всех. Мы не можем их все подавить и, в любом случае, если бы могли, то это лишь снизило бы частоту припадков. К тому же, внимательно изучив данные, мы пришли к выводу, что проблема вообще на молекулярном уровне.

Второй вариант кажется более приемлемым. Мы полагаем, что сможем сделать микроверсию того нейронного стимулятора, с помощью которого мы спровоцировали припадок в лаборатории. Это приспособление можно имплантировать вам вместе с сенсорами, которые будут улавливать возрастающую активность ваших нейронов. Тогда с приближением критического состояния вы сможете вызывать припадок в определенном месте и в определенное время, что обеспечит, так сказать, вашу безопасность. К тому же, вызванные по графику, припадки станут тише и короче.

– И я смогу водить машину? Летать?

«Командовать?»

– М-м-м, если все как следует отладить, то почему нет? Если это вообще сработает.

После короткой внутренней борьбы – с кем? – Майлз буркнул:

– Я был уволен по болезни из-за этих самых припадков. Смогу я… восстановиться? Вернуться на службу?

– Да, я не совсем понимаю… вас должны были отправить на обследование до принятия окончательного решения о вашей отставке. Хм. Ну ладно. Если бы вы еще были на действительной службе, вы могли бы просить – или нажать на все имеющиеся у вас рычаги – и добиться кабинетной работы. Но, поскольку вы уже уволены, вам, безусловно, понадобится… больше рычагов.

Ченко улыбнулся, демонстрируя, что он далек от того, чтобы недооценивать рычаги, имеющиеся в распоряжении лорда Форкосигана.

– Кабинетная работа. Ни на корабле, ни полевым командиром?

– Полевым командиром? Я думал, что вы галактический оперативник Службы безопасности.

– Ах, это… Скажем так, в криокамере я оказался не в результате несчастного случая во время учений.

«Хотя это было весьма поучительно».

– Хм. Ну, это уже не по моей части. Служба безопасности – сама себе хозяйка. Вашу судьбу будут решать медики СБ. Что же касается остальных родов войск, вам понадобится просто потрясающее стечение обстоятельств, чтобы получить что-либо, кроме кабинетной работы.

«Готов поспорить, что смогу их обеспечить».

Но кабинетная работа – совсем не то, она не вписывается в дальнейшее существование лорда Форкосигана. Провести остаток жизни, занимаясь прачечными, или, того хуже, оказаться на должности метеоролога на какой-нибудь Богом забытой базе, в ожидании повышения, которое никогда не придет… нет, будь благоразумным. Без сомнения, он окажется в комфортабельном кабинете в подвалах Службы безопасности и будет анализировать сведения, добытые другими галактическими оперативниками. Будет регулярно получать денежное довольствие – но будет избавлен от стрессов, связанных с возможностью получить должность начальника департамента или главы Имперской безопасности. Будет каждый вечер возвращаться домой, в особняк Форкосиганов, в точности как Айвен каждый день топает к себе в квартиру. И спать один? Не обязательно.

Если бы только он не подделал это чертов доклад!

Майлз вздохнул:

– Боюсь, все это из области предположений. Что же касается контролируемых припадков… На мой взгляд, это не полное излечение. Не так ли?

– Верно. Но пока не появится кто-нибудь умнее меня, это временно решит проблему.

– Допустим, никого умнее вас не появится. Я буду страдать от этих проклятых припадков до конца дней?

Ченко пожал плечами:

– Честно говоря, понятия не имею. Ваш случай – совершенно уникальный в моей практике.

Некоторое время Майлз сидел молча.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Давайте попробуем. И посмотрим, что получится.

Он улыбнулся любимому обороту речи Грегора. Своего рода семейная шутка.

– Отлично, милорд. – Ченко пробежал свои записи. – Нам нужно будет встретиться с вами… м-м-м… через неделю. – Он помолчал, подняв глаза на Майлза. – Простите мое любопытство, милорд… но чего ради Имперский Аудитор желает вернуться на службу лейтенантом СБ?

«Капитаном СБ. Я хотел восстановиться капитаном».

– Я всего лишь исполняю обязанности Аудитора. И мои полномочия закончатся, как только закончится порученное мне дело.

– Хм… И какое же дело вы ведете?

– Очень тонкое.

– Ах, вот как. Прошу прощения.

Выключив комм, Майлз задумался над вопросом Ченко. Хороший вопрос. И у него, кажется, нет достаточно вразумительного ответа.

Глава 20

Шли дни, и Майлз невольно все больше и больше склонялся к тому, что генерал Гарош прав и чип поломался по естественным причинам. Новый и.о. шефа Службы безопасности явно уделял этому делу все меньше внимания. Да и чего ради Гарошу беспокоиться, если все тихо и новой атаки в период всеобщего замешательства не последовало? Переход власти прошел без шума. Если целью возможного заговора была дестабилизация работы Имперской безопасности, а не устранение Иллиана, то этот заговор завершился пшиком.

За три дня до прибытия графини Форкосиган нервы Майлза сдали, и он решил удрать в Форкосиган-Сюрло. Конечно, он не надеялся, да и, по правде говоря, не хотел вообще избежать встречи со своей матушкой. Просто сейчас он к этому еще не готов. Может, несколько дней на лоне природы помогут ему набраться мужества. Кроме того… там – хорошее убежище для Иллиана. Местность – малонаселенная, чужаки заметны сразу, уберечь бывшего шефа СБ от покушения будет не трудно.

Единственное, что вызывало у Майлза сомнение, это удастся ли ему уговорить поехать с ними свою кухарку. Однако Мартину это удалось: матушка Кости отважно решилась покинуть привычный город и отправится в неизведанную глухомань. Майлз начал подумывать о повышении жалованья не кухарке, а ее сыну, чтобы удержать его, а значит, и ее у себя на службе. Но, может быть, вскоре водитель ему больше не понадобится?

Иллиан отнесся к предстоящей экскурсии без особого энтузиазма, даже с прохладцей.

– Эта неделя, скорее всего – последняя, когда здесь еще стоит хорошая погода, – соблазнял Майлз. Действительно, погода в городе портилась все сильнее: похолодало, стало больше дождливых дней, даже выпал первый снег.

– Будет… интересно снова побывать там, – сдался Иллиан. – Посмотреть, соответствуют ли мои воспоминания действительности.

Очередная самопроверка. Саймон мало говорил об этом. Возможно, потому что результаты большинства таких самопроверок были обескураживающими. А может, потому что он быстро забывал об этих самых результатах.

Быстрые утренние сборы – и Майлз, и Иллиан привыкли путешествовать налегке – закончились приятным послеобеденным чаепитием на веранде у озера. Невозможно было не расслабиться этим теплым осенним днем, сидя в тенечке и глядя на окруженную горами зеленую гладь блестящей воды. Деревья уже почти потеряли всю листву и не загораживали панораму. А процесс переваривания пищи излечивал зрителя от последних амбиций. Если так пойдет и дальше, подумал Майлз, придется основательно заняться физической подготовкой, иначе он рискует стать таким же упитанным, как его клон-брат Марк, и свести на нет все старания братца. Он мысленно сделал себе пометку держать Марка подальше от матушки Кости.

В ожидании десерта матушки Кости Иллиан разглядывал лужайку перед домом.

– Хм. Это здесь умер капитан Негри, да? Первая жертва дворцового переворота Фордариана.

– Так мне рассказывали, – ответил Майлз. – А ты тогда был тут? Видел?

– Нет-нет. Я был в столице. Меня переворот застал врасплох, как и всех остальных. – Иллиан задумчиво вздохнул. – Или я так полагаю. Единственное, что я помню – ко мне прибежал кто-то из подчиненных – не могу вспомнить его фамилию – с криком «переворот!», а потом я куда-то еду в машине. И что я до смерти перепуган. Это я помню очень живо, как со страху свело живот. Странно… Почему я помню это, а не… более важные факты?

– Наверное, потому что ты всегда это помнил. Чип регистрировал твои эмоции?

– Нет. Хотя, просматривая информацию, можно было их восстановить.

– Вычислить? Или пережить заново?

– Более или менее.

– Странное, должно быть, ощущение.

– Я привык, – иронически улыбнулся Иллиан, глядя на зеленую лужайку. – Чуть ли не первым моим заданием, когда твой отец сделал меня шефом Имперской безопасности, стало расследование убийства моего предшественника. Кстати, если припомнить, то же можно сказать и о первом задании, полученном Негри на этом посту. Конечно, ему было легче, ведь убийство своего предшественника он организовал сам. Да, все, что на Барраяре повторяется дважды, становится традицией. Пожалуй, я еще легко отделался. Никогда не думал, что смогу расстаться со своей работой, не расставшись с жизнью, хотя отставка твоего отца в прошлом году подавала надежду.

– Это тогда… ты начал рассматривать мою кандидатуру на роль твоего преемника?

– О нет, задолго до того. Точнее, мы с Грегором.

Майлз не был уверен, что хочет задумываться над этим.

– Так… А теперь, поразмышляв неделю, ты все еще считаешь, что чип сломался по естественным причинам?

Иллиан пожал плечами:

– Ничто не вечно. Люди, приборы… Ну, адмирал Авакли рано или поздно сообщит о результатах. Интересно, что поделывает сегодня леди Элис?

– Прочесывает список гостей и составляет окончательный, а попутно заставляет своих секретарей тренироваться в каллиграфии. Во всяком случае, так она сказала.

Вчера леди Элис это говорила им обоим.

– А, – только и сказал Иллиан.

Прибыл десерт, и за столом воцарилось молчание, нарушаемое лишь звуком жующих челюстей и невнятными одобрительными восклицаниями.

– Итак, – произнес наконец Иллиан, – чем же занимаются отставные офицеры и джентльмены на отдыхе за городом?

– Чем им угодно. Спят?

– Этим мы занимались всю неделю.

– Верховая езда тебя привлекает?

– Не очень. Генерал, твой дедушка, время от времени настаивал на том, чтобы учить

меня, когда я бывал здесь. Я могу выжить, сидя верхом на лошади, но что-то не припомню, чтобы это можно было назвать сибаритским времяпрепровождением. Скорее из области мазохизма.

– А! Тогда можно погулять. И поплавать, хотя с моей стороны это не очень осторожно… впрочем, я могу надеть спасательный жилет.

– Вода, должно быть, уже прохладная, или нет?

– Не так, как весной.

– Думаю, обойдусь без водных процедур. Все это – для более молодых.

– Да, для ребенка здесь – сплошное раздолье! – Майлз прокрутил оставшиеся варианты. – Можно рыбку поудить. Я-то никогда этим не увлекался. Сержант Ботари не любил чистить рыбу.

– Заманчиво.

– Согласно традиции, следует взять в деревне местного пива – там одна женщина делает просто отменное – и свесить бутылки за борт. Если пиво становится слишком теплым, чтобы его можно было пить, значит, для рыбалки слишком тепло.

– И в какое же время года такое бывает?

– Ни в какое, насколько мне известно.

– Мы, безусловно, станем соблюдать все традиции, – с серьезной миной произнес Иллиан.

На то, чтобы вытащить лодку из сарая, ушло полдня, и в результате они оказались на озере в дневную теплынь, а не в туманную утреннюю прохладцу. Что вполне устраивало Майлза. Основных принципов рыбалки он не забыл, а тонкостей никогда и не знал. Необходимость протыкать крючком несчастных извивающихся червей отпала с изобретением протеиновых кубиков, которые, согласно надписи на упаковке, привлекают рыб стаями, косяками или как там это называется.

Они с Иллианом сложили пиво в сетку, свесили ее за борт и уселись, наслаждаясь тишиной и прекрасным видом. Охранник, один из трех, приставленных сопровождать сюда Иллиана, устроился на берегу возле маленького гидрофлайера и издали наблюдал за ними.

Лески почти одновременно переметнулись через борт, грузила ушли под воду, и крючки с наживкой исчезли в глубине. На таком расстоянии от берега каменистое дно уже не было видно. Майлз с Иллианом расположились на складных стульчиках и открыли по бутылке пива. Напиток оказался пенистым и почти таким же темным, как воды озера. Вне всякого сомнения, он просто бурлил витаминами. Пиво скользнуло Майлзу в глотку с приятным покалыванием, и хмельной аромат ударил в ноздри.

– Было бы интереснее, – заметил через некоторое время Иллиан, – если бы рыба была вооружена и открывала ответный огонь. Как ты думаешь, если бы рыбы ловили людей, какой бы наживкой они пользовались?

Майлз живо представил удочку, на конце которой висит кусок пряного персикового торта.

– «Пошли на людоловлю?» Не знаю. А какой наживкой привык пользоваться ты?

– Человеческими слабостями. Деньги, власть, месть, секс… Вообще-то на самом деле все не так просто. Самое хитроумное дело, которое я помню… Бог мой, почему я помню это, когда не могу вспомнить… А, ладно! Суть в том, что тогдашний премьер-министр Фортала вел тяжелые переговоры с Полом по поводу доступа к п-в-туннелю и перепробовал все, что только мог придумать, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Посол Пола тогда намекнул Форталe, что больше всего на свете он хочет живого слона. Я по сей день не знаю, действительно ли он хотел слона, или это была просто самая невозможная и абсурдная вещь, которая пришла ему в тот момент в голову. Однако что сказано, то сказано… Вообще-то это было проблемой департамента по делам галактики, но я лично дал задание своему агенту, чтобы понаблюдать за реакцией. До сих пор помню его остекленевший взгляд, когда он выдавил: «И… каких размеров должен быть слон, сэр?» Немного было таких моментов в

моей работе. Я их лелею и холю. Это произошло еще до тебя, иначе ты же понимаешь, о ком я бы подумал в первую очередь.

– О, премного благодарен. Ну и… нашел твой агент слона?

– Он был элитой СБ. Конечно, нашел. Маленького. Я, естественно, лично присутствовал, когда Фортала доставил этого самого слона в посольство Пола, произнеся своим сладеньким тоненьким голоском: «Подарок от моего сиятельного владыки, императора Грегора Форбарры…» Грегору тогда было лет десять, и он скорее всего предпочел бы оставить скотинку себе. Твой отец весьма предусмотрительно не сказал ему, что подарил кому-то слона.

– И Фортала получил свой договор?

– Конечно. Думаю, посол действительно мечтал о слоне, потому что когда он вышел из ступора, то был просто счастлив. Они держали слона на задворках посольства около года, и посол сам мыл его и ухаживал за ним, а потом увез домой, на Пол. И это расширило мой кругозор. Деньги, власть, секс… и слоны.

Майлз хрюкнул. Он подумал о своих слабостях, которые вели его так долго и завели так далеко. К смерти и воскрешению. Деньги его не прельщали, видимо, потому, что он никогда не испытывал недостатка в деньгах, разве что в астрономических количествах, необходимых для починки боевых крейсеров. Марк, наоборот, сам сколачивал себе неплохое состояние. Власть? Он отнюдь не стремится править Империей или Дендарийским флотом. Просто он не терпит, когда кто-то пытается управлять им самим. Это не жажда власти, это страх. Страх перед чем? Страх стать жертвой их некомпетентности? Страх быть уничтоженным, как мутант, если постоянно не доказывать свое превосходство? Сознательно, видимо, так оно и есть. Его собственный дед, как ему рассказывали, пытался убить его. Внук-мутант – позор семьи! И в детстве случались еще всякие неприятности. Не будь рядом с ним в то время сержанта Ботари… Но вряд ли это скрытая мотивация. Нет, это не та слабость, из-за которой вляпываешься в крупные неприятности, сам не понимая почему.

Он сделал еще глоток прохладного пива. «Личность. Вот мой слон», пришла уверенная мысль. Не слава как таковая, хотя известность имеет определенное значение. Ты тот, кем тебя делают твои деяния. «А я сделал многое». Если жажду стать личностью можно перевести в категорию пищи, то он был бы таким обжорой, что Марку и не снилось. «Это иррационально, стремиться быть кем-то так сильно, до боли». А достаточно – это сколько?

Иллиан тоже отхлебнул пивка и подергал леску.

– Ты уверен, что здесь вообще водится рыба?

– О, да! Она водится здесь уже не одно столетие. Можно лечь на причал и понаблюдать за мальками, снующими возле камней, или поплавать среди них. Это озеро было терраформировано сразу, как только закончился Период Изоляции. Причем терраформировали его старым добрым дедовским способом: покидали туда всякий органический мусор, украденные водоросли и разнообразных рыбешек, авось возникнет земноподобная экосистема. Поскольку во времена графа – моего дедушки была целая толпа ребят, работавших в администрации графства в Хассадаре, которые занимались научным терраформированием и рыбоводством провинции, то воду можно спокойно пить, а рыба водится вполне приличная. Озерная форель, окуни, пресноводный лосось… тут, под нами, плавают весьма ценные сорта.

Иллиан с некоторым сомнением посмотрел на прозрачную воду:

– Правда?

Он вытянул леску и поглядел на крючок. Протеиновый кубик исчез.

– Я наживку насаживал?

– Да. Я сам видел. Скорее всего она сорвалась.

– Ловкие пальчики у рыбки.

Иллиан удержался от искушения выдать более пространную шуточку насчет рыб-мутантов. Он покрепче насадил наживку и снова забросил удочку.

Открыли еще по бутылке. Майлз сел на борт и свесил ноги в воду.

– Очень неэффективный способ ловли, – заметил Иллиан.

– Я и сам над этим не раз задумывался. Не думаю, что тут предусматривается эффективность. Скорее, рыбную ловлю специально изобрели для того, чтобы создать видимость напряженной деятельности, когда, по сути, не делаешь ничего. Возможно, чтобы отвязаться от жен.

– Я бью баклуши вот уже целую неделю, – хмыкнул Иллиан и немного погодя добавил: – А толку никакого.

– Неправда. Ты уже лучше играешь в карты. Я за тобой следил.

– По-моему, в последний раз вы с леди Элис специально сговорились, чтобы дать мне выиграть.

– Не-а.

– А! – Иллиан просветлел, но лишь на мгновение. – Боюсь, способности играть в карты, изредка выигрывая, недостаточно, чтобы я смог вернуться в СБ.

– Дай время. Ты только-только начал поправляться.

Майлзу свело ноги, и он вернулся на свой складной стул.

Иллиан посмотрел на дальний коричнево-зеленый, освещенный предзакатными лучами, берег.

– Нет. У успеха есть пик. И когда ты побывал на этом пике, играя в полную силу, ты не можешь потом играть хуже. Перефразируя любимое изречение твоей матери, все, что не может быть сделано хорошо, не стоит того, чтобы им заниматься. А руководство Имперской службой безопасности – далеко не игра. Слишком много человеческих жизней от тебя зависят, причем ежедневно.

– М-м-м… – промычал Майлз, отхлебнув пива.

– Я прослужил императору два раза по двадцать лет, – продолжил Иллиан. – Начал в восемнадцать, в военном училище, еще при Эзаре. Не в Имперской Академии, в те времена требовалось больше баллов, денег и слогов в начале фамилии, чтобы попасть туда. Я пошел в провинциальное училище. И никогда не собирался отслужить три раза по двадцать. Понимал, что придется уйти раньше, только не знал, когда именно. Я начал служить Грегору, когда ему было пять лет. А теперь он уже давно взрослый.

– И в этом – немалая твоя заслуга, – сказал Майлз.

Иллиан кивнул:

– Не только моя. Но я не могу… быть тем, кто я есть… кем я был… и не знать этого.

– А я не отслужил и первой двадцатки, – мрачно буркнул Майлз. – Даже близко не подошел.

Иллиан прокашлялся, пристально глядя на леску.

– По-моему, клюет.

– Вряд ли. Иначе бы она сильнее натянулась. Это течение тянет грузило.

– Должен заметить, что вовсе не собирался сейчас в отставку, – бросил Иллиан. – Я бы хотел сам провести Грегора через свадебные церемонии…

– А потом – через следующий кризис, – поддел его Майлз. – И через следующий, и…

Иллиан согласно крякнул.

– Так что… может, оно и к лучшему, – произнес он немного спустя. – Ты не думаешь, что всю рыбу в твоем озере кто-то украл?

– Сначала пришлось бы ее всю поймать.

– Ха! Верно подмечено! – Иллиан выудил сетку с пивом, одну бутылку открыл, а вторую протянул Майлзу. Выпив примерно полбутылки, он сказал:

– Я понимаю, как много для тебя значили дендарийцы. Я рад, что ты выжил.

Он не сказал «извини», отметил Майлз. Катастрофа, произошедшая с Майлзом, была отчасти его рук делом.

– Смерть, где твое жало? – Он подергал леску. – Крюк, где твоя рыба?.. Нет. Я обнаружил, что самоубийство больше для меня не выход. Это не старый добрый подростковый кризис. Я больше не лелею тайную мысль, что смерть каким-то образом

минует меня, если я сам не предприму ничего в этом направлении. А отдать жизнь… Ну, кажется глупым не использовать то, что мне дано, целиком. Не говоря уж о том, что с моей стороны это будет чертовски неблагодарно.

– Ты думаешь… ты и Куин… как бы поделикатнее выразиться? Ты думаешь, что сможешь убедить капитана Куин заинтересоваться лордом Форкосиганом?

А, вот в чем все дело. Иллиан пытается извиниться за то, что поломал личную жизнь Майлза. Майлз пил пиво, серьезно размышляя над этой темой.

– Прежде я не имел такой возможности. Хочу попробовать… должен попытаться еще раз. Снова. – Когда? Как? Где? Как больно думать о Куин! Как больно вообще думать о дендарийцах. Ну, значит, и не надо о них думать. Во всяком случае, много. «Хочу еще пива». – Что же до остального… – Майлз, горько усмехнувшись, отхлебнул пива. – Есть неопровержимые свидетельства тому, что я уже слишком стар, чтобы изображать собой живую мишень. На самом деле в последнее время я предпочитал задания, не требующие использования крупной военной силы.

– В конечном счете ты все-таки мудреешь, – резюмировал Иллиан, глядя на Майлза сквозь стекло бутылки. – Хотя даже маневренная война требует значительного количество войск, чтобы было чем маневрировать.

– Мне нравится побеждать, – тихо сказал Майлз. – Вот это мне действительно нравится.

Иллиан швырнул бутылку в ящик и свесился за борт, глядя на воду. Затем вздохнул, поднялся, поправил навес и снова выудил сетку с пивом. Вместо рыбы.

Майлз помахал недопитой бутылкой, показывая, что у него пока есть, устроился поудобнее и уставился на неподвижную леску, уходящую в темную глубину.

– Мне всегда это каким-то образом удавалось. Я добивался победы любой ценой. На столе или под столом, но я выигрывал. Эти припадки – первый враг, которого я не могу перехитрить.

Брови Иллиана вопросительно изогнулись.

– Говорят, самые неприступные крепости в конечном счете были взяты из-за предательства.

– Меня побили. – Майлз задумчиво подул в горлышко бутылки. – И все же я выжил. Сам того не ожидая. И чувствую себя поэтому выведенным из равновесия. Я должен был побеждать. Всегда. Или умереть. Итак… в чем еще я ошибался?.. Вот теперь я возьму еще бутылочку, спасибо.

Иллиан откупорил бутылку и протянул Майлзу. Вода становилась ледяной. Определенно, в этом году уже поздно купаться. Или топиться.

– Может быть, – после продолжительного молчания произнес Иллиан, – поколения рыбаков уже выловили всю рыбу, оказавшуюся достаточно глупой, чтобы дать себя поймать.

– Может, и так, – согласился Майлз. Похоже, его гость заскучал. Как вежливый хозяин, он срочно должен что-нибудь предпринять.

– Сомневаюсь, что здесь вообще есть рыба. Пустое дело, Форкосиган.

– Не-а. Я ее сам видел. Будь у меня парализатор, я бы тебе доказал.

– И ты в наше время ходишь без парализатора, мальчик? Неразумно.

– Эй, я теперь Имперский Аудитор! В моем распоряжении здоровенные бугаи, которые сами таскают парализаторы, как большие мальчики.

– В любом случае ты не смог бы парализовать кого бы то ни было сквозь всю эту толщу воды, – твердо заявил Иллиан.

– Ну, не парализатор, а только зарядное устройство.

– Ха! – Иллиан было возрадовался, но сомнение его не оставляло. – Рыбу ведь можно глушить, верно? Я не сообразил.

– О, это старый способ горцев. У них-то нет времени отсиживать задницы, забрасывая леску. Это форские извращения. А горцы были голодными и хотели есть. К тому же владельцы озера рассматривали это как расхищение их запасов, поэтому было жизненно

важно проделать все быстро, пока не заявились графские оруженосцы.

Примерно через минуту Иллиан сообщил:

– У меня случайно оказался с собой парализатор.

«О Господи, мы позволили тебе разгуливать с оружием?!»

– О?

Иллиан поставил недопитую бутылку и достал из кармана парализатор.

– На. Жертвую. Хочу посмотреть, как это делается.

– А, ну ладно… – Майлз поставил бутылку, отдал удочку Иллиану и осмотрел парализатор. Так, заряжен полностью. Он извлек зарядное устройство и начал его переделывать в лучшем стиле оперативников СБ «Как Превратить Ваш Парализатор в Ручную Гранату». Отхлебнув пива, сосчитал до трех и швырнул устройство за борт.

– Надеюсь, оно тонет, – прокомментировал Иллиан.

– Тонет-тонет. Смотри.

Светлый квадратик исчез в глубине.

– Сколько секунд? – спросил Иллиан.

– Ну, точно не знаешь никогда. Одна из причин, почему этот маневр всегда чертовски мудреный.

Примерно через полминуты темная вода осветилась изнутри яркой вспышкой и забурлила вокруг лодки.

Охранник на берегу резко вскочил и уставился на них в мощный бинокль. Майлз успокаивающе помахал ему и медленно сел.

– Ну? – вопросил Иллиан, глядя в воду.

– Обожди.

Минуты через две из глубин поднялась светлая блестящая рыбина. Затем еще одна. И еще. Еще две, серебристые и склизкие, всплыли на поверхность.

– Боже! – Похоже, на Иллиана это произвело впечатление. – Рыба…

Он уважительно отсалютовал Майлзу бутылкой.

Рыба, да еще какая. Самая маленькая – сантиметров пятидесяти длиной. Лосось. Форель, которая, должно быть, плавала тут еще при старом графе Петере. Остекленевшие глаза с укоризной смотрели на Майлза, который, свесившись за борт, собирал рыбу в сеть. Холодные и скользкие. Майлз чуть было не составил им компанию в их водяной могиле, но Иллиан предусмотрительно держал его за щиколотки. Добыча, выложенная в ряд на палубе, весьма впечатляла. Чешуя переливалась в лучах заходящего солнца.

– Мы наловили рыбы, – заявил Иллиан. – Можем возвращаться?

– У тебя есть еще одно зарядное устройство?

– Нет.

– А пиво осталось?

– Мы выпили последнее.

– Тогда можем.

Иллиан злорадно улыбнулся.

– Не могу дождаться, – пробормотал он, – когда кто-нибудь у меня спросит, что мы использовали как наживку.

Майлз исхитрился пристать к берегу, не разбив лодку, несмотря на отчаянное желание пописать и ощущение болтанки, не имевшее никакого отношения к волнам за бортом. Он ринулся к дому, схватив двух самых маленьких рыбин и предоставив Иллиану сражаться с тремя крупными.

– Нам придется их все съесть? – очнувшись от грез, просипел Иллиан.

– Может, одну. А остальные можно почистить и заморозить.

– А кто будет этим заниматься? Матушка Кости? Сомневаюсь, чтобы ты хотел оскорбить свою кухарку, Майлз.

– Никоим образом. – Майлз остановился, задумался и мотнул головой. – А для чего, по-твоему, существуют любимчики?

Мартин, привлеченный шумом, шел к ним вниз по дорожке.

– А, Мартин, – прожурчал Майлз тем самым тоном, от которого многоопытный Айвен немедленно повернулся бы и сбежал. – Ты-то мне и нужен. Отнеси вот это матери, – Майлз вывалил свой груз ему в сложенные руки, – и сделай с ними все, что она тебе велит. Сюда, Саймон.

Ласково улыбаясь, Иллиан отдал молодому человеку свою часть рыбы.

– Спасибо, Мартин.

И они пошли к дому, даже не оглянувшись на его жалобное «Милорд?..». Самым большим жизненным устремлением Майлза в данный момент было добраться до туалета, до душа и постели. Именно в такой последовательности. И этого вполне хватит.

Вечером Майлз с Иллианом сидели в гостиной, поглощая на ужин рыбу. Матушка Кости приготовила самую маленькую форель (которой вполне хватило бы, чтобы накормить весь дом) в таком бесподобном соусе, который сделал бы объедением печеную доску, а рыбу превратил в пищу богов.

Иллиана явно развлекало это доказательство их способности быть добытчиками.

– И часто ты тут этим занимаешься? Кормишь все свое семейство?

– Когда-то я занимался этим очень часто. Потом сообразил, что моя матушка – бетанка, которая никогда не ест ничего, кроме искусственных протеинов, а рыбу храбро жует и лжет мне, говоря, какой я хороший мальчик. Тогда я перестал – хм – бросать вызов ее кулинарным предпочтениям.

– Могу себе представить, – ухмыльнулся Иллиан.

– Хочешь, наловим завтра еще?

– Лучше подождем, пока закончится эта.

– Ну, тут нам помогут местные кошки. В данный момент их возле кухни отирается штуки четыре: пытаются обаять кухарку. Когда я туда заглядывал в последний раз, они явно добивались успеха.

Майлз медленно потягивал вино. Огромное количество воды, сон и кое-какие таблетки решили проблему пивного похмелья и перегрева. Очень непривычное и необычное ощущение – полная расслабленность. Не надо никуда идти. Или ехать. Вообще куда-то двигаться. Наслаждаться настоящим. Сейчас, которое имеет налет бесконечности.

Приплелся Мартин – на сей раз без еды:

– Милорд, вас вызывают по комму.

«Кто бы это ни был, скажи, чтобы перезвонили завтра. Или на следующей неделе». Нет, это может быть графиня. Вдруг она приехала раньше или звонит ему с орбиты. Теперь он, кажется, готов к этой встрече.

– Кто?

– Говорит адмирал Авакли.

– О! – Майлз отложил вилку и немедленно поднялся. – Спасибо, Мартин.

На экране комма появилось лицо Авакли.

– Слушаю, адмирал. – Майлз скользнул на стул и отрегулировал изображение.

– Милорд Аудитор, – коротко кивнул Авакли. – Моя группа готова представить доклад. Мы можем доложить одновременно вам и генералу Гарошу, как вы хотели.

– Хорошо. Когда?

Чуть поколебавшись, Авакли произнес:

– Я бы рекомендовал как можно быстрее.

Майлз похолодел.

– Почему?

– Вы хотите обсудить это по комму?

– Нет. – Майлз облизнул вдруг пересохшие губы. – Я… понял. Мне нужно около двух часов, чтобы добраться до Форбарр-Султана. – И для этой встречи лучше бы еще успеть переодеться. – Мы можем встретиться, скажем, в 26.00. Если, конечно, вы не предпочтете

перенести это на завтра.

– Как вам угодно, милорд Аудитор.

Авакли не возражает против полуночной встречи. Вердикт «естественная причина» подобной спешки не требует. Все равно теперь вряд ли удастся уснуть.

– Значит, ночью.

– Отлично, милорд. – Прощальный кивок Авакли явно выражал одобрение.

Майлз отключил комм и резко выдохнул. Жизнь снова набирала скорость.

Глава 21

В здании Имперской безопасности ночная тишина. Конференц-зал клиники походил на склеп. Вокруг стола стояло пять стульев. Так, очередной медицинский брифинг. За последние дни Майлз узнал о содержимом человеческой головы, включая свою собственную, гораздо больше, чем бы ему хотелось.

– Кажется, нам не хватает стульев, – сказал Майлз адмиралу Авакли. – Или вы хотите, чтобы генерал Гарош слушал стоя?

– Я могу принести еще, милорд Аудитор, – тихо ответил Авакли. – Мы не ожидали… – Он бросил взгляд на Иллиана, усевшегося слева от места, предназначенного Майлзу, рядом с полковником Рубаном и напротив доктора Уэдделла.

Майлз не был уверен в разумности присутствия Иллиана, но испытываемая Авакли неловкость придала ему решимости.

– Это избавит меня от необходимости все ему пересказывать, – так же тихо ответил Майлз. – Кроме того, я не знаю другого человека, у кого было бы больше прав на эту информацию.

– Не могу с этим спорить, милорд.

«Да уж, лучше не надо».

Авакли вышел за стулом.

Майлз напялил на себя коричневый с серебром мундир Форкосиганов, но ордена на сей раз оставил в ящике стола. Он хотел, чтобы ничто не отвлекало внимания от золотой цепи Аудитора, висевшей у него на груди. Иллиан предпочел гражданский костюм: рубашку с открытым воротом, свободного кроя брюки и пиджак. Наряд выздоравливающего человека на отдыхе. Любезность по отношению к Гарошу? Только ведь Иллиан так часто носил гражданский костюм и на службе, что послание, если таковое имеется, рискует остаться незамеченным.

Авакли с Гарошем вошли в конференц-зал вместе. Гарош увидел Иллиана, и губы его изумленно дрогнули. Иллиан повернул голову и поздоровался:

– Здравствуй, Лукас.

В низком голосе Гароша звучали мягкие нотки.

– Здравствуйте, сэр. Приятно снова видеть вас на ногах. – Но все же, повернувшись к Майлзу, он прошептал: – С ним ничего не случится? Он готов все это выдержать?

– Вполне, – улыбнулся Майлз, отметая собственные сомнения на сей счет.

Подчиняясь короткому жесту Гароша, присутствующие решили обойтись без официальных армейских приветствий. Послышался стук и скрип – все рассаживались по местам, затем стало тихо. Стоять остался только адмирал Авакли.

– Милорд Аудитор, – начал он, – генерал Гарош, господа. Шеф Иллиан. – Он кивнул Иллиану отдельно. – Не думаю, что то, что я скажу, для вас будет сюрпризом. Как мы выяснили, повреждения эйдетического чипа шефа Иллиана имеют искусственное происхождение.

Гарош, тяжело вздохнув, кивнул:

– Я этого боялся. Надеялся, что причина более проста.

Майлз тоже на это надеялся.

– Простота – последнее слово, каким бы я это описал, – ответил Авакли.

– Значит, мы имеем дело с покушением, – прокомментировал Гарош.

Авакли пожевал губу.

– Это, сэр, уже по вашему профилю. Я, пожалуй, буду придерживаться нашей терминологии. Повреждение искусственного происхождения. А суть вам объяснит доктор Уэдделл, который, – над бровью Авакли появилась маленькая морщинка, – сумел восстановить всю цепочку. Доктор Уэдделл, прошу вас.

По этой морщинке Майлз понял, что Уэдделл-Канабе был, как всегда, гениален и несносен. И если его гениальность когда-нибудь изменит ему, он, несомненно, весьма удивится, обнаружив, сколько проблем создает ему его несносность. Но Авакли слишком честен, чтобы присваивать чужие успехи. Уэдделл поднялся, его аристократическое лицо было напряженным, даже чуть мрачным.

– Если вы хотите увидеть виновника, непосредственно виновника, то вот его портрет. – Уэдделл включил изображение. На экране появился ярко-зеленый неровный шарик, вращающийся вокруг своей оси. – Цвет, естественно, – компьютерная добавка – я тут позволил себе художественную вольность. Объект увеличен в несколько миллиардов раз. Это, господа, биоинженерный апоптический прокариот. Точнее, так я его реконструировал.

– Что? – спросил Майлз. – Попроще, пожалуйста.

Уэдделл болезненно улыбнулся, несомненно, роясь в мозгу в поисках односложного слова. Майлз пожалел о последних выпитых бутылках пива.

– Маленький жучок, который поедает всякую всячину, – предложил Уэдделл вариант перевода.

– Не настолько упрощенно, – сухо бросил Майлз. Сидящие за столом барраярцы, зная, какой властью обладает Имперской Аудитор, заерзали, услышав его тон. Иммигрант Уэдделл не отреагировал никак. «Никогда не спорь с педантом о терминологии. Только зря потратишь время и надоешь педанту». Майлз решил не обращать внимания. – Прокариот. Ладно. Реконструированный?

– Я дойду до этого через минуту, милорд Аудитор. Это с натяжкой можно квалифицировать как форму жизни, поскольку он меньше и проще бактерии, но тем не менее осуществляет две жизненные функции. Фигурально выражаясь, он ест. Конкретно, производит энзим, который уничтожает протеиновую матрицу, имеющуюся в эйдетическом чипе и еще в нескольких подобных ему нейроприспособлениях, распространенных по всей галактике. Он разрушает только это и ничто другое. Затем, поглотив полученный в результате продукт, начинает репродуцироваться простым делением. Популяция прокариотов, попав на пастбище, то есть в данном случае на протеиновый чип, где можно кормиться, начнет увеличиваться в геометрической прогрессии. До заранее заданного количества. Прокариот запрограммирован на самоуничтожение после определенного количества циклов деления. К тому моменту, когда чип оказался у нас в руках, почти все они это и проделали, предоставив мне неплохую головоломку. Еще неделя – и анализировать было бы нечего.

Гарош вздрогнул.

– Итак, его создали специально для Иллиана? – спросил Майлз. – Или это промышленное производство?

– На ваш первый вопрос я ответить не могу. Но по его молекулярной структуре могу определить многое. Во-первых, кто бы его ни создал, он не начинал с нуля. Это модификация уже существующего запатентованного организма, предназначенного для разрушения нейронных тромбов. На некоторых молекулярных фрагментах еще можно различить галактический код патента. Модифицированные прокариоты, однако, никаких фирменных знаков не имеют. Как и патентного кода и лицензии. Изначальный патент получен десять лет назад, что, кстати, дает вам точку отсчета в имеющейся у вас временной проблеме.

– Это был мой следующий вопрос, – кивнул Майлз. – Надеюсь, мы сможем сузить временные рамки.

– Конечно. Но вы видите, как много следует уже из наличия и отсутствия кодов. Оригинальный прокариот был похищен для иных целей, и люди, его модифицировавшие, явно не собирались пускать его в промышленное производство. Так что налицо все признаки разовой работы для разового заказчика.

– Не джексонианская ли это работа, часом? – спросил Майлз. «Уж ты-то должен знать».

– Некоторые детали указывают именно на это. К сожалению, я лично с таким не сталкивался.

Значит, это не произведение лабораторий Бхарапутры, бывшего работодателя Уэдделла-Канабе. Да, это было бы слишком большой удачей. Но существует еще добрая дюжина Домов на Архипелаге Джексона, где могли выполнить подобную небольшую работенку. За определенную мзду.

– Сколько стоит его производство? Точнее, заказ на производство?

– М-м-м… – Уэдделл задумчиво уставился в пространство. – Сама работа обойдется примерно в пятьдесят тысяч бетанских долларов. А какова наценка? Кто знает? Одна только просьба о секретности со стороны покупателя поднимет цену процентов на пять. И вообще все зависит от конъюнктуры.

Значит, работа не какого-то одного придурка. Разве что это был фантастически богатый одинокий придурок. Возможно, какая-то организация. На ум пришли комаррские террористы – они, увы, всегда вспоминались в первую очередь.

– Это не может быть работой цетагандийцев? – поинтересовался Гарош.

– О нет, едва ли, – ответил Уэдделл. – Совсем не их стиль. По большому счету, цетагандийская работа всегда отличается качеством, оригинальностью и, если так можно выразиться, элегантностью. А это слеплено кое-как. Весьма эффективно, смею заметить, но кое-как. На молекулярном уровне.

Иллиан скривил губы, но промолчал.

– Программа на самоуничтожение, – продолжил Уэдделл, – могла быть ляпом, просто перенесена с оригинала. Или… создана специально, чтобы уничтожить улики.

– А вы не можете уточнить?

– В ней есть небольшие усовершенствования по сравнению с оригинальным медицинским прокариотом… Но в любом случае она специально оставлена на месте. Я могу предложить вам только факты, милорд. Я не могу вам рассказать о намерениях неизвестного человека.

«Верно, это уже мое дело».

– Так… И когда его ввели Иллиану? И каким образом?

– «Ввели» – не совсем верный термин, хотя при данных обстоятельствах и допустимый. Когда появились первые явные признаки срыва?

– Четыре недели назад, – сказал Гарош. – На общем совещании.

– На самом деле примерно на неделю раньше, – вмешался Майлз. – По словам моего осведомителя.

Гарош бросил на него пронзительный взгляд.

– Неужели?

Иллиан шевельнулся, будто собираясь что-то сказать, но не издал ни звука.

– Хм. Прокариот начинает размножаться не очень скоро. Многое зависит от того, какова была начальная доза.

– Ладно, но как это было сделано? – настойчиво спросил Майлз. – И кстати, как его хранят и транспортируют? Сколько он хранится? Требуются ли какие-то особые условия?

– Хранят сухими, в капсулах, при комнатной температуре, однако небольшой холод тоже не помеха. Сколько хранится? Господи, да сколько угодно! Впрочем, этому явно меньше десяти лет. Активируется влагой, предположительно при введении, для чего требуется влажная поверхность. Слизистая оболочка, например. Его можно вдохнуть, как пыль, вколоть в растворе или заразить через какую-нибудь царапину. Лопнувшая кожа и немного влаги – и все. Причем достаточно небольшой царапины.

– А если проглотить?

– Большая часть прокариотов погибнет под воздействием желудочного сока. В принципе такое возможно, но тогда начальная доза должна быть очень большой, чтобы хотя бы часть попала в кровяной поток и, соответственно, в чип.

– Так… остается выяснить когда. Какой максимальный срок, по-вашему? Не могли бы вы на основании репродуктивного цикла рассчитать время введения?

– Только очень приблизительно. Один из многих возможных вариантов, понимаете? Введение было произведено от одной до десяти недель до появления первых симптомов.

Майлз повернулся к Иллиану:

– Можешь припомнить что-нибудь?

Иллиан беспомощно покачал головой.

– Существует ли возможность… могло ли… возможно ли случайное заражение? – сформулировал наконец вопрос Гарош.

Уэдделл скривил губы.

– Возможно? Кто знает? Какова вероятность случайного события, вот в чем вопрос. – И он поглядел с таким видом, будто несказанно счастлив, что не ему на этот вопрос отвечать.

– Были ли какие-либо сообщения, – развернулся Майлз к Гарошу, – о ком-нибудь на Барраяре, у кого вживлено нечто подобное, и чип таинственным образом сломался? – Кстати говоря, а есть ли вообще у кого-нибудь на Барраяре в голове нечто подобное?

– Насколько мне известно, нет, – ответил Гарош.

– Мне бы хотелось, чтобы Служба безопасности перепроверила еще раз.

– Слушаюсь, милорд. – Гарош сделал себе пометку.

– У прыжковых пилотов имплантаты сделаны по иному принципу, – сообщил Авакли. – Слава Богу. – Он моргнул, вероятно, представив себе, какой бы возник хаос, порази такая штука пилотов.

– Этот прокариот в любом случае не передается обычным путем, – заверил присутствующих Уэдделл. Довольно бесцеремонно, на взгляд Майлза.

– Насколько я понимаю, нам придется рассматривать самый плохой сценарий, – вздохнул Майлз.

– Да уж, – вздохнул, в свою очередь, Гарош.

– На мой взгляд – это диверсия, – продолжил Майлз. – Преднамеренная, продуманная и коварная. – «И жестокий. Господи, какой жестокий!» – Теперь нам известно, что и как. И приблизительно – когда. Но кто и почему? – «Ах, вот мы опять вернулись к мотивации. Я прикоснулся к слону, и это оказалось очень похоже – какие там шесть ответов? – на канат, дерево, стену, змею, шпагу, веер…» – Метод нам также известен. Неизвестен мотив. У тебя слишком много врагов, Саймон, но ни один из них не имеет к тебе ничего личного. Во всяком случае, так мне кажется. Ты ведь… не спал с чьей-то женой или дочерью, или что-то в этом роде?

Губы Иллиана дрогнули в усмешке.

– Увы, нет, Майлз.

– Следовательно, это кто-то, кто ненавидит вообще Службу безопасности. По политическим мотивам? Дьявольщина, все равно остается слишком много вариантов. Хотя у этих точно есть деньги и – хм – терпение. Сколько времени, по-вашему, требуется на изготовление этих микробестий, доктор Уэдделл?

– В лабораторных условиях – месяца два, не больше. Если не срочно. Если срочно – как минимум месяц.

– Плюс время на перелеты… думаю, заговор начался как минимум полгода назад.

Гарош откашлялся.

– Судя по всему, истоки надо искать за пределами Барраяра. Мне бы хотелось выяснить, в какой именно лаборатории его изготовили и когда. С вашего позволения, милорд Аудитор, я немедленно прикажу департаменту по делам галактики направить своих агентов по джексонианскому следу. С приказом поглядывать и по сторонам, конечно. Например, на

Эскобар. В конце концов, Архипелаг Джексона не владеет полной монополией на теневой бизнес.

– Да, пожалуйста, генерал Гарош, – кивнул Майлз. Это как раз та самая работа ногами, которую СБ могла проделать гораздо лучше, чем Майлз. Настоящий Имперский Аудитор обычно располагает своим собственным штатом, которому поручает такого рода работу. Так, похоже, в конечном итоге он таки окажется запертым в подвалах СБ. Должно быть, это рок.

– И я прослежу каждый шаг шефа Иллиана за последние, скажем, шестнадцать недель, – добавил Гарош. – За исключением последних пяти.

– Я главным образом находился в штаб-квартире, – сообщил Иллиан. – Пару раз выезжал в город… кажется… Но я уверен, что за этот период ни разу не покидал Барраяр.

– Был еще официальный ужин у Грегора, – напомнил Майлз. – И еще пара вещей, которые ты лично контролировал.

– Так. – Гарош сделал себе еще пометку. – Нам потребуется список всех инопланетников, с кем шеф Иллиан мог лично контактировать за это время. Список получится большой, но не бесконечный.

– Можете ли вы еще сузить временные рамки? – спросил Майлз у Авакли и Уэдделла.

Уэдделл развел руками. Авакли покачал головой:

– Только не на основании имеющихся у нас данных, милорд.

– А вы можете еще что-нибудь к ним добавить? – спросил Гарош.

Все врачи дружно покачали головами.

– Только если перейти в область домыслов, – произнес Авакли.

– Уж больно странное нападение, – задумчиво протянул Майлз. – Цель которого – служебные функции Иллиана, а не его жизнь.

– Я не уверен, что вы можете отбросить возможность намерения именно убить, – заявил Рубан. – Если бы чип не извлекли, шеф Иллиан умер бы от истощения. Мог еще произойти несчастный случай в периоды помутнения рассудка.

Гарош с шумом втянул воздух. «Правильно», – подумал Майлз. Если кто-то метит в руководителей СБ, Гарош вполне может оказаться следующим на очереди.

Гарош выпрямился.

– Господа, вы проделали блестящую работу. Мое личное поощрение будет занесено в ваши досье. Как только окончательный доклад будет завершен, можете вернуться к вашим повседневным обязанностям.

– Скорее всего мы отдадим его вам завтра, – сказал Авакли.

– Могу я сейчас уехать домой? – спросил Уэдделл. – Моя несчастная лаборатория вот уже неделю находится в руках ассистентов. Я содрогаюсь при мысли, что меня ждет по возвращении.

Авакли скосился на Майлза, предоставляя ему решать. «Ты на меня его свалил, ты с ним и разбирайся».

– Не вижу причины, почему нет, – сказал Майлз. – И я хочу получить копию доклада.

– Безусловно, милорд Аудитор, – кивнул Авакли.

– А также всего, что напишет по этому вопросу ваше заведение, генерал Гарош.

– Конечно. – Гарош собрался было сказать что-то еще, но передумал. – Милорд Аудитор, вы созвали это совещание.

Майлз улыбнулся и встал.

– Господа, свободны. И всем спасибо.

В коридоре Иллиан задержался, чтобы поговорить с Гарошем. Майлз стоял и ждал.

– Что ж, сэр, – вздохнул Гарош, – должен сказать, вы поставили передо мной ту еще задачку.

Иллиан ухмыльнулся:

– Добро пожаловать на горячее местечко. Я говорил Майлзу – вчера, кажется? – что моим первым заданием на посту шефа СБ стало расследование убийства моего предшественника. Так что да здравствуют традиции!

«Ты говорил мне это сегодня днем, Саймон».

– Во всяком случае, вас не убили, – заметил Гарош.

– А! – Улыбка Иллиана увяла. – Я… забыл. – Он посмотрел на Гароша, и голос его упал до едва различимого шепота. Гарош был вынужден наклониться ближе, чтобы расслышать. – Поймай для меня этих ублюдков, хорошо, Лукас?

– Я приложу все усилия, сэр. Все мы приложим. – Невзирая на цивильный наряд Иллиана, Гарош торжественно отсалютовал ему, когда они с Майлзом направились к выходу.

Этой ночью, точнее, утром, Майлзу не удалось уснуть. Хотя мучила его не бессонница, а скорее… что? – Своего рода информационное несварение, надо полагать.

Поворочавшись в постели, он уставился в темноту, куда более светлую, чем проблема, которая только что свалилась ему на голову. Когда он ухватился за возможность поиграть в Имперского Аудитора, он рассчитывал, что это будет именно спектакль, который предназначен лишь для того, чтобы вытащить Саймона Иллиана из лап медиков СБ. Не такая уж сложная задача, как оказалось. Но теперь… теперь он столкнулся с задачей, для решения которой нужен настоящий Аудитор, со всем своим штатом, поддержкой и бессонницей.

Колоссальная власть, полученная по мановению руки Грегора, подавляла. Майлзу не хватало поддержки его дендарийцев. Если бы он хоть на мгновение подумал, что назначение Аудитором – настоящее, пусть и временное, он немедленно начал бы набирать штат экспертов из других барраярских организаций. Например, он знал нескольких отличных парней в Имперской безопасности, которые отслужили уже свои двадцать лет и, возможно, согласились бы уйти в отставку и поработать на Майлза. Изучи штатную структуру других Аудиторов и создай подобную. Зажми лорда Аудитора Форхаласа в ближайшем углу и держи его там, пока он не выложит все, что знает о работе. Очередное ученичество. «Опять я начинаю не с того конца, черт побери. И кто-то надеялся, что я чему-то научился».

Ладно. Так что ему следует делать дальше? Точнее, с чего начать? Единственная улика, этот самый прокариот, вроде как указывает, что концы надо искать на Архипелаге Джексона. Если, конечно, верить Уэдделлу, а Майлз ему верил. Следует ли ему самому отправиться на Архипелаг Джексона, чтобы лично курировать поиски? От одной лишь мысли об этом его передернуло.

Это как раз та работа, которую следует поручить команде полевых агентов, каким был когда-то он сам. Так что самое очевидное решение данной проблемы – поручить ее… Только вот… дело в том, что сейчас Служба безопасности сама в числе подозреваемых…

Если производство прокариота – чисто коммерческое предприятие, значит, у Архипелага Джексона отсутствует мотив. Разве что месть? Во время своего последнего визита на Архипелаг Нейсмит довольно неплохо отравил существование нескольким Большим Домам. Если они все-таки вычислили, на кого он работал… Однако Дом Фелл, достаточно богатый, чтобы профинансировать диверсию, не слишком пострадал от его демарша. Дом Бхарапутра, пострадавший несколько больше, не настолько спятил, чтобы начать сепаратную войну с Барраяром – в конце концов, выгоды им от этого никакой. Дом Риоваль, и достаточно богатый, и достаточно безумный, чтобы затеять нечто подобное, распался. Барон Риоваль мертв.

Нет. Орудие, возможно, и прибыло с Архипелага Джексона, но преступление совершено здесь. «Интуиция, мой мальчик?» Так что же ему делать? Залечь на дно и попытаться изловить свое собственное подсознание? Похоже, он потихоньку сходит с ума.

А может, ему стоит дать своему бесу интуиции больше пищи? Расшевелить Службу безопасности? «И спровоцировать свое убийство?» По крайней мере это забавно и не так обескураживающе, как пустота.

«Ты действительно полагаешь, что концы нужно искать внутри конторы?» Бес интуиции, как всегда, постеснялся дать прямой ответ. Но фокус вот в чем: поехать и прошерстить Архипелаг Джексона может кто угодно. А в Имперскую службу безопасности

может проникнуть только Имперский Аудитор. Конечно, в одиночку с этим не справиться, но совершенно очевидно, чем придется заниматься ему.

«Значит, займемся Службой безопасности».

* * *

В полдень Майлз был на ногах, одетый в мундир Форкосиганов, с цепью Аудитора на груди. Он допивал свой кофе, сидя на лавочке в холле и поджидая, пока Мартин подгонит ко входу лимузин. У дверей раздался шум – слишком сильный, чтобы его источником послужил Мартин (во всяком случае, Майлз не слышал скрежета машины, врезавшейся в столб). Подъехало несколько машин, раздались голоса и звуки шагов. Майлз поставил чашку и встал, собираясь открыть дверь, но та вдруг распахнулась сама. «А, ну конечно!» Графиня Форкосиган со своей свитой миновала орбиту нынче утром, когда он еще спал.

Двое оруженосцев в ливреях вошли в вестибюль и, прежде чем поприветствовать Майлза, склонились перед графиней. Она плыла сквозь толпу охранников, секретарей, горничных, слуг, водителей, носильщиков, очередных охранников, как великолепная яхта плывет по воде, а они расступались, как волны. Высокая, рыжеволосая, уверенная в себе женщина, одетая во что-то кремовое и воздушное, что еще больше усиливало впечатление, будто она плывет, а не идет. Определение «хорошо сохранившаяся» не отдавало должное ее зрелой красоте. Ведь она в свои шестьдесят с небольшим едва достигла по бетанским меркам среднего возраста. Секретарь, шагавший возле нее, был немедленно отставлен в сторону, едва графиня завидела сына.

– Майлз, дорогой!

Майлз расстался со своей чашкой и склонился к ее руке, пытаясь таким образом избежать материнских объятий. Графиня мгновенно оценила его маневр и ограничилась репликой:

– Боже, какой официальный наряд в столь ранний час.

– Я уже уходил на работу, – объяснил Майлз. – Почти.

– Ну, теперь ты, конечно, задержишься…

Взяв его за руку, она утащила его в сторону от перетаскивающих багаж слуг, чье передвижение напомнило Майлзу движение цепочки муравьев. Они нырнули в ближайшую комнату – ту, что перед большой библиотекой. Свита графини Форкосиган прекрасно справлялась со своим делом и без нее.

Стоя на расстоянии вытянутой руки, графиня внимательно оглядела сына с ног до головы.

– Как ты? – Ее улыбка не могла скрыть озабоченности.

В устах графини такой вопрос обладал потенциально опасной глубиной.

– Спасибо, хорошо.

– Правда? – спокойно спросила она.

– Правда.

– Ты действительно выглядишь… лучше, чем я ожидала. Не столь зомбиподобно, как на некоторых твоих – кхм – слишком кратких посланиях.

– Я… У меня, знаешь, было несколько паршивых дней сразу после… Но я справился.

– Мы с твоим отцом чуть было не приехали. Несколько раз собирались.

– Хорошо, что не приехали. То есть нет, я, конечно, рад тебя видеть, – торопливо добавил он.

– Гм. Я думала, все будет зависеть от того, откуда подует ветер.

– Возможно, я до сих пор прятал бы голову в задницу, – нехотя признался Майлз, – но обстоятельства изменились. Ты ведь слышала о Саймоне.

– Да, но не все. Хотя от Элис было гораздо больше проку, чем от вас с Грегором. Как он?

– Нормально. Он здесь. Спит. Сегодня ночью мы поздно легли. Думаю… будет лучше,

если он все тебе сам расскажет. Что сможет. – И на всякий случай добавил: – Физически он здоров, но немножко… Ну, боюсь, он не совсем тот Саймон, к которому ты привыкла. Ты сама все довольно быстро поймешь, когда поговоришь с ним.

– Понимаю. – Графиня слегка нахмурилась. – Поговорю, как можно скорее. Примерно через час у меня встреча с Элис. Мне не терпится познакомиться с Лаисой.

– Так тебе удалось уломать ее родителей в тех вопросах, где леди Элис, по ее словам, потерпела неудачу?

– О, Элис отлично подготовила почву. Конечно, чувства родителей Лаисы несколько противоречивы, что вполне понятно. Как те самые Тоскане, они в восторге от перспективы приобрести еще большее влияние, как для себя, так и для своей компании, и, что делает им честь, для Комарры в целом.

– Тут они ошибаются. Грегор слишком заботится о необходимости выглядеть беспристрастным, чтобы открыто делать поблажки родственникам своей жены.

– Именно это я им спокойно и объяснила. С мозгами у них порядок, рада заметить. Их восторг был сильно омрачен искренним беспокойством о безопасности дочери и ее личном счастье, хотя, безусловно, я так же не знаю, как обеспечить счастье своему ребенку, как любые родители. – Она сухо улыбнулась.

Камешек в его огород? Без вопросов.

– Ну… как там отец? Как он… все это воспринял? – Передернув плечами, Майлз таким образом обозначил свой новый, цивильный, статус.

Графиня негромко откашлялась.

– Противоречивые чувства, противоречивые реакции. Он выдал мне массу логически противоположных высказываний, которые я, пожалуй, сведу к одной основной идее: он тебя поддержит. Всегда.

– Это-то я и так знаю. Я о другом хотел спросить. Он был… очень разочарован?

Графиня пожала плечами:

– Мы все прекрасно знаем, как много и тяжело ты работал, чтобы достичь того, чего достиг, и что тебе пришлось преодолеть.

«Она уходит от ответа, черт возьми».

– Его гораздо больше беспокоило, что с тобой может произойти потом, поскольку у тебя выбита почва из-под ног, – сказала она. Постучав длинным пальцем по его цепи, графиня добавила: – Весьма разумно со стороны Грегора. Мальчик с возрастом мудреет. Это меня радует.

– Подожди, пока Иллиан объяснит тебе, какой груз я должен тащить на этой проклятой цепи.

Бровь графини изогнулась, но вопросов она задавать не стала. Майлз задумался на мгновение о сдержанном подходе графини Форкосиган по контрасту с чрезвычайной материнской активностью, которую вела леди Элис против – а это именно против – Айвена. В целом он обнаружил, что спокойное уважение графини намного страшнее любого прямого вмешательства. Потому что ты быстро выясняешь, что тебе чертовски хочется быть достойным этого уважения. Графиня играла роль стороннего наблюдателя почти безукоризненно – стиль, которому Грегор, несомненно, научился у нее.

В дверном проеме возникла физиономия Мартина. При виде графини на лице его появилось несколько ошарашенное выражение.

– Милорд? Э-э-э, ваша машина готова и все такое…

Графиня жестом отпустила Майлза.

– Если тебе нужно идти, иди. Я потереблю Саймона.

– Мне, похоже, предстоит потеребить его бывшую – ему очень не понравилось, как это звучит: «бывшая», – контору. Гарош не слишком торопился с этой проблемой. Хотя не думаю, что могу ругать Службу безопасности за то, что она не хочет двигаться вперед, не имея данных.

– Это почему же? Прежде они так делали. И довольно часто.

– Ну-ну. Не будьте мелочны, миледи моя мать.

Майлз откланялся в лучшем форском стиле.

– В любом случае я рада, что застала тебя здесь, – сказала она ему в спину.

– А где мне еще быть?

Графиня поколебалась, затем сухо призналась:

– Я поспорила с Эйрелом, что ты предпочтешь маленького адмирала.

Глава 22

Весь остаток дня Майлз провел в кабинете Гароша, проверяя все, что проделала Служба безопасности с предыдущей ночи, и наблюдая за новыми приказами, исходящими от руководства СБ. Он внимательнейшим образом изучал список всех передвижений Иллиана за последние три месяца, пока у него не зарябило в глазах и он не начал опасаться, что от усталости что-нибудь пропустит. Гарош терпеливо выносил его беспокойное соседство. Пройдут недели, прежде чем поступит информация от галактических оперативников. Гарош сосредоточил почти все силы на Архипелаге Джексона, поскольку туда вело единственное вещественное доказательство, и это полностью соответствовало теориям Майлза. Или его предрассудкам.

Какую бы мелочь Гарош ни упускал, Майлз тут же указывал на нее, и генерал немедленно исправлял оплошность. К концу дня уже не оставалось ничего, что можно было еще предпринять по Архипелагу Джексона. Разве что отправить туда лично Майлза – мысль, которая пришла Гарошу без всякой подсказки со стороны.

– По-моему, вы обладаете колоссальным опытом ведения дел с джексонианскими Домами, – заметил генерал.

– М-м-м, – протянул Майлз, представив себе, как могло бы выглядеть его появление на Архипелаге Джексона. Возвратиться туда в роли Имперского Аудитора, с армадой барраярских боевых кораблей, которые он захватит для поддержки, – весьма заманчивая фантазия.

– Нет, – неопределенно ответил он, – не думаю.

«Ответ лежит здесь, в недрах СБ. Я только пока не знаю, как сформулировать вопрос».

Расстроенный и издерганный Майлз предоставил Архипелаг Джексона полевым агентам, а Гароша – самому себе, и отправился гулять по зданию Имперской безопасности. Он думал, что хорошо помнит штаб-квартиру СБ, но тут оказались такие углы и закоулки, где он никогда прежде не был. Даже целые департаменты, о которых ему раньше незачем было знать. Что ж, теперь он получил возможность исследовать все здание от и до.

Майлз по ходу заглянул в парочку таких подразделений, вызвав у работников изрядный переполох, а потом решил систематизировать свой обход. Он проинспектирует все подразделения, начиная с верхнего этажа, включая подсобные помещения.

Так он и сделал, сея повсюду панику и недоумение. Начальник каждого департамента, который он посещал, начинал судорожно копаться в памяти, пытаясь найти причину визита Имперского Аудитора. «Ха! Виновны, все как один», – мрачно думал Майлз. Некоторые пытались объяснить превышение бюджета, причем, по мнению Майлза, излишне подробно, а один, хоть его никто не спрашивал, принялся оправдываться по поводу проведенного вне планеты отпуска. Майлз вынужден был признать, что видеть этих обычно молчаливых людей в таком состоянии – довольно забавно. Он не мешал им говорить, вставляя различные «хм?» и «м-м-м», но все это, кажется, вовсе не приближало его к формулировке нужного вопроса.

В СБ имелось достаточно департаментов, работающих целые барраярские сутки, равные 26,7 земным часам, и Майлз мог бы продолжать свою экскурсию ночь напролет, но поздним вечером он прервал обход. Здание, занимаемое штаб-квартирой Имперской безопасности, отнюдь не крошечное. А ему требуется не скорость, а осторожность и внимание.

Проснувшись на следующее утро, Майлз обнаружил, что особняк Форкосиганов шумит и бурлит, наполненный свитой графини. Слуги наводили порядок: снимали чехлы с мебели, суетились вокруг Иллиана, а также постоянно заступали Майлзу дорогу с вопросом «Чего изволите, милорд?», когда он попытался полуодетым пройтись по дому, размышляя и потягивая утренний кофе. В принципе так и должно было быть, но… Это подтолкнуло его отправиться на работу пораньше. Поскольку Аудитор – лицо официальное, он решил для начала представить Грегору официальный доклад в Императорском дворце. К тому же у Грегора может возникнуть какая-нибудь подходящая идея. У самого Майлза в данный момент запас идей явно иссяк.

Его аудиторский стиль быстро превратился в обычный, едва он добрался до кабинета Грегора и они остались одни. Они уселись в удобные кресла у выходившего в сад окна, и Майлз немедленно водрузил ноги на низенький столик, уставившись на глянцевые сапоги.

– Есть что-нибудь новенькое? – поинтересовался Грегор, вольготно откинувшись в кресле.

– В общем, нет. А что Гарош тебе рассказал?

Грегор выдал довольно полную версию ночного совещания, а также перечень приказов и требований, которые изрыгнула контора Гароша вчера у Майлза на глазах.

– Он сказал, что Иллиан во время вашего ночного совещания был чудовищно спокоен, – добавил Грегор. – У меня такое впечатление, что Гарош полагает, будто повреждения, нанесенные Иллиану, серьезнее, чем кажется.

– М-м-м. Иллиан тоже так думает. Лично я считаю, что он не столько травмирован, сколько страдает от недостатка практики. Такое впечатление, что он забыл, как надо сосредотачиваться. То, что хранится у него в голове, должно быть, для него теперь совершенно незнакомый мир. Полагаю, леди Элис сможет дать тебе лучшие пояснения на сей счет, чем Гарош.

– Так что ты сделал?

Майлз скривился:

– Ничего. Стер палец, листая отчеты галактических оперов. Совал нос в шкафы Имперской безопасности, изображая Генерального Инспектора. Это несколько развлекает. И жду.

– Ты ждешь всего день.

– Это предчувствие.

– С Гарошем вы теперь ладите лучше?

– Вообще-то да. Он делает все, что должен. И быстро учится, не повторяет ошибок… Ну, не чаще, чем дважды. Мне сама ситуация в целом не нравится. Она кажется удивительно лишенной концов… не за что дернуть и посмотреть, что получится. Или я их еще не нашел.

Грегор сочувственно кивнул.

– Ты ведь только что начал расследование.

– Угу. – Майлз колебался. – Все оказалось гораздо хуже и сложнее, чем я ожидал, когда бесился от того, как медики СБ проводят лечение Иллиана. Теперь это не шутка. Ты уверен, что… не хочешь передать дело настоящему Аудитору? Форховицу, например.

– Форховиц еще на Комарре. Потребуется неделя, чтобы его отозвать. К тому же он мне нужен там.

– Тогда кому-то другому.

– В чем дело, мужик? – Грегор, сощурившись, внимательно оглядел Майлза. – Хочешь, чтобы я тебя сменил?

Майлз открыл рот, закрыл его и наконец произнес:

– Я полагал, что должен дать тебе возможность пересмотреть свое решение.

– Понятно. – Грегор пожевал губу. – Благодарю вас, лорд Форкосиган, но нет.

«Надеюсь, ты не совершаешь величайшей ошибки, Грегор». Но вслух он этого не

сказал.

Кофе, который Грегор велел принести, когда Майлз только пришел, наконец прибыл на подносе, который несла сама леди Элис Форпатрил. За ней следовала Лаиса Тоскане. Грегор просиял.

– Вы готовы сделать небольшой перерыв, господа? – поинтересовалась леди Элис, с шумом ставя поднос и хмуро глядя на сапоги Майлза. Он быстро снял ноги со стола и выпрямился.

– Да, – произнес Грегор, протягивая руку Лаисе, которая взяла ее и села, вернее – скользнула, – в кресло рядом с ним. Майлзу на мгновение стало жутко завидно.

– Полагаю, мы уже закончили, – добавил Майлз. – На сегодня.

«Мой доклад звучит как „докладывать нечего“. Фу!»

Лаиса озабоченно и чуть вопросительно улыбнулась.

– Грегор с леди Элис рассказали мне об Иллиане. Думаю, мне… очень жаль? Нет, не совсем верное слово. Скорее я изумлена, что рухнул такой колосс. На Комарре он – легендарная личность. И притом, когда я познакомилась с ним, он показался мне весьма неприметным.

– Едва ли о нем можно так сказать, – заметила леди Элис.

– Ну, не то чтобы совсем неприметным, но именно такое впечатление он и хотел произвести. Такой спокойный. Он оказался совсем не тем… что я ожидала.

«Не чудовищем?» Лаиса – вежливая комаррианка, нужно отдать ей должное.

– Настоящие чудовища, – сказал Майлз, отвечая на ее мысли, а не слова, – довольно часто совсем неприметны. Только мозги у них чуть больше набекрень. А Иллиан – самый здравомыслящий человек из всех, кого я знаю.

Лаиса слегка покраснела. Ей это шло. Она тихонько откашлялась.

– На самом деле мы пришли по делу, лорд Форкосиган.

– Можете называть меня Майлзом, когда мы не на публике.

Она вопросительно глянула на Грегора, который поощрительно кивнул.

– Майлз, – послушно сказала она. – Леди Элис предложила устроить на следующей неделе во дворце прием и танцы для близких друзей Грегора и моих. Никакой политики, ради разнообразия.

«Или таково твое пожелание». Но леди Элис утвердительно кивнула. Ну, если не политический расчет, то уж светский – наверняка. Награда Лаисе за то, что она столь прилежно учится быть фор-леди?

Лаиса тем временем продолжила:

– Вы придете, ло… Майлз, если ваши обязанности вам позволят? Как наш общий друг.

Майлз, сидя, отвесил полупоклон будущей императрице.

– Сочту за честь, если обязанности позволят.

Скорее всего времени у него будет сколько угодно. Когда еще придут сообщения от галактических агентов.

– И конечно, вы можете прийти не один, если хотите, – добавила Лаиса. Она снова поглядела на Грегора, и они обменялись глупыми улыбками.

– У вас есть постоянная… – она запнулась в поисках подходящего барраярского термина, – молодая леди?

– В настоящий момент нет.

– Гм. – Лаиса окинула его оценивающим взглядом. Грегор сжал ее ладонь. Будь у нее младшая сестра, Майлз бы точно знал, как этот взгляд интерпретировать. Любовь, похоже, не просто заразна, она агрессивно заразна.

– У Майлза иммунитет на наших фор-леди, – сообщила далеко не одобрительно леди Элис. Господи, уж не собирается ли она расстаться с идеей женить Айвена и переключиться на него, просто от расстройства?

Лаиса выглядела так, будто пытается сообразить, не хочет ли леди Элис сказать, что Майлз предпочитает мальчиков, но воспитание не позволяло ей уточнить. Во всяком случае,

пока она не останется наедине со своей наставницей.

– Не иммунитет, – поспешно возразил Майлз. – Просто мне пока не везет. Мой прежний рабочий график был слишком напряженным, чтобы заводить роман. – «Дома, во всяком случае». – Теперь, когда я обосновался в Форбарр-Султане, кто знает, как оно будет. Хм… Может быть, приглашу Делию Куделку.

Лаиса довольно улыбнулась:

– Я буду рада ее снова увидеть.

Элис разливала кофе, Лаиса внимательно за ней наблюдала. Пометок она не делала, но Майлз готов был поспорить на что угодно, что в следующий раз Лаиса вспомнит, что он предпочитает черный. Пока он пил кофе, леди Элис вела непринужденную беседу, но вскоре она поднялась и увлекла за собой Лаису. Пошли в дамскую комнату посплетничать о Майлзе? «Не будь столь язвительным, парень». Под руководством Элис Лаиса быстро знакомилась с миром фор-леди и в отличие от Гароша не была склонна недооценивать его значимость для ее будущего.

Грегор с явной неохотой отпустил свою нареченную.

– Леди Элис, – произнес он задумчиво, – если вы считаете, что ему это по силам, почему бы вам не пригласить Саймона на ужин, который мы с Лаисой устраиваем для вас с леди Форкосиган? Я обнаружил, что мне недостает бесед с ним. – Перехватив взгляд Майлза, он криво ухмыльнулся.

– А я полагал, что ваши беседы с Саймоном состояли главным образом из его докладов, – заметил Майлз.

– Довольно интересно узнать, что эти доклады в себя включали, – заметила леди Элис. – Конечно, Грегор. Думаю, ему это пойдет на пользу.

Она повела Лаису к дверям. Майлз вскоре последовал за ними.

Майлз продолжил свое добровольное инспектирование штаб-квартиры СБ с того места, где закончил вчера. Лично он предпочел бы точечным ударом выудить из этой кучи данных необходимое, но, когда ты вообще не знаешь, что тебе, собственно, нужно, приходится осматривать все. Криптография действительно оказалась тайной. Сотрудники этого департамента начали охотно объяснять ему, и в их технических деталях Майлз запутался примерно на второй минуте. «Если не можешь удивить деяниями, утопи в дерьме». Майлз, улыбнувшись, мысленно сделал себе пометку посетить попозже этот департамент еще разок. Финансисты были просто счастливы, что хоть кто-то интересуется их делом, и визит туда грозил затянуться навечно. Майлз продрался сквозь гору распечаток и попросту удрал.

Вспомогательные помещения оказались страшно интересными. Он всегда знал, что здание штаб-квартиры великолепно защищено, но не представлял себе, как эта защита устроена. Теперь он выяснил, где находятся бронированные стены и полы и насколько хитроумно разработаны системы фильтрации и циркуляции воздуха, очистки воды и взрывоустойчивости здания. Его уважение к покойному сумасшедшему архитектору значительно возросло. Это строение было не просто разработано параноиком, оно было разработано отлично. В каждой комнате имелась своя фильтрационная система в дополнение к общей, которая фильтровала и обрабатывала циркулирующий воздух, разрушая возможные ядовитые газы и микробов, прежде чем вновь запускать его в обращение. Тепловой генератор еще и дистиллировал воду. Так вот почему вода здесь такая безвкусная! Майлзу приходилось видеть космические корабли с менее эффективной системой. Здесь персонал не заразит друг друга гриппом.

Обслуживающий персонал состоял из солдат срочной службы, ветеранов, прослуживших не менее десяти лет. Майлз также выяснил, что они получают гораздо больше, чем такие же солдаты других служб Имперской армии. Моральный дух у них был чрезвычайно высок. Как только они убедились, что Аудитор не собирается критиковать качество их работы, они не только начали оказывать ему всяческое содействие, но и повели себя очень дружелюбно. Похоже, ни один проверяющий офицер не жаждал ползать с ними

по вентиляционным трубам. Впрочем, большинство проверяющих были старше, крупнее и выше Майлза. Заодно Майлз узнал, что самая нудная работа во всей Службе безопасности – проверка монитора вдоль многих километров коммуникационных, вентиляционных и прочих шахт здания. Он мог только радоваться, что подобная работа ни разу не свалилась на него в начале его службы, когда он попадал в относительную немилость.

Когда он нехотя собрался уходить, солдаты были очень довольны своим Имперским Аудитором. Как, впрочем, и Аудитор. Сочетание дружелюбия и компетентности на мгновение болезненно напомнило ему о дендарийцах, но он немедленно подавил воспоминания.

Подобная деятельность временно избавляла Майлза от тоскливых размышлений о его нынешнем положении. В целом Майлза оно вполне устраивало. Для СБ он посторонний, гражданское лицо, и при этом он сейчас получает большее представление об этой организации, чем когда работал на нее. Может, это своего рода прощание? «Наслаждайся, пока есть возможность».

На сей раз он ушел домой довольно рано, чтобы поужинать с матерью и Иллианом. Приятно ради разнообразия побыть в обществе гражданских. Он успешно удержал беседу в рамках рассказов о ходе развития колонии на Зергияре, что оказалось не очень сложным, поскольку графине действительно было что рассказать. Вернувшись рано утром в штаб-квартиру СБ, он некоторое время дышал Гарошу в затылок, пока тот не начал перечислять преимущества поездки на Архипелаг Джексона. Ухмыльнувшись, Майлз снова отправился изучать строение.

Визит к аналитикам занял большую часть дня. Помимо всего прочего, он пошел туда, чтобы поговорить с Галени и другими аналитиками, задействованными в решении этой маленькой внутренней проблемы. Они тоже ждали докладов галактических агентов. Заодно Майлз посмотрел, как решаются другие проблемы. То, что дело Иллиана имело первостепенное значение, вовсе не означало, что можно забросить все остальное. Потом был долгий и интересный разговор с начальником департамента по делам Комарры генералом Аллегре, который по вполне понятной причине перешел в разговор о женитьбе Грегора – тема, которую Майлз старательно избегал в беседе с Галени. Интересно, подумал Майлз, стоит ли слетать хотя бы на Комарру, для личной беседы с коллегой Аллегре в департаменте по делам галактики, находящимся на Комарре. Полковник Ольшанский, шеф департамента по Зергияру, вежливо поинтересовался здоровьем графини. Майлз пригласил его на ужин – дань вежливости, которую полковник, кажется, счел несколько угрожающей, но тем не менее с готовностью согласился.

То, что Майлз оставил на десерт – заключительное, так сказать, звено его инспекции, – отнюдь не случайно пришлось на вечер нынешнего дня.

Хранилище вещественных доказательств СБ находилось в нижних подвальных помещениях, в старом тюремном блоке – комнатах ужасов, как привык думать о них Майлз. Этот блок был самой современной тюрьмой в последние кровавые дни правления императора Ури Безумного, и здесь сохранился устойчивый больничный запах, который казался Майлзу более страшным, чем сырые стены, паутины, цепи и снующие насекомые. Император Эзар тоже пользовался комнатой ужасов, только более скрытно. Сюда он помещал своих политических противников – начиная с тюремщиков Ури, изящный штрих галактической справедливости в общем-то жестокого правления. Майлз подумал, что одно из лучших достижений отца за период регентства – это превращение мрачных казематов в музей. Здесь действительно следовало бы поставить восковые фигуры Ури Безумного и его головорезов.

Но как хранилище вещественных доказательств это самое надежное место на планете. Теперь здесь обитали самые необычные предметы, собранные Службой безопасности в ходе многочисленных расследований. В нескольких комнатах хранились документы, оружие, в том числе биологическое – хорошо запечатанное, надеялся Майлз, – наркотики и всякие странные предметы, конфискованные у врагов и несчастных, ожидавших приговора,

дальнейшего расследования или пересмотра дела.

Он позволил себе краткую экскурсию в комнаты с оружием. Последний раз он был здесь два года назад, когда доставил кое-какие забавные погремушки, добытые в ходе одной из операций дендарийцев. На одной из дальних полок Майлз обнаружил ржавый металлический арбалет и несколько пустых канистр из-под солтоксина. Последние свидетельства – кроме него самого, конечно – покушения на вновь назначенного регента лорда Эйрела Форкосигана и его беременную жену, имевшее место тридцать с чем-то лет назад. «Альфа и омега, мой мальчик, начало и конец».

Дежурный сержант, сидевший за столом в бывшей комнате допросов у единственного входа в секцию, был бледен и походил на монастырского библиотекаря. Когда Майлз вошел, он вскочил со стула и замер по стойке «смирно», явно не зная, то ли кланяться, то ли козырять. Наконец он склонил голову – своего рода компромисс.

– Милорд Аудитор, чем могу помочь?

– Сядьте, расслабьтесь и впустите меня внутрь. Я хочу посмотреть, – спокойно сказал Майлз.

– Конечно, милорд Аудитор.

Он сел на место, а Майлз, хорошо знакомый с процедурой, подошел к сенсорному замку и прижал ладонь. Сержант благодарно улыбнулся, поскольку Майлз избавил его от необходимости решать, подлежит ли Имперский Аудитор обычной процедуре проверки или нет, и если подлежит, то как, к дьяволу, его заставить выполнять правила?

Но радость его оказалась недолгой: замигала красная кнопка, и комм издал протестующие звуки.

– Милорд? Вы лишены допуска, по приказу генерала Гароша.

– Что? – Майлз обошел стол и глянул на экран. – А! Проверьте дату. Этот приказ отменен. Если беспокоитесь, то свяжитесь с Гарошем и запросите разрешение на изменение в списке. Я подожду.

Сержант, сильно волнуясь, так и поступил. Пока он объяснялся с секретарем Гароша, который, как только понял, в чем дело, немедленно передал разрешение, рассыпаясь в извинениях, Майлз смотрел на экран. Там высветились все его визиты сюда, расписанные по датам и числам, почти за десять последних лет, а также указывались коды предметов, которые он приносил и выносил. В основном приносил. Здесь указана и веганская бомба с сюрпризом, и те странные генетические образцы с Цетаганды, сейчас скорее всего проходящие тщательное изучение под эгидой доктора Уэдделла. И… что за черт?! Майлз наклонился поближе.

– Простите, на комме указано, что я приходил сюда двенадцать недель назад. – В этот день он вернулся из своей последней дендарийской миссии, тот самый день, когда Иллиана не было в городе. Время указано… сразу после того, как он вышел из приемной Иллиана. На самом деле как раз в этот момент он шел домой. Глаза Майлза расширились, зубы сжались.

– Как интересно, – прошипел он.

– Да, милорд? – спросил сержант.

– В этот вот день вы здесь дежурили?

– Не помню, милорд. Мне нужно сверится с графиком. Э-э-э… А почему вы спросили, милорд?

– Потому что в тот день меня здесь не было. Ни в тот, ни в любой другой день в течение года.

– Вы записаны, сэр.

– Вижу. – Майлз хищно ощерился.

Наконец-то он нашел то, что безуспешно искал все эти дни. Потерянный конец. «Это либо прямое попадание, либо ловушка. Интересно, что из двух?» Так что же он хотел найти? И найдет ли он это сейчас? Мог ли кто-нибудь предвидеть этот его подземный визит? «Не надо ничего предполагать, парень. Просто делай».

«Осторожно».

– Включите защищенный канал связи с Генштабом, – приказал он сержанту, – и соедините меня с капитаном Форпатрилом. Немедленно.

Айвен из Генштаба, расположенного в другом конце города, добирался довольно долго. Майлзу повезло, что он застал его в тот день, когда Айвен для разнообразия не смылся с работы пораньше. Майлз, сидя на краю стола с комм-пультом у входа в хранилище и болтая ногой, ехидно улыбнулся при виде кузена, отмахивающегося от сопровождавших его охранников:

– Ну, вот видите, я не заблудился. Можете идти. Спасибо.

Дежурный по хранилищу сержант и его непосредственный начальник, лейтенант, ждали пожеланий лорда Аудитора. Лейтенант весь позеленел и трясся.

Айвен заглянул Майлзу в глаза и поднял бровь.

– Итак, Братец – лорд Аудитор, нашел что-то веселенькое?

– А я выгляжу довольным?

– Скорее, маниакально счастливым.

– Это сплошное удовольствие, Айвен, просто блеск. Внутренняя система безопасности Имперской безопасности мне лжет.

– Интересно, – осторожно заметил Айвен. – И что же она говорит?

– Она считает, что я навещал хранилище в тот день, когда вернулся с последнего задания. Более того, на входе в СБ данные тоже переделаны – там указано, что я покинул здание на полчаса позже, чем в действительности. Поскольку записи охраны в особняке Форкосиганов содержат реальное время моего возвращения… Впрочем, тогда все равно я укладываюсь в указанный промежуток, но только если ехал на машине. Только вот беда в том, что я в тот день шел пешком. Более того, выяснилось, что картридж внутреннего монитора хранилища за этот день – угадай, что?

Айвен поглядел на бледного трясущегося лейтенанта.

– Отсутствует?

– Точно.

– Почему? – изумился Айвен.

– Действительно, почему? Именно на этот вопрос я и предлагаю найти ответ. Я предполагаю, что это может не иметь никакого отношения к происшествию с Иллианом. Хочешь поспорить?

– Не-а. – Айвен мрачно уставился на кузена. – Надо полагать, это означает, что я должен отменить свои планы на вечер?

– Да, и мои тоже. Свяжись с моей матерью и передай ей мои извинения, но сегодня вечером я домой не приду. А потом садись вот на этот стул. – Майлз указал на стул сержанта, который немедленно освободил место. – Я объявляю это хранилище опечатанным. Не пускай сюда никого, Айвен, ни единого человека, без моего личного разрешения. Вы двое, – обратился он к вздрогнувшим охранникам, – являетесь свидетелями, что я сегодня не входил в хранилище. – И спросил у лейтенанта: – Расскажите мне о процедуре инвентаризации.

С трудом сглотнув, офицер ответил:

– Сведения на комме постоянно обновляются, милорд Аудитор. А инвентаризацию как таковую мы производим раз в месяц. Это занимает неделю.

– Когда была последняя?

– Две недели назад.

– Все на месте?

– Да, милорд.

– И ничего не пропадало за последние три месяца?

– Нет, милорд.

– За год?

– Нет!

– Инвентаризацию проводят одни и те же лица?

– Нет, они меняются. Это… не самое интересное занятие.

– Не сомневаюсь. – Майлз глянул на Айвена. – Айвен, пока ты тут сидишь, свяжись с Генштабом и вызови четверых человек, имеющих самый высокий доступ, но которые никогда не работали на Имперскую безопасность или с ней. Это будет твоя команда.

На лице Айвена отразился испуг.

– О Боже! – простонал он. – Уж не хочешь ли ты заставить меня произвести инвентаризацию в этом чертовом хранилище, а?

– Именно. По вполне очевидным причинам я не могу этого сделать сам. Кто-то повесил здесь красный флажок с моим именем. Если таким образом хотели привлечь мое внимание, то это удалось блестяще.

– И биологическое тоже? И холодильник? – Айвена передернуло.

– Все, от и до.

– И что мне искать?

– Если бы я знал, нам не пришлось бы проводить инвентаризацию, верно?

– А что, если что-то не взято, а, наоборот, принесено? Что, если тебя поджидала не пуля, а бомба? – спросил Айвен, нервно потирая руки.

– Тогда я доверяю тебе ее разрядить. – Майлз жестом позвал охранников с собой. – Пойдемте, господа. Мы идем к генералу Гарошу.

* * *

Гарош тоже немедленно насторожился, увидев выражение лица Майлза, когда маленькая группа вошла к нему в кабинет. Закрыв за ними дверь и выключив комм, генерал спросил:

– Что вам удалось обнаружить, милорд?

– Приблизительно двадцать пять минут переделанной истории. Кто-то поработал с вашими коммами, в них «жучки».

По мере того как Майлз рассказывал, лицо Гароша все мрачнело, а при известии о пропаже картриджа потемнело совсем.

– Вы можете показать, где вы были? – спросил он, когда Майлз закончил рассказ. – Доказать, что вы шли пешком?

– Возможно, – пожал плечами Майлз. – На улице меня видели многие, а я – э-э-э – несколько более приметен, чем большинство людей. Поиск свидетелей по истечении такого времени с момента преступления – постоянное занятие муниципальной охраны. Если нужно, я дам им такое задание. Но мои слова как Имперского Аудитора не подлежат сомнению.

«Пока».

– Э-э-э… Совершенно верно.

Майлз бросил взгляд на охранников.

– Господа, будьте добры, подождите меня в приемной, пожалуйста. Никуда не уходите и ни с кем не разговаривайте.

Подождав, пока охранники выйдут, Майлз продолжил:

– Что совершенно очевидно, это что в вашей внутренней охране есть враг. Исходя из этого, я могу принять такое решение: запечатать всю Имперскую безопасность целиком до тех пор, пока не приведу нейтральных экспертов для проверки всего личного состава. У этого метода есть очевидные недостатки.

Гарош аж застонал:

– Не то слово, милорд!

– Да. Прекратить работу СБ на неделю, а может, и больше, – пока люди, не знакомые с вашей системой, будут пытаться ее изучить, а затем еще и проверять, – мне кажется, это чем-то напоминает стихийное бедствие. Но проводить внутреннюю проверку, используя внутренний же персонал, – в этом тоже… э-э-э… мало плюсов. Есть какие-нибудь идеи?

Гарош потер лоб.

– Понимаю, к чему вы ведете. Предположим… предположим, мы создадим группу для проверки. Подберем троих, которые будут постоянно работать вместе. Один враг – это я еще допускаю, но три, да еще выбранных наобум… Они смогут останавливать работу каждого отдела по очереди, таким образом, ущерб деятельности СБ будет минимальным. Если хотите, я могу предоставить вам список наиболее опытных сотрудников, и вы сами выберете, кого пожелаете.

– Да, – протянул Майлз. – Это может сработать. Отлично. Делайте.

Гарош облегченно вздохнул:

– Я… чрезвычайно вам благодарен, милорд, за благоразумный подход.

– Я всегда благоразумен.

Губы Гароша дрогнули, но спорить он не стал. Генерал вздохнул:

– Дело становится все хуже и хуже. Терпеть не могу внутренние расследования. Даже если выигрываешь, ты все равно в проигрыше. Но что… Должен признаться, я не совсем понимаю, при чем здесь хранилище. Что вы хотите там обнаружить?

Майлз покачал головой:

– Это похоже на рамку. Но в большинство рамок вставлены картины. А эта – пустая. Все это… очень задом наперед. Я имею в виду, что обычно начинают с преступления, а потом вычисляют подозреваемых. Я же вынужден начинать с подозреваемых и вычислять преступление.

– Да, но… Кто может оказаться настолько глуп, чтобы пытаться обложить Имперского Аудитора? Нужно быть сумасшедшим.

Майлз нахмурился и начал мерить шагами комнату. Сколько раз он вот так вышагивал перед Иллианом, когда они прорабатывали детали очередной операции?

– Это зависит… Я хочу, чтобы ваши аналитики именно это и выяснили. Это зависит от того, сколько времени эта информация сидела в комм-пульте хранилища. Это – бомба замедленного действия, которая срабатывает при касании. Когда были сделаны изменения в записи? Ведь это могло произойти в любое время с того дня, что я прилетел, вплоть до сегодняшнего утра. Но если это было сделано раньше, чем несколько недель назад, значит, тот, кто это сделал, и не подозревал, что подставляет Имперского Аудитора. Не вижу, как бы они могли предвидеть это мое назначение, когда я и сам о нем даже не подозревал. Они подставляли, причем подставляли нагло, младшего офицера, притом офицера – опального. Неизвестный сын знаменитого отца, да еще и какой-то полумутант в придачу. Должно быть, я представлялся легкой мишенью. – «Тогда». – Только я не люблю быть мишенью. С некоторых пор у меня на это аллергия.

Гарош недоуменно покачал головой:

– Вы меня поражаете, лорд Форкосиган. Кажется, я начинаю понимать, почему Иллиан всегда…

– Почему Иллиан что? – после долгой паузы спросил Майлз.

Грубое лицо Гароша осветила кривоватая ухмылка.

– Выходил после ваших с ним бесед, чертыхаясь сквозь зубы. А потом снова давал вам самое невыполнимое задание.

Майлз отвесил Гарошу ироничный восточный поклон.

– Благодарю, генерал.

Глава 23

Айвен нашел то, что искал, за два часа до рассвета, причем не совсем случайно.

Оно лежало на пятом стеллаже второй комнаты под вывеской «Оружие IV». «Биологическое оружие», «Яды» и холодильник он оставил напоследок, в надежде, что до этого дело не дойдет. Майлз поступил бы наоборот – именно оттуда и начал бы. Да, он вынужден был признать, что Айвен не такой уж идиот, каким прикидывается.

Айвен выскочил в комнату, где обычно сидел дежурный охранник. Майлз вот уже несколько часов сидел за коммом и просматривал инвентарные записи.

– Я ведь сейчас в «Оружии», верно? – спросил Айвен, помахивая инвентарными списками.

Майлз оторвался от изучения химического состава девятьсот девятого по алфавиту объекта хранилища ядов – офидиан, три грамма, производство Пол.

– Ну, раз ты так говоришь.

– Ага. Тогда что там делает маленькая коробочка с надписью «Комаррский вирус» на пятом стеллаже, девятой полке, ячейка двадцать семь? Что это за фиговина и почему она не в «Биологическом оружии»? Может, кто-то ее неправильно классифицировал? Я не буду распечатывать эту гадость, пока ты не выяснишь, что это такое. А то еще покроюсь от нее зеленой плесенью или вздуюсь, как те несчастные ублюдки, заразившиеся зергиярским червем. Или еще что похуже.

– Да, эпидемия заражения зергиярским червем была самой мерзкой в новейшей истории, – милостиво согласился Майлз, – но без высокой смертности. Сейчас посмотрю. В перечне по «Оружейной» она есть?

– О да, именно там, где ей и положено. Как они считают.

– Значит, это должно быть какое-то оружие.

Майлз убрал с экрана перечень ядов и вызвал список оружия. На «Комаррксе вирусом» стоял код, означающий, что информация по нему – закрытая. Чтобы ее получить, требовался самый высокий уровень допуска. В штаб-квартире СБ таких людей пруд пруди. Чуть улыбнувшись, Майлз открыл код своей аудиторской печатью.

Прочитав первые три строчки, он тихонько засмеялся. Он охотно бы выругался, если бы только смог подобрать выражения.

– Что? – завопил Айвен, заглядывая Майлзу через плечо.

– Это не вирус, Айвен. Кому-то в классификационном отделе не помешало бы прослушать лекцию доктора Уэдделла. Это биоинженерный прокариот. Маленький жучок, который поедает всякую всячину, в частности, протеины нейрочипов. Тот самый прокариот, прокариот Иллиана. Для тебя он не опасен, разве что ты поставил себе втихую какой-нибудь нейрочип. О Господи! Вот откуда он взялся… точнее, откуда он взялся в последний раз. – Устроившись поудобнее, Майлз принялся читать. Айвен стоял у него за спиной, отталкивая его руку всякий раз, как Майлз пытался перейти к следующей странице прежде, чем Айвен успевал прочесть предыдущую.

Да, это был именно он. Спрятанный на самом виду, зарытый среди десятков тысяч других предметов. Сидел тихонько в ячейке двадцать семь на девятой полке, собирая пыль на протяжении пяти лет. С того самого дня, как был доставлен в хранилище офицером из Департамента по делам Комарры. Обнаружен имперской контрразведкой прямо здесь, в Форбарр-Султане, во время ареста комаррских террористов, связанных с… покойным Сером Галеном, убитым на Земле при попытке осуществления сложного, очень театрального и совершенно бесполезного заговора. Заговора, для которого Гален и создал Марка, клон-брата Майлза.

– О черт! – воскликнул Айвен. – Твой проклятущий клон может иметь к этому какое-нибудь отношение?

– Брат, – автоматически поправил Майлз. – Не вижу, каким образом. Он уже больше полугода находится на Колонии Бета. Моя бетанская бабушка может это подтвердить.

– Если ты хочешь подтверждений, – заметил Айвен, – значит, думаешь о том же, что и я. Он не мог ли опять притвориться тобой?

– Вряд ли. Для этого ему пришлось бы сесть на диету.

Айвен хрюкнул.

– Ну, не обязательно голодать… При использовании нужных препаратов.

– Не думаю. Готов поручиться, что меньше всего на свете Марк хочет быть мной. Но я все же проверю все его передвижения. Хотя бы для того, чтобы кто-то другой не начал

ломиться в открытые двери. Представитель СБ в посольстве на Бете присматривает за ним. Просто потому, что Марк… тот, кто он есть.

Майлз продолжил чтение. Джексонианский след оказался верным. Прокариот действительно был создан по заказу комаррских террористов одним из малых Домов Архипелага, более известным по производству наркотиков. И мишенью с самого начала был Иллиан. Бардак в Имперской безопасности должен был совпасть по времени с убийством графа Эйрела Форкосигана – тогдашнего премьер-министра. Расследование пятилетней давности проследило весь путь прокариота и комаррские платежи на счет джексонианской команды биохимиков. Новое расследование, только что начатое, рано или поздно должно было прийти к тем же результатам. Поздно, если бы пришлось прокрутить все по второму кругу. Рано – если бы СБ догадалась поискать информацию в собственной базе данных. То есть на это ушло бы от трех до восьми недель, прикинул Майлз.

– Это, во всяком случае… объясняет ловушку, – пробормотал он.

– Как это? – недоуменно спросил Айвен.

– Я стал действовать не в той последовательности. Мой псевдовизит сюда должны были обнаружить – это неизбежно, но в первую очередь должны были обнаружить нечто другое. Эти данные, – Майлз махнул на комм, – должны были привлечь всеобщее внимание к хранилищу. Вместо того, чтобы начать с записей на комме, а затем проверить инвентарные списки, следователи должны были начать с ячейки двадцать семь, а уж потом проверить список входивших и выходивших лиц. Где бы они, к своему превеликому удовольствию, обнаружили меня – только что уволенного офицера, которому тут решительно нечего делать. Если бы все пошло именно так, то это выглядело бы весьма убедительно.

Майлз замолчал, пытаясь привести мысли в порядок. Затем связался с судебной экспертизой СБ и потребовал прибытия старшего офицера. Потом он набрал номер доктора Уэдделла.

Комм Уэдделла блокировал вызов и попытался записать сообщение. Похоже, дражайший доктор не желал, чтобы кто-то беспокоил его сладкий сон. Майлз попытался еще раз – с тем же успехом. Он сосчитал до трех, чтобы взять себя в руки, вызвал императорских гвардейцев и приказал дежурному офицеру отправить двух самых здоровых солдат к Уэдделлу на квартиру с инструкцией разбудить его во что бы то ни стало и немедленно доставить в штаб-квартиру СБ. Если понадобится – за шиворот.

И все же казалось, будто прошла вечность – за окном уже брезжил рассвет, – когда он наконец собрал всю команду и отправился в комнату «Оружие IV». Уэдделл тихо ныл, жалуясь, что его так грубо и бесцеремонно растормошили. Майлз твердо решил не обращать на него внимания. Ни он, ни Айвен этой ночью вообще не сомкнули глаз.

Первым взял слово судмедэксперт.

– Ее несколько раз передвигали, – заявил он, глядя на коробочку. – Кое-какие отпечатки пальцев, несколько смазанные, не очень свежие… – Он считал отпечатки сканером, чтобы потом сверить с отпечатками обслуживающего персонала хранилища, а заодно, если понадобится, и остальных работников штаб-квартиры. – Сигнализация, реагирующая на вынос предмета из хранилища, не включалась ни разу. Нет ни волос, ни волокон ткани. Вряд ли много пыли – здесь хорошо работают фильтры. Больше я ничего не могу сказать. Теперь она ваша, господа.

Судмедэксперт отошел в сторону. Айвен шагнул вперед, снял коробочку с полки и поставил на специально предназначенный для осмотра стол. Коробка была запечатана простейшим цифровым кодовым замком, предохраняющим от случайного открытия при падении. К тому же код доступа был записан прямо в инвентарном списке. Айвен сверился с записью и набрал код. Крышка открылась.

– Так, – довольно провозгласил Айвен, заглянув в коробку и снова сверившись со списком. Коробочка была разделена на шесть секций. В трех лежали коричневые капсулы – настолько маленькие, что их смог бы проглотить и ребенок. Три были пусты. – Шесть доставочных единиц – так они здесь, во всяком случае, называются. Одна изъята для анализа

пять лет назад и указана как уничтоженная. Пять должны лежать на месте. Только здесь их всего три. – Судмедэксперт склонился над коробочкой, проверяя печати.

«Так! Так! – мысленно кричал Майлз. – Конечно, та капсула, которую изъяли пять лет назад, рискует усложнить дело. Впрочем, тут помогут лабораторные записи, ежели таковые отыщутся».

– Вы хотите сказать, – простонал Уэдделл, – что я целую неделю потратил, чтобы восстановить это чертово дерьмо, и все это время целехонький экземпляр спокойно лежал здесь?

– Ага, – ухмыльнулся Майлз. – Надеюсь, вы оцените иронию ситуации.

– Не в это время суток.

Эксперт выпрямился и доложил:

– Замок никогда не взламывали.

– Отлично, – сказал Майлз. – Коробка направляется в судебную лабораторию для полной экспертизы. Айвен, я хочу, чтобы ты пошел туда же. Уэдделл, вы возьмете один экземпляр для молекулярного анализа – я хочу, чтобы вы подтвердили, что это – то самое дерьмо, которое вы выудили из чипа Иллиана. И еще я хочу знать все, что вам удастся выяснить дополнительно. Вы не должны покидать здания – можете занять ту же лабораторию в клинике и брать любые материалы, какие вам понадобятся, но никто – никто, – кроме вас, не должен прикасаться к образцу. Докладывать будете только мне, и никому больше. Оставшиеся два экземпляра отправятся в новую коробку и на полку, запечатанные моей аудиторской печатью. Надеюсь, на сей раз они там и останутся.

«Хотя я начинаю склоняться к мысли, что в моем кармане было бы надежнее».

Гарош, крыса эдакая, отправился домой спать, как только была составлена команда аналитиков, то есть через час после полуночи. Дожидаясь его прихода, Майлз позавтракал в кафетерии штаб-квартиры. Большая ошибка, как он понял, едва не заснув над чашкой кофе. Он не осмеливался остановиться. Почему-то ему казалось, что начать снова окажется труднее, чем обычно.

Он зевал во весь рот в приемной Гароша, когда туда вошел также зевающий шеф Имперской безопасности. Гарош подавил зевок и кивком пригласил Майлза пройти в кабинет. Майлз взял стул и уселся, Гарош занял свое место за столом.

– Итак, лорд Форкосиган? Есть какой-нибудь прогресс?

– О да! – Майлз коротко рассказал Гарошу о последних событиях. Гарош сполз на край стула и ни разу не зевнул за весь рассказ.

– Дьявольщина, – чертыхнулся Гарош, вновь сев нормально. – Дьявольщина. Конец всяким надеждам, что искать надо не в конторе.

– Боюсь, что так.

– Таким образом, у нас появляется новый список. Сколько народу могло знать о том, что образцы хранятся внизу?

– Для начала все инвентаризационные команды за пять лет, – сообщил Майлз.

– Люди, которые нашли это и доставили сюда, – добавил Гарош.

– И любой из работающих здесь, кто дружен с теми, кто нашел это и доставил сюда. – Майлз начал загибать пальцы. Интересно, не придется ли ему разуваться? – Запечатано шефом департамента по делам Комарры, предшественником Аллегре. Аллегре и сам работал там в то время как глава местного отделения. Я проверял. Еще… любой комаррец из этой группы, которому удалось избежать ареста или который был арестован и только что вышел на свободу. Люди, с которыми они могли общаться в тюрьме… Этот список тоже хорошо бы проверить, хотя, как вы говорите… фальсификация записей на комме, сдается мне, тоже дело рук кого-то из своих.

Гарош сделал себе пометку.

– Верно. Боюсь, список получится не из коротких.

– Да. Хотя гораздо короче, чем три густо заселенные планеты, с чего мы начали. –

Поколебавшись, Майлз нехотя добавил: – Не знаю, известно ли было моему брату, лорду Марку – моему клону, – об этой штуке или нет. Полагаю, это необходимо проверить.

Гарош встретился взглядом с Майлзом, лицо его застыло.

– Не думаете ли вы…

– Физически невозможно, – заверил Майлз. – Марк последние шесть месяцев безвылазно сидит на Колонии Бета. Каждый день был на занятиях, с начала семестра. – «Надеюсь». – Его местонахождение легко проверить.

– Хм. – Гарош нехотя оставил тему.

– А вы сами помните что-нибудь из того периода?

– Я был тогда уже заместителем начальника Департамента внутренних дел. Как раз перед повышением. Я хорошо помню ажиотаж с этими комаррцами в Форбарр-Султане. Дело, из-за которого наш департамент обратил на них внимание, касалось антиправительственной группировки в провинции Форсмита, которую подозревали в контрабанде запрещенным оружием.

– А! Ну, я надеюсь, ваши чудо-мальчики помогут уточнить, – кивнул Майлз. – Кто бы это ни сделал, он недавно имел доступ к внутренним системам СБ, кроме того, у него отличные мозги и крепкие нервы. Малый список будет состоять из людей, числящихся в обоих списках.

– Почему вы решили, что это только один человек?

– О! – Майлз сник. – Верно. Вы правы.

Гарош, напомнил себе Майлз, обладает в такого рода вещах определенным опытом.

– Не то чтобы я не хотел, чтобы это было так, – признался Гарош. – Я сам предпочел бы иметь дело с одним человеком, чем с целым заговором.

– М-м-м. Но, один ли это человек, или целая группа, мотив по-прежнему остается непонятным. Почему я? Почему козлом отпущения выбрали меня? Кто-то ненавидит лично меня, или это случайность? Просто я оказался единственным офицером Службы безопасности, уволенным в нужное время?

– Если мне будет позволено вас просветить, милорд, то искать мотивы в такого рода делах – вещь скользкая. Уж очень заумно. Я всегда двигался значительно быстрее, основываясь на голых фактах. О мотивах можно теоретизировать потом, за победной кружкой пива. Когда знаешь кто, узнаешь и почему. Впрочем, это смотря какой философии ты придерживаешься.

– Верно, за этим может и не стоять ничего личного. Как только преступление было обнаружено… как преступление… этот, этот… полагаю, что назвать его убийцей нельзя.

Гарош невесело усмехнулся:

– Для начала, у нас нет трупа.

Иллиан, несмотря на некоторую рассеянность, едва ли походил на зомби. Но Майлз хорошо помнил его хриплый голос, молящий о быстрой смерти…

– Убийце, – продолжил он, – просто до зарезу нужен был козел отпущения, чтобы не попасть под прицел самому. Потому что это дело может быть закрыто только после успешного завершения. А не «отложено до получения новых данных», пока не зарастет пылью и о нем забудут. Он знал, что Служба безопасности это так не оставит.

– Вы чертовски правы, – прорычал Гарош.

– Это дерьмо внизу было подготовлено очень тщательно. Подготовлено так, чтобы его неизбежно нашли. Слишком много записей во многих местах было сделано, чтобы не упустить след. Все, что я сделал, – Майлз заговорил медленнее, – это изменил график.

– Три дня, – криво улыбнулся Гарош. – Вы перетряхнули всю Службу безопасности всего лишь за три дня.

– Не всю, только штаб-квартиру. И не за три дня, а скорее за четыре. И все же… кто-то должен сейчас здорово дергаться. Я надеюсь. Если они собирались зацепить отставного лейтенанта Форкосигана, то вместо него получили лорда Аудитора Форкосигана. Это все равно что закинуть удочку на форель, а выудить акулу. Да, все-таки я спустился вниз как раз

вовремя. Окажись в его распоряжении столько времени, сколько он ожидал, наш убийца мог запросто изъять свою наживку из хранилища и попробовать предпринять что-нибудь другое. Боже, как бы мне хотелось это знать.

«Кто из работающих здесь так меня ненавидит?» Мог ли лейтенант Форберг каким-то образом узнать, кто такой на самом деле адмирал Нейсмит? Но Форберг не настолько безумен, чтобы убивать Иллиана ради того, чтобы посчитаться с Майлзом. «Нет, однозначно, не главная цель». Нет-нет. Альтернатива слишком ужасна, об этом лучше не думать.

– И тем не менее вы добились поразительных успехов, лорд Форкосиган, – заявил Гарош. – Я раскалывал дела, которые начинались с еще меньшего количества данных, чем отыскали вы. Это хорошая, крепкая работа.

Майлз попытался не слишком радоваться похвале Гароша, но почувствовал, что лицо заливает румянец. Гарош – человек очень сдержанный, его похвалу заслужить трудно. Ведь это же не предательство по отношению к Иллиану – надеяться, что его преемник может еще стать достойным? Не таким, как Иллиан, конечно, но тоже неплохим.

– Какая жалость, – вздохнул Гарош, – что в штаб-квартире СБ почти все сотрудники обладают искусственной аллергической реакцией на суперпентотал.

– По-моему, пока еще рано вырывать людям ногти, – заметил Майлз, грызя собственный ноготь. – Хотя очень заманчиво. Теперь нам нужно подождать доклада команды системных аналитиков. Думаю, – Майлз с трудом сдержал зевок, – что я вполне могу пока пойти домой поспать. Вызовите меня сразу же, как только у них что-то появится, будьте добры.

– Хорошо, милорд Аудитор.

– А черт! Почему бы вам не называть меня просто Майлз? Все меня так зовут. Этот титул развлекает лишь первые двадцать минут, а потом начинается обычная работа.

Не совсем так, но…

Когда он уходил, Гарош отсалютовал ему почти «аналитическим» салютом.

Мартин доставил Майлза к дверям особняка Форкосиганов уже днем. Перед глазами стояло заманчивое видение мягкой уютной постели, но он покорно отправился на поиски матери, чтобы сказать ей «доброе утро» или «спокойной ночи».

После долгих блужданий он добрался до верхней гостиной в восточном крыле, где было на удивление солнечно и тепло для ранней зимы. Графиня пила кофе и листала толстый фолиант в кожаном переплете, в котором Майлз безошибочно признал один из томов, принесенных леди Элис. История императорских бракосочетаний – та самая, которую он начал было изучать.

«Уж лучше она, чем я».

– Привет, милый, – сказала графиня и запечатлела у него на лбу материнский поцелуй. Майлз отхлебнул у нее кофе. – Тебя не было всю ночь. Есть какой-нибудь прогресс в твоем деле?

– Думаю, да. Первый прорыв, во всяком случае. – Майлз решил не тревожить мать рассказом о том, в чем именно заключается первый прорыв. Лучше пока не говорить ей, что в роли козла отпущения в этом деле он обнаружил себя.

– А! Я не была уверена, означает ли твой отсутствующий взгляд именно это, или всего лишь признак недосыпания.

– И то, и другое. Я иду спать, но сначала хотел поговорить с Иллианом. Он уже встал, ты не знаешь?

– Думаю, да. Пим только что понес ему завтрак.

– Завтрак в постель около полудня. Что за жизнь!

– Полагаю, он это заслужил, а ты?

– И даже очень. – Майлз отпил у нее еще немного кофе и встал, чтобы отправиться наверх.

– Не забудь сначала постучаться, – посоветовала графиня.

– С какой стати?

– Он завтракает с Элис.

Теперь понятно, откуда взялась книга. Леди Элис принесла. Интересно, какую часть истории форов она заставляет читать беднягу Иллиана?

Следуя совету, он вежливо постучал в дверь гостевых апартаментов на втором этаже. Похоже, Пим не остался подавать завтрак, потому что из-за двери послышался голос самого Иллиана.

– Кто там?

– Майлз. Мне надо с тобой поговорить.

– Минутку.

Минутка превратилась в три или четыре. Майлз, прислонясь к дверному косяку, возил сапогом по ковру. Он постучал снова.

– Ладно, Саймон, дай мне войти.

– Не будь таким нетерпеливым, Майлз, – решительно выговорил ему голос тети. – Это несколько грубо.

Он проглотил резкий ответ и еще повозил сапогом по ковру. Потеребил цепь Аудитора, расстегнул ворот кителя. Из-за дверей донеслось шуршание, позвякивание и тихий смех. Наконец раздались легкие шаги леди Элис, и дверь распахнулась.

– Доброе утро, тетя Элис, – сухо поздоровался Майлз.

– Доброе утро, Майлз, – гораздо более приветливо, чем он ожидал, ответила она и жестом пригласила его войти. Поднос с завтраком стоял на маленьком столике у окна. Увы, на нем остались лишь объедки. Для столь раннего часа леди Элис одета чересчур официально, отметил про себя Майлз. Это платье больше подходит для ужина, чем для завтрака. И она явно экспериментирует с прической. Волосы распущены и зачесаны назад, спадая серебристо-черными волнами на спину.

Иллиан появился из ванной, натягивая китель и рубашку. Обут он был в тапочки.

– Доброе утро, Майлз, – радостно приветствовал он. Но улыбка Иллиана тут же увяла, едва он заметил красные от недосыпа глаза и несколько помятую физиономию Майлза.

– Что случилось? – гораздо более ровным тоном спросил он.

– Этой ночью я обнаружил в штаб-квартире СБ довольно любопытные вещи.

– Прогресс?

– Два шага вперед, три в сторону. Э-э-э… – Майлз, нахмурясь, посмотрел на тетку, размышляя, как бы повежливее ее спровадить. Но тетя Элис, явно не желая понимать намек, спокойно уселась на софу и выжидательно посмотрела на Майлза. Иллиан уселся с ней рядом. Ну что ж, раз так, пусть Иллиан сам делает грязную работу, коварно подумал Майлз.

– Это все под грифом «совершенно секретно».

Он многозначительно замолчал. Тетя Элис и Иллиан спокойно смотрели на него.

– Ты действительно полагаешь, что это предназначено для ушей леди Элис? – добавил он наконец.

Нет, не так нужно было говорить.

– Конечно, – тут же ответил Иллиан. – Выкладывай, Майлз, не держи нас в напряжении.

Что ж, раз уж Иллиан полагает, что можно… Майлз набрал в грудь побольше воздуха и начал быстро излагать события последней ночи. Когда он описывал, как они нашли свой клад в залежах хранилища, леди Элис пробормотала: «Молодец, Айвен». Иллиан окончательно утратил радостный вид и напрягся. Леди Элис, озабоченно посмотрев на него, взяла его за руку. Иллиан нежно сжал ей пальцы.

– Что мне необходимо знать, – закончил Майлз, – это помнишь ли ты хоть что-нибудь о том периоде, когда образцы доставили в штаб-квартиру во время последней облавы на комаррских заговорщиков.

Иллиан потер лоб.

– Это… почти ничего. Конечно, я помню заговор Сера Галена. Был ужасный

переполох, когда мы узнали о существовании лорда Марка. Графиня тогда очень расстроилась, увезла твоего отца развеяться. Я помню твой доклад с Земли. Своего рода литературный шедевр. Приключение в Четвертом секторе, когда ты переломал себе обе руки… это было сразу после, верно?

– Да. Но кто-то ведь докладывал тебе о прокариоте. Я понимаю, почему ты мог не пожелать посмотреть на него лично.

– Да, кто-то доложил. – Иллиан выпустил руку леди Элис и сжал кулак. – Несомненно, они сообщили мне все подробности. И я, несомненно, записал все там, где всегда записывал подробности. Но теперь там ничего не осталось.

Леди Элис сердито поглядела на Майлза. Интересно, он-то в чем виноват?

– Кто должен был делать тебе доклад? – не отставал Майлз.

– Генерал Даймент, наверное. Он возглавлял департамент по делам Комарры до Аллегре, ты должен его помнить. Умер через два года после выхода в отставку, бедняга. Майлз, я действительно не могу… Я бы наверняка все вспомнил, если бы оно было здесь! – Он раздраженно сжал себе голову. Леди Элис снова завладела его рукой и нежно ее погладила.

– А у твоего приятеля капитана Галени нет никаких предположений? – уже более спокойно спросил Иллиан. – У него должен быть какой-то внутренний след. В конце концов, это ведь был заговор его отца.

Майлз горько улыбнулся.

Глаза Иллиана сузились.

– Ты прекрасно понимаешь, что он непременно окажется в малом списке.

– Да.

– Ты сказал Гарошу?

– Нет.

– Почему?

– Зачем? Дува проверят вместе с остальными. К тому же… я и так наделал ему достаточно гадостей.

– Предвзятое отношение, милорд Аудитор?

– Ты сам прекрасно знаешь Галени.

– Не так хорошо, как ты.

– Вот именно. И в данном случае я вовсе не отношусь предвзято. Я сужу по характеру человека. Ищу мотивы, если хочешь.

– М-м-м… – протянул Иллиан. – Последи-ка лучше за своими мотивами, старина.

– Да-да, я знаю. Я должен не только быть нейтральным, но и казаться таковым. Ты сам меня этому научил, – со злостью добавил он. – Причем таким способом, что я вряд ли его когда-нибудь забуду.

– Я? Когда?

– Не важно. – Майлз потер переносицу. Он не только выдохся, от усталости у него разболелась голова. Пора спать, иначе он не сможет работать.

– Ладно, – вздохнул он. – Последнее. Ты не помнишь, за последние четыре месяца тебе никто не давал маленькую коричневую капсулу?

– Нет.

– Не хватает двух. Он мог принять одну сам, вместе с тобой.

«Кто бы это ни был».

– Нет. – Иллиан говорил более уверенно, чем обычно. – За последние тридцать лет я не принял ни одного лекарства, кроме тех, что мне давал мой личный врач собственноручно.

Гарош предполагает существование заговора.

– Это мог быть и твой личный врач. Это маленькую коричневую капсулу я пытаюсь отследить.

Иллиан покачал головой.

Майлз встал, вежливо распрощался и поплелся спать.

Проснулся он далеко за полдень и битых полчаса пытался снова уснуть. Безуспешно. Отчаявшись, он встал и связался по комму с Гарошем. Аналитики еще не подготовили доклад. Звонок Уэдделлу в клинику – в ответ сердитое рычание по поводу перерыва и обещание в скором времени дополнительной информации. В скором времени. Пока еще нет.

Вышагивание по комнате прервал звонок мрачного как туча Айвена, доложившего, что биоконтейнер должным образом исследован и возвращен из лаборатории. Так вот, не может ли он, Айвен, во имя всего святого, отдать кому-нибудь эту чертову коробку, сдать дежурство и пойти спать? Майлз виновато моргнул и велел ему передать контейнер в хранилище и отдыхать весь остаток дня.

Только он залез в ванну, как снова запищал комм. На сей раз звонил доктор Ченко из клиники ветеранов Императорского военного госпиталя.

– Лорд Форкосиган, – кивнул Ченко. – Приношу свои извинения за задержку. Эти микроинженерные штуки на практике всегда оказываются более сложными, чем в проекте. Но мы сделали чип, достаточно маленький, чтобы вживить его вам под череп. Надеемся, он сможет регулировать ваши припадки. Мы готовы апробировать его на вас. Если все пойдет нормально, займемся окончательной доводкой и запланируем операцию по его имплантации.

– Отличная работа, – сказал Майлз.

«И совсем неподходящий момент».

– Когда вы сможете прийти? Завтра?

В любое время может позвонить Гарош с результатами работы аналитиков, а тогда события будут развиваться очень быстро. И… где-то в Форбарр-Султане находится очень умный сотрудник СБ, который избрал своей мишенью Майлза. Есть ли в этом экспериментальном изделии Ченко протеиновые связи? Куда делась недостающая капсула? От одной только мысли, что малознакомые люди будут вживлять ему в мозг устройство, в котором он не очень смыслит, Майлза прошиб холодный пот. – Я… По всей вероятности, не завтра. О времени я сообщу вам позже, доктор.

Ченко выглядел разочарованным.

– У вас были еще припадки после того, что мы вызвали в лаборатории?

– Пока нет.

– Хм. Что ж, я бы посоветовал вам особенно не затягивать, милорд.

– Понимаю. Постараюсь как можно быстрее.

– И избегайте стрессов, – добавил Ченко, когда Майлз потянулся к выключателю.

– Спасибо, доктор, – прорычал Майлз пустому экрану.

Уже на полпути в душевую он вспомнил, что сегодня вечером Лаиса устраивает прием. Его присутствие было почти что императорским требованием. И служебные обязанности, похоже, ему это позволяют. На худой конец, неплохо воспользоваться случаем и сделать Грегору промежуточный доклад. Все, что ему требуется, это найти партнершу на танцы.

Тщательно одевшись, он позвонил Делии Куделке.

– Привет, – кивнул он высокой блондинке. По крайней мере по комму не приходится задирать голову с риском сломать шею. – Что ты делаешь сегодня вечером?

– Я… вообще-то я занята, – вежливо ответила Делия. – А почему ты спрашиваешь?

– О! – Проклятие. Сам виноват, тянул до последней минуты.

– Или… это никак не связано с твоими обязанностями Имперского Аудитора? – обеспокоенно уточнила она.

На миг им овладело гигантское искушение злоупотребить властью. Майлз поборол его с большим трудом.

– Нет. Всего лишь с обязанностями Майлза.

– Извини. – Голос ее звучал искренне.

– Э-э-э… А Марсия дома?

– Боюсь, она тоже сегодня занята.

– А Оливия?

– И она.

– Что ж, все равно спасибо.

– Да не за что.

Делия отключила комм.

Глава 24

Из-за доклада Майлза они с Грегором опоздали на прием. У императора возникло много вопросов, на большинство из которых Майлз пока не знал точного ответа. Он раздраженно закусил губу, остановившись перед входом в малый зал дворца. Там уже вовсю горел свет и было полно народу. В небольшой комнате играл небольшой оркестр, хорошо видимый сквозь распахнутые двери.

Полковник Фортала-младший, отвечающий сегодня за безопасность, лично сопроводил императора с Майлзом в зал. Фортала – одновременно аккуратный и взъерошенный – откланялся и пошел обратно в коридор, разговаривая по рации с кем-то из подчиненных.

– Трудно привыкнуть к отсутствию Иллиана, – вздохнул Грегор, глядя полковнику вслед. – Впрочем, Фортала справляется прекрасно, – поспешил добавить он и посмотрел на Майлза. – Не будь таким унылым. Даже без твоей аудиторской цепи мы все равно всех озадачили. Теперь все будут гадать, о чем это мы с тобой так долго беседовали. Придется нам остаток вечера потратить на пресечение всяких слухов.

Майлз кивнул.

– К тебе это тоже относится. – Сейчас ему не приходила на ум ни одна хорошая – как, впрочем, и плохая – шутка. – Думай о Лаисе, – посоветовал он.

Грегор мгновенно расцвел. Холодно улыбнувшись, Майлз проследовал за ним в зал. Здесь счастье Грегора стало еще более полным: доктор Тоскане, как всегда, была под крылышком леди Элис. Рядом с ними стояла графиня Форкосиган. Дамы мило беседовали.

– О, вот и они! – произнесла графиня. Грегор немедленно завладел рукой Лаисы и собственническим жестом прижал ее локтем. Она улыбнулась ему, блестя глазами.

– Элис, почему бы тебе не позволить мне немножко поиграть роль свахи, – сказала графиня. – А ты расслабься и ради разнообразия развлекись чем-нибудь.

Свои слова Корделия сопроводила легким кивком. Проследив за направлением, Майлз заметил Иллиана, спокойно стоявшего в тени. На нем был совсем непривычный штатский костюм прекрасного покроя. Впрочем, Иллиан – видимо, по старой привычке – делал вид, что его тут нет. Можно было подумать, что свет его обтекает.

– Спасибо, Корделия, – шепнула леди Элис. Грегор кивнул бывшему шефу Безопасности. Они обменялись стандартными «Как вы себя чувствуете? – Хорошо, сир. – Вы выглядите весьма элегантно», и леди Элис решительно уволокла Иллиана прочь, прежде чем он успел предпринять попытку заговорить о делах.

– Похоже, его выздоровление проходит успешно, – заметил Грегор, одобрительно глядя им вслед.

– Благодари за это леди Элис, – сообщила графиня.

– И вашего сына тоже.

– Насколько я понимаю, да.

Майлз слегка поклонился, причем не так уж иронично. Он смотрел на Иллиана с тетей Элис, явно направлявшихся к столу с прохладительными напитками.

– Не то чтобы я так уж хорошо знал содержимое платяного шкафа Иллиана, но… готов поклясться, он одет как-то по-другому. Как всегда, чертовски консервативно, но все же…

Графиня Форкосиган улыбнулась:

– Леди Элис удалось в конце концов убедить его воспользоваться услугами рекомендованного ею портного. Вкус Иллиана, или отсутствие такового, заставлял ее годами рвать на себе волосы.

– Я всегда считал, что это часть его имиджа. Быть эдаким невидимкой.

– Ну, и это тоже.

Грегор с Лаисой увлеченно рассказывали друг другу, чем они занимались эти бесконечные четыре часа, что не виделись. Майлз, углядев в противоположном конце зала Айвена, оставил влюбленную парочку под бдительным присмотром своей матери. Айвен пришел с Марсией Куделкой. Ага!

Марсия представляла собой более молодую, укороченную и смуглую версию Делии, хотя не менее яркую в своем роде. Сегодня на ней было что-то нежно-зеленых тонов. Точно рассчитанный оттенок, отлично сочетающийся с зеленым мундиром Айвена.

Приблизившись к ним, Майлз услышал, как Марсия, ткнув Айвена локтем в бок, произнесла:

– Айвен, олух ты несчастный, прекрати глазеть на мою сестру! Ты пригласил на этот танец меня, не забыл?

– Да, но… ее я пригласил первой.

– Ты опоздал. И мне стоит наступить тебе на ногу, чтобы оттоптать сапог. – Поглядев на подошедшего Майлза, она добавила, специально для него: – Я буду так счастлива, когда Делия подцепит наконец кого-нибудь и переедет. Мне начинает надоедать роль запасного варианта.

– Но какого очаровательного, миледи! – Майлз, склонившись, поцеловал ей руку.

Это привлекло внимание Айвена. Он вновь овладел рукой Марсии и успокаивающе погладил ее.

– Прости, – вежливо сказал он, искоса глянув куда-то налево.

Проследив его взгляд, Майлз мгновенно заметил светлую головку. Делия Куделка сидела на софе рядом с Дувом Галени. Они увлеченно поглощали закуски с тарелки, стоящей у капитана на колене. Темная голова на мгновение склонилась к светлой, и Делия рассмеялась. Длинные зубы Галени сверкнули в одной из самых мрачных его улыбок. Майлз с неожиданно живым интересом заметил, что колено Дува касается ноги девушки.

Мимо них прошел слуга с уставленным бокалами подносом.

– Не хочешь что-нибудь выпить? – спросил Айвен Марсию.

– Да, пожалуйста, только не красное. Белого, будь любезен.

Айвен отправился вдогонку слуге, а Марсия тем временем объяснила Майлзу:

– Если я пролью на себя белое, будет не так заметно. И как это Делия только умудряется? Никогда ничего не проливает! Иногда мне кажется, что она учится быть леди Элис.

Галени не упоминал, что будет здесь с Делией, когда Майлз с ним разговаривал в СБ… Только вчера?

– И давно это началось? – Майлз кивком указал на Галени.

Марсия хихикнула:

– Делия сообщила нашему па еще месяц назад, что Дув будет тем самым. Сказала, что ей нравится его стиль. По-моему, для старика он очень даже ничего.

– У меня тоже есть стиль, – заметил Майлз.

– Исключительно твой собственный, – равнодушно согласилась Марсия.

Он благоразумно решил закрыть эту тему.

– Хм… И когда же старина Дув это понял?

– Делия пока над этим работает. Некоторым нужно дать кирпичом по голове, чтобы привлечь их внимание. А некоторых требуется бить большим кирпичом.

Пока Майлз пытался сообразить, к какой категории Марсия относит его самого, вернулся Айвен с бокалами. Из соседней комнаты донеслись первые звуки музыки. Айвен спас платье Марсии от рандеву с пряным вином, утащив ее танцевать. Из гражданских здесь были коллеги Лаисы из Консорциума, да и еще немало комаррцев. Никакой политики на вечере, ха! Майлз подозревал, что своим присутствием здесь Галени обязан Лаисе. Как самый лучший друг, разумеется.

Некоторое время Майлз изучал закуски – как всегда, великолепные, – затем

перекочевал в соседний зал, чтобы послушать музыку и понаблюдать за танцующими. Он вдруг остро ощутил, что отсутствие партнерши оставляет его, так сказать, за бортом, хоть он и не один здесь такой. Соотношение мужчин и женщин на вечере было десять к девяти, если не к восьми. Протанцевав несколько танцев со старыми знакомыми, он решил потренироваться в изображении традиционной иллиановской позы – мрачно подпирал стену.

А Иллиан все время танцевал с Элис Форпатрил. Айвен, задержавшись возле Майлза, чтобы подкрепиться бокалом подогретого вина, изумленно посмотрел на них.

– А я и не знал, что старина Иллиан умеет танцевать!

– Я-то уж точно не подозревал, что он так хорошо танцует, – согласился Майлз. Айвен – не единственный, кто это заметил. Жена Генри Форволка, глядя на проплывавших мимо нее Элис с Саймоном, что-то прошептала на ухо мужу. Тот посмотрел на них с удивленной улыбкой. – Ни разу не видел, чтобы Иллиан танцевал. Наверное, всегда был при исполнении. – Всегда. Доктор Рубан, говоря о побочных эффектах изъятия чипа, упоминал о возможных изменениях личности. Черт, да для таких изменений достаточно просто сбросить тридцатилетний гнет огромной ответственности.

Из безукоризненной прически леди Элис выбился локон, и она отбросила прядку со лба. Майлз вспомнил, как она выглядела сегодня за завтраком, и ему вдруг показалось, что на него обрушился большой кирпич. Он поперхнулся вином.

«Господи ты Боже мой! Иллиан спит с моей теткой!»

Он не знал, радоваться или возмущаться. Одно понятно: хладнокровное самообладание Иллиана достойно восхищения.

– С тобой все в порядке? – спросил Айвен.

– О да. – «Предоставлю-ка я Айвену возможность самому догадаться…» Он спрятал невольную ухмылку, залив ее глотком вина.

Сбежав от кузена, Майлз вернулся в зал приемов. Возле буфета он налетел на капитана Галени, который выбирал закуску для Делии, скромненько стоявшей неподалеку. Делия изящно помахала Майлзу.

– Ты… э-э-э… как я вижу, нашел себе новую партнершу для танцев, – шепнул Майлз Дуву.

Галени улыбнулся, как лисица, только что слопавшая цыпленка.

– Да.

– Я собирался пригласить ее на сегодняшний вечер. Она сказала, что занята.

– Это очень печально, Майлз.

– Что, ответный удар?

Галени поднял брови.

– Я не говорю, что я выше маленькой мести, но я честный человек. Сначала я спросил ее, не думает ли она, что у тебя с ней серьезно. Она сказала нет.

– О! – Майлз сделал вид, что внимательно изучает ассортимент фруктовых пирожных. – А у тебя с ней серьезно?

– Убийственно. – Галени вздохнул, и улыбка на мгновение напрочь исчезла из его глаз. Майлз вздрогнул, но Галени взял себя в руки и продолжил уже более светским тоном: – С таким происхождением и связями, как у нее, Делия станет отличной спутницей политического деятеля, как по-твоему? – Он расплылся в улыбке. – К тому же красота и ум тоже не помешают.

– Зато она не богатая, – сказал Майлз.

Галени пожал плечами:

– Ну, с этим я и сам как-нибудь справлюсь, если захочу.

– Что ж… – Пожалуй, не стоит говорить «желаю, чтобы на сей раз тебе повезло больше». – Хочешь, замолвлю за тебя словечко перед ее па – коммодором?

– Не пойми меня превратно, Майлз, но я предпочел бы, чтобы больше ты не пытался оказать мне услугу.

– Ага! Думаю, я могу тебя понять.

– Спасибо. Я не собираюсь повторять свои ошибки и намерен сделать ей предложение сегодня, по дороге домой.

Решительно кивнув, Галени удалился.

Дув и Делия. Делия и Дув. Созвучная пара.

Майлз удрал от всех в музыкальную комнату – там никто не будет досаждать ему светской беседой. Он стоял, прислонившись к стене, и невидящими глазами смотрел на проплывавшие мимо танцующие пары. Минут через десять на него стали обращать внимание. Тогда он направился к Лаисе – пригласить ее на танец, пока не поздно. Грегор наверняка затребует два последних танца себе.

Майлз был поглощен сложными па, когда краем глаза заметил в соседнем зале Галени в обществе полковника СБ и двух охранников, приписанных сегодня ко дворцу. Галени с полковником о чем-то приглушенно, но яростно спорили. Делия стояла чуть в стороне, глядя на них широко открытыми голубыми глазами, и теребила пальцами губы. Галени был напряжен до предела. Его лицо приняло то самое каменное выражение, за которым скрывалась хорошо подавленная, но весьма опасная ярость. Что за пожар такой в Имперской безопасности, если пришлось посылать команду, чтобы выкрасть с приема ведущего специалиста по Комарре? Майлз скользил по залу, приседал и делал повороты так, чтобы постоянно держать Лаису спиной к двери.

Полковник, решительно жестикулируя, положил руку на рукав Галени. Галени руку стряхнул. Один их охранников схватил парализатор.

Лаиса замерла одновременно с Майлзом, но потом сообразила, что это вовсе не фигура танца.

– Майлз, что случилось?

– Прошу прощения миледи. Я вынужден вас оставить. Пожалуйста, вернитесь поскорее к Грегору.

Торопливо поклонившись, он скользнул мимо нее и решительно направился в соседнюю комнату. Лаиса невольно проследила за ним взглядом.

– Похоже, у вас какие-то проблемы, господа? – поинтересовался Майлз, подойдя к офицерам.

Полковник неуверенно кивнул ему. На Майлзе не было цепи Аудитора, но офицер должен был знать, кто он такой.

– Милорд, генерал Гарош приказал арестовать этого человека.

Ничем не выдав своего потрясения, Майлз так же спокойно спросил:

– Почему?

– Обвинение не указано. Мне приказано немедленно забрать его из Императорского дворца.

– Что за чертовщина, Форкосиган? – прошипел Галени. – Твоих рук дело?

– Нет. Не знаю. Я такого приказа не отдавал… – Связано ли это с расследуемым им делом? А если так, то как посмел Гарош предпринять что-то без его ведома?

Подошли взволнованные Айвен с Марсией. Полковник деревенел на глазах, видя, что ситуация выходит из-под контроля. Несомненно, ему велено было проделать все тихо.

– У тебя есть неоплаченные счета за проезд, Дув? – продолжил Майлз, стараясь снять напряжение.

– Нет, черт побери!

– Где сейчас генерал Гарош? – требовательно спросил Майлз у полковника. – В штаб-квартире?

– Нет, милорд. Он едет следом. Должен вот-вот прибыть.

Чтобы доложить Грегору? Уж лучше Гарошу иметь при себе хоть какое-нибудь достойное объяснение. Майлз поцокал языком.

– Слушай, Дув… Мне кажется, тебе лучше спокойно пойти с ними. Я разберусь.

Полковник посмотрел на него с благодарностью, Галени – с подозрением и огромным разочарованием. Конечно, слишком сурово – требовать от Галени молча проглотить

публичное унижение, но все же лучше так, чем быть оглушенным парализатором или избитым при сопротивлении властям на приеме у императора. Вот это уж точно привлекло бы внимание всех присутствующих.

Галени посмотрел на Делию, в его темных глазах мелькнула боль. Затем он перевел взгляд на Айвена.

– Айвен, ты проводишь Делию домой?

– Конечно, Дув.

Делия кусала губы. Еще десять секунд, и уже она вмешается в это дело, причем вмешается громко. Майлз хорошо знал Делию.

Повинуясь торопливому кивку Майлза, полковник вывел Галени из зала, предусмотрительно позволив ему идти самому и не пытаясь до него дотронуться. Майлз велел Айвену удалиться и вышел вслед за Дувом. Как он и боялся, едва они свернули за угол, как охранники влепили Дува лицом в ближайшую стенку, обыскали и уже собирались связать.

Майлз повысил голос буквально за мгновение до того, как Галени успел развернуться и наброситься на них.

– В этом нет необходимости, господа!

Они замерли. Галени с видимым усилием разжал кулаки и отбросил от себя охрану – просто стряхнул, не попытался швырнуть их через коридор.

– Он пойдет с вами как коллега-офицер, если вы ему это позволите. – Взгляд Майлза безмолвно добавил: «Не так ли, Дув?» Галени одернул китель и коротко кивнул. – Полковник, так в чем все-таки обвиняют капитана Галени?

Полковник откашлялся. Он не имел права не отвечать Имперскому Аудитору, какой бы приказ Гарош ему ни отдал.

– В измене, милорд.

– ЧТО?! – взревел Галени, а Майлз одновременно с ним рявкнул:

– Брехня!

Трижды глубоко вздохнув, чтобы овладеть собой и показать Дуву хороший пример, Майлз сказал:

– Дув, я приду к тебе, как только переговорю с Гарошем, хорошо?

У Галени ноздри раздувались от ярости, но он повторил эхом:

– Хорошо.

К счастью, от дальнейших комментариев он удержался. Он даже нашел в себе силы идти с достоинством, когда конвоиры повели его к выходу.

Майлз помчался обратно в зал. В коридоре его уже поджидала целая делегация: Грегор, Лаиса, Делия и графиня Форкосиган.

– Что тут происходит, Майлз? – спросил Грегор.

– Почему эти люди увели Дува? – Лаиса посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Майлз, сделай что-нибудь! – потребовала Делия.

Графиня Форкосиган молча стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на сына.

– Не знаю. А обязан бы знать! – завопил Майлз. – Галени только что арестовала Служба безопасности, – он скосил глаза на Лаису, – по какому-то непонятному обвинению. Вроде бы по прямому указанию Лукаса Гароша.

– Я должен предположить, что у него есть причина… – начал Грегор.

– Я должна предположить, что он ошибается! – горячо возразила Делия. – Корделия, помогите!

Взгляд графини Форкосиган устремился куда-то через плечо Майлза.

– Если хотите получить точный ответ, обратитесь к источнику. Вон он идет.

Майлз резко повернулся и увидел выходящего из-за угла Гароша в сопровождении телохранителя Грегора. Взгляд Гароша был столь же тяжелым, как его поступь. Подойдя к ним, он поклонился Грегору:

– Сир.

И отвесил менее формальный поклон Майлзу:

– Милорд Аудитор. Я прибыл так быстро, как только смог.

– Что за чертовщина тут творится, Лукас? – спокойно поинтересовался Грегор. – Служба безопасности только что арестовала одного из моих гостей в самый разгар моего приема. Уверен, ты можешь объяснить причину.

Интересно, настолько ли хорошо Гарош знает Грегора, чтобы уловить гнев, скрытый за этими чуть акцентированными «моих» и «моего»?

– Мои глубочайшие извинения, сир. И вам, доктор Тоскане. Я признаю неловкость происшедшего. Но Служба безопасности обязана обеспечивать вашу – и вашу, – короткий кивок Лаисе, – безопасность. Я только сегодня получил повод усомниться в лояльности этого человека, а затем, к своему ужасу, обнаружил, что сейчас он находится подле вас. Я могу перестраховываться сколько угодно, но не могу допустить ни одной оплошности. Поэтому первой моей заботой было убрать отсюда капитана Галени. Все остальное, включая объяснения, могло подождать. – Он посмотрел на женщин, затем многозначительно отвел взгляд в сторону. – А для объяснений я теперь всецело к вашим услугам, сир.

– О! – Грегор обернулся к графине Форкосиган и неопределенным жестом указал на Лаису с Делией. – Корделия, не могли бы вы…

Графиня наградила его оч-чень сухой улыбкой.

– Пойдемте, дамы. Мужчинам надо поговорить.

– Но я хочу знать, что происходит! – запротестовала Лаиса.

– Мы можем это выяснить потом. Я объясню вам систему. Она удивительно глупая, но ее можно заставить работать. В нее, к слову сказать, входит множество других форских обычаев. А пока мы должны продолжить спектакль, – Корделия кивнула в сторону зала, – и постараться исправить ущерб, нанесенный этим, – она метнула на Гароша взгляд, способный заморозить пингвина, – злосчастным упражнением в предосторожности.

– Исправить ущерб? – переспросила Лаиса. – Но как?

– Лгать, дорогая. Мы с Элис покажем вам, как это делается…

Графиня Форкосиган увела девушек за собой. Делия, обернувшись к Майлзу, проговорила одними губами:

– Сделай же что-нибудь, черт побери!

– Нам лучше продолжить разговор у вас в кабинете, сир, – тихо сказал Гарош. – Нам понадобится комм. Я принес вам по экземпляру доклада моей команды, проверявшей систему безопасности здания. – Он коснулся кармана кителя и кисло улыбнулся Майлзу. – Я подумал, что вы захотите ознакомиться с ним как можно раньше, милорд Аудитор.

– Разумеется, – кивнул Майлз и проследовал за Грегором и генералом по коридору и вниз по лестнице к кабинету императора. Телохранитель, замыкавший шествие, занял пост у входа в кабинет. Пропустив всех вперед, Грегор закрыл дверь.

– Мой малый список оборвался резко и неожиданно, – начал Гарош. – Если позволите, сир… – Он указал на комм. Грегор немедленно включил пульт. Гарош вставил одну дискету в дисковод, а вторую протянул Майлзу. – Уверен, вы захотите изучить ее потом более подробно, но я могу дать краткую сводку сейчас.

Насчет козла отпущения, Майлз. Вы подходили идеально. Введение в комм информации о вашем «визите» в хранилище было проделано очень аккуратно. Моя команда потратила уйму времени, чтобы выяснить, как это было сделано. Я уже не знал, что и думать. А потом мне пришло в голову перепроверить отпечаток вашей сетчатки. Вы знаете, что после криооживления ваша сетчатка немного изменилась?

Майлз покачал головой.

– Меня это не удивляет.

«Во мне много чего немного изменилось после криооживления».

– Кто-то сказал, что каждый преступник совершает хотя бы одну ошибку. Судя по моему опыту, это не всегда так, но на сей раз именно это и произошло. Отпечаток сетчатки в

хранилище – прошлогодний и не идентичен нынешнему. Вы можете увидеть это вот здесь. – Гарош вывел на экран оба изображения. Разница моментально бросалась в глаза: нездорового вида пурпурные точки. – Так что вы чисты, милорд Аудитор, – развел руками Гарош.

– Мерси, – прорычал Майлз. «Меня никто и не обвинял». – Но при чем тут Дув Галени?

– Слушайте. Исходя из имеющихся улик, точнее, из их отсутствия, моя команда сообщает, что запись в комме хранилища, очевидно, была переделана программой, которую Галени ввел через считывающее устройство. Этот аппарат автономен, и другого способа у него не было.

– Галени или кем-то еще, – поправил Майлз.

Гарош пожал плечами:

– В любом случае на Галени мы вышли по другому следу. Вторым объектом исследования, естественно, стал комм на входе в здание. Там было интереснее. Здесь программу ввели иным путем, поскольку комм подключен к общей сети штаб-квартиры. Для того чтобы докопаться, моей команде пришлось немало повозиться. Я восхищаюсь их находчивостью и терпением, сир. – Гарош указал на экран. – Важные точки указаны красным. Они прослеживают путь до самого верха – здесь система, как видите, имеет закрытый доступ. Войти в нее могу только я, а точнее, теперь мой заместитель в Департаменте внутренних дел, еще Аллегре, Ольшанский и глава департамента по делам галактики. Они проследили цепочку через комм Аллегре до нижнего уровня, до аналитиков. До комма капитана Галени.

Гарош вздохнул.

– Наши аналитики во всех департаментах имеют дело с огромным количеством засекреченных сведений. Такова их работа – просматривать все, ведь, исходя из их докладов и рекомендаций, принимаются жизненно важные решения на высшем уровне. Я сам провел за этим занятием несколько лет. Но Галени, похоже, воспользовался своим доступом для выхода на комм своего руководителя, а оттуда – во всю систему.

– Или тот, кто воспользовался коммом Галени, – предположил Майлз. Ему стало нехорошо. Огоньки на экране напоминали пятна крови. – И это действительно улика?

«Если был один козел отпущения, то почему бы не появиться второму?» Или… столько, сколько потребуется, пока не отыщется подозреваемый, которого Майлз не знает и который ему не нравится?

Гарош помрачнел.

– Это все, что нам удалось обнаружить. Я бы руку отдал, чтобы иметь возможность допросить Галени под суперпентоталом, но перед назначением на нынешнюю должность он прошел аллергическую обработку. Суперпентотал убьет его. Так что придется искать доказательства старым добрым способом. Все вещественные доказательства давно уже обратились в дым. Теперь мы подходим к вашей теории мотивации, милорд Аудитор. Кто из аналитиков департамента по делам Комарры знал о прокариоте и имел повод его использовать? Галени знал. Он встречался со своим отцом, Сером Галеном на Земле, как раз перед провалом первого комаррского заговора.

– Знаю, – отрезал Майлз. – Я был там.

«О Боже, Дув…»

– Я не знаю, как оценивать тот факт, что ваш клон-брат застрелил отца Галени…

– Если бы это было проблемой, она проявилась бы уже давно.

– Возможно. Но, так или иначе, это не могло не задеть его чувства. Затем, помимо всего прочего, вы не так давно невольно разрушили его брачные планы.

– Он с этим смирился.

– Какие брачные планы? – заинтересовался Грегор.

Майлз скрипнул зубами. «Гарош, ты идиот».

– Одно время Дув довольно сильно интересовался Лаисой. Поэтому он и пригласил ее на тот прием, где вы познакомились. С тех пор Дув… хм… нашел другой объект для

ухаживания.

– О! – Грегор выглядел несколько ошарашенным. – Я не думал… что между Лаисой и Галени все было настолько серьезно.

– Только с его стороны.

Гарош покачал головой:

– Мне очень жаль, Майлз. Но этот человек назвал вас, если мне память не изменяет, «чертов маленький вкрадчивый сутенер». – Взгляд Гароша стал отсутствующим, и выражение – один в один, как у Иллиана, когда тот выуживал дословную цитату из своего чипа. У Майлза аж дух захватило. – И продолжил дальше, весьма экспрессивно: «Фор действительно означает вор. И вы, проклятые барраярские форы, держитесь друг за друга. Ты и твой долбаный драгоценный император, и вообще вся ваша кодла». И вы всерьез ожидаете от меня, чтобы я подумал, будто он лишь немного огорчился?

Брови Грегора поползли вверх.

– Это было сказано мне прямо в лицо! – рявкнул Майлз. Судя по виду Грегора, император не понимал, почему эта реплика является защитой обвиняемого. – А не за моей спиной, – попытался объяснить он. – Только не за спиной. Только не Галени. Это… не в его стиле. – И специально для Гароша добавил: – Где вы, черт побери, это взяли? Имперская безопасность теперь прослушивает коммы всех своих аналитиков, что ли? Или кто-то наметил своей целью Галени еще до срыва Иллиана?

Гарош кашлянул.

– Вообще-то не Галени, милорд. Вас.

– Что?!

– Все открытые каналы в особняке Форкосиганов прослушиваются из кабинета шефа СБ в целях обеспечения безопасности. Уже несколько десятилетий. Не прослушиваются только три – это личные коммы графа, графини и ваш. Наверняка ваши родители говорили вам об этом. Они знали.

Прослушивались Иллианом, да. Отец с матерью не стали бы возражать против этого. А он в ту ночь разговаривал с Галени… из Желтой гостиной, все верно. Майлз судорожно попытался вспомнить, что и кому он говорил и по какому комму особняка Форкосиганов.

– Ваша верность другу делает вам честь, Майлз, – продолжил Гарош. – Но я не уверен, что он вам друг.

– Нет, – возразил Майлз. – Нет. Я знаю, какую цену заплатил Галени, чтобы попасть сюда. И он ни за что не бросит все это на ветер из-за какой-то… личной неприязни. К тому же, даже если допустить, что у Галени были причины отомстить мне, то как насчет основного преступления? Какой у него был мотив, чтобы расправиться с Иллианом?

Гарош пожал плечами:

– Возможно, политический. Между некоторыми комаррцами и Иллианом существует тридцатилетняя вражда. Я согласен, что дело еще не закончено, но теперь, когда появилось реальное направление, будет проще.

Грегор был чуть ли не в смятении.

– Я надеялся, что моя женитьба хоть немного улучшит дела с Комаррой. Действительно единая Империя…

– Так и будет, – заверил его Майлз. – И даже вдвойне, если Галени женится на барраярке. – «Если не окажется в тюрьме по ложному обвинению в измене, конечно». – Ты же знаешь, как распространяются в Империи модные веяния. Так что ты наверняка положишь начало огромной волне межпланетных браков. А учитывая недостаток барраярских девочек в нашем поколении, устроенный нашими родителями, большинству из нас так или иначе придется импортировать жен.

Губы Грегора изогнулись в печальной улыбке.

Майлз схватил свой экземпляр доклада.

– Я хочу его внимательно изучить.

– Пожалуйста, – кивнул Гарош. – Подумайте над ним. Если сможете обнаружить что-

то, чего не заметил я, дайте мне знать. Я вовсе не в восторге от того, что кто-то из моих людей нелоялен, безотносительно его происхождения.

Гарош откланялся. Майлз ушел следом, отправив слугу на поиски Мартина с приказом немедленно подогнать машину ко входу. Если он вернется на прием, женщины тут же накинутся на него с вопросами. А он пока не готов ни давать объяснения, ни действовать. Он не завидовал Грегору, который вынужден вернуться и продолжить вести светские беседы, будто ничего не произошло.

В лимузине, на полпути между двроцом и особняком Форкосиганов, его зрение внезапно обострилось. Дома, видимые сквозь стекло кабины, вдруг стали чрезвычайно отчетливы, приобрели какую-то нереальную реальность, казалось, вот-вот засветятся зеленым светом. «О черт, черт…» – подумал он, и тут все рассыпалось в привычном взрыве конфетти. А потом наступила тьма.

Он очнулся, лежа на заднем сиденье. Над ним нависало встревоженное лицо Мартина. Китель Майлза был расстегнут, кабина открыта. От холодного ночного воздуха его трясло.

– Лорд Форкосиган? Милорд? Вы умираете? Не надо, перестаньте!

– Гх-м-м, – сумел выдавить Майлз. В ушах стоял звон, губы болели. Он коснулся рта – на пальцах осталась кровь.

– Все в порядке, Мартин. Только припадок.

– Так вот как они выглядят? Я было подумал, что вас отравили или пристрелили.

Мартин немного успокоился. Но совсем немного.

Майлз попытался сесть. Мартин протянул руки, не зная, то ли помочь, то ли уложить его обратно. Язык и нижняя губа были прокушены, и кровь текла на его лучший мундир.

– Мне отвезти вас в госпиталь или к врачу, милорд?

– Нет.

– Тогда позвольте хотя бы отвезти вас домой. Может… – Озабоченное лицо Мартина просветлело. – Может быть, леди Корделия скоро вернется.

– И избавит тебя от меня? – Майлз болезненно засмеялся. «Она не вылечит этого поцелуем, Мартин. Как бы ей этого ни хотелось».

Ему отчаянно хотелось поехать в штаб-квартиру СБ. Он обещал Галени… Но он еще не изучил новые данные, и люди, которым он хотел бы задать ряд вопросов по этим данным, несомненно, уже ушли домой. И его до сих пор колотит, и еще эта обычная после припадков слабость.

Военные медики абсолютно правы. Стрессы действительно гарантируют, что эти проклятые припадки всегда будут случаться в самое неподходящее время. Он и правда не годен к службе, любой службе. Не годен.

«Как же я это ненавижу!»

Глава 25

На следующее утро Майлз, как всегда после припадка, проснулся с головной болью. Пара болеутоляющих таблеток мало помогла. Похоже, последствия с каждым разом все хуже и хуже.

«Мне необходимо как можно скорее увидеться с Ченко».

Он приволок к себе в комнату кофейник и заперся наедине с коммом и докладом Гароша. Он провел – или потратил – все утро, читая и перечитывая этот доклад.

Скудость данных придавала им еще большую достоверность. Если все это задумывалось как двойная подстава, сведений должно быть больше. Как ни пытался Майлз, он не мог найти ни изъянов в изложенных доводах, ни обрывов в логической цепи.

С такими итогами он не осмеливался пойти к Дуву, которого продержали всю ночь в камере предварительного заключения – маленькой комнатушке, пришедшей на смену казематам времен Эзара. Там Галени будет сидеть все время предварительного следствия, до

официального предъявления обвинения, а потом его скорее всего переведут в более мрачную военную тюрьму. «Задержан по подозрению». В барраярском военном законодательстве не очень четко определялось, сколько можно держать человека в заключении по подозрению. «Скорее, задержан по причине чьей-то паранойи».

Мрачные размышления прервал звонок доктора Уэдделла, который жалобно поинтересовался, когда он сможет поехать домой. Майлз пообещал прийти за докладом и после этого отпустить доктора. Надев свежий, пусть и не лучший мундир и цепь Аудитора, Майлз замазал разбитый рот и приказал Мартину подать машину.

Запах медицинских и химических препаратов, витавший в клинике СБ, до сих пор вызывал у Майлза неприятные ощущения в желудке. Войдя туда, он немедленно направился в лабораторию, облюбованную Уэдделлом. Спальный мешок в углу свидетельствовал о том, что Уэдделл-Канабе четко следовал указаниям и не оставлял без присмотра образец и полученные результаты. На докторе была та же одежда, что и вчера утром, однако он умудрился побриться. Каким-то образом он выглядел менее помятым, чем Майлз.

– Ну, милорд Аудитор, вы скорее всего не удивитесь, услышав, что я твердо уверен в том, что ваша находка полностью идентична прокариоту, которого ввели шефу Иллиану. Даже из той же партии. – Подведя Майлза к комму, он ударился в подробное сравнение двух образцов, подкрепляя рассказ цветными картинками и перемежая все это самовосхвалениями, поскольку Имперский Аудитор не соизволил проронить ни слова.

– Я говорил с Иллианом, – проговорил наконец Майлз. – Он не помнит, чтобы глотал в последние четыре месяца маленькую коричневую капсулу. К сожалению, память у него не та, что прежде.

– А эту капсулу и не глотали, – уверенно заявил Уэдделл. – Они и не предназначены для глотания.

– Откуда вы знаете?

– Капсула влагоустойчива и не растворяется. Ее нужно сломать – например, раздавить пальцами, – и тогда прокариоты смешиваются с воздухом, а затем вдыхаются. Дизайн указывает именно на это. Они сделаны в виде спор.

– Не понял.

– Вот. – Уэдделл убрал с экрана схему молекулярной цепочки и вывел изображение предмета, напоминавшего сферический спутник, утыканный антеннами. – Прокариоты сами по себе чрезвычайно малы, и их нельзя положить без оболочки в большие капсулы. Поэтому их упаковали в эти спорообразные частицы, – Уэдделл ткнул пальцем в экран, – которые летают в воздухе, пока не соприкоснутся с влажной поверхностью, вроде слизистой или бронхов. Здесь оболочка растворяется, выпуская содержимое наружу.

– Их можно разглядеть, как облачко дыма или пыли? Почуять запах?

– При достаточно ярком освещении, полагаю, в момент вскрытия капсулы можно увидеть небольшое облачко, но оно быстро исчезает. Запаха они не имеют.

– Как долго… они могут висеть в воздухе?

– Как минимум несколько минут. В зависимости от работы вентиляции.

Майлз зачарованно смотрел на сферу.

– Это новые сведения.

Которым, впрочем, он пока не видел применения.

– Этого нельзя было выяснить при анализе чипа, – несколько агрессивно заметил Уэдделл, – потому что куски рассасывающейся оболочки никак не могли попасть в чип. А существуют и другие потенциальные способы введения.

– Я… понимаю. Так. Большое спасибо.

Майлз представил себе, как идет к Иллиану: «Ты не можешь вспомнить каждый свой вздох за последние четыре месяца?» Прежний Иллиан мог бы вспомнить и это.

Его размышления прервал сигнал комма. Изображение споры сменилось лицом генерала Гароша.

– Милорд Аудитор, – почтительно кивнул Гарош. – Прошу прощения, что прерываю

вас. Но, раз вы здесь, я хотел узнать, не могли бы вы заглянуть ко мне? Когда вам будет удобно, разумеется.

Майлз вздохнул:

– Конечно, генерал. – По крайней мере это дает ему повод отложить визит к Галени еще на некоторое время. – Я буду у вас через несколько минут.

Взяв дискету с докладом и запечатанные останки прокариота, Майлз отпустил доктора Уэдделла, который с радостью удалился. Невольно ускоряя шаг, Майлз шел по знакомым коридорам штаб-квартиры СБ, вверх и вниз, к кабинету, прежде принадлежавшему Иллиану, а теперь – Гарошу. Может быть – дай-то Бог, – Гарош обнаружил что-то новенькое. Что-то, отчего вся эта головоломка перестанет быть столь болезненной.

Гарош запер за ним дверь и собственноручно принес Имперскому Аудитору стул.

– Вы что-нибудь надумали за ночь, милорд? – поинтересовался генерал.

– Боюсь, что нет. Уэдделл подтвердил идентичность образцов. Наверное, вы захотите иметь копию.

Майлз протянул Гарошу дискету с докладом. Тот, кивнув, вставил дискету в комм и скопировал содержимое.

– Спасибо. – Вернув оригинал Майлзу, он продолжил: – Я пригляделся повнимательнее к остальным четырем ведущим аналитикам по Комарре. Двое из них вообще не имели возможности узнать о существовании образцов. У двух других отсутствует мотив. Во всяком случае, я такового не обнаружил.

– Идеальное преступление, – пробормотал Майлз.

– Почти. Действительно идеальное преступление – такое, которое не раскрывают вообще. Расследуемое нами близко к идеалу. Попытка вас подставить, по всем признакам, имела второстепенное значение и, следовательно, проделана менее тщательно.

– За все время, что я работал с дендарийскими наемниками, мне ни разу не удалось реализовать ни одного идеального плана операций, – вздохнул Майлз.

– Смею вас заверить, Департаменту внутренних дел этого тоже не удавалось, – признал Гарош.

– Все это очень косвенно, без признания.

– Да. И я не знаю, как его получить. Суперпентотал отпадает. Я тут подумал… может быть, вы сможете с этим помочь. Учитывая, что вы хорошо знаете этого человека. Используйте ваш знаменитый дар убеждения.

– Мог бы, – снова вздохнул Майлз, – если б был убежден в виновности Галени.

Гарош покачал головой.

– Как бы нам ни хотелось иметь больше доказательств, я сомневаюсь, что мы их получим. Часто приходится двигаться дальше, отталкиваясь от того, что есть. Необходимо двигаться вперед. Нельзя останавливаться.

– Пусть колесница катится вперед независимо от того, что давят ее колеса? – поднял брови Майлз. – И как же вы собираетесь двигаться вперед?

– Военный трибунал, скорее всего. Дело должно быть доведено до конца по всем правилам. Как вы справедливо заметили, оно не может оставаться подвешенным.

Какое решение примет трибунал, если ему в затылок будет дышать вся махина СБ, принуждая к быстрому решению? Виновен? Не виновен? Или более туманное «За недоказанностью»? Ему потребуется найти лучшего военного адвоката…

– Нет, черт возьми! Не желаю, чтобы кучка военных судей ломала себе голову, а потом все пошли домой ужинать. Если можно догадаться, я и сам могу гадать целый день напролет. А я хочу знать. Вам придется продолжить поиски. Мы не можем останавливаться на одном Галени.

Гарош шумно выдохнул и потер подбородок.

– Майлз, вы хотите, чтобы я начал охоту на ведьм. Это может нанести огромный ущерб моей организации. Вы заставите меня перевернуть СБ вверх дном, и ради чего? Если

комаррец виновен – а я почему-то уверен, что так оно и есть, – то вам придется очень далеко зайти, чтобы получить подозреваемого, который будет вам по вкусу. Где вы остановитесь?

«Уж точно не здесь, черт побери!»

– Будущая императрица вряд ли будет довольна вами. Или мной.

Гарош скривился.

– Я отдаю себе в этом отчет. Кажется, она очень милая молодая женщина, и мне не доставляет удовольствия думать, что это может ее огорчить. Но я присягал не ей, а Грегору. Как и вы.

– Верно.

– Если у вас нет других конкретных предложений, я готов предъявить обвинение, и пусть решает трибунал.

«Ты-то готов предъявить обвинение, да я не готов его поддержать».

– Я могу отказаться закрыть аудиторское расследование.

– Если трибунал вынесет приговор, вам придется это сделать, милорд.

«А я этого не сделаю». Майлза вдруг осенило. Он может не закрывать аудиторского расследования вечно, и Гарошу ни черта не удастся с этим поделать. Неудивительно, что сегодня он столь изысканно вежлив, просто рахат-лукум. Майлз может даже наложить вето на трибунал… Но имперские аудиторы традиционно осторожны со своими огромными полномочиями. Их выбирают не за блестящие успехи в карьере, а за доказанную годами кристальную честность и неподкупность. Раньше даже пятидесятилетней проверки бывало недостаточно. Он не должен нарушать внутренние правила СБ больше, чем минимально необходимо для…

Гарош устало улыбнулся:

– В конце концов мы можем договориться, что не согласны друг с другом, но постарайтесь понять мою позицию. Когда-то Галени был вашим другом, и я понимаю ваше огорчение. Вот что я могу сделать. Вместо обвинения в измене я выдвину обвинение в попытке покушения на старшего по званию. Ничего страшного. Год тюрьмы, отставка без почестей, и Галени свободен. Вы даже можете надавить на имеющиеся у вас рычаги, чтобы добиться для него Высочайшего помилования и избавить от тюрьмы. Я не возражаю, лишь бы он убрался отсюда.

То есть сломать Дуву карьеру. А Галени – честолюбивый человек, стремящийся служить Комарре в новом и более мирном будущем, которое запланировал Грегор, и отчетливо сознающий открывающиеся перед ним возможности.

– Помилование – для виновных, – задумчиво произнес Майлз. – Это не то же самое, что быть оправданным.

Гарош почесал затылок и снова скривился. А может, это была попытка улыбнуться.

– Я… На самом деле у меня была другая причина, чтобы пригласить вас сюда, лорд Форкосиган. Я смотрю в будущее по многим позициям. – Поколебавшись, он продолжил: – Я позволил себе вольность и затребовал копию доклада вашего невропатолога. Относительно ваших припадков. Мне кажется, предложенный им метод лечения довольно перспективен.

– Имперская безопасность, – пробормотал Майлз, – вездесуща, как тараканы. Сначала прослушивает мой комм, затем смотрит мое медицинское досье… Напомните мне завтра утром, чтобы я снял сапоги.

– Приношу свои извинения, милорд. Думаю, вы меня простите. Я должен был знать это, прежде чем сказать то, что собираюсь сказать. Но если контролирующий припадки чип будет работать так, как вы надеетесь…

– Он только контролирует, а не лечит.

Гарош отмахнулся.

– Это не имеет практического значения. А я практик. Я тут изучил доклады о дендарийских операциях, выполненных по заданию СБ. Вы с Саймоном Иллианом были потрясающей командой.

«Мы были лучшими, да!» Майлз неопределенно хмыкнул, вдруг перестав понимать, к

чему клонит Гарош.

Гарош криво улыбнулся.

– Занимать место Иллиана – чертовски не просто. И я не намерен упускать хоть какие-нибудь преимущества. Теперь, когда у меня появилась возможность лично с вами работать и подробно изучить ваши досье… Я все больше прихожу к выводу, что, уволив вас, Иллиан допустил серьезную ошибку.

– Это не ошибка. Я это заслужил. – У Майлза пересохло во рту.

– Я так не думаю. По-моему, Иллиан отреагировал слишком болезненно. Достаточно было бы письменного выговора с занесением в ваше досье. – Гарош пожал плечами. – Вы бы прибавили его к своей коллекции. Я и раньше работал с людьми вроде вас. Теми, кто готов идти на риск там, где никто не хочет рисковать, и добиться результатов там, где никто другой не может добиться. Я люблю получать результаты, Майлз. Очень люблю. Дендарийские наемники имели огромную ценность для Службы безопасности.

– Они и сейчас ее имеют. Командор Куин возьмет ваши деньги. И доставит товар. – Сердце Майлза начало бешено колотиться.

– Я эту Куин не знаю, к тому же она не барраярка. Я бы предпочел, если ваше лечение будет успешным, вернуть туда вас.

Майлзу пришлось сглотнуть, чтобы вновь приобрести способность дышать.

– Чтобы все… было, как прежде? Начать с того, на чем я закончил?

«Дендарийцы… Адмирал Нейсмит…»

– Не совсем. Во-первых, по моим подсчетам, вы еще два года назад должны были получить капитана. Но я думаю, что смогу составить с вами в паре команду не хуже, чем была у вас с Иллианом. – В глазах Гароша мелькнул огонек. – Возможно, вы простите мне мою амбициозность, если я скажу, что даже лучшую. Я был бы горд иметь вас на борту, Форкосиган.

Майлз сидел, совершенно ошеломленный. Какое-то мгновение в его голове вертелась лишь одна идиотская мысль: «Какое счастье, что припадок случился нынче ночью, иначе я бы сейчас катался тут на ковре».

– Я… я… – Руки у него тряслись, в голове шумело от радости. «Да! Да! Да!» – Я… должен сначала закрыть это дело. Вернуть Грегору его шоколадную цепочку. Но потом… конечно! – Поврежденная губа треснула, когда он расплылся в неудержимой улыбке. Майлз слизнул выступившую кровь.

– Да, – терпеливо сказал Гарош, – именно это я и хотел сказать.

На Майлза будто вылили ушат холодной воды. Восторг погас. «Что?!» Он едва мог собраться с мыслями. Перед глазами возникло видение дока, забитого до отказа дендарийцами, скандирующими: «Нейсмит! Нейсмит!»

«Моя первая победа».

«…А ты помнишь, чего она стоила?»

Улыбка застыла у него на губах.

– Я… я… я… – Он дважды сглотнул, затем прокашлялся. Как из глубокого колодца услышал он свой – которого себя? – голос, говоривший: – Мне нужно обдумать это, генерал.

– Пожалуйста, – добродушно кивнул Гарош. – Думайте сколько угодно. Но не оставляйте меня в неизвестности навечно. Я уже вижу, что могут сделать дендарийцы в одной скользкой ситуации, которая вырисовывается возле Станции Клейн. Мне бы хотелось ее с вами обсудить, если вы примете мое предложение.

Глядя на него широко раскрытыми глазами, бледный и взмокший Майлз прохрипел:

– Спасибо, генерал. Большое спасибо.

Он сполз со стула, все еще улыбаясь кровоточащими губами. Он чуть не воткнулся в дверь, как пьяный. Гарош успел ее открыть как раз вовремя, поэтому Майлз не стукнулся. Секретарь Гароша, правильно уловив смысл его невнятного бормотания, обеспечил наличие Мартина с машиной у входа как раз к тому моменту, когда Майлз вышел из здания СБ.

Отмахнувшись от шофера, Майлз сел на заднее сиденье. Он затемнил стекло кабины,

сожалея, что не может так же легко снять выражение полного потрясения со своего лица. У него было такое ощущение, что он бежит с поля боя.

Он влетел в особняк Форкосиганов, проскочил мимо слуг матери и обошел подальше апартаменты Иллиана. Запершись в своей спальне, он мерил шагами комнату, пока не обнаружил, что стоит, уставившись на комм. Казалось, комм смотрит на него Глазами Гора. Тогда он поднялся этажом выше, в крошечную каморку со старым креслом. Маленькая, тесная, как смирительная рубашка. То, что ему нужно. На сей раз он не взял с собой ни бренди, ни кинжала. Это было бы уже излишеством.

Заперев дверь, Майлз плюхнулся в кресло. У него не только тряслись руки, его всего бил озноб.

Получить обратно любимую работу. Все будет, как прежде.

«А теперь расскажи мне об отречении!» Он-то думал, что покончил с Нейсмитом. Ну конечно, лорд Форкосиган превыше всего. Прикидывается, будто ему все равно, что Нейсмиту пришел конец. Прикидывается, что идет по воде аки по-суху. Когда ему это надо. А почему нет?

«Так вот почему мне кажется, что я тону. Правда вылезла наружу».

«Ты этого хочешь? Хочешь получить обратно дендарийцев?»

«Да!»

Но действительно ли он к этому готов с медицинской точки зрения? Ведь ему придется сидеть на капитанском мостике, он не сможет больше участвовать в операциях. Это не ново. С этим он справится. Он боролся со своей физической ущербностью всю жизнь, это всего лишь очередная травма, только и всего. С этим он умеет бороться. «Я смогу! Как-нибудь смогу!»

Он получит обратно Куин. И Тауру – на все то драгоценное время, что ей осталось.

Только вот что делать с этим маленьким демоном, шепчущим где-то в глубине сознания: «Есть тут одна маленькая загвоздка…»

Наконец, медленно, нехотя, он поглядел на этого демона. Сначала краем глаза, а потом повернулся к нему лицом.

«Гарош хочет, чтобы я принес в жертву Галени». Его билет к дендарийцам – закрытое дело, которое Гарош передает в трибунал. У Имперского Аудитора, безусловно, большая власть, но она обрывается там, где дело касается восстановления на службе в Имперской безопасности. Здесь власть целиком в руках Гароша.

Он раскачивался в кресле, постукивая ногой по полу. Что, если Галени действительно виновен? Кстати, об отречении. Опасения Гароша по поводу охоты на ведьм весьма заразны. Майлз с Галени друзья. А если бы обвиняли другого, того, кого он не знал бы, цеплялся бы он так, как сейчас? Или вполне удовлетворился бы представленными Гарошем доказательствами?

Проклятие, да дело вовсе не в дружбе! Дело в знании. Оценке людей. «Я привык считать, что хорошо разбираюсь в людях». Так должен ли он сейчас усомниться в своих суждениях? Но, дьявол, люди такие странные существа. Хитрые и скользкие. Ты никогда их не знаешь до конца, даже после долгих лет дружбы.

Майлз вцепился в ручки кресла. Ему почему-то вдруг вспомнился тот прыжковый пилот, которого он приказал допросить сержанту Ботари во время своей самой первой встречи с дендарийцами тринадцать лет назад. Его очень беспокоило, что он не может вспомнить имени того человека, хотя он и лицемерно говорил речь на его похоронах. Тогда они отчаянно нуждались в кодах, от этого зависела их жизнь. Ботари получил нужную информацию. Получил очень жестоким способом. Их жизни были спасены. Но прыжковый пилот погиб.

Его военная карьера началась с человеческой жертвы. И для ее возобновления требуется еще одна. Бог знает, он жертвовал друзьями и прежде, много раз, когда вел их в смертельный бой за правое дело, и не все они возвращались обратно. И не все они были

добровольцами.

«Я хочу, я хочу…» Прочитал ли Гарош у него на лице откровенное желание? Да, конечно. Майлз видел это в темных глазах Гароша, в его уверенной улыбке, видел по его рукам, спокойно лежавшим на гладкой поверхности стола. Сильные руки, могут дать или отнять так много по своему желанию. «Он видит меня насквозь, о да!» Глаза Майлза сузились, пересохшие губы раскрылись. Он резко выдохнул, будто получил удар кулаком под дых.

«Бог ты мой! Это не просто предложение работы. Это взятка».

Лукас Гарош пытался подкупить Имперского Аудитора.

Пытался? Или подкупил?

«К этому мы еще вернемся…»

И какая взятка! Какая умная взятка. Разве смог бы Майлз когда-нибудь доказать, что это именно взятка, а не искреннее восхищение?

«Я уверен. О, я совершенно уверен! Лукас Гарош, хитрый ты сукин сын, я недооценивал тебя с самого начала».

Вот тебе и твое хваленое знание людей.

Ему не следовало недооценивать Гароша. Гарош – такой же выкормыш Иллиана, как и сам Майлз. Иллиану нравились хорьки. Но Иллиан умел держать их под контролем. Прямой, сдержанный, унтер-офицерский стиль Гароша – всего лишь маска, за которой скрывается острый как бритва ум. Гарош тоже умеет добиваться результатов любыми доступными ему путями, иначе он не возглавил бы Департамент внутренних дел. Не у Иллиана.

Гарош не осмелился бы сделать это свое предложение, если бы не был уверен в Майлзе. А почему бы ему не быть уверенным? Имея доступ ко всем досье Иллиана, он имел массу возможностей изучить карьеру адмирала Нейсмита, ее начало и конец. Особенно конец. Гарош знал, что маленький адмирал – такой же хорек, как и он сам. Он мог с уверенностью предсказать, что Майлз пожертвует всем, даже честью, чтобы сохранить Нейсмита, потому что однажды он уже это сделал. Девственников тут нет.

Капитанское звание. Его капитанское звание. «Гарошу не составило большого труда понять, где мое слабое место». Но Гарош – лояльный хорек, Майлз готов был в этом поклясться. Верный Грегору и Империи, настоящий брат по оружию. Если деньги что-то значили для него, Майлз этого не заметил. Его страсть – это служба в Имперской безопасности, как у Иллиана, да и у самого Майлза. Работа, которую он получил после Иллиана.

У Майлза оборвалось дыхание. На мгновение он заледенел, как криотруп.

Нет. Работа, которую он отнял у Иллиана.

«Ох!»

Майлз согнулся пополам и начал ругаться, тихо и грязно. Ему было худо от ярости и стыда, но больше от ярости.

«Я слепец, слепец, слепец! Мотив! Что нужно сделать слону, чтобы его признали и выдвинули?»

Это Гарош, все время Гарош! Должен быть он. Это Гарош вышиб мозги Иллиану, чтобы украсть его место.

Конечно, вся информация на коммах была профессионально отредактирована. Гарош получил все коды Иллиана и уйму времени для игры. У Гароша десятилетний опыт работы с внутренней системой СБ.

Майлз пулей вылетел из кресла и заметался по комнате, сильно ударяя ладонью по стенке при каждом развороте. Этот слон сильно смахивает на змею, все верно.

«Это Гарош, черт побери! Это Гарош! Я знаю!»

«Да? Ну, так докажи это, мальчик – Имперский Аудитор!»

Все вещественные доказательства давно исчезли, а вся документация целиком и полностью под контролем Гароша. У Майлза намного меньше улик против Гароша, чем у Гароша против Галени.

Не может же он обвинять человека голословно. Его немедленно обвинят тоже Бог знает в чем, в лучшем случае – в истерии. Имперский Аудитор обладает властью, но и у шефа Имперской безопасности власть тоже не маленькая. У него есть один-единственный шанс, а потом Гарош обрушится на него всей своей мощью. «Со мной начинают твориться действительно странные вещи. Неотслеживаемые вещи». На самом деле, если Майлз не примет фантастическую взятку, предложенную Гарошем, генерал немедленно поймет, что ему все известно. «Времени у меня практически не осталось».

Мотив. Суждение. Доказательства. Дым.

Он бросился на пол и уставился в потолок. Стиснутыми кулаками стукнул по траченному молью стертому ковру.

Но… предположим, он сыграет в предложенную Гарошем игру. Примет взятку и выждет, чтобы вцепиться в генерала позже, при первой же возможности. Он ведь может и получить дендарийцев, и добиться справедливости.

«ДА!»

Гарош с Майлзом на некоторое время будут в одной упряжке. Во всяком случае, Гарош будет так считать… Запоздало он сообразил, что раз это взятка, то медоточивая лесть Гароша, все его «вы с Иллианом были потрясающей командой» – чушь болотная! Гарош отнюдь не влюблен в адмирала Нейсмита. И как скоро Гарош устроит «случайную» гибель Майлза, причем на сей раз без всякого криооживления? Жизнь галактического агента так или иначе сопряжена с риском. Честность между ворами, ха! Захватывающая гонка! Интересно было бы посмотреть, кто кого достанет первым. Смерть, традиционная награда за предательство, в виде головой шашки, подожженной с середины и горящей к обоим концам. «Какой бы жизнью мы оба жили некоторое время! Очень интенсивной!»

Стук в дверь резко оборвал поток его мыслей. Майлз аж подскочил.

– Кто там?

– Майлз? – донесся из-за двери звенящий от волнения голос матери. – С тобой там все в порядке?

– С тобой не случилось припадка? – Это уже был Иллиан.

– Нет… нет, все хорошо.

– Что ты там делаешь? – спросила графиня. – Мы слышали непрерывный звук шагов, удар по полу…

– Я всего лишь… борюсь с искушением, – тщательно подбирая слова, ответил Майлз.

– И кто побеждает? – весело поинтересовался Иллиан.

Глаза Майлза пробежали по трещине на потолке.

– Думаю… я выиграю два сражения из трех, – звонко сообщил Майлз.

Иллиан рассмеялся:

– Ладно, увидимся позже.

– Наверное, я скоро спущусь.

Они удалились, голоса затихли вдали.

«Лукас Гарош, по-моему, я тебя ненавижу».

Но предположим, Гарош ведет с ним честную игру. А это вполне возможно. Допустим, его предложение именно то и только то, чем кажется, и никакого ножа в спину потом не последует. Каков тогда будет его ответ? Да и в любом случае, что он ему скажет?

Гарош правильно просчитал адмирала Нейсмита, это так. Нейсмит закричал бы «Да!», а потом постарался бы ускользнуть от выполнения договора. Но Гарош совсем не знает лорда Форкосигана. Да и откуда ему знать? Его вообще никто не знает, в том числе и сам Майлз. «Я сам только что с ним познакомился». Когда-то давно он знавал мальчика с таким именем. Мальчика, совсем запутавшегося и помешанного на армии. Совершенно справедливо этого мальчика опередил адмирал Нейсмит, дерущийся за свое «я» и за более широкий мир. Но нынешний новый лорд Форкосиган – это кто-то другой. Майлз даже не осмеливался гадать о его будущем.

Ему вдруг надоели до смерти голоса в голове. Гарош, кукловод, заставил его бегать по

кругу в попытке укусить себя за хвост. Что, если он не станет играть в запутанную игру Гароша? Что, если он просто… остановится? Какие тут еще могут быть игры?

«Кто ты, парень?»

«…А кто ты, спрашивающий?»

Наступила блаженная тишина. Сначала Майлз воспринял это с внутренним разочарованием. Разочарованием, сродни свободному падению – вечному и не имеющему конца. Никакого движения вообще, ни вперед, ни назад, ни в сторону.

«Я тот, кем предпочту быть. Я всегда был тем, кем предпочитал… Хотя и не всегда тем, кем хотел…»

Его мать часто говорила: «Принимая какое-то решение, ты принимаешь и последствия этого решения». Иногда она выражалась даже куда более прямо: «Если хочешь получить последствия, то лучше тебе самому сделать то, что эти последствия вызовет».

Майлз, взмокший от напряжения, лежал не двигаясь и был очень этим доволен. Странный миг – как кусочек вечности, подхваченный на бегу. Интересно, эта спокойная заводь у него внутри только что появилась, или прежде ему просто не доводилось на нее набредать? Как нечто столь огромное могло так долго оставаться незамеченным? Дыхание его замедлилось и стало глубже.

«Я выбираю… быть самим собой».

Гарош отодвинулся, превратившись в далекую-далекую крошечную фигурку. Майлз не думал, что может заставить своего противника так уменьшиться, и это его поразило.

«Но мое будущее рискует оказаться очень коротким, если я чего-нибудь не предприму».

…Правда? Вообще-то, если уж быть честным, Гарош никого не убил. Пока что. А смерть Имперского Аудитора в разгар расследования вызовет огромные подозрения. На месте Майлза встанут, как многоголовая гидра, как минимум полдюжины аудиторов, опытных, раздраженных и обладающих хорошим иммунитетом ко всякого рода дерьму. Гарош не сможет контролировать их всех.

А вот за жизнь Галени Майлз сейчас не дал бы и ломаного гроша. Что может быть более традиционно, чем самоубийство обесчещенного офицера? Очень по-форски. Это будет истолковано как признание вины, жест отчаяния. И дело закрыто. Это будет, несомненно, отлично отрежиссированное самоубийство. У Гароша огромный опыт в такого рода делах, и он не допустит дилетантских ошибок. Как только Гарош поймет, что Майлзу все известно, начнется гонка со временем. А у Майлз в распоряжении только дым и миражи.

Дым.

Воздушные фильтры!

Глаза Майлза широко распахнулись.

Глава 26

За час до официального окончания рабочего дня в штаб-квартире СБ Майлз подвел свое маленькое войско к боковому входу в здание. Он мысленно назвал эту операцию «Атака тараканьей цитадели». Впервые он оценил по достоинству габариты бронированного лимузина графа: ему удалось сэкономить драгоценное время, затолкав всю команду на заднее сиденье и проведя краткий инструктаж по пути от Имперского научного института.

Рядом с Майлзом шли Айвен и Саймон Иллиан, облаченный в зеленый мундир со всеми регалиями. За ними следовал доктор Уэдделл, осторожно державший коробку с надписью «образцы тканей мыши, замороженные. Инвентарный номер 621А, одна дюжина», которых там вовсе не было. Последней гордо ступала на своих длинных ногах Делия Куделка.

Дежурный капрал встревоженно посмотрел на них. Майлз подошел прямо к нему и деланно улыбнулся.

– Генерал Гарош приказал вам докладывать ему, когда я вхожу и выхожу, не так ли?

– Почему… Да, милорд Аудитор. – Капрал поглядел за спину Майлза и отсалютовал Иллиану, ответившему тем же.

– Ну, так не делайте этого.

– Э-э-э… Слушаюсь, милорд Аудитор. – Капрал явно запаниковал, ощущая себя пшеничным зернышком между жерновами.

– Все в порядке, Сметани, – успокоил его на ходу Иллиан. Капрал облегченно вздохнул.

В первую очередь Майлз направил свои стопы на второй этаж в тюремный блок.

– Я очень скоро вернусь допросить капитана Галени, – бросил Майлз дежурному офицеру. – И надеюсь застать его в живых. За это вы отвечаете лично. А пока мадемуазель Куделка его навестит. Никому другому – никому, включая ваше руководство, – в особенности руководству! – вы не позволите к нему пройти до моего возвращения. Вам все ясно?

– Да, милорд Аудитор.

– А ты, Делия, не оставляй Дува одного ни на секунду, пока я не вернусь.

– Я все поняла, Майлз. – Делия решительно вздернула подбородок. – И… спасибо тебе.

Майлз кивнул.

Он надеялся, что таким образом блокирует всякую возможность внезапного «самоубийства» Галени. К настоящему моменту Гарош уже должен быть полностью готов провернуть план «самоубийства» мгновенно. Задача заключалась в том, чтобы ему этого мгновения не предоставить. Остальных своих людей Майлз повел в Хозяйственный департамент, где переговорил с начальником, пожилым полковником. Как только полковник понял, что интерес Майлза к графику проверки воздушных фильтров никак не отразится на его департаменте, он стал очень покладистым. Майлз забрал его с собой.

Майлзу хотелось разорваться на четыре части и присутствовать в четырех местах одновременно, но все должно было быть проделано абсолютно точно, как доказательство в пятимерной математике. Вдохновение – одно, а показ – совсем другое. Прихватив с собой техника, он быстро повел свою команду в самые нижние подвалы штаб-квартиры. Буквально через несколько минут все его свидетели уже находились в крыле номер пять, Оружейной IV. Уэдделл поставил свою коробку и прислонился к стеллажу, скрестив руки на груди. Его привычное выражение скептического интеллектуального превосходства исчезло, и сейчас на лице доктора читался живой интерес к происходящему.

Полка номер девять оказалась вне пределов досягаемости. Майлзу пришлось попросить Айвена достать оттуда хорошо знакомую запечатанную коробочку. Его аудиторская печать была целой. Две оставшиеся капсулы спокойно лежали на своем месте. Достав одну, Майлз покатал ее в пальцах.

– Хорошо. Смотрите внимательно, вы все. Начали.

Он резко сжал пальцы. Капсула лопнула. Майлз дважды взмахнул рукой над головой. На мгновение в воздухе повисло облачко мельчайшей пыли и исчезло. Остатки капсулы прилипли к пальцам. Майлз заметил, что Айвен затаил дыхание.

– Сколько нам ждать? – спросил Майлз Уэдделла.

– Как минимум десять минут – чтобы оно распространилось по комнате.

Майлз попытался призвать себя к терпению. Иллиан смотрел прямо перед собой, лицо его окаменело.

«Да, – думал Майлз, – вот оружие, которое тебя убило. Ты не можешь к нему прикоснуться, но оно может коснуться тебя…»

Айвен, красный как помидор, сдался и снова начал дышать.

Наконец Уэдделл наклонился и открыл свой ящик. Он извлек оттуда маленькую прозрачную бутылочку со светлой жидкостью и распылитель. За то, что Уэдделл изготовил эту ценную жидкость всего за три часа, Майлз готов был простить ему все грехи гордыни на пять лет вперед. Сам же Уэдделл явно считал это рутиной. С научной точки зрения, может, так оно и есть.

«Обычный щелочной раствор, – отмахнулся тогда Уэдделл. – Внешняя структура оболочки очень четкая и уникальная. Вот если бы вам понадобилось что-то, чтобы определить наличие самих прокариотов, – тогда это была бы задачка».

– Теперь, – обратился Майлз к полковнику из хозяйственного отдела, – мы пройдем туда, где находятся воздушные фильтры и вентилятор.

– Сюда, милорд Аудитор.

Они прошли в противоположный конец крыла и свернули за угол, к маленькой квадратной решетке, вделанной в стену на уровне щиколотки.

– Снимите внешнюю крышку, – приказал Майлз полковнику. – Меня интересует самый верхний фильтр.

Опустившись на колени, полковник снял верхнюю панель, за которой обнаружился запечатанный квадратик, предназначенный для сбора пыли, грязи, волос, спор, дыма и тому подобного. Сами крошки-прокариоты, высвобожденные из своей спорообразной оболочки, смогли бы проникнуть сквозь этот барьер, а возможно, и сквозь следующий барьер из электролитической резины, и погибли бы лишь в самом конце, достигнув центрального сжигающего агрегата.

Повинуясь кивку Майлза, полковник уступил место доктору Уэдделлу, который уселся по-турецки и обильно оросил из пульверизатора воздух вокруг отдушины.

– Что это он делает? – шепотом спросил полковник.

Майлз с трудом удержался от реплики: «Опрыскивает предателей. Очень назойливые паразиты в это время года, вы не находите?»

– Смотрите, и увидите.

Уэдделл достал из ящика ультрафиолетовый фонарик и направил его на фильтр. Поверхность фильтра засветилась красным светом, разгоравшимся все интенсивнее под лучами ультрафиолета.

– Ну вот, милорд Аудитор, – произнес Уэдделл. – Оболочки застряли в фильтре, как я и говорил.

– Прекрасно. – Майлз поднялся на ноги. – Теперь нам есть от чего плясать. Пошли дальше. Вы, – он указал на техника, – запротоколируйте, упакуйте, пометьте и запечатайте это все. А потом следуйте за нами как можно быстрее.

Выстроившись цепочкой, все двинулись за ним. На этот раз Майлз привел их в департамент по делам Комарры, где попросил взволнованного генерала Аллегре присоединиться к процессии. Затем все они столпились в крошечном кабинете капитана Галени – четвертая дверь по коридору, – где сидели аналитики.

– Ты не помнишь, не заходил ли ты к Галени в последние три месяца? – спросил Майлз Иллиана.

– Уверен, что заходил несколько раз. Я спускался сюда чуть ли не каждую неделю, чтобы обсудить с ним наиболее интересные моменты его докладов.

Как только прибыл запыхавшийся техник, полковник проделал ту же операцию, что и в хранилище, открыв фильтр, абсолютно идентичный первому. Уэдделл снова побрызгал. На сей раз уже Майлз задержал дыхание. От результата этого теста зависела вся его дальнейшая стратегия. Если Гарош его опередил… Ведь, в конце концов, не хватает двух капсул.

Уэдделл, опираясь на руку и колено, поводил фонариком по фильтру.

– Хм. – У Майлза сердце ухнуло в пятки. – Я тут ничего не вижу? А вы?

Он снова смог дышать, а остальные наклонились, чтобы рассмотреть фильтр получше. Тот был грязноватым и сырым.

– Вы можете засвидетельствовать, что его ни разу не меняли с последней летней плановой замены? – спросил Майлз полковника.

Полковник пожал плечами:

– Фильтры не нумерованы, милорд. И конечно, взаимозаменяемы. – Он сверился с записями. – Во всяком случае, никто из моего департамента этого не делал. Его должны заменить только в следующем месяце, перед Зимнепраздником. А так на нем вроде бы

нормальное количество осадка для этого периода цикла.

– Благодарю вас, полковник. Я ценю вашу точность.

Поднявшись, Майлз бросил взгляд на Иллиана, наблюдавшего за происходящим с каменным лицом.

– Теперь – твой кабинет, Саймон. Покажешь нам дорогу?

Иллиан покачал головой, вежливо отказавшись от предложения.

– Для меня в этом мало удовольствия, Майлз. Каким бы ни был результат, я все равно теряю подчиненного, которому доверял.

– Но не лучше ли все же потерять того подчиненного, который действительно виноват?

– Да уж, – не совсем, чтобы иронично, хмыкнул Иллиан. – Продолжайте, милорд Аудитор.

Они поднялись на три этажа, потом спустились на один уровень. Если Гароша и удивило внезапное появление Майлза, он сумел это скрыть. Но не мелькнуло ли в его глазах беспокойство, когда Гарош здоровался со своим бывшим шефом и предлагал ему стул?

– Нет, спасибо, Лукас, – несколько прохладно поблагодарил Иллиан. – Не думаю, что мы здесь задержимся.

– Что вы делаете? – спросил Гарош, когда полковник привычно двинулся к вентиляционной решетке, находящейся справа от комм-пульта. Техник покорно следовал за ним.

– Воздушные фильтры, – пояснил Майлз. – Вы не подумали о воздушных фильтрах. Вы ведь никогда не служили на космическом корабле, Лукас?

– К сожалению, нет.

– Тогда поверьте мне на слово, что эта служба быстро приучает вас заботиться о таких вещах, как воздушные системы.

Брови Гароша поползли вверх, когда Уэдделл обрызгал фильтр прозрачной жидкостью. Генерал как бы небрежно откинулся на стуле. Он закусил губу и так и не спросил: «Вы подумали над моим предложением, Майлз?» Хладнокровный человек и очень терпеливый, способный спокойно ждать. Впрочем, пока что у него нет повода для беспокойства. Даже если фильтр забит оболочками, это все равно ничего не доказывает. Через кабинет Иллиана проходили толпы людей.

– Ничего, – немного погодя сообщил Уэдделл. – Посмотрите сами, господа.

Он передал фонарик Айвену и генералу Аллегре.

– Никто и не думал, что они тут будут, – прокомментировал Аллегре, глядя Айвену через плечо.

Сам Майлз оценивал такую вероятность процентов на двадцать пять, хотя и поднял ставки, когда фильтр в кабинете Галени оказался чистым. Значит, остается один из конференц-залов или…

– Нашли что-нибудь? – поинтересовался Гарош.

Майлз разыграл небольшой спектакль, забрав у Айвена фонарик и склонившись к отдушине.

– Проклятие, это не здесь. Я надеялся, все будет просто. Понимаете, если оболочки прокариота застряли в фильтре, то они светятся красным. Мы провели эксперимент внизу.

– И что вы намерены делать дальше?

– А что остается, кроме как проверить все фильтры в штаб-квартире сверху донизу? Тягомотина, конечно, но я доведу ее до конца. Помните, я говорил, что если узнаю «почему», то буду знать «кто»? Ну, так я пересмотрел свою точку зрения. Теперь я полагаю, что если узнаю «где», то буду знать «кто».

– О, верно! А вы уже проверяли кабинет капитана Галени?

– Самым первым. Там чисто.

– Гм. Может… в одном из залов заседаний?

– Готов на это поспорить.

«Давай же, Гарош! Заглатывай наживку! Давай, давай…»

– Отлично.

– Если хочешь сэкономить время, – включился в игру Гарош, – тебе следует начать с тех мест, где Иллиан бывал чаще всего. Это лучше, чем прочесывать все здание сверху донизу.

– Хорошая мысль, – милостиво согласился Майлз. – Начнем с приемной? Затем – прошу меня простить, генерал Аллегре, но я выполняю свой долг – перейдем к кабинетам всех начальников департаментов. Затем залы заседаний, а потом – все кабинеты аналитиков. Наверное, следовало это сделать в департаменте по делам Комарры, еще когда мы туда пришли в первый раз. Ну а потом видно будет.

Судя по выражению лица, техник мысленно прощался со своим ужином. Аллегре кивнул. Они вышли в приемную, и полковник начал привычную операцию с решеткой. Майлза занимало одно: не заметил ли кто, что у Уэдделла явно не хватит жидкости, чтобы проверить все фильтры в здании Имперской безопасности. Иллиан обменялся равнодушным приветствием со своим бывшим секретарем. Немного погодя генерал Гарош, извинившись, ушел. Иллиан даже на него не посмотрел.

Майлз краем глаза наблюдал, как Гарош удаляется по коридору. «Так, наживка заглочена, теперь главное – не дергать раньше времени…» Он прикинул, сколько нужно времени человеку, с трудом сдерживающему панику, чтобы дойти до одной комнаты, а потом до другой. Майлз жестом велел Уэдделлу не усердствовать с распылителем и, мысленно досчитав до ста, произнес:

– Ну ладно, господа. Соблаговолите проследовать за мной еще раз. Но потише, пожалуйста.

Он вывел их в коридор, свернул налево, потом направо к переходу. В середине этого коридора они повстречали коммодора, возглавившего Департамент внутренних дел после Гароша.

– О, милорд Аудитор! – окликнул он Майлза. – Какая удача! Генерал Гарош только что послал меня за вами.

– А где он велел меня искать?

– Он сказал, что вы направились в хранилище. Так что вы избавили меня от лишней ходьбы.

– О да. Скажите, а Гарош нес что-нибудь?

– Сверток. Он вам нужен?

– Пожалуй, да. Он сейчас здесь, верно? Пошли…

Майлз повернулся и быстро зашагал к приемной начальника Департамента внутренних дел. Дверь в бывший кабинет Гароша была заперта. Майлз разблокировал код своей аудиторской печатью.

Гарош, скорчившись слева от комм-пульта, снимал вентиляционную решетку. В раскрытом свертке рядом с ним лежал фильтр. Майлз готов был поспорить на сколько угодно бетанских долларов, что в одном из залов заседаний между кабинетом Иллиана и этим они обнаружат выпотрошенный вентилятор. Быстрая реакция и очень хладнокровная. «Ты быстро соображаешь, генерал. Но на этот раз у меня была фора».

– Время решает все, – заметил Майлз.

Гарош выпрямился.

– Милорд Аудитор, – быстро заговорил он и осекся. Он увидел маленькую армию, вошедшую вслед за Майлзом. Но даже сейчас, подумал Майлз, Гарош может выкрутится, придумать какое-нибудь убедительное объяснение для Майлза и всей этой проклятой толпы… И тут вперед протолкался Иллиан. Майлзу показалось, что он чуть ли не видит, как ложь обратилась во прах прямо на кончике языка генерала. Хотя внешне это проявилось лишь в том, что в уголке его рта образовалась маленькая морщинка.

Майлз уже заметил, что Гарош избегает встречаться лицом к лицу со своими жертвами. Он ни разу не навестил Иллиана в клинике, тщетно пытался избегать Майлза, пока разрабатывал свою изначальную ловушку, и появился во дворце уже тогда, когда Галени

арестовали и увели. Возможно, он и не плохой человек. Просто нормальный сообразительный мужик, соблазнившийся всего лишь на один скверный поступок и не справившийся с последствиями, которые вышли из-под контроля.

«Когда выбираешь какое-то действие, ты выбираешь и последствия этого действия».

– Привет, Лукас, – выдохнул Иллиан. Глаза его были удивительно ледяными.

– Сэр… – Гарош встал. В руках у него ничего не было.

– Полковник, доктор Уэдделл, прошу вас. – Майлз жестом пригласил их подойти. Сам он остался чуть сзади, в стороне от Гароша. Подняв глаза, он на мгновение столкнулся взглядом с генералом.

«Вот миг моего триумфа. Только почему я не радуюсь?»

Все дальнейшие действия были уже доведены чуть ли не до автоматизма. Полковник снял решетку, Уэдделл побрызгал. Несколько секунд тягостного ожидания. Затем появилось красное свечение, яркое и зловещее.

Майлз вздохнул:

– Генерал Аллегре, теперь вы являетесь исполняющим обязанности шефа Имперской безопасности, до утверждения императором Грегором. Мне очень жаль, но я вынужден сообщить вам, что вашей первой обязанностью на новом посту будет арест вашего предшественника, генерала Гароша. По моему приказу как Имперского Аудитора по серьезному обвинению… – В чем? Диверсии? Измене? Глупости? «Каждый преступник подспудно жаждет быть пойманным», – гласит древняя мудрость. Неправда, подумал Майлз. Преступник хочет вылезти сухим из воды. Это грешник жаждет, чтобы его вытащили на свет. Хочет ползти через покаяние к прощению и своего рода милосердию, пусть скрытому. Так кто же Гарош, преступник или грешник?

– По обвинению в измене, – закончил Майлз. Половина присутствующих вздрогнула, услышав последнее слово.

– Не измена, – прохрипел Гарош. – Никогда.

Майлз чуть взмахнул рукой.

– Но… если он согласен признать свою вину и готов к сотрудничеству, то обвинение может быть только в покушении на старшего офицера. Военный трибунал, год тюрьмы и простое увольнение без почестей. Думаю… что позволю трибуналу принять такое решение.

Судя по выражению лиц Гароша и Аллегре, оба уловили нюанс этого выступления. В конце концов, Аллегре – начальник Галени и, несомненно, должен был внимательно следить за ходом дела своего подчиненного. У Гароша заходили желваки, Аллегре кисло улыбнулся.

– Смею предложить вам, – продолжил Майлз, обращаясь к Аллегре, – сопроводить его вниз, чтобы он поменялся местами с вашим ведущим аналитиком. На некоторое время, пока вы войдете в курс дела.

– Слушаюсь, милорд. – Голос Аллегре звучал достаточно решительно, хотя он и поколебался секунду, сообразив, что под рукой нет пары громил-сержантов для официального ареста.

Впрочем, Аллегре решил задачу, задействовав Айвена, полковника и коммодора.

– Лукас, ты не станешь создавать мне лишних проблем?

– Думаю… нет, – вздохнул Гарош. Он обежал взглядом комнату, но не обнаружил подходящего окна, чтобы решить все одним махом – головой вперед с четвертого этажа. – Я слишком стар для такого рода упражнений.

– Вот и хорошо. Я тоже.

Аллегре вывел его вон.

Иллиан смотрел им вслед.

– Чертовски грустно, – тихо сказал он Майлзу. – Имперской безопасности явно следует выработать новые традиции смены руководства. Убийства и аресты плохо сказываются на деятельности организации.

Майлз лишь согласно кивнул. Быстро обследовав соседние залы заседаний, он уже во втором из них обнаружил открытую отдушину без фильтра. Он проследил, чтобы техник

тщательно запротоколировал и упаковал вещественные доказательства, и, запечатав весь набор аудиторской печатью, отправил его в хранилище до востребования.

Дальнейшее, слава Богу, выходило за рамки его полномочий. Работа Имперского Аудитора завершается докладом Грегору и вручением собранных доказательств соответствующему органу, в данном случае, по всей видимости, Верховному трибуналу. «Мне нужно было лишь найти истину. Мне не нужно думать, что с ней делать дальше». Впрочем, он предполагал, что любые его рекомендации будут иметь огромный вес.

Закончив с делами и уже никуда не торопясь, Майлз с Иллианом чинно шагали по коридору за техником.

– Интересно, какую линию поведения предпочтет Гарош? – вслух размышлял Майлз. – Постарается найти хорошего адвоката и как-то выкарабкаться? Он потратил столько времени и сил, чтобы фальсифицировать данные на коммах – кстати, именно это, по-моему, помешало ему вовремя позаботиться о фильтрах… Я думал, он сразу завопит «засада!». Или он прибегнет к старому форскому способу решения такого рода проблем? Под конец он выглядел… довольно бледным. Сломался быстрее, чем я полагал.

– Ты ударил его гораздо сильнее, чем тебе казалось. Ты сам не знаешь своей силы, Майлз. Но нет, не думаю, что Лукас выберет самоубийство, это не в его стиле, – сказал Иллиан. – И в любом случае это трудно сделать без помощи тюремщиков.

– Ты полагаешь… мне следует намекнуть, чтобы ему помогли? – осторожно поинтересовался Майлз.

– Умереть легко. – Лицо Иллиана вдруг стало каким-то отстраненным. Что он помнит о своей отчаянной мольбе о легкой смерти всего лишь несколько недель назад? – Жить трудно. Пусть сукин сын предстанет перед трибуналом. Пройдет всю процедуру от начала и до конца.

– Уф! – выдохнул Майлз.

Новый тюремный блок Имперской службы безопасности был намного меньше старого, но в нем тоже имелся только один вход и помещение для приема арестованных. У комма на входе они обнаружили капитана Галени и Делию Куделку. Дув заполнял документы об освобождении под наблюдением генерала Аллегре и дежурного офицера. Айвен заглядывал ему через плечо. Гароша, судя по всему, уже провели внутрь. Майлз понадеялся, что его посадили в камеру Галени.

Галени был в том же зеленом мундире, что и на приеме, только очень помятом. Небритый, с красными воспаленными глазами, бледный от бессонницы. Опасное напряжение все еще витало вокруг него, как дымка.

Как только Майлз с Иллианом вошли, он резко повернулся на каблуках.

– Черт побери, Форкосиган, где ты был все это время?

– Э-э-э… – Майлз потеребил цепь Аудитора, чтобы напомнить Галени, что он все еще при исполнении.

– Проклятие, милорд Аудитор, – рявкнул Галени, – где вас все это время черти носили? Прошлой ночью ты сказал, что приедешь следом. А потом я не знал, что думать. Я ухожу из этой дурацкой организации параноиков! С меня хватит.

Аллегре вздрогнул. Делия коснулась руки Галени. Он немедленно ухватил ее ладонь, и его кипящая ярость уменьшилась прямо на глазах.

«Ну, у меня был припадок, а потом мне пришлось продираться через „липу“ Гароша с коммами, а потом вытаскивать Уэдделла из его лаборатории, а он собирался целую вечность, а я не осмеливался разговаривать с кем бы то ни было по коммам из особняка Форкосиганов, мне пришлось ехать самому, и…»

– Да, прошу прощения. Мне понадобились целые сутки, чтобы собрать доказательства твоей невиновности.

– Майлз, – произнес Иллиан. – Прошло всего пять дней, как выяснилось, что это диверсия. У тебя больше времени уйдет на составление аудиторского доклада, чем на само

расследование.

– Доклада, – вздохнул Майлз. – Угу. Но, понимаешь, Дув, мне было недостаточно просто приказать тебя отпустить. Меня бы обвинили в пристрастности.

– Это правда, – пробормотал Айвен.

– Сначала я думал, что Гарош просто допустил промах, арестовав тебя во дворце на глазах у кучи людей. Ха! Только не он. Это было прекрасно отрежиссировано, чтобы испортить твою репутацию. После этого ни освобождение, ни оправдание за недостаточностью улик не сняло бы с тебя подозрения в глазах этой публики. Я просто должен был поймать истинного виновника.

– А! – Галени вдруг нахмурился. – Майлз, а кто же истинный виновник?

– Так ты ему еще не сказала? – обернулся Майлз к Делии.

– Ты же сам велел мне ничего не говорить, пока все не закончится, – возмутилась Делия. – Мы только что выбрались из этой гнусной маленькой камеры.

– Они не такие гнусные, как старые камеры, – мягко возразил Иллиан. – Те я хорошо помню. Сам провел там целый месяц под арестом, тринадцать лет назад. – Он наградил Майлза несколько кислой улыбкой. – Из-за одного дела, связанного с персональной армией сына лорда регента, и, конечно, по обвинению в государственной измене.

– Ты так много забыл, что мог бы забыть и это, – пробормотал Майлз.

– Не повезло, – фыркнул Иллиан. – Поэтому я сразу же превратил их в хранилище и построил новый тюремный блок. Гораздо более удобный. На тот случай, если вдруг снова там окажусь.

Галени уставился на Иллиана.

– Первый раз об этом слышу!

– Задним числом – много позже – я пришел к выводу, что это был полезный опыт. С тех пор я считаю, что каждый старший офицер СБ должен пройти через что-то подобное, по той же причине, по какой каждый врач должен хоть раз побыть пациентом. Расширяет кругозор.

Галени некоторое время молчал, явно переваривая услышанное. Полыхавшая в нем ярость почти утихла. Айвен перевел дыхание. Аллегре, благодарно улыбнувшись Иллиану, посмотрел на капитана.

– Это Гарош, – сообщил Майлз. – Ему хотелось повышения.

Галени недоуменно поднял брови и повернулся к генералу Аллегре, который утвердительно кивнул.

– Как только обнаружили прокариота, – продолжил Майлз, – Гарош потерял всякую надежду на то, что его диверсия пройдет незамеченной – а именно таким, я уверен, был его первоначальный сценарий. И ему потребовался козел отпущения. Не обязательно идеальный, поскольку в его власти было напустить достаточно тумана, чтобы оправдать прекращение поисков. Он не любит меня, ты правильно понял, поэтому он нанес удар так, чтобы утопить нас обоих. Прости, что я заставил Делию держать тебя в неведении, но арест главы Имперской безопасности в самом сердце его владений – не слишком простое дело. Я не хотел давать никаких обещаний, пока не буду уверен в финале.

Глаза Галени стали большими, как плошки.

– Забудь… что я сказал.

– Это касается и вашего намерения уйти в отставку? – озабоченно спросил Аллегре.

– Не знаю… Почему я? Я никогда не думал, что у Гароша предубеждения против комаррцев. Сколько мне еще продираться через это дерьмо, что еще они хотят, чтобы я сделал, чтобы доказать мою лояльность?!

– Думаю, тебе придется продираться всю жизнь, – серьезно ответил Иллиан. – Но благодаря тебе каждому комаррцу, который пойдет следом за тобой, придется продираться сквозь меньшее количество дерьма.

– Ты так многого добился, – умоляюще проговорил Майлз. – Не позволяй этому таракану Гарошу сделать твои жертвы напрасными. Ты нужен Империи. Особенно Службе

безопасности, ведь это часть ее работы – представлять имперскому правительству свое видение мира. Если мы будем сообщать им чистую правду, возможно, у нас появится небольшой шанс получить от них верное суждение. И другого шанса у нас нет, это абсолютно точно.

Аллегре поддержал сказанное решительным кивком.

– Кроме того, – Майлз взглянул на Делию, следившую за разговором с возрастающей тревогой, – Форбарр-Султан – отличное место для офицера, который желает продвинуться по службе. Посмотри на людей. С кем ты тут познакомился. И какие тут открываются возможности. – Айвен отчаянно закивал. Майлз продолжил: – Хм… Не то чтобы я хотел вмешиваться во внутренние дела СБ, но, по-моему, департаменту по делам Комарры очень скоро понадобится новый начальник. – Он посмотрел на Аллегре. – Старый, видишь ли, вот-вот унаследует гораздо более паршивую работу.

Аллегре несказанно изумился, а потом впал в глубокую задумчивость.

– Комаррец во главе департамента по делам Комарры?..

– Радикально, – не отступал Майлз, – но может сработать.

Иллиан с Аллегре одарили его одинаковыми уничтожающими взглядами, но Майлз не дрогнул.

– Кроме того, – продолжил Аллегре, – мне кажется, вы опережаете события, лорд Форкосиган. Нет абсолютно никакой уверенности в том, что Грегор утвердит меня на должности шефа Имперской безопасности.

– А кого еще? – пожал плечами Майлз. – Ольшанский еще не созрел, а шеф департамента по делам галактики вполне доволен своей нынешней работой, большое спасибо. Учитывая приближение императорской свадьбы, ваши глубокие познания и опыт в делах Комарры делают вас практически идеальной кандидатурой, я бы сказал.

– Может, оно и так. – Аллегре вроде бы чуть смягчился. Возможно, у него полная картина только сейчас начала вырисовываться? – Но это все – заботы завтрашнего дня. А у меня и на сегодня их достаточно. Господа, прошу меня извинить. Думаю, мне лучше поскорее просмотреть то, что сейчас проходит по комму Гароша… Иллиана… короче, наверху. И собрать глав департаментов, чтобы сообщить им о… хм… событиях. Есть какие-нибудь предложения, Саймон?

Иллиан покачал головой.

– Действуй. У тебя получится.

– Дув, – обратился Аллегре к Галени, – идите домой, поужинайте и выспитесь как следует, прежде чем принимать какое-либо важное решение. Обещаете?

– Да, сэр, – ровным тоном ответил Галени.

Делия сжала ему руку, а он за все время так и не выпускал ее ладони. Он не желал рисковать. Когда он немного очухается, то, может, и поймет, что даже четыре дюжих мужика вряд ли смогут оторвать ее от него. Айвен, заметив наконец этот маленький спектакль, слегка нахмурился.

– Хотите доложить Грегору первым, милорд Аудитор, или это сделать мне? – спросил Аллегре.

– Доклад Грегору я беру на себя. А вы свяжитесь с ним, как только разберетесь с ситуацией наверху.

– Конечно. Благодарю вас. – Они обменялись кивками, и Аллегре удалился.

– Ты собираешься связаться с Грегором прямо сейчас? – поинтересовался Галени.

– Прямо отсюда, – ответил Майлз. – Его нужно срочно поставить в известность, ведь я не мог даже намекнуть ему на возможность подобной развязки. Из кабинета Иллиана прослушиваются все его переговоры.

– Когда будешь разговаривать… – Галени посмотрел на Делию, потом отвел взгляд и сжал ее руку еще крепче. – Ты не мог бы… Не мог бы попросить его… я хочу, чтобы Лаиса знала, что я не предатель.

– Первым делом, – пообещал Майлз. – Даю слово.

– Спасибо.

Майлз отправил с ними охранника – сопроводить к выходу – и разрешил Делии взять лимузин Форкосиганов. Айвена Майлз задержал, зарубив на корню его хитроумное предложение доставить Галени домой, а потом отвезти Делию, напомнив, что он оставил свою машину возле Генштаба. Затем выставил дежурного офицера из-за комм-пульта и уселся за него сам. Иллиан приволок себе стул и сел рядом. Майлз набрал личный код Грегора.

– Сир, – официально начал Майлз, когда на экране появился Грегор. Не успевший доужинать император вытирал губы салфеткой.

Услышав столь официальное обращение, Грегор поднял брови. Майлз целиком и полностью завладел его вниманием.

– Слушаю, милорд Аудитор. Есть прогресс? Или проблемы?

– Я закончил.

– Боже правый! Э-э-э… Не хотите ли сообщить подробности?

– Вы узнаете все подробности, – Майлз искоса глянул на Иллиана, – из моего доклада, но если вкратце, то место шефа Имперской безопасности вакантно. Это не Галени. Это Гарош. Я догадался, что оболочки прокариотов должны были застрять в вентиляционных фильтрах.

– Он признался?

– Лучше. Мы застукали его, когда он менял фильтр в своем прежнем кабинете, где, судя по всему, и ввел их Иллиану.

– Насколько я понимаю… это произошло не случайно.

Губы Майлза растянулись в волчьем оскале.

– Случайность, – провозгласил он, – благоволит подготовленному уму, как кто-то там сказал. Нет. Не случайно.

Грегор откинулся на стуле, чрезвычайно встревоженный.

– Он только сегодня утром лично представлял мне доклад, и все это время он знал… Я был почти готов утвердить его в должности шефа СБ.

Губы Майлза дрогнули.

– Ага. И он был бы хорошим шефом, почти. Слушай… хм… я обещал Дуву Галени, что попрошу тебя сказать Лаисе, что он не предатель. Ты сделаешь это?

– Конечно. Вчерашняя сцена ее ужасно расстроила. Объяснения Гароша вселили во всех болезненное подозрение.

– Лукас всегда был ласковым, – пробормотал Иллиан.

– Почему он это сделал? – спросил Грегор.

– У меня еще целая куча вопросов, на которые мне бы хотелось получить ответ, прежде чем я сяду составлять доклад, – сказал Майлз, – и большинство из них начинается именно с «почему?» А этот вопрос – самый интересный из всех.

– И на него труднее всего ответить, – предупредил Иллиан. – Где, что, как, кто – на эти вопросы мне иногда удавалось ответить с помощью вещественных доказательств. А «почему» зачастую был выше моих возможностей.

– На очень многие вопросы может ответить только сам Гарош, – заметил Майлз. – Но мы не можем накачать ублюдка суперпентоталом, вот ведь досада какая. Думаю… нам удастся у него что-то выудить, если мы возьмемся за него прямо сегодня, пока он еще не очухался. К завтрашнему дню он наверняка включит свои замечательные мозги и потребует адвоката. Нет… не нам. Совершенно ясно, что он ненавидит меня всеми фибрами души, хотя тут возникает очередное почему… Саймон, ты не мог бы… Ты сможешь провести допрос?

Иллиан потер лицо.

– Могу попытаться. Но если он был готов меня убрать, не вижу, почему бы ему не быть готовым выдержать любое моральное давление, которое я на него окажу.

Грегор некоторое время изучал свои руки, сложенные перед коммом, затем поднял глаза.

– Погодите, у меня, кажется, есть идея получше.

Глава 27

– Мне действительно надо при этом присутствовать? – прошептал Айвен, когда они шли по утыканному следящими устройствами коридору к камере, где сидел Гарош. – Это обещает быть чертовски неприятным.

– Да, и по двум причинам. Во-первых, ты был моим официальным свидетелем на протяжении всего расследования и тебе придется еще не раз давать показания под присягой. Во-вторых, ни Иллиан, ни я физически не справимся с Гарошем, если он надумает взбеситься.

– А ты этого ждешь?

– Вообще-то не очень. Но Грегор считает, что присутствие обычного охранника – бывшего подчиненного Гароша – не будет способствовать его… хм… правдивости. Переживешь, Айвен. Говорить тебе не придется, только слушать.

– Тоже верно.

Охранник отпер дверь и почтительно отошел в сторону. Майлз вошел первым. Новые камеры СБ были не очень просторными, но Майлз видал и похуже. Здесь имелись отдельные, хоть и прослеживающиеся, ванные комнаты. В камере стоял запах, свойственный всем военным тюрьмам, – самый противный запах на свете. Вдоль стен были привинчены друг напротив друга две лавки. На одной сидел Гарош в форменных брюках и рубашке. Его еще не переодели в оранжевую форму арестанта, но сапоги и китель с него сняли, как все знаки различия и серебряные Глаза Гора. Майлз ощутил отсутствие этих Глаз как два горящих рубца на шее Гароша.

При виде Майлза Гарош тут же стал замкнутым и враждебным. Вошедший следом Айвен встал возле двери, как всегда пытаясь превратиться в невидимку. С появлением Иллиана на лице генерала мелькнуло замешательство, и он замкнулся еще больше.

И только когда вошел высокий и мрачный император, Гарош потерял над собой контроль. Потрясение и изумление быстро сменились выражением открытой муки. Гарош попытался овладеть собой и принять равнодушный хладнокровный вид, но в результате выглядел скорее каким-то заледеневшим. Он вскочил – Айвен мгновенно напрягся, – но Гарош лишь выдохнул «Сир!» глухим надтреснутым голосом. Трудно придумать менее подходящие обстоятельства, чтобы официально приветствовать своего главнокомандующего, но Гарош был не в том состоянии. Не похоже было, чтобы Грегор собирался отвечать на приветствие.

Грегор жестом приказал своим личным телохранителям подождать за дверью. Майлз сомневался, что от него будет много пользы, если Гарош вдруг вздумает напасть на императора, но, на худой конец, он может броситься между ними. А когда Гарош покончит с ним, уже подойдет подкрепление. Дверь камеры закрылась.

Тщательно сориентировавшись на местности и прикинув имеющиеся в наличии силы, Майлз выбрал себе место возле двери, напротив Айвена, в максимальной близости от Гароша. Они будут стоять неподвижно, как пара горгулий, и Гарош скоро забудет об их присутствии. Грегор об этом позаботится.

Император расположился на лавке напротив Гароша. Иллиан, скрестив руки, прислонился к стене и встал, как умел только он один – живое воплощение Глаза Гора.

– Садитесь, Лукас, – произнес Грегор так тихо, что Майлзу пришлось напрячь слух.

Гарош поднял руки, словно выражая протест, его колени подогнулись, и он тяжело опустился на лавку.

– Сир! – снова выдавил он и прокашлялся. О да, Грегор оказался совершенно прав.

– Генерал Гарош, – продолжил между тем Грегор, – я желаю, чтобы вы сделали ваш последний доклад лично мне. Вы обязаны мне, а за вашу тридцатилетнюю безупречную службу – почти на протяжении всей моей жизни, все мое царствование – я обязан вам.

– Что… – Гарош сглотнул. – Что вы хотите, чтобы я рассказал?

– Расскажите мне о том, что вы сделали. Объясните, почему вы это сделали. С самого начала и до конца. Только факты. Не надо никаких оправданий. Для этого у вас будет время позже.

Майлз часто видел Грегора спокойно-обаятельным, спокойно-весело обреченным, спокойно-отчаявшимся, спокойно-решительным. Но он никогда не видел его спокойно-рассерженным. Это впечатляло. Давило, как толща воды. В этом можно было утонуть, пытаясь вынырнуть на поверхность. «Выскользни, Гарош. Если сумеешь. Грегор наш господин не только формально».

Гарош молчал – очень долго молчал, а потом медленно начал:

– Я… знал о существовании комаррского прокариота уже давно. С самого начала. Даймент из комаррского департамента мне рассказал. Мы тогда вместе работали по розыску группы Сера Галена и обменивались людьми. Я был с ним, когда он отнес капсулы в хранилище. И не вспоминал о них многие годы. А потом я получил повышение, возглавил Департамент внутренних дел… После расследования дела с «Ярроу», помните… сэр? – Это уже относилось к Иллиану. – Вы тогда сказали, что я проделал великолепную работу.

– Нет, Лукас, – изысканно-вежливо ответил Иллиан. – Не могу сказать, что помню.

Молчание, повисшее после этой реплики, грозило затянуться надолго.

– Продолжайте, – сказал Грегор.

– Я… до меня доходило все больше слухов о Форкосигане. И в штаб-квартире СБ, и вне ее. О нем рассказывали довольно дикие истории, говорили, что он своего рода галактический сорвиголова и что его готовят в преемники Иллиану. Было совершенно очевидно, что он любимчик Иллиана. А потом в прошлом году его внезапно убили, хотя, как выяснилось впоследствии… не до конца.

У Грегора слегка дернулся уголок губы – единственная реакция, которую он себе позволил. Глянув на императора, Гарош торопливо продолжил:

– По какой-то причине Иллиан в этот период провел реорганизацию, четко обозначив линию преемственности. Меня назначил своим заместителем. Он сказал мне, что подумывает о выборе нового преемника, на тот случай, если кому-то удастся его убрать, и я был у него на примете. А потом вернулся Форкосиган.

После этого я ничего о нем не слышал до середины прошлого лета. И тут Иллиан спросил у меня, смогу ли я работать с Форкосиганом в качестве моего зама. Предупредил, что он гиперактивен, чертовски недисциплинирован, но дает отличные результаты. Сказал, что я либо полюблю его, либо возненавижу, хотя некоторым удается одновременно и то, и другое. Он сказал, что Форкосигану нужно приобрести опыт на моем поприще. Я тогда ответил… что попытаюсь. Все было предельно ясно. Я бы не возражал обучить своего преемника. Но обучить своего будущего босса – такое проглотить трудно. Тридцать лет опыта, обойденные… Но тогда я это проглотил.

Внимание Грегора было целиком сосредоточено на Гароше, который, соответственно, был вынужден сосредоточиться на Грегоре. Как будто Грегор включил свой собственный персональный силовой шар, наподобие тех, которыми пользовались цетагандийские аут-леди. Гарош волновался все больше. Он наклонился вперед, его колени едва не соприкасались с коленями Грегора.

– Затем Форкосиган… сам вырыл себе могилу. Фигурально выражаясь. Хорошую и глубокую. Мне не нужно было ничего делать, он все сделал своими руками, причем намного лучше, чем я мог себе вообразить. Я вновь получил этот шанс, но… Иллиан мог проработать еще лет пять, а может, и все десять. За это время могли появиться еще какие-нибудь молодые выскочки. Я не хотел упускать свой шанс. Иллиан начинал сдавать, это было видно, чувствовалось. Начал уставать. Он все время говорил об отставке, но ничего не предпринимал. Я хотел служить Империи, служить Вам, Сир! Я знал, что могу, если мне представится такая возможность. Когда придет время. Мое время. А потом… я подумал об этой проклятой комаррской пыльце.

– Когда именно вы о ней подумали?

– В тот день, когда Форкосиган выполз, спотыкаясь, из кабинета Иллиана с сорванными Глазами Гора. Я тогда пошел в хранилище по какому-то другому поводу, прошел мимо той самой полки, как делал сто раз до этого, но на сей раз… я открыл коробку и прихватил две капсулы. Выйти с ними не составило труда, ведь сигнализация была на коробке, не на содержимом. Конечно, меня никто не обыскивал. Я понимал, что мне придется что-то сделать с мониторами, со временем, но даже если кто и стал бы просматривать записи, то увидел бы всего лишь меня, которому дозволено брать оттуда все, что угодно.

– Где, нам известно. Когда вы ввели прокариота Иллиану?

– Это произошло… несколько дней спустя. Дня через три или четыре. – Гарош взмахнул рукой. Майлз вполне мог представить себе облачко пыльцы, слетающее с его пальцев. – Он постоянно заглядывал ко мне в кабинет, чтобы что-нибудь уточнить или узнать мое мнение.

– Вы тогда использовали обе капсулы?

– Нет. Целую неделю ничего вроде бы не происходило, тогда я использовал вторую. Я не знал, что симптомы будут проявляться так долго. Или… так резко. Но я знал, что это не убьет его. Во всяком случае, я так полагал. Я хотел быть уверенным. Это было чисто импульсивно. А потом было уже слишком поздно отыгрывать назад.

– Импульсивно? – уничтожающе поглядел на него Грегор. – Это после трехдневного раздумья?

– Импульсы, – нарушил свое продолжительное молчание Майлз, – иногда срабатывают медленно. Особенно когда ваша затея действительно плохая.

«Я это по себе знаю».

Грегор жестом велел ему замолчать. Майлз прикусил язык.

– Когда вы решили подставить капитана Галени? – резко спросил Грегор.

– Тогда я еще об этом не думал. Я вообще не собирался никого подставлять, но если бы пришлось, то я хотел, чтобы это был Форкосиган. Он подходил идеально. К тому же тут имелся элемент справедливости. Он практически вышел сухим из воды в деле с имперским курьером. Я бы этого гнома отдал под трибунал, но он по-прежнему оставался любимчиком Иллиана, даже после этой каши. А потом он предстал перед моими дверями с этой проклятой цепью Аудитора, и тут я понял, что он любимчик не только Иллиана. – Взгляд Гароша, встретившийся наконец с глазами Грегора, был обвиняющим.

Взгляд же Грегора был ледяным.

– Продолжайте, – приказал он абсолютно нейтральным тоном.

– Маленький гаденыш никогда не отстал бы. Он напирал и напирал… Если бы мне удалось удержать его на расстоянии еще хотя бы неделю, мне бы не понадобилось подставлять кого-то еще. Это Форкосиган толкал меня под руку. Но теперь стало ясно, что Форкосиган недосягаем, и я никогда не смогу повесить это на него. Галени постоянно крутился рядом с ним и этим привлек мое внимание. Я сообразил, что как подозреваемый он даже лучше Форкосигана. И до него было куда как проще добраться. Помимо всего прочего, он был потенциальной помехой для будущей императрицы. Кто бы стал по нему скучать?

Грегор сделался настолько невозмутим, что казался чуть ли не серым.

«Так вот как выглядит его ярость». Интересно, понимает ли Гарош, что означает отсутствие всякого выражения на лице Грегора? Генерала, казалось, всецело захватил собственный рассказ. Он выглядел возмущенным и говорил еще быстрее:

– Но этот мелкий гаденыш все не отлипал. Три дня! Он нашел капсулы в хранилище через три дня! У него должно было уйти на поиски три месяца! Я не мог этому поверить. Подумал, что стоит заставить его слетать на Архипелаг Джексона и обратно, но он прилип ко мне, как пиявка. Все время, днем и ночью, куда бы я ни пошел, я натыкался на него, шляющегося по всему зданию. Мне было необходимо срочно отделаться от него, пока я его не удавил. Поэтому я и ускорил, насколько осмелился, операцию с Галени и вручил его ему в

упаковке, перевязанного ленточкой. Но этот гаденыш опять не успокоился. Тогда я дал ему наживку, которую он так жаждал: я был абсолютно уверен, что уж эту-то он проглотит обязательно. Я чуть не затолкал ее ему в глотку, но он слишком сильно исходил слюной. А потом, на следующий день, я обнаруживаю его в моем кабинете с этим наглым инопланетником, разбирающим фильтры. И вот я здесь, а он… наверху.

Гарош замолчал, чтобы перевести дух.

– Какую наживку? – моргнул Грегор.

«О черт! Гарош, тебе не обязательно вдаваться в подробности, ей-богу…»

Гарош промолчал. Грегор перевел взгляд на Майлза.

– Какую наживку? – спросил он удручающе мягко.

Майлз прокашлялся.

– Он предложил мне дендарийцев. Сказал, что я смогу работать с ним на тех же условиях, что с Саймоном. Нет, даже лучше. Он сказал, что присвоит мне капитана.

Три абсолютно одинаковых ошарашенных взгляда прямо-таки пригвоздили его к стене.

– Ты мне об этом не говорил, – произнес наконец Иллиан.

– Нет.

– Мне тоже, – добавил Грегор.

– Нет.

– Ты хочешь сказать, что не согласился? – обалдело поинтересовался Айвен.

– Да. Нет.

– Почему? – спросил Иллиан после паузы, которая, казалось, тянулась целую минуту.

– Не знал, смогу ли я доказать, что это взятка.

– Нет. То есть я знаю, какого рода это взятка. Бог свидетель, тебе не нужно объяснять это мне, – проговорил Иллиан. – Почему ты ее не принял?

– И оставить ему на растерзание Галени? И позволить ему руководить Службой безопасности в ближайшие десять – двадцать лет, зная то, что я о нем знаю? И сколько, по-твоему, прошло бы времени, прежде чем он перестал бы просто докладывать Грегору и начал манипулировать им при помощи своих докладов или более прямым способом? Ради его же собственного блага, разумеется, и блага Империи.

– Я бы этого делать не стал. Я бы хорошо вам служил, Сир, – решительно сказал Гарош, не поднимая головы.

Грегор нахмурился. Сильно.

«Черт с ним, пусть получит свое отпущение». Майлз не собирался лишать его этой возможности, как не стал бы лишать утопающего соломинки. Ему уже больше ничего не нужно было от Гароша. Он больше не жаждал мести. Он даже не испытывал ненависти. Он мог лишь сожалеть о прежнем Гароше, теперь исчезнувшем навсегда. Нынешний же сам избрал свою судьбу.

– Мы закончили? – вздохнув, спросил он.

Грегор выпрямился.

– Боюсь, что да.

– Вы действуете, будто я совершил убийство, но это же не так! Это не было изменой! – упорствовал Гарош. – Вы же должны это понимать, Сир.

«Попробуй извиниться. Прекрати оправдываться, моли о милосердии. Результат тебя может удивить».

– Саймон не слишком и пострадал!

Спокойно, очень спокойно, Грегор встал и повернулся к нему спиной. Гарош открыл было рот, чтобы еще отчаяннее высказать свое оправдание, но слова застряли у него в глотке. Иллиан, прославившийся ядовитостью своих высказываний, выглядел так, будто никак не может придумать что-нибудь достаточно уничтожающее.

Как только Грегор открыл дверь и вышел наружу, Айвен немедленно выскользнул вслед за ним. Иллиан подождал Майлза, по старой привычке не позволяя ему без прикрытия поворачиваться спиной к потенциальной опасности, и тоже проследовал в коридор.

Закрывшаяся дверь пресекла хриплые протесты Гароша, резко обрезав их, как бритвой по горлу.

Они молчали до самого выхода, пока Иллиан не сказал:

– А я-то думал, что это была шутка. Насчет борьбы с искушением.

– Победа со счетом два к одному, Саймон. Всего-навсего. Я… не очень хочу говорить об этом.

– Значит, он пытался подкупить моего Аудитора, – задумчиво протянул Грегор. – Это серьезное преступление.

– Не думаю, что мне захочется объясняться на эту тему с Верховным трибуналом, Сир. Гарошу и так достаточно. Вряд ли его можно уничтожить сильнее. Оставь это. Пожалуйста.

– Как вам угодно, милорд Аудитор. – У Грегора было странное выражение лица. Майлз невольно поежился. Нет, в его глазах было не удивление, не недоумение. Благоговение? Нет, пожалуй, нет. – Что тебя остановило? Я ведь тоже люблю знать «почему». Ты должен мне ответить.

– Я не очень понимаю… как это выразить словами. – Майлз пошарил у себя внутри и, к своему превеликому изумлению, нашел тот спокойный оазис, который обнаружил там вчера. Это помогло. – Просто иногда цена бывает слишком высока независимо от того, насколько сильно ты хочешь получить награду. Единственное, чем нельзя пожертвовать ради исполнения самого заветного желания, – это твое сердце.

– О! – только и сказал Грегор.

Иллиан сказал, что на составление доклада уйдет столько же времени, сколько и на само расследование. Его прогноз оказался чересчур оптимистичным. Большую часть следующей недели Майлз провел в своей спальне, скармливая уйму сведений своему комму. Вычислив все недостающие компоненты, он направился в штаб-квартиру СБ – переговорить с людьми в хозяйственном департаменте, в клинике и еще в дюжине других департаментов и записать показания. Съездил в пригород Форбарр-Султана, чтобы получить медицинские свидетельства от генерала Авакли. Майлз перепроверил абсолютно все. Он не желал, чтобы этот доклад вернули из-за недостаточности улик.

Майлз сидел, погрузившись в составление краткого и эмоционально нейтрального отчета о помехах, учиняемых Гарошем в пик медицинского кризиса Иллиана, и ругая себя за каждый пропущенный ключ. О, Гарош действительно превосходно им манипулировал. Всеми манипулировал! И тут в комнату ввалился Айвен с воплем:

– Ты знаешь, что творится в твоих гостевых апартаментах?!

Майлз застонал, взъерошил себе волосы, жестом велел Айвену заткнуться, попытался поймать за хвост блестящую концовку параграфа, сдался и выключил комм.

– Тебе совершенно незачем орать.

– Я не ору, – заявил Айвен. – Я просто тверд.

– А ты не мог бы быть твердым потише?

– Нет. Саймон Иллиан спит с моей матерью, и это твоя вина!

– Почему-то мне так не кажется.

– В любом случае это случилось у тебя в доме. Так что ты некоторым образом отвечаешь за последствия.

– Какие последствия?

– Не знаю я, какие! Понятия не имею, какого черта с этим делать! Называть Иллиана «па» или вызвать его на дуэль?

– Ну… можешь начать с рассмотрения варианта, что это вообще не твое дело. Они оба вполне взрослые люди, по моим последним данным.

– Они старики, Майлз! Это… это… это… недостойно. Вот! Скандально. Она – из высших форов, а он… он… Иллиан.

– Тоже своего рода сословие из одного человека, – ухмыльнулся Майлз. – На твоем месте я бы не очень опасался скандала. У меня такое впечатление, что они достаточно…

хм… осторожны. Кроме того, учитывая, что она – это она, а он – это он, вряд ли кто осмелится что-либо сказать по этому поводу.

– Это создает неудобства. Мама сказала, что сразу после помолвки Грегора они с Иллианом уедут отдохнуть на южное побережье недели на три. Вместе. В какое-то местечко, где отдыхает средний класс, о котором я даже не слыхал и которое выбрал Иллиан, потому что тоже никогда о нем не слышал. Он сказал, что сойдет любое место, которое ни разу не привлекало внимания СБ. Матушка заявила, что после помолвки хочет сидеть целыми днями на солнышке на берегу, ничего не делая и попивая это отвратительное пойло с фруктом на палочке. А по ночам она – она! – сказала, что они найдут, чем заняться. Боже мой, Майлз, моя родная мать!

– А как, по-твоему, она стала твоей матерью?

– Это было тридцать лет назад.

– Достаточно давно. Значит, южное побережье? Звучит… расслабляюще. Даже лениво, я бы сказал. Тепло. – Нынешнее утро в Форбарр-Султане выдалось мрачным, шел дождь со снегом. Может, ему удастся выспросить Иллиана, что это за место, и как только он покончит с этим чертовым докладом… Но ему не с кем поехать отдыхать, кроме Айвена, а это совсем не то…

– Если тебя это действительно волнует, можешь поговорить с моей матерью.

– Пытался. Она же бетанка! Считает, что это просто здорово. Полезно для сердечно-сосудистой системы, способствует выработке эндорфинов, и все такое. Вообще-то, если подумать, боюсь, что это их совместная с матерью затея.

– Возможно. Но посмотри на светлые стороны этого дела. Леди Элис, занятая своей личной жизнью, перестанет уделять внимание твоей. Разве не этого ты всегда хотел?

– Да, но…

– Припомни, за последний месяц она часто к тебе приставала с тем, чтобы ты ухаживал за подходящими девушками?

– В последний месяц… мы были довольно заняты.

– Сколько помолвок, свадеб и рождений детей у детей ее знакомых она описывала в подробностях?

– Ну… Вообще-то ни одной, если подумать. Кроме помолвки Грегора, разумеется. Так долго она еще ни разу не оставляла меня без напоминаний об обязательствах перед форским обществом. Даже когда я служил в посольстве на Земле, она напоминала об этом дважды в месяц.

– Считай свои преимущества, Айвен.

Айвен скривился.

– Фрукт, – пробормотал он. – На маленьких палочках.

Отделавшись от Айвена, Майлз убил целый час, чтобы собраться с мыслями. Воспользовавшись паузой, он связался с Ченко и наконец договорился о времени, когда придет проверять действие чипа-контроллера. Ченко явно не терпелось выяснить, как эта штука будет работать.

На следующий день, направляясь в госпиталь, уже в дверях особняка Форкосиганов Майлз столкнулся с входящим в дом Иллианом. На улице мело, и Иллиан был в снегу. Лицо его покраснело от холода, но он просто сиял от восторга. Иллиан вроде как был один.

– Где ты был? – поинтересовался Майлз. Он выглянул наружу, но не увидел ни леди Элис, ни телохранителя, вообще никого.

– Гулял по городу.

– Один? – Майлз попытался скрыть тревогу. После всего, что случилось, не хватало еще потерять Иллиана! А потом поставить на уши всю городскую стражу и обнаружить его, испуганного и растерянного, в каком-нибудь Богом забытом углу… – Похоже, тебе удалось благополучно добраться до дома.

– Да. – Иллиан довольно улыбнулся. Он вытянул руку и включил голокуб. – Твоя матушка дала мне карту. На ней Северный и Южный континенты, все обитаемые острова,

каждый крупный и мелкий город со всеми улицами, каждая гора высотой свыше метра. Теперь, даже если я и заблужусь, то всегда смогу найти дорогу.

– Многие пользуются картой, Саймон. – «Я круглый идиот! Почему я раньше-то не догадался?»

– А я даже забыл о такой возможности. Это как эйдетический чип, который держишь в руке. Он помнит даже то, чего ты вообще никогда не знал. Чудесно! – Саймон расстегнул куртку и извлек из внутреннего кармана еще один предмет – самый обыкновенный, хоть и явно наилучшего качества, аудиоорганайзер. – И это она мне тоже дала. Автоматически выдает информацию по ключевым словам. Простенько, но для повседневной жизни вполне достаточно. Это практически искусственная память, Майлз.

В конце концов, этому человеку целых тридцать пять лет не приходилось делать заметки для памяти. Что он откроет для себя следующим номером? Огонь? Письмо? Сельское хозяйство?

– Все, что тебе нужно помнить, – это куда ты ее засунул.

– Я подумываю приковать ее к ремню. А может, повешу на шею.

Иллиан направился к себе наверх, хихикая под нос.

Вечером Майлз оторвался от комма, чтобы поужинать в обществе графини и Иллиана. Первые десять минут ушли на решительное отбивание атак графини, вознамерившейся переманить матушку Кости на Зергияр.

– Она никогда не уедет, пока ее сын служит на Барраяре, – отрезал Майлз.

Графиня задумалась.

– Капрала Кости можно было бы перевести на Зергияр…

– Никаких грязных игр! – взвился Майлз. – Я ее первый нашел, она моя.

– Я просто размышляла вслух, – ласково улыбнулась Корделия.

– Кстати, о Зергияре. Когда отец оттуда прилетит?

– За день до помолвки. А потом мы с ним вместе уедем. Но, безусловно, вернемся летом к свадьбе. Я бы с удовольствием пожила здесь подольше, но нам с твоим отцом необходимо быть на Колонии Хаос. – Она улыбнулась. – Тебе действительно стоит навестить нас. Там теперь совершенно безопасно. Мы уже научились бороться с этими мерзкими червями. Там есть на что посмотреть и чем заняться. Особенно заняться.

Есть что-то всепоглощающее, подумал Майлз, в мрачном огне, которым горят глаза матери, когда она держит в уме огромный список дел.

– Посмотрим. Я надеюсь вручить Грегору мой аудиторский доклад через два дня. А потом… я еще не знаю, что собираюсь делать потом…

Все замолчали и занялись десертом. Наконец Иллиан, откашлявшись, объявил:

– Сегодня я подписал аренду своей новой квартиры. Она будет готова завтра.

– О, превосходно!

– Я хочу поблагодарить вас обоих, особенно тебя, Майлз, за гостеприимство. И за помощь.

– Что еще за квартира? – спросил Майлз. – Боюсь, я всю неделю прожил в своем комме.

– Это точно. Леди Элис помогла мне найти жилье.

– В ее доме? – Это было очень дорогое жилище. Потянет ли его Иллиан? Пенсия вице-адмирала не больно велика, хотя, учитывая вынужденную простоту его прошлой жизни, у него, наверное, накопился неплохой капитал.

– Полагаю, что я теперь представляю значительно меньшую угрозу для своих соседей, чем раньше… Но на тот случай, если у кого-нибудь из старых врагов имеются гнусные намерения… Я поселился через две улицы от Элис. Наверное, было бы неплохо пустить слушок, что мой мозг пострадал гораздо больше, чем на самом деле. Если тебе представится такой случай, это сделает меня менее привлекательной мишенью.

– Ты не думаешь продолжить работу в СБ? Если не шефом, то… Ну, я не знаю… Консультантом, например?

– Нет. Теперь, когда мое… хм… своеобразное убийство раскрыто, я выхожу из игры. Не будь таким удивленным, Майлз. Сорок пять лет службы императору нельзя рассматривать как трагически рано оборванную карьеру.

– Да, пожалуй. Грегор будет скучать. Мы все будем скучать.

– Ну, надеюсь, я буду где-нибудь поблизости.

Майлз закончил свой доклад на следующий день к вечеру. Он блаженно откинулся на стуле и потянулся. Доклад вышел настолько полным, насколько это вообще возможно, и настолько связным, насколько ему удалось удержать в узде свое возмущение. Только сейчас, глядя на плоды своих трудов, Майлз понял, насколько тоньше он сплетал даже свой самый правдивый доклад о деятельности дендарийцев и адмирала Нейсмита, чтобы выглядеть лучше и гарантировать дальнейшее поступление средств и новые задания. Была некая прелесть в том, что ему наплевать, как будет выглядеть лорд Форкосиган.

Доклад предназначался сначала для Грегора, а потом и не только для Грегора. Работая с дендарийцами, Майлз находился на другом конце стола, и ему приходилось выполнять задания, опираясь на весьма сомнительные и неполные разведданные. Поэтому он твердо решил, что ни один бедный олух, которому придется потом пользоваться его докладом, не должен иметь повод поносить лорда Форкосигана.

Он записал окончательный вариант на дискету и связался с секретарем Грегора, чтобы договориться о встрече на следующее утро и вручить доклад вместе с аудиторской цепью и печатью императору. Потом он пошел прогуляться по особняку – размять мышцы, а заодно поглядеть, как там поживает его флайер. Ченко пообещал произвести вживление чипа-контроллера вечером. Мартин, чей столь долгожданный восемнадцатый день рождения прошел незаметно для Майлза где-то в разгар расследования, отложил на две недели свое поступление на императорскую службу, чтобы избавить Майлза от необходимости брать временного шофера. Но Майлз прекрасно понимал, насколько парню не терпится уйти.

Сегодня утром леди Элис благополучно перевезла Иллиана на новую квартиру, и прислуга уже успела восстановить в гостевых апартаментах прежний порядок. Майлз зашел туда посмотреть из окон на заснеженный сад. Это действительно были самые роскошные покои во всем особняке Форкосиганов. Он вспомнил, как выглядели эти комнаты при дедушке: заваленные сувенирами военных лет, наполненные стойким запахом старых книг, старой кожи и старого человека.

– А почему нет? – пробормотал он себе под нос. Затем повторил громче. – А почему, черт возьми, нет?

Полчаса спустя графиня застала его во главе довольно внушительной армии, состоявшей из Мартина и доброй половины ее слуг. Они перетащили в гостевые апартаменты все барахло Майлза и теперь расставляли его по местам в ванной, спальне, гостиной и кабинете, следуя несколько сумбурным указаниям своего военачальника.

– Майлз, милый, что это ты делаешь?

– Занимаю дедушкины покои. Сейчас тут никто не живет. Почему нет? – Он несколько нервно ждал возражений, мысленно готовя аргументы.

– Отличная мысль! Тебе давно пора перебраться из этой комнатушки. Господи, да ты там жил с пятилетнего возраста!

– Именно об этом я и подумал.

– Мы выбрали ее для тебя, потому что Иллиан подсчитал, что туда слишком трудно выстрелить с улицы.

– Понятно. – Он откашлялся и, набравшись наглости, продолжил: – Я думал взять себе весь второй этаж: Желтую гостиную, гостевые покои и все прочее. Я мог бы… устраивать вечеринки, принимать гостей, ну и так далее.

– Пока мы на Зергияре, ты можешь занять весь особняк.

– Да, но мне нужно место, которым я могу распоряжаться и когда вы не на Зергияре. Раньше у меня не было такой необходимости. Меня практически никогда не было дома.

– Знаю. А теперь ты здесь, а я – нет. Жизнь порой выкидывает странные кренделя. – Графиня удалилась, что-то бормоча себе под нос.

С таким количеством носильщиков переезд занял всего час. Устроившись на новом месте, Майлз обнаружил, что вещей у него совсем немного. Зато по крайней мере тонна пожитков адмирала Нейсмита оставалась в Дендарийском флоте. Надо бы их оттуда забрать. Вряд ли кто другой сможет воспользоваться его одеждой или специально переделанной космической броней. Он бродил по покоям, переставляя вещи с места на место, пытаясь сообразить, какое он сможет найти им тут применение. Здесь было полно места. Не то чтобы он собирался расти, но Майлз вдруг проникся некоторым сочувствием к комнатным растениям, которые слишком долго ждут, когда их наконец пересадят в просторный горшок. Рожденная в космосе Куин обозвала бы его грязеедом. И была бы… наполовину права.

Надо бы отправить ей послание. И не одно. И извиниться, что в суете последних недель оставил без внимания пару присланных ею. Майлз уселся за комм. Огни города отражались в облачном небе. Сад, хорошо видимый из широкого окна, стоял весь белый и словно светился этой снежной ночью.

Собравшись с мыслями и придав лицу должное выражение, он приступил. Записав радостные заверения в своем полном благополучии, в том числе и с медицинской точки зрения, он отправил послание. Элли получит его примерно через неделю, в зависимости от того, где сейчас Дендарийский флот. К его немалому изумлению, задача, казавшаяся прежде невозможной, оказалась сейчас удивительно легкой. Может, ему всего лишь требовалось прочистить себе мозги?

Глава 28

Майлз решил превратить процедуру возвращения аудиторской цепи и вручения доклада в маленькую церемонию. Традиционная значимость должности не позволяла просто взять и просунуть их в двери дворца в пластиковом пакете. И потому он со всей тщательностью оделся в коричневый с серебром мундир и долго колебался, прежде чем нацепить свои награды – возможно, последний раз в жизни. Но он намеревался просить Грегора об очень личном одолжении, так что пусть уж лучше его награды говорят за него.

Майлза мучили сомнения. То, о чем он хотел попросить, вещь настолько незначительная… а он должен быть выше подобных забот. Но для него это было важно, как тот лишний сантиметр роста, который никто, кроме него, даже бы и не заметил. Он приказал Мартину подогнать машину к восточному входу дворца. На сей раз Мартин не разнес ворот, его навыки в вождении графского лимузина за последнее время сильно улучшились. Мажордом сопроводил Майлза в левое крыло, в кабинет императора.

Должно быть, у Грегора на утро тоже были намечены какие-то официальные церемонии, поскольку он облачился в мундир цветов Форбарра. Император поджидал Майлза у выключенного комма.

– Доброе утро, милорд Аудитор, – улыбнулся он.

– Доброе утро, Сир, – автоматически ответил Майлз. Он выложил на черную поверхность стола дискету, осторожно снял с себя цепь с печатью, пропустил тяжелые звенья сквозь пальцы и тоже положил рядом с дискетой. – Вот. Все сделано.

– Благодарю. – Повинуясь жесту императора, мажордом принес Майлзу стул. Майлз сел и облизнул губы, мысленно перебирая все варианты, как лучше изложить свою просьбу. Но Грегор махнул рукой, и Майлз покорно замер. Император взял дискету и вставил ее в комм. Переписав содержимое, он протянул ее мажордому.

– Отнесите это в соседний кабинет, пожалуйста.

– Слушаюсь, Сир.

Мажордом удалился, неся дискету на маленьком подносе, как официант – некий странный десерт.

Грегор просматривал аудиторский доклад Майлза, никак не высказывая своего мнения,

лишь сопровождая чтение всякого рода «м-м-м» и «хм». Майлз удивленно поднял брови и устроился поудобнее. Грегор вернулся к началу и снова прочитал отдельные куски, уже более внимательно. Наконец он закончил и выключил экран. Взяв в руки аудиторскую цепь, Грегор принялся крутить ее, заматывая и разматывая вокруг руки.

– Должен сказать, это было одно из моих самых удачных решений, Майлз.

Майлз пожал плечами:

– Просто я случайно получил такое дело, в котором имею небольшой опыт.

– Случайно? Если память мне не изменяет, это было вполне преднамеренно.

– Диверсия против иллиановского чипа был внутренним делом. И чтобы с ним разобраться, требовался человек, знакомый с кухней СБ. Многие могли сделать то, что сделал я.

– Нет. – Грегор оценивающе поглядел на него. – Думаю, мне требовался именно бывший сотрудник СБ. И я не могу сразу припомнить еще хоть одного человека, обладавшего одновременно страстью и бесстрастием.

Майлз предпочел не спорить. Сейчас он должен быть вежливым, а не изобретательным. К тому же так ему легче изложить свою просьбу.

– Спасибо, Грегор. – Он затаил дыхание.

– Я тут размышлял о награде за столь хорошо проделанную работу, – добавил император.

– О?

– Традиционно, награда за хорошую работу – новая работа. На этой неделе образовалась вакансия шефа Имперской безопасности.

– И что? – как можно спокойнее спросил Майлз.

– Хочешь ее занять? Хотя по традиции эту должность всегда занимал военный, нет закона, запрещающего мне назначить на этот пост гражданское лицо.

– Нет.

Услышав столь решительный отказ, Грегор несколько изумленно поднял бровь.

– Правда? – тихо спросил он.

– Правда, – решительно подтвердил Майлз. – Я не кокетничаю. Это кабинетная работа с кучей занудной рутины, изредка перемежающейся очередными кризисами. Шеф Имперской безопасности не только не летает никуда дальше Комарры, он вообще практически не выходит из тарака… из штаб-квартиры СБ. Я бы это возненавидел.

– Я думал, ты справишься.

– Я справлюсь с любой работой, если ты прикажешь, Грегор. Это приказ?

– Нет. – Грегор откинулся на стуле. – Это – обычный вопрос.

– Тогда ты получил обычный ответ. Гай Аллегре гораздо лучше подходит для этой должности, чем я. Он прошел всю лестницу и имеет опыт бюрократической работы. И его уважают на Комарре не меньше, чем на Барраяре. Он всецело поглощен своей работой и очень ее ценит, но его не раздирают амбиции. И возраст подходящий – не слишком молод и не слишком стар. Никто не станет возражать против его назначения.

Грегор едва заметно улыбнулся.

– На самом деле я знал, что ты это скажешь.

– Своего рода упражнение в интуиции?

«Мне такого рода упражнений хватит надолго, благодарю покорно».

У него по-прежнему щемило сердце, как иногда болит при нагрузке перетруженная мышца. И как любой мышечный спазм, это, видимо, пройдет после небольшого отдыха.

– Нет, – возразил Грегор. – Всего лишь вежливость. Я хотел дать тебе возможность отказаться в первый раз.

Но второй раз он предлагать не стал, избавив Майлза от необходимости снова отказываться. Подавшись вперед, император положил на стол золотую цепь и задумчиво посмотрел на нее.

– Хочешь кофе? – неожиданно спросил он. – Или чай? А может быть, хочешь

позавтракать?

– Спасибо, нет.

– Чего-нибудь покрепче?

– Нет. Спасибо, ничего не надо. У меня сегодня на вторую половину дня назначена операция. Доктор Ченко готов вживить свой чип-контроллер. Похоже, это должно сработать. А перед операцией мне ничего нельзя есть.

– Хорошо. Давно пора.

– Да. Мне не терпится снова сесть в свой флайер.

– Ты будешь скучать по неповторимому Мартину?

– Немного. Я с ним сроднился.

Грегор снова бросил взгляд на дверь. Чего-то ждет? Кажется, сейчас самый подходящий момент.

– Грегор, я хотел попросить тебя…

Дверь распахнулась, и вошел мажордом. Повинуясь кивку Грегора, он выглянул в коридор со словами:

– Прошу вас, милорды.

И почтительно отошел в сторону.

В кабинет вошли четверо мужчин. Майлз узнал их мгновенно. Он был достаточно барраярцем для того, чтобы первой панической мыслью стало: «О Боже, что я не так сделал?» Но здравый смысл быстро возобладал. Нужно совершить что-то действительно из ряда вон выходящее, чтобы удостоиться внимания сразу четырех Имперских Аудиторов. Однако это несколько необычно, чтобы не сказать нервирующе, – столько Аудиторов в одной комнате. Майлз откашлялся, выпрямился на стуле и обменялся с вошедшими официальным форским приветствием. Мажордом тем временем расставлял для них стулья вокруг стола.

Судя по всему, лорд Форховиц только что вернулся с Комарры. Ему было чуть за шестьдесят – самый молодой из этих четырех – но тем не менее за плечами у него была блестящая карьера. Солдат, дипломат, посол, заместитель министра финансов. Для Дува Галени – достойный образец для подражания. Хладнокровный, высокий, утонченный – эталон современного фор-лорда. В руке Форховиц держал дискету с докладом Майлза.

Доктор Фортиц – один из двух недавно назначенных Грегором Аудиторов – не имел военного прошлого. Почетный профессор Университета Форбарр-Султана, он занимался анализом инженерных неполадок и написал по этому вопросу немало трудов. Он и выглядел как типичный профессор – полный, седовласый, улыбчивый, круглощекий, с аристократическим носом и большими ушами. С его приходом в команде Имперских Аудиторов появился человек, обладающий познаниями в технике. Впрочем, Аудиторы, как правило, не работали командой.

Лорд Ван Форгуставсон, который беседовал сейчас с Фортицем, был вторым гражданским Аудитором. Бывший промышленник и известный филантроп, маленький, толстенький, с седоватой бородкой и розовым лицом холерика, вызывавшим опасения по поводу состояния его сосудистой системы. Самый неподкупный – с финансовой точки зрения – из всех Аудиторов Грегора. Он спокойно швырялся такими суммами, каких обычный человек не видел за всю свою жизнь. Но по внешнему виду трудно было догадаться о его богатстве – одевался он, как работяга. Если, конечно, существуют работяги с таким отсутствием вкуса.

Адмирал Форкаллонер являл собой более традиционный тип Аудитора. Он вышел в отставку после долгой и успешной военной карьеры. Придерживался нейтральных взглядов, никогда не примыкал ни к одной партии. Высокий и тучный, он, казалось, занимал много места.

Прежде чем сесть, он сердечно кивнул Майлзу:

– Доброе утро. Значит, вы – сын Эйрела Форкосигана?

– Да, сэр, – вздохнул Майлз.

– Не часто мне доводилось видеть вас последние десять лет. Теперь я знаю почему.

Увидев их всех вместе, Майлз еще более остро почувствовал, какие они все необычные, эти Аудиторы. С огромным опытом, неподкупные, честные, вне или выше всяческих норм. Они более чем огнеупорны, они – пожарные Грегора.

Форховиц уселся слева от императора.

– Итак, каково ваше мнение, господа? – спросил Грегор.

– Это, – Форховиц, наклонившись, положил дискету с аудиторским докладом Майлза на комм, – поразительный документ, Грегор.

– Да, – подключился Фортиц. – Четкий, связный и полный. Ты знаешь, насколько это редко бывает? Мои поздравления, молодой человек.

«Я получил хороший балл, профессор?»

– Меня учил Саймон Иллиан. Он не очень-то жаловал, когда льют воду. Если ему не нравились мои доклады, он отсылал их обратно для переделки. Думаю, у него это было что-то вроде хобби. Я всегда мог сказать, когда в штаб-квартире СБ выдавалась действительно веселая неделя. Десять лет таких тренировок – и ты обучишься делать, как надо, с первого раза.

Форкаллонер улыбнулся.

– Старина Форсмит, – заметил он, – обычно присылал написанные от руки листочки. Не больше двух. Говорил, что все действительно важное всегда можно изложить на двух страницах.

– Почерк у него совсем неразборчивый, – пробормотал Грегор.

– Нам приходилось самим ходить к нему и вытягивать комментарии. Это раздражало, – добавил Форкаллонер.

Форховиц, указав на дискету, обратился к Майлзу:

– Вы практически не оставили работы военному прокурору.

– Вообще не оставил, – сказал Грегор. – Аллегре доложил мне вчера вечером, что Гарош сдался и собирается признать себя виновным, надеясь получить таким образом снисхождение. Ну, вряд ли он мог, признавшись Нам, отказаться от своих показаний и отстаивать свою невиновность перед Верховным трибуналом.

– Не знаю, чего-чего, а наглости у него хватает, – заметил Майлз. – Но я рад слышать, что дело не затянется.

– Это дело действительно необычное, – продолжил Форховиц. – Я, когда впервые услышал о срыве Иллиана, подумал было, что что-то не так. Но я не смог бы восстановить события так, как это сделали вы, лорд Форкосиган.

– Уверен, что вы восстановили бы их каким-нибудь иным способом, сэр, – ответил Майлз.

– Нет, – возразил Форховиц. Он постучал пальцем по дискете. – Насколько я понимаю, критический момент наступил тогда, когда вы притащили этого галактического биохимика, доктора Уэдделла. Именно с этого момента планы Гароша пошли насмарку. Я понятия не имел о существовании Уэдделла и предоставил бы разбираться с чипом команде Авакли.

– Авакли – хороший специалист, – ответил Майлз. – Он бы сделал все, что мог.

– Мы, – Форховиц обвел рукой всех присутствующих Аудиторов, – не часто работаем вместе. Но мы постоянно консультируемся друг с другом. Это увеличивает наш потенциал в пять раз.

– В пять? Я думал, вас семеро.

Форховиц едва заметно улыбнулся.

– Мы считаем генерала Форпарадиса своего рода Почетным Аудитором. Уважаемым, безусловно. Но мы больше не приглашаем его на совещания.

– Вообще-то, – пробормотал Форгуставсон, – мы ему о них даже не говорим.

– А адмирал Валентайн последние несколько лет слишком слаб, чтобы активно участвовать в нашей деятельности, – добавил Форховиц. – Я бы вынудил его уйти в отставку, но пока место покойного генерала Форсмита вакантно, нам нет необходимости

просить его уйти.

Майлз совсем забыл, что восьмой Аудитор, генерал Форсмит, умер уже два года назад. Место девятого Аудитора, которое недолго занимал Майлз, обычно оставляли для временных Аудиторов. Экспертов в определенной области, привлекаемых к этой работе, если того требовала Империя, и освобождаемых от нее по выполнению.

– Так что мы четверо, – продолжил Форховиц, – являемся в некотором роде кворумом. Форлеснер не смог прибыть, он сидит на Южном континенте, но я его известил.

– Итак, милорды, – произнес Грегор, – что вы Нам посоветуете?

Форховиц оглядел коллег, которые согласно кивнули, и решительно поджал губы.

– Он подходит, Грегор.

– Благодарю вас. – Грегор повернулся к Майлзу. – Мы недавно обсуждали проблему работы. Так получилось, что на этой неделе у меня еще есть вакансия восьмого Аудитора. Хочешь?

Майлз постарался не выдать своего потрясения.

– Это… постоянная должность, Грегор. Аудиторы назначаются пожизненно. Ты уверен?..

– Не обязательно пожизненно. Они могут уйти в отставку, их могут уволить, подвергнуть импичменту, убить.

– А не слишком я молод? – А он-то только что чувствовал себя таким старым…

– Если вы примете этот пост, – улыбнулся Форховиц, – то станете самым молодым Аудитором за всю историю с окончания Периода Изоляции. Я проверил.

– Генерал Форпарадис… будет, безусловно, возражать. – «Черт, да Форпарадис считает меня мутантом!»

– Генерал Форпарадис, – хмыкнул Форховиц, – считал, что я слишком молод для этого, а мне было пятьдесят восемь, когда я стал Аудитором. Теперь он обратит свое недовольство на вас. Мне не будет скучно без его внимания. А помимо уникального десятилетнего опыта работы в Службе безопасности, у вас уже сейчас больше галактического опыта, чем у троих из нас, вместе взятых, причем в любом порядке. Опыта весьма специфического, но очень обширного. Это станет существенным добавлением к нашей совместной базе данных.

– А вы читали… э-э-э… мое досье?

– Генерал Аллегре был настолько любезен, что передал нам копии несколько дней назад. – Взгляд Форховица скользнул по груди Майлза и украшавшим ее рекомендациям. К счастью, СБ не вручала медалей за проступки.

– Тогда вам должно быть известно… о маленькой проблеме с моим последним оперативным докладом. Большой проблеме, – поправился Майлз. Он поискал на лице Форховица какую-нибудь реакцию. Лицо его было серьезным, но Майлз не прочел там никаких признаков недовольства. Он что, не знает? Майлз оглядел всех Аудиторов. – Я чуть было не убил во время припадка имперского курьера. Иллиан выгнал меня за то, что я ему солгал.

Вот. Четко, ясно и правдиво – насколько это возможно.

– Да. Вчера мы с Грегором обсуждали это несколько часов. Шеф Иллиан тоже присутствовал. – Форховиц, сощурившись, посмотрел на Майлза. – Учитывая причины, по которым вы сфальсифицировали тот доклад, что помешало вам принять предложенную Гарошем взятку? Могу гарантировать, что никто никогда бы об этом не догадался.

– Гарош бы знал. Галени знал. И я знал. Двое могут хранить секрет, если один из них мертв. Трое – никогда.

– Вы, безусловно, пережили бы капитана Галени и, возможно, пережили бы Гароша. Так что же?

Майлз резко выдохнул и медленно проговорил:

– Кто-то, возможно, и выжил бы. Кто-то с моим именем и моим телом. Но не я. Это был бы человек… который мне… не очень нравился.

– Вы себя высоко цените, не так ли, лорд Форкосиган?

– Научился, – нехотя признал Майлз.

– Тогда, наверное, будем и мы. – Форховиц откинулся назад. На его губах играла странная удовлетворенная улыбка.

– Имей в виду, – заметил Грегор, – что, как самый младший, ты наверняка будешь получать самые паршивые задания.

– Это точно, – пробормотал Форховиц. Глаза его заблестели нехорошим блеском. – Будет очень приятно передать это место кому-то более… э-э-э… активному.

– Каждое задание, – продолжил Грегор, – может быть абсолютно не связано с предыдущим. Это непредсказуемо. Тебе придется либо тонуть, либо выплывать.

– Но не совсем без поддержки, – улыбнулся Фортиц. – Все Аудиторы при необходимости будут помогать вам советом.

Почему-то Майлз вдруг живо представил всех Аудиторов, которые сидят на пляже. В руках у них бокалы с фруктом на маленькой палочке. Он, Майлз, отчаянно барахтается в воде, а Аудиторы, обсуждая его стиль плавания, советуют, как лучше плыть.

– Это… не та награда, о которой я хотел просить, когда пришел, – признался Майлз, чувствуя себя ужасно неловко. Люди никогда не следуют твоему сценарию. Никогда.

– А какую ты хотел? – терпеливо поинтересовался Грегор.

– Я хотел… Я понимаю, что это звучит по-идиотски… Я хотел уйти в запас не лейтенантом, а капитаном. Я знаю, что повышения после отставки даются в знак признания особых заслуг, обычно с целью повышения пенсии. Деньги мне не нужны. Я хочу только звание. – Ну, вот он и высказался. И это действительно прозвучало по-идиотски. Но это правда. – Это болячка, которую я никак не мог содрать.

Он всегда хотел получить капитана, как положено, за заслуги, а не как что-то выпрошенное, как милость. Но не желал он также и всю оставшуюся жизнь представляться в обществе военных как лейтенант.

И тут до Майлза запоздало дошло, что это предложение Грегора не было рассчитанной на отказ вежливостью. Грегор и эти серьезные люди совещались почти неделю. «Я им действительно нужен. Им всем, не только Грегору. Как странно». Но это означает, что у него есть еще один козырь.

– Большинство других Аудиторов со… – он прикусил язык, чуть не ляпнув привычное «солидные», – отставные офицеры в высоких чинах, адмиралы и генералы.

– Но ты и есть отставной адмирал, Майлз, – весело заметил Грегор. – Адмирал Нейсмит.

– А! – Майлз еще не думал об этом с такой позиции. Это его остановило прямо на скаку. – Но… это же не официально. Не на Барраяре. А важность аудиторского поста требует как минимум капитанства для придания веса, ты так не считаешь?

– А он настойчивый, верно? – отметил Форховиц.

– До упора, – согласился Грегор. – Как и предсказывалось. Хорошо, Майлз. Позволь мне вылечить твою болячку. – Волшебный императорский палец указал на Майлза. – Поздравляю. Отныне ты капитан. Мой секретарь проследит, чтобы необходимые изменения были внесены в твое досье. Ты удовлетворен?

– Целиком и полностью, Сир. – Майлз с трудом сдержал счастливую улыбку. Да, по сравнению с тем, как он долгие годы рисовал себе эту процедуру, все оказалось куда как проще. Но жаловаться он не собирался. – Больше мне ничего не надо.

– Но мне надо, – непреклонно заявил Грегор. – Задачи, стоящие перед моими Аудиторами, за редким исключением рутинными не бывают. Я посылаю их только тогда, когда обычные способы себя исчерпали, когда правила не срабатывают или их вообще нет как таковых. Они имеют дело с непредвиденным.

– Со сложным, – добавил Фортиц.

– С тем, чего никто другой не смеет коснуться, – вставил Форховиц.

– С очень и очень странным, – вздохнул Форгуставсон.

– А иногда, – продолжил Грегор, – как Аудитор, доказавший измену генерала Гароша,

они разряжают кризисы, смертельно опасные для будущего Империи. Принимаете ли вы пост восьмого Аудитора, лорд Форкосиган?

Официальная присяга будет потом. И торжественная церемония. Но момент истины настал сейчас.

Майлз сделал глубокий вдох.

– Да!

Операция по вживлению чипа-контроллера оказалась не такой длинной и страшной, как он ожидал. Ченко, уже успевший привыкнуть к параноидальному взгляду на мир своего звездного пациента, не стал его усыплять и позволил наблюдать за операцией, расположив монитор так, чтобы Майлз мог все видеть. На следующее утро ему разрешили встать и пойти домой.

Два дня спустя они встретились с Ченко в лаборатории для последней проверки.

– Хотите проделать все сами, милорд? – спросил врач Майлза.

– Да, если не возражаете. Мне все равно нужно привыкать.

– Я бы не рекомендовал вам делать это самому. Особенно вначале. Вам необходим помощник.

Доктор Ченко протянул ему новый загубник и активатор. Аппаратик прекрасно умещался в ладони. Майлз лег на стол, проверил активатор в последний раз, прижал его к правому виску и включил.

Цветные конфетти.

Тьма.

Он распахнул глаза.

– Пфе! – Он подвигал челюстями и выплюнул загубник.

Ченко, радостно подпрыгивая, подобрал загубник и положил руку Майлзу на грудь, заставив его лечь.

– Погодите, лорд Форкосиган. Нам нужно еще кое-что измерить.

Ченко с медтехниками засуетились у аппаратуры. Доктор что-то бормотал себе под нос. Майлз посчитал это добрым знаком.

– Вы закодировали сигналы, как я вас просил? Мне бы не хотелось, чтобы эта чертова штуковина случайно сработала, когда я прохожу через сканирующее устройство или что-то в этом роде.

– Да, милорд. Ничто не может запустить чип, кроме активатора, – заверил его Ченко.

– Если я вдруг ударюсь головой, ну, скажем, при аварии флайера, нет никаких шансов, что эта штука включится и уже не выключится?

– Нет, милорд, – терпеливо ответил Ченко. – Если уж вы получите такую травму, которая повредит этот чип, вам уже не о чем будет беспокоиться.

– Прекрасно.

– Хм, хм, – напевал Ченко, заканчивая возиться с мониторами. – Да. Да. Ваш припадок длился вдвое меньше, чем неконтролируемые. И конвульсии не такие сильные. Головная боль тоже должна уменьшиться. Постарайтесь проследить за ней в последующий цикл и сообщить мне о результатах. Да. Это должно войти в привычку, как чистить зубы. Проверяйте данные каждый день в одно и то же время, скажем, вечером перед отходом ко сну, но прежде чем показатели превысят три четверти, запускайте чип.

– Хорошо, доктор. Я могу летать?

– Завтра.

– А почему не сегодня?

– Завтра, – повторил решительно Ченко. – После того, как я еще раз вас осмотрю. Потерпите, будьте добры, милорд.

– Похоже… придется.

– Я не стал бы с этим спорить, – пробормотал Ченко себе под нос. Майлз сделал вид, что не расслышал.

Леди Элис, подстегиваемая Грегором, назначила официальную церемонию императорской помолвки на самое начало Зимнепраздника.

За день до церемонии на Форбарр-Султан обрушилась такая метель, что парализовала работу всех коммерческих космопортов и сильно снизила активность военных, задержав на орбите вице-короля Зергияра. Метель хлестала по окнам особняка Форкосиганов, наметая сугробы чуть ли не до второго этажа. Было решено, что вице-король граф Форкосиган не будет приземляться до следующего утра, а по прибытии немедленно отправится в Императорский дворец.

Майлз отказался от мысли отправиться на церемонию на своем флайере и решил поехать с графиней на машине. Гениальная идея выставить всех за дверь пораньше потерпела крах в самом начале, когда, открыв свой платяной шкаф, Майлз обнаружил, что кошка Царапка, просочившись с помощью сердобольной кухарки в особняк Форкосиганов, устроила себе гнездо среди его сапог и упавших вещей. Где и родила котят. Шесть штук.

Царапка оставила без внимания его угрозы о возмездии за нападение на Имперского Аудитора. Она шипела и царапалась в своей обычной шизофренической манере. Набравшись храбрости, Майлз утащил свои лучшие сапоги и мундир Форкосиганов, что стоило ему нескольких капель форской крови, и срочно отправил их Пиму – почистить. Графиня, весьма довольная тем, что ее империя увеличилась, примчалась к Царапке, предусмотрительно прихватив поднос с кошачьими лакомствами от матушки Кости. Майлз не возражал бы съесть их и сам. Однако ему пришлось сойти вниз, на кухню, где он и получил свою порцию. Графиня уселась на пол и копалась в шкафу добрых полчаса. Она не только не получила ни одной царапины, но даже ухитрилась вытащить всех котят, осмотреть их, определить пол и каждому дать имя.

Наконец караван из трех машин отъехал от особняка Форкосиганов, продираясь сквозь кружащиеся снежинки. Объезжая перекрытые улицы, они перебрались через сугробы и подъехали к металлическим воротам Императорского дворца, где целый взвод охраны и столько же слуг отчаянно работали лопатами, расчищая путь. Ветер, по-прежнему неприятный, дул уже не так свирепо, как ночью, да и небо слегка посветлело.

Они были не единственными опоздавшими. Министры с женами, высокопоставленные офицеры – тоже с женами, графы и графини… Гости все прибывали и прибывали. Те, кому повезло, приехали со сверкающими и сияющими оруженосцами, кому не так повезло – с расхристанными, помятыми и промерзшими оруженосцами. К счастью, большинство знатных комаррцев, включая родителей Лаисы, прибыли заранее, и их разместили в гостевом крыле дворца.

Леди Элис уже столько нахлебалась, устраивая брачные дела Грегора, что ничто не могло поколебать ее мрачного и обреченного спокойствия. Лицо ее просветлело, когда она увидела графиню Форкосиган с Майлзом, а когда к ним присоединился весь занесенный снегом вице-король граф Эйрел Форкосиган, леди Элис просто засияла от радости.

Граф так нежно обнял графиню, что можно было подумать, будто прошел целый год с тех пор, как графиня улетела с Зергияра.

– Думаю, – сказал он жене, чуть отодвинув ее от себя и пожирая глазами, – метеоролог Грегора прошел практику на острове Кайрил.

– Он, правда, сказал, что будет снег, – ухмыльнулся Майлз. – Только не уточнил, в каких количествах. Боюсь, на него оказали давление, чтобы он дал оптимистический прогноз.

– Привет, мальчик! – На людях они лишь обменялись крепким рукопожатием, но граф исхитрился сделать его ласковым. – Ты неплохо выглядишь. Нам необходимо поговорить.

– По-моему, леди Элис желает получить вас первой, сэр…

Леди Элис спускалась по ступеням, ее тяжелое вечернее синее платье развевалось на ходу.

– О, Эйрел, наконец-то. Грегор ждет в Зеркальном зале. Пошли, пошли…

Она провела наверх троих Форкосиганов и пропустила их вперед на встречу с традицией, на добрый час позже намеченного срока.

Учитывая огромное количество приглашенных, церемонию проводили в самом большом бальном зале. Невеста и ее гости выстроились вдоль одной стены, а жених со своими гостями – вдоль другой. Лаиса выглядела весьма элегантно в комаррских пиджаке и брюках.

Лаиса явно унаследовала телосложение от отца – невысокого, пухленького мужчины, а молочно-белую кожу – от матери. Леди Элис, естественно, была свахой. Майлз – свидетелем. Эйрел и Корделия стояли рядом с Грегором – его приемные родители.

Некоторые подарки были явно символические – деньги в красивой упаковке от родителей невесты, куча всякой снеди от родителей жениха, включая мешок разноцветной крупы, перевязанный серебряной ленточкой, и бутылки кленовой медовухи. Отделанное серебром седло несколько озадачивало, поскольку прибыло без лошади. Майлз с удовольствием отметил, что острый нож, который должна была вручить мать невесты как признак чистоты крови, отсутствовал.

Следующей по традиции церемонией было чтение «Наставлений невесте» – задача, павшая на плечи Майлза как свидетеля Грегора. «Наставления жениху» не предусматривались. Майлз вышел вперед, развернул пергамент и начал читать размеренно и спокойно, как всегда, когда объяснял задачу дендарийцам.

Когда Майлз отступил назад, невеста с женихом соединили руки в завершающем церемониальном жесте и обменялись кольцами.

«Если ты думаешь, что это – цирк, то подожди до свадьбы…»

А потом началось празднование.

Грегор первым вцепился в графа Эйрела, поэтому Майлз удалился к буфету. Там он повстречал Айвена, блистательного и великолепного в парадном красно-синем мундире. Айвен наполнял всего одну тарелку.

– Привет, братец – Лорд Аудитор, – сказал Айвен. – Где твои золотые вериги?

– Я получу их на следующей неделе. Я должен принести присягу на совместном заседании Совета графов и Совета Министров.

– Слушок уже пошел. Многие уже спрашивают меня о твоем назначении.

– Если будут сильно доставать, пошли их к Форховицу или Форкаллонеру. Хотя нет, лучше к Форпарадису. Ты привел сегодня партнершу на танцы, а то мне некого пригласить?

Айвен скривился, огляделся вокруг и тихо ответил:

– Я попытался сделать кое-что получше. Предложил Делии Куделке выйти за меня замуж.

«Дальнейшее понятно, но в конце концов это же Айвен».

– Так я и думал, что это заразно. Поздравляю! – произнес он с наигранной сердечностью. – Твоя матушка, должно быть, в экстазе.

– Нет.

– Как это нет? Разве ей не нравятся девочки Куделки?

– Не в том дело. Делия мне отказала. Впервые в жизни я сделал предложение и – паф! – Айвен казался весьма возмущенным.

– Она не согласилась выйти за тебя, Айвен? Какой сюрприз!

Айвен подозрительно глянул на кузена.

– И все, что моя мать сказала по этому поводу, было: «Очень плохо, дорогой. Я же говорила тебе, не тяни так долго». И ушла искать Иллиана. Я видел их пару минут назад, они укрылись в алькове. Иллиан массировал ей шею. Совсем сдурела.

– Ну, она ведь правда тебе говорила. Миллион раз. Она знала демографический расклад.

– Делия сказала, что выходит за Дува Галени! Проклятый комаррский… хм…

– Соперник? – услужливо подсказал Майлз.

– Ты знал!

– Да. Не расстраивайся, тебе по нраву спокойная и беззаботная холостяцкая жизнь.

– Сам такой! – рявкнул Айвен.

– А я не очень-то и рассчитывал, – мрачно улыбнулся Майлз. Пожалуй, хватит поддевать Айвена на эту тему. – Ты можешь попробовать еще раз. С Марсией, например.

Айвен зарычал.

– Что, два отказа в… Ты ведь не сделал сестрам предложения в один и тот же день, а, Айвен?

– Я запаниковал.

– И… за кого же выходит Марсия?

– За кого угодно, только не за меня.

– Да? А… Хм… ты не видел, куда Куделки пошли?

– Коммодор только что был тут. Сейчас, наверное, пошел с твоим па. А девушки будут в бальном зале, как только заиграет музыка.

– А! – Майлз уже было направился в зал, но вдруг, обернувшись, спросил: – Хочешь котенка?

Айвен ошарашенно уставился на него.

– А за каким чертом мне котенок?

– Он внесет радость в твою холостяцкую жизнь. Составит тебе компанию долгими одинокими ночами.

– Иди ты, братец – лорд Аудитор!

Майлз, ухмыльнувшись, удалился.

Он обнаружил семейство Куделка в бальном зале, в самом дальнем углу. Все сестры, кроме Карен, еще не вернувшейся с Колонии Бета. Как ему сообщили, Карен собирается приехать летом к императорской свадьбе. Лорд Марк тоже намеревался пожаловать к свадьбе. Капитан Галени о чем-то серьезно беседовал со своим будущим тестем. Рядом с ним стояла Делия в платье любимых ею голубых тонов. По зрелому размышлению Галени решил не подавать в отставку. К величайшему облегчению Майлза, до которого дошли слухи, что Галени уже выдвинули на пост начальника департамента по делам Комарры.

Мадам Куделка благосклонно взирала на будущего зятя. Сестер четверо, значит, Галени своей женитьбой приобретет немалые связи, которыми обладает один из самых ведущих барраярских кланов… Интересно, предупредил ли кто-нибудь Дува, что он рискует в скором времени получить в свояки Марка, клон-брата Майлза? Если нет, то хотел бы Майлз присутствовать при этом известии и полюбоваться на физиономию Дува.

Низкий бархатный баритон за его спиной произнес:

– Поздравляю с повышением, сэр.

Расплывшись в улыбке, Майлз повернулся приветствовать своего отца.

– С которым из двух, сэр?

– Должен признаться, – сказал вице-король граф Эйрел Форкосиган, – что имел в виду назначение Имперским Аудитором, но, как я понял со слов Грегора, ты умудрился втиснуть туда и капитанское звание. Об этом ты не говорил.

– Если не можешь делать то, что хочешь, делай то, что можешь. Или как можешь. Звание капитана… довершало что-то для меня.

– Я рад, что ты дорос наконец до самого себя. Значит, с годами не теряешь инерции, мой мальчик?

– Кажется, нет. – Майлз прищурился. Вновь обретенное спокойствие было на месте, но совсем не давило. – Форховиц утверждает, что я самый молодой Имперский Аудитор с Периода Изоляции. Насколько я понимаю, ты этого поста ни разу не занимал.

– Нет. Как-то вот умудрился упустить. Твой дед тоже его никогда не занимал. И прадед. Вообще-то… нужно будет уточнить, но, мне кажется, ни один Форкосиган не был Имперским Аудитором.

– Я проверил. Ни один. Я первый, – самодовольно сказал Майлз. – Я беспрецедентен.

– Это не новость, Майлз, – улыбнулся граф.

Глава 29

Майлз стоял у таможни на самой большой пересадочной орбитальной станции Комарры. «Пахнет, как на космической станции, это точно». Не самый приятный запах – машинное масло, электроника, пот… Никакие фильтры не помогут против этого амбре. Но все это – знакомое, родное, близкое. Очень ностальгический запах.

Станция – одна из дюжины орбитальных систем, вращающихся около наполовину пригодной для жизни планеты. Еще три, более отдаленные, кружились вокруг слабой звезды. Все они обслуживали шесть п-в-туннелей и потому являлись одновременно и военными и коммерческими. Отсюда грузы, пассажиры, военные отправлялись на Барраяр, на Пол, Ступицу Хеджена, Зергияр, Эскобар… Да еще и оживившаяся торговля с Ро Кита. Местные таможенные пошлины вносили немалый вклад в казну Барраярской империи. Все это – часть Барраяра. Не забыть бы сказать об этом Элли Куин.

Куин на Комарре должно понравиться. Закрытые куполами города должны напоминать ей родину – космическую станцию. Впрочем, обязанности лорда Форкосигана вынуждают его жить в Форбарр-Султане. Но можно ведь иметь второе жилище на одной из местных орбитальных станций. Такую крохотную космическую дачу…

Вчера он проводил графа с графиней, улетевших обратно на Зергияр. Майлз прилетел с ними на правительственном курьерском корабле. За пять дней в замкнутом и относительно спокойном пространстве прыжкового корабля они успели наконец поговорить. Воспользовавшись случаем, Майлз выпросил у отца личного оруженосца, старого доброго Пима. Графиня поворчала, что в обмен неплохо бы отдать матушку Кости, но Майлз свою кухарку отстоял.

Толпа на выходе с таможенного контроля увеличилась. Пассажиры, обремененные лишь ручной кладью, устремились к пересадочным туннелям. Майлз встал на цыпочки, но это мало помогло. Добрых девять десятых толпы уже успело рассосаться, когда в проходе появилась Куин, одетая по комаррской моде в белый шелковый блузон и брюки. Наряд очень шел к ее темным кудрям и сияющим карим глазам. Впрочем, Куин в любом наряде выглядела потрясающе, даже в драном, перемазанном грязью комбинезоне.

Она тоже оглядывалась в поисках Майлза и издала радостное «Хе!», увидев, как он машет рукой из-за чьих-то спин. Элли быстро направилась к нему, кинула на пол серую сумку, которую несла на плече, и бросилась ему в объятия. «Куин, моя Куин». После доброй дюжины поцелуев они отодвинулись друг от друга ровно настолько, чтобы можно было разговаривать.

– Так почему ты попросил меня привезти все твое барахло? – подозрительно поинтересовалась она. – Мне это совсем не нравится.

– А ты привезла?

– Да. Оно на таможне. Эти ребята совсем ошалели при виде содержимого, особенно оружия. Мне надоело с ними спорить. Ты у нас – барраярец, вот ты с ними и разбирайся.

– Пим, – Майлз подозвал оруженосца. – Возьмите у командора Куин квитанции и спасите мою собственность от нашей бюрократии, будьте добры. Переадресуйте все в особняк Форкосиганов и отправьте грузовым кораблем. Потом возвращайтесь в гостиницу.

– Слушаюсь, милорд. – Пим взял документы и пошел на таможню.

– И это весь твой багаж? – Майлз кивнул на сумку.

– Как всегда.

– Тогда – в гостиницу. Она очень ничего. – На самом деле лучшая на всей станции, класса люкс. – Я… э-э-э… снял нам на ночь апартаменты.

– Надеюсь.

– Ты ужинала?

– Нет.

– Отлично, я тоже.

Они дошли до ближайшего транспортного терминала и уже через несколько минут были на месте. Интерьер гостиницы был весьма элегантным, широкие коридоры устланы толстыми мягкими коврами, персонал – любезный и вышколенный. Апартаменты – вполне просторные, то есть подходящие для целей Майлза.

– Твой генерал Аллегре очень щедр, – заметила Элли, разбирая свой багаж после краткого ознакомления с сибаритской ванной. – Возможно, мне понравится на него работать.

– Думаю, понравится, но этот номер я оплачиваю из собственного кармана. Мне хотелось побыть с тобой в каком-нибудь спокойном месте, чтобы мы могли поговорить, прежде чем ты завтра встретишься с Аллегре и шефом департамента по делам галактики.

– Тогда… я не совсем понимаю, что происходит. Вдруг получаю от тебя вшивое послание, где ты выглядишь как зомби и бормочешь о том, что Иллиан застукал тебя с этим подделанным докладом о бедолаге Форберге. А я тебя предупреждала! Потом – полная тишина, ни ответа ни привета! А затем я получаю сообщение, где ты радостно чирикаешь, что у тебя уже все хорошо, и перестаю понимать вообще что бы то ни было. Следом – предписание срочно прибыть с докладом на Комарру, причем никаких объяснений, никакого намека на новое задание, за исключением приписки от тебя с просьбой прихватить все твое барахло, а оплату за багаж включить в счет СБ. Ты вернулся на службу в Имперскую безопасность или нет?

– Нет. Здесь я в роли консультанта, чтобы познакомить тебя с твоими новыми боссами. Теперь у меня… э-э-э… другая работа.

– Я действительно ничего не понимаю. Твои сообщения, как всегда, таинственны…

– Трудно отправлять любовные послания, когда знаешь, что все проверяется цензорами СБ.

– Да, но на сей раз они были вовсе не понятны. Что с тобой происходит? – В ее голосе чувствовался такой же подавляемый страх, какой испытывал сам Майлз. «Неужели я тебя теряю?» Нет, не страх. Уверенность.

– Я попытался пару раз составить послание, но… все было слишком сложно и совсем не то, что мне бы хотелось отправлять по лучу. А отредактированная версия больше походила на белиберду. К тому же мне все равно нужно было увидеть тебя лично. Это длинная история, в основном засекреченная. Факт, который я намерен полностью игнорировать. Я это могу, ты же знаешь. Хочешь спуститься вниз поужинать, или заказать ужин в номер?

– В номер. И объяснения, Майлз, – раздраженно ответила она.

Он временно отвлек ее от разговора, предложив обширное меню. Ему надо было собраться с мыслями. Толку от этого оказалось не больше, чем от предыдущих раздумий, на которые он убил несколько недель, готовясь к сегодняшнему разговору.

Они сделали заказ и уселись рядом на маленькой кушетке, глядя друг на друга.

– Чтобы объяснить тебе насчет моей новой работы, я сперва должен рассказать, каким образом я ее получил и почему Иллиан больше не возглавляет Имперскую безопасность… – И Майлз рассказал ей все, начиная с иллиановского срыва, попутно поведав о Лаисе и Дуве Галени, все больше и больше возбуждаясь, размахивая руками и вышагивая по комнате. Рассказал о своем лечении. О предложенной Грегором работе. Все, как было, во всех подробностях. Он не знал, как рассказать о путешествии внутрь самого себя. В конце концов, Элли ведь не барраярка. Она напряженно слушала его, одновременно обдумывая услышанное.

«Да, любимая, нам обоим надо подумать, прежде чем мы поговорим с тобой сегодня ночью».

Она не произнесла ни слова, пока слуга, принесший ужин, не расставил его на столе и не ушел.

Да и потом заговорила не сразу, а лишь съев пару кусков. Может, ей тоже все кажется безвкусным, как и ему?

А когда Элли заговорила, то ровным, нейтральным тоном:

– Имперский Аудитор… звучит вроде бухгалтера. Это не ты, Майлз.

– Теперь я. Я принял присягу. Это один из барраярских терминов, который означает совсем не то, что ты думаешь. Не знаю… Имперский Агент? Чрезвычайный Прокурор? Чрезвычайный Посол? Генеральный Инспектор? Это одновременно и все выше перечисленное, и ни одно из них. Это то… то, что нужно в данный момент Грегору. Практически неограниченное… Я даже передать тебе не могу, насколько мне это подходит.

– Ты раньше никогда об этом не упоминал как об одном из твоих стремлений.

– Потому что даже представить себе не мог, что такое возможно. Но эта не та работа, которую обычно представляют тому, кто к ней стремится. Желать – да, но никак не стремиться. Для нее требуется… бесстрастие, а не страсть, даже относительно себя самого.

Элли, нахмурившись, молчала целую минуту. Наконец, явно собрав все свое мужество, она задала прямой вопрос:

– А где во всем этом место мне? Нам? Означает ли это, что ты больше никогда не вернешься к дендарийцам? Майлз, я ведь могу больше никогда тебя не увидеть. – Голос ее чуть дрогнул.

– Это… одна из причин, по которой я хотел сегодня поговорить с тобой наедине, до того, как завертятся завтрашние дела. – Теперь настал его черед замолчать. – Понимаешь, если ты… если ты останешься здесь… если ты станешь леди Форкосиган, то сможешь быть со мной все время.

– Нет… – Забытая еда давно бы остыла, если бы не стояла на автоподогреве. – Все это время я бы была с лордом Форкосиганом. Не с тобой, Майлз. Не с адмиралом Нейсмитом.

– Адмирал Нейсмит – всего лишь моя выдумка, Элли, – ласково ответил он. – Мое личное изобретение. Полагаю, я довольно-таки эгоистичный актер, потому что я рад, что тебе понравилось. В конце концов я ведь создал его из себя. Но это не весь я.

Она покачала головой:

– В последний раз ты сказал, что больше не станешь просить меня стать леди Форкосиган. Вообще-то ты говорил это каждый раз, как предлагал мне выйти замуж за лорда Форкосигана.

– Это еще один последний раз, Элли. Только теперь уже действительно последний. Я… Если честно, я должен рассказать тебе о второй части, точнее, о другом предложении. То, что последует завтра, вместе с новым контрактом для дендарийцев.

– Да черт с ним, с контрактом! Ты пытаешься поменять тему, Майлз. Что насчет нас?

– Я не могу иначе. Тут нужна полная откровенность. Завтра мы, то есть Аллегре, СБ и я, Барраяр, если тебе угодно, мы предложим тебе звание адмирала. Адмирал Куин, командующая Дендарийским Флотом Свободных Наемников. Ты станешь работать с Аллегре, в точности по той же схеме, что я работал с Иллианом.

Глаза Куин расширились, загорелись и снова потухли.

– Я не могу делать твою работу, Майлз. Я к этому совсем не готова.

– Ты уже делала мою работу. Ты вполне готова, Куин. Это я тебе говорю.

Она улыбнулась его знакомой властной интонации, которая так часто вела их всех к совершенно невозможным достижениям.

– Признаюсь… что хотела командовать. Но не так скоро и не такой ценой.

– Время пришло. Твое время. Мое. Вот так.

Элли пристально посмотрела на него, пораженная его тоном.

– Майлз… я не хочу сидеть на планете всю оставшуюся жизнь.

– Целая планета – это чертовски большое место, Элли. К тому же в Барраярской империи их три.

– Значит, в три раза хуже. – Наклонившись, она схватила его за руки и крепко сжала. – Предположим, я сделаю тебе другое предложение. Плюнь на Барраярскую империю. Дендарийский флот вполне проживет и без императорских контрактов, хотя, должна признать, благодаря тебе они всегда были очень выгодными. Флот существовал задолго до того, как Барраяр вообще возник на нашем горизонте, и будет существовать и дальше, когда

они все провалятся в свой проклятый гравитационный колодец. Мы – космонавты, нам не нужны никакие планеты. Поезжай со мной! Будь адмиралом Нейсмитом, стряхни грязь со своих сапог! Я выйду замуж за адмирала Нейсмита мгновенно, если ты этого хочешь. Мы с тобой станем такой командой, что о нас будут слагать легенды! Ты и я, Майлз, подальше отсюда!

– Я пытался, Элли. Пытался много недель. Ты и представить себе не можешь, как я пытался. Но я никогда не был наемником. Ни единой секунды.

В ее темных глазах вспыхнул гнев.

– И ты думаешь, что имеешь моральное превосходство над всеми нами?!

– Нет, – вздохнул он. – Но это делает меня Майлзом Форкосиганом. А не Майлзом Нейсмитом.

Она покачала головой. А, отказ. Точно, отказ.

– В тебе всегда было что-то, до чего я никогда не могла добраться. – Ее голос звенел от боли.

– Знаю. Я годами пытался изгнать из себя лорда Форкосигана. И не смог, даже ради тебя. Ты не можешь выбрать часть меня, Элли. Я либо все, либо ничего.

– Ты можешь быть чем тебе угодно, Майлз, и где угодно!

Он мрачно усмехнулся:

– Нет. Я обнаружил, что во многом ограничен. – Теперь уже он сжал ее ладони. – А ты, возможно, можешь выбирать. Поедем на Барраяр, Элли, и будь… Отчаянно несчастлива со мной?

Она рассмеялась:

– Это что, еще большая откровенность?

– На длинном пути другого не дано. А я думаю об очень длинном пути.

– Майлз, я не могу. То есть твой дом очень красивый для планеты, но там, внизу, такая тоска!

– Ты можешь сделать это менее тоскливым.

– Я не могу… не могу быть тем, что ты хочешь. Не могу быть твоей леди Форкосиган.

Майлз отвел взгляд, потом снова посмотрел на нее и раскрыл руки.

– Я могу дать тебе все, что у меня есть. Я не могу дать меньше.

– Но взамен ты хочешь всю меня. Адмирал Куин сгорела, а из пепла возникла… леди Форкосиган. Возрождение – не мое амплуа, Майлз. Это по твоей части. – Она беспомощно покачала головой. – Уезжай со мной.

– Останься со мной.

«Любовь побеждает не все». Наблюдая за ее внутренней борьбой, Майлз вдруг понял, что испытывал генерал Гарош. Может, Гарош тоже не получил удовольствие от своей моральной пытки. «Единственное, чем нельзя пожертвовать ради своего самого сокровенного желания…» Он крепче сжал ее ладони, желая от всего сердца не любви, а истины.

– Тогда выбери Элли. Какой бы Элли это ни окажется.

– Элли, это… адмирал Куин.

– Так я и думал.

– Тогда зачем ты со мной это делаешь!

– Потому что тебе нужно выбрать сейчас, раз и навсегда.

– Ты вынудил меня к этому!

– Совершенно верно. Я могу жить с тобой. Я могу жить без тебя, если придется. Но я не могу стоять на месте, Элли, даже ради тебя. Полная консервация не есть жизнь, Элли, это – смерть. Уж я-то знаю.

Она медленно кивнула:

– Я понимаю.

Она начала помешивать свой суп, наблюдая за тем, как он за ней наблюдает…

Они занялись любовью в последний раз, в память о прошлых временах. Это было прощание.

Потом они долго сидели молча.

– Ты рожден быть солдатом, – нарушила наконец молчание Элли. – А не каким-то… высокопоставленным бюрократом.

Майлз расстался с мыслью объяснить ей, что собой являет благородный и древний пост Имперского Аудитора.

– Чтобы стать великим полководцем, нужна великая война. Но таковой сейчас нет, во всяком случае, тут. Цетагандийцы впервые за последние десять лет успокоились. Пол не агрессивен. Да и вообще мы сейчас в прекрасных отношениях со Ступицей Хеджена. Архипелаг Джексона довольно мерзок, но они там слишком разобщены, чтобы представлять собой реальную угрозу. Самой большой опасностью в данной области галактики являемся мы, но нашу энергию поглощает Зергияр. А я не уверен, что жажду сдать себя в аренду на завоевательную войну где-нибудь в другом месте.

– А твой отец это делал. И весьма успешно.

– Успех был неоднозначен. Тебе следует повнимательнее изучить нашу историю, любовь моя. Но я – не мой отец. Мне не обязательно повторять его ошибки, я вполне могу изобрести и свои собственные.

– Ты что-то стал таким политиканом в последнее время.

– Это теперь моя епархия. Военная служба годится только тем, кто может стоять и ждать, а жизнь коротка. Если Империи когда-нибудь снова потребуются мои военные таланты, мне пришлют уведомление по комму.

Элли выгнула брови и устроилась поудобнее, взбив подушки. Майлз положил ее голову себе на грудь и начал поглаживать волосы, наматывая на пальцы завитушки. Она начала водить рукой по его телу. Майлз чувствовал, как на них нисходит спокойствие, уходит прочь напряжение и ужас. Боль сменилась грустью и меланхолией, тихой и вполне понятной.

– Так… – произнес он наконец. – Никто не говорил, что время от времени не будет возникать необходимости в очередных спасательных операциях. Напоминаю тебе как адмиралу Куин, что твое место на командном пункте. Не шляйся с боевыми подразделениями. Это недостойно старшего офицера и слишком опасно.

– Ты жуткий ханжа, любовь моя.

Майлз предусмотрительно решил с этим не спорить. Он кашлянул.

– Есть еще одна вещь, о которой я хотел тебя попросить. Об одной услуге. Это касается сержанта Тауры.

Элли напряглась.

– Что именно?

– Когда мы с ней виделись в последний раз, я заметил у нее седину. Ты знаешь, что это означает. Я тут недавно переговорил об этом со стариной Канабе, ты должна его помнить. Он говорит, что с момента начала метаболического срыва у нее будет пара месяцев, не больше, затем наступит конец. Пообещай, что дашь мне знать вовремя, причем так, чтобы она успела – с флотом, или где она там будет в этот момент – прибыть сюда, до того, как уйдет. Я… не хочу, чтобы она умирала в одиночестве. Это обещание, которое я дал себе давным-давно, и намерен его сдержать.

Элли угнездилась обратно.

– Хорошо, – серьезно ответила она и через некоторое время добавила: – Так… ты все же спал с ней?

– Хм… – Он сглотнул. – Она была еще до тебя, Элли. – И через минуту добавил: – И потом тоже. Иногда. Очень редко.

– Ха! Я так и знала!

– Ну… А ты? Был и у тебя кто-нибудь, когда я отсутствовал?

– Нет. Я была хорошей девочкой. Ха! – И добавила: – Ну а до тебя… До тебя это была другая Куин.

– Думаю, это и так понятно, но, просто на всякий случай… ты ведь понимаешь, что отныне свободна от всяких обязательств?

– С тем, чтобы ты был свободен тоже? Ты к этому ведешь? – Коснувшись его лица, она улыбнулась. – Мне не нужно, чтобы ты давал мне свободу, любовь моя. Я могу освободиться и сама, в любое время, когда захочу.

– Это как раз то, что мне всегда больше всего в тебе нравилось. – Поколебавшись, он все же спросил: – А ты захочешь захотеть?

– Ну, это уже совсем другой вопрос, не так ли? – мягко ответила она. Они долго смотрели друг на друга, а потом Элли сказала очень ласково и доброжелательно:

– Надеюсь, ты найдешь свою леди Форкосиган, Майлз. Кем бы она ни была.

– Я тоже на это надеюсь, Элли, – вздохнул он. – Хотя терпеть не могу искать.

– Лентяй, – промурлыкала она.

– И это тоже. Ты здорово меня избаловала.

– Мне следует извиниться?

– Никогда.

Последовал долгий поцелуй.

– А пока ты будешь в поиске, мы будем с тобой встречаться? Время от времени?

– Может быть… Не знаю. Если окажемся на одной и той же планете в одно и то же время. Вселенная большая.

– Так почему же я вечно наталкиваюсь на одни и те же лица?

Они предались неторопливым ласкам, не думая о времени. Нет ни будущего, ни прошлого, лишь маленький пузырек во времени, в котором есть только Элли и Майлз.

Нежась, Элли пробормотала ему в волосы:

– Как ты думаешь, твоя новая работа понравится тебе так же, как мне понравится моя?

– Начинаю подозревать, что да. Знаешь, ты ведь действительно к этому готова. Я недавно получил довольно тяжелый урок на тему, как вредно оставлять компетентных подчиненных слишком долго без повышения. Следи в этом плане за личным составом.

– А у тебя есть перспектива роста? Скажем, от Восьмого Аудитора до Первого?

– Только если доживу. Что, если подумать, вполне вероятно. Я моложе их всех на добрых три десятилетия. Но Аудиторов нумеруют просто для удобства. На самом деле они все равны. Когда встречаются, то садятся в круг. Что весьма необычно для иерархии Барраяра.

– Как Рыцари Круглого Стола, – предположила Элли.

Майлз поперхнулся от смеха.

– Если бы ты их видела… Ну, не знаю. Эти самые Рыцари Круглого Стола соревновались за почести фанатично. Именно поэтому старина Артур и придумал круглый стол, чтобы положить этому конец. А Аудиторы… не могу сказать, что лишены амбиций, иначе бы они не достигли таких высот. Превыше амбиций? Эти барраярские паладины – удивительно незаинтересованная компания. Мне не терпится узнать их получше.

Он живописно изобразил своих новых коллег.

Элли невольно улыбнулась.

– Боже мой, Майлз, я начинаю думать, что ты там хорошо впишешься.

– Тебе не доводилось чувствовать себя как дома в месте, где ты ни разу до этого не была? Это примерно то же самое. Это… очень необычно. Но вовсе не неприятно.

Она поцеловала его в лоб – благословляя. Он поцеловал ей руку – на счастье.

– Ну, раз уж ты твердо решил стать штатским, то будь хорошим бюрократом-паладином, – решительно сказала она. – Чтобы я тобой гордилась.

– Я постараюсь, Элли.

Возвращение с Комарры на Барраяр прошло спокойно. Майлз приехал в особняк Форкосиганов тихим зимним вечером и обнаружил, что там тепло и все готово к его приезду.

Он решил, что завтра пригласит на торжественный ужин Дува с Делией и остальных представителей семейства Куделка. Но сегодня он предпочел перекусить на кухне со своим оруженосцем и матушкой Кости. Его кухарка была несколько шокирована столь грубым вторжением на ее территорию. Но Майлз веселил ее до тех пор, пока она, рассмеявшись, не огрела его полотенцем. Капрал Кости, заглянув после дежурства, был накормлен по всем правилам и поиграл с котятами, жившими теперь в коробке возле плиты. Капрал с матушкой Кости сообщили Майлзу последние новости о Мартине, который служил теперь в учебке.

После ужина Майлз отправился в винный погреб и церемонно выбрал одно из самых редких и старых дедовых вин. Открыв бутылку, он обнаружил, что вино прокисло, но все равно выпил немного – чисто символически. Затем решительно вылил вино в ванну и пошел за другим, более позднего урожая.

С лучшим хрустальным бокалом в руке он уселся в невероятно удобное кресло у окна, наблюдая за танцем снежинок. Он чокнулся со своим отражением. Так за что пьем? За третью смерть адмирала Нейсмита? Первая – на Архипелаге Джексона, вторая – в кабинете Иллиана, третья и последняя – в деле с Лукасом Гарошем. Он уселся поудобнее и приготовился часок пожалеть сам себя, потягивая вино.

Но вместо этого вдруг обнаружил, что тихо смеется, откинувшись в кресле. Подавив смех, он подумал, что наконец спятил.

«Как раз наоборот».

Гарош не был чудотворцем. Не был даже учеником чародея. Он не мог ни подарить, ни отнять Нейсмита. Но Майлза до сих пор охватывала криогенная дрожь при мысли, насколько он был близок к тому, чтобы собственноручно отдать себя Гарошу.

Ничего удивительного, что он смеется. Он вовсе не оплакивает смерть. Он празднует побег.

– Я не умер. Я здесь. – Он коснулся своей испещренной шрамами груди.

Было странно и одиноко чувствовать себя единым целым. Не восходящим лордом Форкосиганом, не потерянным Нейсмитом, а чем-то цельным, единым, навсегда.

«Не слишком ли много тут народу?»

«Не очень».

Харра Журик оказалась почти права. Идя вперед, он обрел свою новую жизнь. Его улыбка стала еще шире. Его начинало очень интересовать, каким будет его будущее.